

сказки и мифы папуасов киваи

**сказки и мифы
ПАПУАСОВ КИВАИ**

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

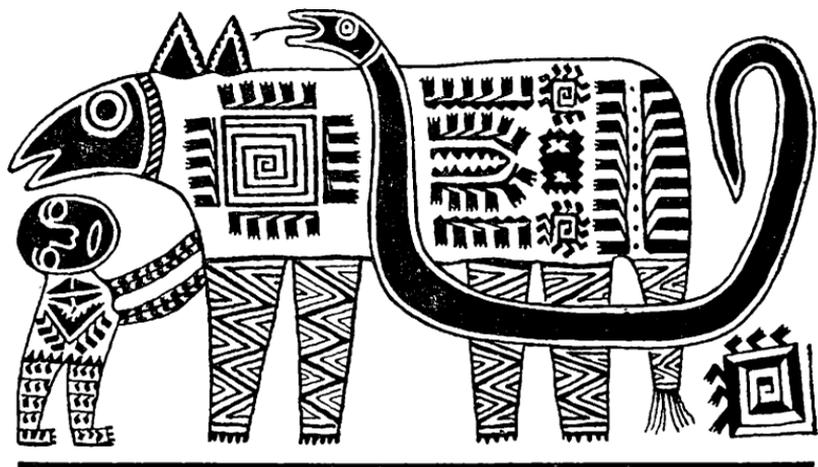

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

сказки и мифы папуасов кивай

Из собрания Г. ЛАНДТМАНА

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, перевод с английского
и пиджин инглиш и примечания
Р. Л. РЫБКИНА

Ответственный редактор и автор предисловия
Б. Н. ПУТИЛОВ

В оформлении книги использованы работы художников-оформителей
новогвинейского литературного журнала
«Kovave» (1970, № 2; 1971, № 2).

Сказки и мифы папуасов киваи (из собрания Г. Ландт-
С 42 мана). Составление, пер. с англ. и пиджин инглиш
Р. Л. Рыбкина. Отв. ред. и автор предисл. Б. Н. Путилов.
М., Главная редакция восточной литературы издательства
«Наука», 1977.

328 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Публикация повествовательного фольклора папуасов Новой
Гвинеи. Сопровождается предисловием и примечаниями. Сборник
рассчитан на взрослого читателя.

С 70304-156
013(02)-77 202-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Река Флай, одна из самых больших на Новой Гвинее, впадает в залив Папуа на западной его стороне. Низкие заболоченные ее берега покрыты густыми зарослями мангровых. В часы прилива мощный морской поток с огромной силой устремляется вверх по реке. Флай образует глубокую дельту с несколькими сравнительно крупными островами и множеством мелких. Один из них — Киваи, длиной около 50 и шириной от 3 до 6 км, получил широкую известность благодаря побывавшим там в разное время путешественникам и ученым. Жители острова и нескольких прибрежных деревень составляют одну этнографическую и языковую группу — киваи. На Новой Гвинее, где господствует этническая и языковая дробность, подобных групп (иногда их по традиции называют не вполне обоснованно племенами) известно великое множество. Впрочем, исследования недавнего времени показывают, что среди папуасов существуют более или менее крупные группы родственных племен, внутри которых отсутствуют серьезные языковые барьеры и в материальной и духовной культуре которых могут быть отчетливо выделены общие черты. Так, киваи составляют группу родственных племен, охватывающую население значительной части побережья залива Папуа¹.

Большие заслуги в этнографическом изучении киваи принадлежат финскому ученому Гуннару Ландтману (1878—1940). Сын банковского служащего, он окончил Хельсинкский университет, был учеником известного финского социолога и этнографа Эдуарда Вестермарка, затем продолжал образование в Кембридже и Оксфорде, к 1910 г. стал доктором философии и доцентом социологии. В начале 1910 г., несколько неожиданно для окружающих, по совету своего английского друга, участника

¹ См. об этом: Н. А. Бутин о в. Папуасы Новой Гвинее (хозяйство, общественный строй). М., 1968, с. 24—30. Ср. также: П. И. Пучков. Население Океании. Этнографический обзор. М., 1967, с. 61—66.

известной экспедиции на острова Торресова пролива А. С. Хэддона, Г. Ландтман отправился на Новую Гвинею. Именно Хэддон подсказал ему острова дельты реки Флай как особенно интересное для этнографических исследований место: английский ученый полагал, что это район наиболее вероятных контактов, связывавших население Торресова пролива с Новой Гвинеей. Впоследствии он именно в этом направлении интерпретировал некоторые наблюдения своего финского друга.

В дельте реки Флай Г. Ландтман провел ровно два года. За это время ему удалось довольно глубоко проникнуть в жизнь киваи и собрать громадное количество разнообразных материалов для всесторонней характеристики их материальной и духовной культуры, особенностей производства, общественного строя, семейных отношений. В Европу Ландтман привез ценнейшую коллекцию предметов быта и культуры киваи, часть которой попала впоследствии в Национальный музей Хельсинки, а основной материал — в Этнолого-археологический музей в Кембридже. Любопытна судьба рукописей Ландтмана. По пути домой его пароход потерпел крушение, и сундук с бумагами ученого оказался на дне моря. Ландтман сумел точно указать место, где произошло несчастье, и водолазу удалось вытащить сундук. Бумаги были тщательно просушены, так что практически все материалы уцелели.

Вплоть до начала 30-х годов Г. Ландтман занимался научной обработкой материалов своей двухлетней экспедиции, опубликовал ряд статей и несколько книг (главным образом по-английски), которые составили заметный вклад в этнографическую литературу о Новой Гвинее². Их отличают исключительная фактическая насыщенность, систематичность, обоснованность и надежность выводов. В своей главной монографии о киваи Г. Ландтман постарался охватить все многообразие их жизни, быта, культуры.

1

Предлагаемые читателю настоящей книги тексты составляют часть обширного собрания повествовательного фольклора киваи, записанного Г. Ландтманом. Собрание это — одно из самых крупных и интересных среди известных науке материалов по мифологии обитателей Новой Гвинеи. Особенный его интерес заключается в том, что многочисленные тексты у Г. Ландтмана сопровождаются подробными этнографическими комментариями, мифологические представления открываются перед на-

² См. например: G. Landtman. The Folk-Tales of the Kiwai Papuans. Helsingfors, 1917 («Acta Societatis Scientiarum Fennicae». T. XLVII); он же. The Kiwai Papuans of British New Guinea. A Na-

ми в их живых и достаточно сложных связях с папуасским бытом, с трудовыми процессами, с обрядово-магической практикой, с разными формами искусства. Как мы увидим, вне этих многообразных связей мифологические рассказы не могут быть в должной степени поняты. Здесь дает себя знать одна из самых существенных особенностей фольклора первобытнообщинного коллектива — его синкретический характер, единство слова, образа, сюжетики и стоящих за ними представлений о мире и обществе — и бытовой практики, производственной деятельности, культовых действий.

Г. Ландтман систематизировал свои записи по тематическим группам. Таких групп у него двадцать: «Мифическая история», «Мифические герои», «Духи мертвых», «Мифические существа», «Ухаживание и брак», «Половая жизнь», «Семья», «Рассказы о земледелии», «Культурные мифы», «Рассказы, связанные с церемониями», «Встречи и путешествия», «Приключения на охоте», «Война и распри», «Люди с необычными частями тела», «Люди, занимающиеся необыкновенными делами», «Сновидения», «Рассказы о детях», «Рассказы о животных и растениях», «Рассказы о небесных телах», «Рассказы разного содержания» («Истории о людях», «Общественные дела»).

Среди пятисот текстов, представленных в книге Г. Ландтмана, нет, конечно, жанрового единообразия. Далеко не все они могут рассматриваться как собственно мифы, т. е. как рассказы, включенные в определенную сакрально-ритуальную систему, представляющие в своей совокупности основанную на специфических принципах идеологическую форму упорядочения природы и общества и обладающие своим «языком», своими способами моделирования мира. Однако всем рассказам, как утверждает Г. Ландтман, свойственна одна общая черта: киваи верят в их достоверность, т. е. в реальность описываемого. В этом смысле из повествовательного фольклора киваи еще затруднительно выделить сказки: ведь сказкам в классической их форме присуща установка на откровенный вымысел, на осознанную недостоверность или нестрогую достоверность. Однако собранный Г. Ландтманом материал указывает на те направления, в которых развивался повествовательный фольклор. Рядом с мифами, к характеристике которых мы обратимся ниже, здесь можно встретить рассказы, лишенные сакрально-ритуальных связей и объяснительно-упорядочивающей функции; содержание их относится к различным ситуациям общественной жизни.

ture-born Instance of Rousseau's Ideal Communiti. L., 1927; он же. Ethnographical Collection from the Kiwai District of British New Guinea in the National Museum of Finland, Helsingfors (Helsinki). Helsingfors, 1933.

Рассказы, собранные в разделе «Приключения на охоте», носят характер мемуаров (Ландтман, № 327—334; см. наст. сб., № 76—81). В них могут быть вымышлены отдельные детали, кое-что преувеличено и приукрашено, но основное их содержание вполне достоверно и герои — реальные люди, некоторые из них — еще жившие в то время, когда рассказы слушал Г. Ландтман. Имена действующих лиц, места действия, вся обстановка вполне конкретны, в рассказах довольно отчетливо воспроизводятся практика охотников, их привычки, обычаи, церемонии. В ряде рассказов воссоздан трудный и опасный быт гарпунщиков, содержание рассказов составляют встречи охотников с огромными рыбами, гибель, чудесное спасение и охотничьи истории, стоящие на грани невероятного (например, о том, как огромная рыба проглотила молодого охотника и как, убив рыбу, товарищи извлекли его тело). Характерно, что охотничьи рассказы не заключают в себе семантических и художественных связей с той областью мифологии киваи, которая непосредственно была соотнесена с морем, с рыболовным промыслом и включала обширный круг представлений и ритуально-обрядовых действий. Рассказы эти — мемуаративное обобщение непосредственного практического опыта папуасов. Надо отметить довольно высокий уровень искусства рассказывания, проявляющегося в мемуаратах, своеобразные приемы сюжетосложения, определенные тенденции к циклизации. Другими словами — это не случайные рассказы, которые могли возникать однократно и тут же забываться, но определенное жанровое явление народной прозы.

Среди текстов собрания Г. Ландтмана выделяется группа рассказов, которые можно, пользуясь привычной жанровой терминологией, назвать преданиями. Большая часть их сосредоточена в разделе «Война и распри». Иногда события в них отнесены к далекому прошлому и героем выступает лицо, сохранившееся в памяти как «историческое» и вместе с тем мифологическое. Об одном таком герое говорится, например, что его звали Ауо Ота, что означало «Большое дерево»: «В старые времена люди были очень высокими, наподобие деревьев, а не такие коротышки, как теперь» (Ландтман, № 32). Главное содержание преданий — столкновения, конфликты, ссоры между локальными группами (в преданиях они выступают как тотемные группы), их взаимные вооруженные нападения. Конфликты возникают в повседневных бытовых ситуациях, поводами для них служат присвоение свиньи или кража собаки, спор из-за кокосовой пальмы, кражи на огородах и т. д. Предания очень выразительно представляют нам отношения между локальными группами, в которых большую роль играла кровная месть, описывают военные обряды и связанные с войной обычаи. В преданиях обнаруживаются элементы идеализации героических личностей, представляющих родо-племенные

коллективы. Наряду с этим появляются рассказы о мнимых героях, не выдерживающих проверки на силу и храбрость. Некий Мадо бросает вызов всем, кто желает сразиться с ним. Поначалу ему удается победить нескольких соперников, но затем он вынужден бежать, и друзья советуют ему на будущее быть более осторожным. Вообще герои преданий, даже с чертами мифологических персонажей, не всемогущи. Они погибают в столкновениях, терпят неудачи и т. д.

Особый интерес представляют те типы повествований, которые можно рассматривать как переходные от мифов к прозаическим рассказам, в которых сакральное начало либо сильно ослаблено, либо присутствует имплицитно. В качестве примера предания, генетически связанного с ритуально-мифологической основой, следует назвать рассказ «Как жители острова Ям побывали на острове Дару» (см. наст. сб., № 75). Он принадлежит к циклу преданий о морских плаваниях и об установлении контактов между жителями островов залива Папуа и Торресова пролива (Г. Ландтман, № 294—306). Вместе с тем в этом рассказе есть мотивы культурного мифа: жители Яма не просто знакомятся со своими соседями с острова Дару, но и получают от них более совершенные лодки, очень важный обряд — церемонию «хориому», или «тазра», и связанные с обрядом танцы. При этом подчеркивается, что и обряд и танцы имеют сакральный характер и держатся в секрете от женщин. При более внимательном рассмотрении оказывается, что предание вообще внутренне связано с хориому, все его содержание и образы, можно сказать, ориентированы на этот обряд. Хориому принадлежит к числу важнейших церемоний на ряде островов. Она посвящена культу умерших и проводится ежегодно в течение нескольких недель при участии всего мужского населения. Согласно устной традиции, отразившейся в предании, родиной обряда был остров Дару, откуда он распространился в другие места. Собственно культовой церемонии предшествуют длящиеся до двух недель игры, среди которых и упоминаемое в предании состязание игрушечных лодочек. Основу обряда составляют приход и встреча «духов» умерших, различные пантомимы и танцы, в которых воплощаются их появление и чествование. В предании, повествующем о том, как маленькая обрядовая лодка достигает другого острова, как благодаря этому возникают новые контакты и церемония хориому распространяется в новых местах, по-видимому, отразились культовые мифы. Как будет показано ниже, миф частично реализуется в рассказах, частично — в культовых действиях, причем одни дополняют другие. Характерно, что рассмотренное нами предание рассказывалось молодым людям во время инициации, которая совпадала по времени с церемонией хориому. Таким образом, оно было включено в ту «реальную» и мифическую историю, в тот свод знаний, которые должны были усвоить посвящаемые.

Вместе с тем нетрудно заметить, что в ряде моментов нити, связывающие предание с мифологической основой, уже довольно слабы.

В этом же плане могут рассматриваться предания из цикла о людях с необычными частями тела — с одной необычно длинной рукой, с ногой казуара, с головой, на которой выросло дерево, безо рта и т. д. (Ландтман, № 365—373; наст. сб., № 88—90). События в них происходят обычно «давным-давно», но в точно обозначенных местах, которые хорошо знакомы и рассказчикам и слушателям. Герои их названы по именам, они принадлежат к реальным локальным группам. Все это придает рассказам характер преданий, хотя содержание их насыщено фантастикой. Необычность внешнего облика персонажей чаще приносит им неприятности, создает коллизии, заставляющие нас вспоминать ситуации, знакомые по некоторым типам сказок. Например, у одного героя вырастает на голове дерево. Другой тоже хочет, чтобы у него выросло дерево, идет тем же путем, что и первый, но у него ничего не получается, и тогда он, подобно незадачливим персонажам сказок, прибегает к искусственным средствам и погибает. Налет несерьезности, дегеронизации, новеллистичности есть в этих рассказах. Избавление от необычного свойства герои воспринимают как благо. Даги, у которого правая рука была чудовищно длинной, радуется, когда она приобретает нормальные формы. Кроме того, его тело, до этого все покрытое растительностью, приобретает обычный человеческий вид. Женщины, благодаря которым все эти превращения совершаются, наносят на тело Даги орнамент, таким образом довершая процесс превращения чудовища в человека. По этому поводу Даги устраивает праздник и собирает гостей (см. наст. сб., № 88). В этом рассказе есть детали, которые говорят о его связи с мифологической историей. В варианте, также записанном Г. Ландтманом, отмечены магические свойства чудовищного персонажа. Кроме того, Даги, ставший человеком, оказывается впоследствии отцом брата и сестры, которые вступают в брак и дают начало населению данного региона. Как известно, мифы о брате и сестре — родоначальниках племени или народа — принадлежат к числу древних и известны во многих местах. Тот же Даги и его сын Ние фигурируют в рассказе о появлении первого кокосового ореха.

Переходные черты от мифа к сказке отчетливо обнаруживаются в рассказе, который Г. Ландтман разбил на два: «Юноша, меняющий кожу» и «Танец для Понипони» (см. наст. сб., № 102). Первая часть многими мотивами живо напоминает читателям, воспитанным на европейском фольклоре, популярные темы и образы классических сказок: герой — «неумойка» валяется в золе, покрытый струпьями; девушки, среди которых он находится, третируют его, и лишь одна — младшая — жалеет его и заботится о нем; герой наделен способностью преображаться, ме-

плоть кожу, становится птицей и вновь обретать человеческий облик; младшая из девушек видит его преображенным, решает стать его женой и сжигает старую кожу юноши. На память приходят сюжеты «Амур и Психея», «Финист — ясный сокол», «Змей-жених». Кое в чем новогвинейская сказка может восприниматься в плане предыстории этих сюжетов. Главное сходится — это сказка о чудесном женихе и о невесте — девушке с добрым и любящим сердцем. Но у киваи сюжет получает свое развитие и обнаруживает отчетливые связи с мифологией. Жених и невеста не становятся супругами. Сестры противятся этому, на юношу претендует старшая. До сих пор характер коллизии и самый тип повествования соответствовали в общем сказочным канонам. Но в тот момент, когда, казалось бы, сюжет приближался к развязке, наступил перелом и повествование пошло по «непривычному» пути. Этот путь возвращает рассказ в лоно архаического мифа. Действие переносится на остров Мури, хорошо известный в мифологии киваи: именно сюда пришел знаменитый герой Соидо, здесь он посадил культурные растения и деревья. В рассказе появляются Муриваногере (по другим мифам — тесть Соидо) и его дочь Понипони, мифическая невеста. Ей предстоит выбрать жениха среди многих претендентов, каждый из которых должен исполнить тапек. Особенность, отличающая миф от традиционной сказки, заключается в том, что соперники — одновременно люди и животные. Связь с системой тотемизма здесь очевидна, но осуществляется она для разных персонажей по-разному, иногда — лишь через символы. Бывший «неумойка» танцует, приняв вид белой цапли, и Понипони тапек нравится, но ей не нравятся длинные ноги, шея и клюв птицы. Наконец выбор ее падает на акулу. Дальнейшие эпизоды рассказа полностью проясняют его мифологическую направленность: повествование о ссоре и драке между соперниками — птицами и представителями морского царства — дает основание для целой цепи этиологических построений, для объяснения фактов местной истории, происхождения предметов и т. д. Сюжет рассыпается на эпизоды, не очень связанные повествовательной, представляющие интерес постольку, поскольку в них содержится толкование тех или иных загадок окружающей природы, местной истории и социальных отношений. Процесс образования сказки, таким образом, остановился на полпути. Это касается в одинаковой степени и сюжетики и персонажей, одни из которых полностью еще принадлежат мифологическому миру, а другие уже стоят одной ногой в мире сказочном. К числу этих последних принадлежит и «юноша в язвах», в образе которого есть и черты тотемного предка, основоположника киваи, и признаки сказочного героя, чудесного жениха, которому уготована горькая участь — жить поочередно в двух разных кожах до той поры, пока невеста, движимая любовью, не уничтожит одну из них. К этому же ряду

относится его потенциальная невеста, младшая из странного девичьего объединения, которое живет в Иасе. Возможно, что генетически сказочных девушек надо возводить к мифологическим женским существам бухэре-бухере, или бусэре-бусере, которые, как считалось, жили в лесу в каком-то одном месте, иногда занимались приготовлением саго. Г. Ландтман слышал рассказы о том, что они охотно вступали в брак с молодыми людьми, оказывавшимися поблизости. В параллель к нашей мифологической сказке можно привести историю о том, как бухере-бухере заметили одного юношу, в его отсутствие пробрались к нему в хижину, а когда он пришел, схватили его. Младшая хотела стать его женой, но остальные воспротивились, и дело кончилось тем, что юноша стал мужем их всех.

Приведенные примеры, которые можно было бы, разумеется, продолжить, указывают на одну из характерных тенденций — ослабление в ряде повествовательных типов мифологического начала и мифологических связей и усиление различных элементов художественной, «исторической» и иной внесакральной повествовательности, более отчетливое выявление бытовых, социальных аспектов, складывание жанровых признаков сказки, предания, мемората.

Рассказы киваи о змеях, обладающих чудесными свойствами, в частности оказывающихся одновременно людьми (мужского пола), а иногда — мифологическими существами, соединяют в себе нередко элементы быличек, меморатов, тотемистических и этиологических мифов и зарождающихся сказок (Ландтман, № 413—430; наст. сб., № 91). Как правило, события, описываемые в рассказах, происходят с определенными людьми — их называют по именам, так же точно указываются места действия. Сюжетика рассказов вплетена в бытовую повседневную обстановку. Все это придает рассказам характер достоверных историй. Вместе с тем рассказы связаны с достаточно сложным комплексом представлений папуасов о змеях. В рассказах змеи неизменно выступают в облике зверином и человеческом, принимая то один, то другой, и, вместе с тем, они могут быть одновременно в двух обликах. Неоднозначность мифологического значения змей проявляется в известной противоречивости их поведения. Змеи живут под землей, внутри деревьев, в источниках, иногда в обычных хижинах. Размеры их самые различные. Они выступают в роли похитителей женщин и девушек и готовы защищать свою добычу. Змеи становятся супругами женщин, у которых рождаются дети-змееныши. Мужчины, как правило, настроены враждебно по отношению к ним. В некоторых рассказах описывается, как муж борется за возвращение жены, похищенной змеей, убивает ее детей или как мужчины племени возвращают девушек. В этих коллизиях проступают сюжетные и идейные контуры волшебной сказки. Ряд быличек рассказы-

вает о том, как змеи нападают на людей, заглатывают их, обвиваются вокруг их тел, как людям удается убить змей, хотя это и влечет нередко тяжелые последствия. Вместе с тем змеи не всегда враждебны человеческому коллективу. Не говоря уже об их особенной приверженности к женщинам и их детям, о которых они заботятся, которых воспитывают, обучают искусству охоты, змеи выступают как тотемные покровители данного коллектива, они осуществляют некоторые культурные подвиги (знакомят с культурными растениями, учат способам магического обеспечения урожая), снабжают людей дичью, участвуют на их стороне в сражениях и обеспечивают победу и т. д. Это, впрочем, не избавляет их от гибели, поскольку мужчины все равно не могут примириться с их поведением по отношению к женщинам. Можно предположить, что образ змеи и ряд сюжетных мотивов, с этим образом связанных, восходят к отношениям и представлениям матриархата.

В различных рассказах преобладают те или другие элементы, и в зависимости от этого они либо приближаются к сказкам, либо остаются далекими от них. Можно заметить, что мифологическое начало нередко более отчетливо проступает в концовках, которые иногда получают характер этиологических объяснений. Река Дибирь, оказывается, обязана своим возникновением змее-человеку, который ушел в воду и там устроил себе жилище. Люди боятся есть мясо черепахи кароро и птицы куму, так как в них перешел дух убитой людьми змеи и сделал мясо ядовитым.

Как известно, образы змей и змеев принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре, в частности, в сказках и героическом эпосе, причем и художественная семантика этих образов, и их генезис отличаются большой сложностью и противоречивостью. Материал папуасских мифов и рассказов дает очень много для изучения истоков и ранних стадий разработки этих образов и, несомненно, может пролить свет на многие загадки классического фольклора.

Тотемистические мотивы еще более отчетливо видны в рассказах об отношениях между людьми и крокодилами (Ландтман, № 431—434; наст. сб., № 92). Правда, и здесь они выступают по преимуществу в обращенном виде. Крокодил постепенно переносит всех жителей из разных мест в Дибирь, где до этого людей вовсе не было. Он доставляет сюда также лодки. При этом мотив связи крокодила с женщиной оказывается побочным. Крокодила убивает гигантская птица, но люди остаются здесь. Согласно рассказу, современные жители Дибирь ведут свое происхождение от мужчины и женщины, принесенных сюда крокодилом (Ландтман, № 433). Согласно другому рассказу, мужчина из Диримо совершает великое преступление, убивая крокодила; этот крокодил был человеком, помогавшим людям совершать колдовство. Расплатой

явилась эпидемия, посланная на всю страну, люди должны были переселяться на новые места и т. д. До сих пор еще, хотя почти все вернулись, некоторые места остались незаселенными (Ландтман, № 434).

В фольклоре киваи есть рассказы, в которых главное место занимают взаимоотношения животных. Как известно, именно такие отношения, выливающиеся в дружбу, совместные действия, родственные связи либо во вражду, столкновения, разного рода конфликты, характеризуют сюжеттику классических животных сказок. У киваи, по-видимому, таких сказок в собственном смысле еще нет, но тенденции к их формированию налицо. Собаки одурачивают кускуса, который остается без ушей (паст. сб., № 93); крокодил и казуар ссорятся из-за саговой пальмы и по очереди жестоко наказывают друг друга (№ 94); термиты вступают в борьбу с другими животными и побеждают их всех (Ландтман, № 445). Как и в сказках, здесь каждое животное обнаруживает свой тип поведения и проявляет свой «характер». Вместе с тем в этих рассказах достаточно определенно дает себя знать собственно мифологическое начало, для них весьма характерны этиологические концовки. Рассказ о собаках и кускусе в заключительной части содержит объяснение, почему собаки должны питаться отбросами человеческой пищи, почему они отделились от остального животного мира, не имеют в нем друзей и убивают других зверей. В ряде рассказов внимание сосредоточено на том, откуда и как произошли отдельные звери и птицы, как появились некоторые их качества и т. п. При этом действия относятся к временам, которые можно рассматривать как мифические, в судьбе персонажей большую роль играет человек, иногда первопредок, мифический герой. Рассказы о «первых» животных особенно отчетливо обнаруживают свою мифологическую природу.

Материалы папуасского фольклора показывают, что нет оснований выводить классическую животную сказку непосредственно из тотемистических представлений. Во-первых, речь должна идти о более широком и сложном комплексе мифологического плана, а во-вторых, путь к собственно животной сказке был, так сказать, многоступенчатым и освобождение от мифологических (тотемистических в том числе) связей происходило посредством ряда трансформаций. Некоторые из них можно проследить по данным прозаического фольклора киваи.

На подступах к сказкам находится цикл рассказов о борьбе детей со «старой ведьмой» (или с супружеской парой старых колдунов) (Ландтман, № 408—411). В этих рассказах дети становятся добычей людоедов. Тайна исчезновения детей остается не раскрытой до тех пор, пока о происходящем не догадывается самый маленький из схваченных детей. Он дает знать об этом родителям, и людоедов убивают. В версиях «младший» иногда обладает чудесным предметом, с помощью которого пре-

вращается в птицу. Сказочный характер имеет мотив подмены: старуха прячет схваченных детей в корзину, но они подкладывают вместо себя лягушек, которые разговаривают с людоедкой детскими голосами. Аналогично построен рассказ о людоедке и девушке (Ландтман, № 154). Схваченная девушка превращается в птицу и улетает, а вместо себя оставляет говорящий ее голосом кусок дерева. В ходе погони людоедка погибает.

Во всех этих рассказах ощущается наличие некоего подтекста, связей с мифологической архаикой. Как и в сказках классического типа, многие существенные обстоятельства не разъясняются и не мотивируются. Неясно, что собою представляет тот детский коллектив, который в некоторых версиях ведет самостоятельную жизнь в лесу. Можно лишь предполагать, что эта ситуация восходит к обряду посвящения, и в таком случае есть основания связывать с системой инициационных представлений и мифов и другие коллизии, характерные для этих рассказов. Но в том виде, как они записаны, рассказы содержат ряд особенностей, присущих быличкам: в них очевидна установка на полную достоверность сообщаемого, события всегда локализованы, а участники названы поименно. В прямом своем содержании это прежде всего рассказы о победе над колдунами-людоедами.

2

Сколь бы ни были интересны и важны отмеченные тенденции, указывающие на развитие повествовательного фольклора, выходящего за пределы традиционного мифологического мира, необходимо подчеркнуть, что определяющим и преобладающим в собрании Г. Ландтмана является материал, прямо относящийся к мифологии. Это вполне понятно, если учесть тот уровень общественного развития, на котором находились кивай, их соседи и все коренное население Новой Гвинеи в начале XX в. Первобытнообщинный образ жизни папуасов определял социальные отношения, характер и содержание представлений о мире, систему мифологии и фольклора. Собственно, о мифологии как целостной и законченной системе у папуасов, в том числе и у кивай, говорить трудно. Законченность свойственна обычно более поздним в историко-типологическом смысле системам. Мифология папуасов характеризуется большой степенью архаичности. Ее основу, несомненно, составляет культ умерших и культ предков, наличие культурных героев, комплекс магических представлений и вера в эффективность магических действий. Будет крайне неверно сводить мифологию папуасов к некоему набору повествовательных циклов или к знанию определенных персонажей, мест и т. д. Заслуживает Г. Ландтмана было как раз то, что он очень широко и наглядно

показал сложность и разнообразие мифологических связей у киваи, органическую включенность мифологии и в систему идеологических представлений, в систему знаний о мире и обществе, и в практическую деятельность коллектива (огородничество, охота, рыбная ловля), в его социальную практику (обряды, обмен, война и т. д.), в сферу духовной культуры (фольклор, культы, церемонии, искусство). Мифология так или иначе функционирует на всех уровнях жизни коллектива. При этом в разных жизненных ситуациях и при различных функциях она предстает разными своими аспектами, элементами, которые могут подчас противоречить один другому. Тексты мифов представляют собой лишь один из способов функционального закрепления и реализации мифологических знаний и мифологической практики коллектива. Они находятся в определенных связях с другими способами реализации. В принципе все способы равноправны. Нельзя рассуждать таким образом, что первоначально существовали рассказы, как наиболее полная и «правильная» форма реализации мифов, а затем эти последние стали внедряться в различные сферы общественной практики. Рассказы сами по себе, изолированные от общественно-культурного фона, от других форм реализации мифа, оказываются мало понятными, многое теряют в своей содержательности и смысловой значимости. Собственно говоря, в среде, которая их хранила, мифы никогда изолированно и не жили. Само оформление их в более или менее законченные повествования и функционирование («исполнение») были соотнесены с практическими целями коллектива и с широкими задачами объяснения окружающего мира и его упорядочения.

Мифологическая космогония у киваи, как и вообще у папуасов Новой Гвинеи, развита слабо. Однако «космогонические» рассказы, записанные Г. Ландтманом, исключительно интересны для изучающих повествовательный фольклор папуасов (Ландтман, № 451—455; наст. сб., № 98—101). В них мотивы возникновения небесных светил, звезд занимают, в сущности, второстепенное место, а на первом плане — похождения и отношения персонажей, которые впоследствии дали жизнь тем или иным небесным телам. Пожалуй, главным героем «космогонических» рассказов надо считать Гануми (луну). Некоторыми обстоятельствами своей «биографии» и своим поведением он напоминает мифических предков и культурных героев. Любопытен мотив, согласно которому полная приключений история жизни Гануми начинается с того, что родители пускают ребенка в корзине по воде. Как известно, этим мотивом открывается повествование о ряде персонажей древней мифологии народов Европы и Востока. Столь же типичным является мотив мнимой матери. Гануми находит женщина, которая кладет вместо него в корзину своего больного ребенка. В рассказе большую роль играет мотив инцеста, прав-

да, в сознании повествователей и слушателей, знающих обстоятельства, ослабленный тем, что Гебае — неродная мать Гануми. Собственно, инцест является причиной превращения Гануми в луну. Спасаясь от людской молвы, приемная мать и сын поднимаются в небо, а затем сын поднимается еще выше. В заключение следуют разные этиологические подробности, объясняющие смену фаз луны и т. д.

В «космогонических» рассказах прихотливо сплетены чисто бытовые описания, этиологические объяснения, ритуальные эпизоды, фантастические мотивы и мотивы походов главного героя, уводящие повествование от мифологического контекста. Особенно показателен густой слой бытовых мотивировок, пронизывающий этиологические эпизоды.

У кивай Г. Ландтман отметил существование мифологических представлений о небе, звездах, о наличии других миров, о причинах, вызывающих дождь, молнию и т. д. Часто такие представления не отражены в каких-то цельных повествованиях, и папуасы просто делятся ими как своими знаниями. Согласно этим представлениям, небо — это голубой каменный свод, по которому звезды движутся подобно крабам. Глубоко под землей находится еще одна земля. Впрочем, согласно другим информаторам Ландтмана, земля людей просто плавает в море подобно лодке.

Небо заселяют аромо-руби, антропоморфные существа с маленьким телом и большими конечностями. Они бросают с высоты вниз веревки, спускаются по ним и карабкаются вверх: эти их действия и вызывают молнию. Катая ствол дерева по небу, аромо-руби производят гром. Впрочем, о гrome говорят также, что это барабанные удары луны, или ворчание Бигамы и Ваури, двух мифических псов, или даже голос мифического персонажа, бранящего свою жену. С представлением о роли собак, находящихся в земле умерших (см. об этом ниже), в возникновении грома связана магическая вера в возможность с помощью известного колдовства рассеивать дождевые облака. Для этого колдун обращается к палке с заклинанием, в котором сообщает об охоте Бигамы и Ваури на свиней. Подобно тому как свиньи бегут от собак, так же (и в том же направлении) должны уходить облака. С мифологическими историями связаны и заговоры, которые должны вызвать дождь или изменить направление ветра. Так, колдун обращается к палке, и его заклинание должно вызывать ассоциации с мифом о Бегередубу, который однажды преследовал райскую птицу вплоть до земли умерших. Преследование продолжалось вдоль самого берега, и смысл заговора состоял в том, чтобы направить ветер, мешающий людям, по этому же пути. Характерно, что, кроме существ типа аромо-руби (известны различные их варианты и двойники), папуасская космогония не знает мифологических персонажей, которые населяли бы небо и управляли им. Это красноречиво

свидетельствует о самом уровне развития мифологии у киваи, равно как и у других групп папуасов.

Подавляющее большинство мифов киваи так или иначе посвящено темам первотворения, появления первых предметов, людей, локусов, некоторых понятий, отношений, социальных институтов.

Согласно мифам, когда-то не было ни Киваи, ни Абаура, ни Мибу, ни других островов в дельте Флай. Это, однако, не означает, что временам первотворения предшествовало некое время хаоса, «отсутствия» и т. д. Любой акт мифического первотворения происходит в окружении уже существующих предметов, людей, животных. Мифический герой, первый человек создающегося на наших глазах острова Киваи — Меури, согласно мифу, появился из червя, одного из тех, что находились в рыбе, которую уронил ястреб. Но другие люди просто приехали на Киваи и стали здесь жить. При Меури на острове появились первые деревья, плоды и т. д. Пришельцы познакомили Меури с огнем. По другой версии, огненную палочку принес в клюве черный какаду. Попутно в этой версии всплывает этиологический мотив: красные пятнышки в углах рта у попугая появились от огня. Предание сообщает, что песчаную отмель, положившую основание острову, намело из разных отбросов, приносимых рекой из других населенных мест. Эту отмель можно видеть еще и сейчас. В этом месте под землей живет Меури.

Приведенный пример показывает, как причудливо переплетаются в мифах мотивы первотворения, деяний культурных героев, мифологической истории, элементы тотемизма, этиологические мотивы и т. д.

Происхождение окружающей топографии в мифах постоянно связано с действиями первопредков, культурных героев или волшебных сил. Так, обилие заливов на острове Вабода объясняется тем, что мифическая женщина Абере некогда устроила здесь побоище, убив многих мужчин, ее послушавшихся: всюду, где падали ее палки, возникали заливы (Ландтман, № 46; наст. сб., № 15).

Широкую картину возникновения человеческого общества и его институтов (разумеется, в рамках локальной группы) дает миф о происхождении людей Масингары (Ландтман, № 9). В этом мифе мы встречаемся с образом мифической женщины Уа-огрере, которая «была всегда»: ее никто не родил и не сделал, и она не упала на землю с дерева. Она была чудесной охотницей. Из червей, которые развились в теле убитого ею кенгуру, появились мальчики и девочки. Они стали расти, и общество, которое сложилось у них, всем обязано Уа-огрере: она выкормила их, научила делать оружие и юбочки, объяснила им обязанности мужчин и женщин и установила супружеские отношения, раскрыв секреты пола; по ее указанию были построены жилые и мужские дома. После того как перворожденные люди (родители) ушли из жизни, дети

услышали из-под земли их наставления. Они узнали, в частности, что они — настоящие люди, так как первыми рождены от людей. Уа-огрере установила для них церемонии, обряд посвящения и ввела запрет на мясо кенгуру.

Затем наступило время, когда женщина-первосоздательница должна была уйти. Дав последние наставления, она влезла по столбу на крышу хижины и стала карабкаться по веревке, свисавшей с неба. Через некоторое время конец веревки упал на землю, а женщина осталась на небе.

«Таро, ямс, батат ведут свое происхождение от Уа-огрере, и она помогает людям в их работе на огородах. Во время праздников они предлагают ей еду, которую кладут на землю возле дома для мужчин».

В этом рассказе мы находим и отчетливые тотемические мотивы (кенгуру — родоначальник данной группы, в честь его создаются обряды, устанавливается табу), и представление о мифической прародительнице, и мотив трех миров (земля — для живых, подземный мир — для предков, небо — для мифологических персонажей). Характерно, что содержание мифа ведет нас к целому ряду ритуалов и представлений, связанных с земледелием.

Широко распространены у папуасов рассказы о происхождении культурных растений, составляющих основные продукты питания: кокосового ореха, ямса, таро, батата и т. д. В истолковании происхождения их мифы не знают единства. С одной стороны, они появляются благодаря действиям и магическим способностям культурных героев. Так, первые растения появились из разных частей тела жены Соидо — жительницы леса. Соидо сам съел их все целиком. Позже, соединившись со своей мифической женой Пекаи, Соидо оплодотворил своим семенем всю землю острова Мури, и таким образом появились различные растения. На этих мифологических представлениях основаны существенные элементы огородной магии киваи: при посадке ямса, например, люди обращаются к Соидо или Пекаи со специальными заклинаниями и песнями, смысл которых — обеспечить хороший урожай, быстрый рост и т. д. В ряде рассказов появление первых растений объясняется как следствие вмешательства чудесных сил в человеческие отношения и дела.

Постоянная тема многих папуасских рассказов — добывание первого огня. До определенного момента люди — герои этих рассказов не имеют огня, они едят сырые фрукты, а рыбу сушат на солнце. Те, кто владеет огнем, держат его для себя. Герои либо сами отправляются на поиски огня, либо посылают за ними животных, либо «духи» учат их, как добывать огонь. В роли похитителя огня выступает мифологический персонаж Нага. Он живет внутри камня на одном из островов Торресова пролива. Согласно мифу, единственным огнем на всех островах владеет Ику с острова Мури. Ястреб доставляет Нагу и Ваиати к тому месту,

где живет Ику. Как и в некоторых других рассказах этого типа, Ику хранит огонь между большим и указательным пальцами правой руки. Он разжимает руку, чтобы похвалиться своим достоянием, и в этот момент Нага выхватывает у него огонь, а ястреб доставляет похитителя домой. После этого огонь становится известен всем (Ландтман, № 52; наст. сб., № 17).

Большое число рассказов киваи посвящено различным мифологическим существам — хозяевам и хранителям отдельных мест, животных и т. д. (Ландтман, № 102—193; наст. сб., № 33—54). В мифологии папуасов им уделено весьма значительное место. Эти существа обитают повсюду — под землей, в каменных глыбах, внутри больших деревьев, в море, в речных водоемах и болотах, на рифах и даже на небе. Г. Ландтману удалось учесть и частично описать множество персонажей этой, по традиции называемой «низшей», мифологии. Многие из них имеют антропоморфный характер — от людей они отличаются либо короткими ногами, либо непомерно толстым животом, либо наличием каких-нибудь звериных, иногда чудовищных признаков. К числу мифологических чудовищ относится ориогорухо Сугума, он ходит на задних ногах, напоминающих свиньи, у него две пары клыков, на голове вместо волос растут кусты и ползучие растения, свои жертвы он пронзает когтями. Другое чудовище — утуму, свое происхождение он ведет от человека, которого убили во время сражения и голову которого отрезали. Утуму способны летать. Относительно многих персонажей известно, что они могут менять свое обличье, являясь днем в виде змеи, ястреба, крокодила, рыбы, игуаны и т. д., а ночью принимая человеческий облик.

Далеко не о всех персонажах точно известно, каков круг их функций и возможностей. Некоторые из них устойчиво характеризуются как патроны определенных видов или групп животных (например, крокодилов, крабов), хозяева источников, покровители огородов и т. п. Отношения мифологических персонажей с людьми отличаются, судя по многочисленным рассказам, услышанным Г. Ландтманом, достаточной сложностью. С одной стороны, считается, что их всех надо опасаться и избегать, так как они могут причинить вред, помешать людям в их делах. Эрумиа способна насмерть ужалить человека, обоуби хватают людей в море, поедают их, посылают на них болезни. Мамагарена нападает на рыбаков, возвращающихся ночью, и отнимает у них добычу, а то и убивает их. Особенной жестокостью отличаются ориогорухо, которые похищают и пожирают людей. Утуму по ночам привлекает к себе людей тем, что кровь из его раны сияет как огонь. Он хватает жертвы своими чудовищными клыками. Люди принимают меры предосторожности, ложась спать, чтобы утуму не мог их унести.

С другой стороны, мифологические персонажи способны оказывать

людям немалую помощь в их делах. Они являются во сне, чтобы дать добрые советы, подсказать колдовские средства для успешной работы на огороде или рыбной ловли; они предсказывают исход военной вылазки или гарпуной охоты; направляют плывущих в лодках по верному курсу. К ним можно обратиться за помощью, совершив известные магические действия. Об этенгенах, например, известно, что от них зависит сохранение огородов и хороший урожай.

Мифологические персонажи — хозяева и хранители окружающего мира — заполняют его до предела, ими буквально кишат леса, воды, земля Кивай. С ними можно столкнуться на каждом шагу, в любом деле.

Основное содержание рассказов о мифологических существах составляют встречи с ними людей, возникающие на этой почве коллизии, конфликты. Хотя в этих рассказах известное место занимает тема дружеских отношений и контактов, благополучных браков, взаимной помощи и т. д., преобладающими являются истории, завершающиеся трагически для людей. Рассказы проникнуты сознанием глубокой враждебности мира чудесного миру людей, их взаимной несовместимости. Это особенно отчетливо выражается в историях о браках между представителями двух миров. Супруги рано или поздно становятся врагами, женщина, ставшая женой чудовища, гибнет, либо гибнут ее дети, она должна бежать и т. д. В этих мифологических коллизиях просматриваются ситуации, хорошо знакомые нам по волшебным сказкам. Собственно, некоторые папуасские рассказы этого типа можно рассматривать как сюжетную основу, из которой может развиваться (а в типологически более поздних культурах и развивается) классическая сказка. Но большинство рассказов кивай следует относить к быличкам, поскольку они связаны системой установок на достоверность описываемых событий.

Важнейшее место в комплексе мифологических представлений и обрядовой практики папуасов занимает культ умерших. В соответствии с этим культом производятся обряды похорон, поминовения, различные элементы культа пронизывают основные церемонии, регулярно проводимые у кивай, с культом соотносятся их знания, реальные и фантастические, о смерти, о земле умерших, о пути в эту землю, о роли умерших в судьбе оставшихся в живых, об их магических возможностях и т. д. Многочисленные рассказы о «духах» умерших широко отражают и мифологические представления, и общественную практику коллектива, связанные с культом умерших. Собственно, рассказы эти являются наиболее полной и последовательной вербальной реализацией того, что в реальной жизни мыслилось происходящим постоянно, но оставалось невидимым или «проявлялось» фрагментарно и что частично воспроизводилось в ходе церемоний и обрядов.

В центре представлений кивай, связанных со смертью, стоит образ

Адири — земли умерших. Она находится на западе, на другой стороне этого мира, и отделена от него водным пространством. Описания этой земли не очень определены. Вход в нее закрывают две доски, которые беспрерывно бьются одна о другую; они поднимаются, лишь когда нужно пропустить очередного умершего. В Адири живут два мифических пса, Бигама и Ваури, которые время от времени появляются в мире живых, чтобы утащить намеченные ими жертвы. Они не бегают, как обычные собаки, но совершают огромные прыжки из одного места в другое. Те, кто населяют Адири, повторяют многое, что характеризовало их, когда они были живыми: они расселяются «своими» деревнями, у них есть дома, огороды, изобилие разнообразной пищи и т. д. Традиционное для них название, принятое этнографами, — «духи» — нельзя признать правильным. В сущности, в Адири они ведут «жизнь» по прежнему подобию, «жизнь», в которой соединяется телесное и духовное начало. По некоторым рассказам эта «жизнь» даже легче той, что идет в обычном мире. Однако у нее есть одна характерная особенность — все в ней соотнесено со смертью. Известно немало рассказов о том, как живые попадали в Адири и возвращались лишь благодаря тому, что не ели тамошнюю пищу, не вступали в брак с тамошними женщинами и т. п., т. е. не соприкасались с миром умерших.

У кивай довольно подробно разработаны представления о пути, который совершают умершие в землю Адири. С этим связаны некоторые обстоятельства захоронения: умершего принято класть головой к западу, на западной стороне могилы оставляется обломок лодки, чтобы было на чем плыть в Адири. Впрочем, согласно многим рассказам, в основном туда добираются сухим путем, который проложил Сидо, первый из людей, кого постигла смерть. Самой важной вехой на этом пути является остров Пахо: здесь растет дерево, под которым умершие последний раз оплакивают свою участь; они натирают лицо грязью и бросают немного земли на дерево; кусочки свежей глины на его ветвях — это знаки, которые оставляют умершие своим родным и друзьям. Здесь же на острове находится мифический барабан Басаи — большой полый камень, который гудит, когда по нему бьют ногами; умершие танцуют на нем — мужчины по одну сторону, женщины по другую. Прежде чем оставить остров, «духи» пьют из источника и ступают по следам Сидо, сохранившимся на одной скале. Свое путешествие умершие совершают, принимая различные формы — человека, рыбы или птицы. Когда они подходят к Адири, то бросаются в воду, и огромная рыба, заглатывая их, доставляет в страну умерших.

У кивай зафиксированы былички, рассказывающие об эпизодических возвращениях умерших — «духов», о том, как они являются людям во сне с какими-нибудь магическими советами и т. п.

Особую форму общения мира живых и мира умерших представляют обряды и церемонии, связь которых с культом умерших весьма ощутима. Важнейший момент большой тайной церемонии хориому, которая совершается ежегодно и тянется много недель, — приход «духов» на праздник. Мужчины, принадлежащие к разным родовым группам, надевают на себя одеяние из листьев и травы, укрывают листьями лица и с луками и стрелами в руках являются с западной стороны в деревню. Женщины и дети при виде их приходят в оцепенение, мужчины начинают серию обрядов. На специальных площадках «духи» танцуют, затем ведущий сообщает об их приходе из Адири, происходит обмен приветствиями. В следующие дни и ночи «духи» участвуют в обрядах, толпами ходят по деревне, пугают женщин, которые в известные моменты исполняют обрядовые плачи. Особенное впечатление на женщин производит то, что они узнают в танцующих «духах» своих близких: чтобы создать иллюзию подобия, мужчин подбирают соответствующего роста, им дают украшения, оставшиеся от умерших, имена «духов» громко объявляются, чтобы затем каждый из них получил пищу из рук женщин-родственников.

В церемонии участвуют различные группы «духов», которые дифференцируются по возрасту, по давности смерти, а главное — по функциям в обряде. Вся церемония включает множество разнообразных эпизодов, в которых каждой группе отводится своя роль. Имиги, например, должны сместить участников церемонии, совершая потешные движения. Карара оборо танцуют в огромных масках, изображающих морды крокодилов или рыб с раскрытой пастью. Купамоборо, представляющий великого воина, разыгрывает сцены нападения на других духов. Муру, выдающийся гарпунщик, вооруженный всем, что нужно для охоты, не танцует, а ходит особенным шагом и дует в раковину.

Важную часть церемонии хориому составляет ритуальная охота на дюгоней, в которой непременно участвуют «духи». Собственно, утилитарная сторона хориому состоит в том, чтобы с помощью «духов» обеспечить успех на предстоящий сезон гарпунной охоты.

Финальную часть церемонии составляет впечатляющий уход «духов» в землю Адири. Чтобы произвести должный эффект, приглашают мужчин из соседних деревень. Каждая группа уходит по-своему, а женщины мажут себя грязью и громко причитают. «Духи» уходят по берегу, а затем мужчины снимают с себя церемониальные костюмы и тайно возвращаются к месту, где происходили обряды. Ночью они устраивают большое пиршество.

Рассказы о «духах» (Ландтман, № 62—101; наст. сб., № 24—32), с одной стороны, могут быть поняты лишь на фоне описанного круга представлений и связанного с ними обрядово-культурного комплекса, а с другой — сами объясняют и дополняют более или менее цельную систе-

му представлений папуасов Киваи о мире умерших и, что особенно существенно, утверждают ее «достоверность».

Ядро мифологического повествовательного фольклора киваи составляют, безусловно, рассказы о героических предках, «первых людях», соединяющих в себе черты культурных героев, основателей локальных или родовых групп, героев, прославившихся «первыми» подвигами. Мотивы культа героических предков, как мы увидим, густо насыщают ритуальные церемонии и находят широкий отзвук в обрядовых песнях.

Деяния предков, равно как и их происхождение, всегда связаны с определенными локусами — островами или населенными пунктами. Нередко они начинают свою жизнь в одном месте, а завершают в другом, оказываясь главными виновниками происходивших некогда в этом регионе этнических миграций. О предках обычно говорится, что они были первыми жителями тех или иных мест. Деяния их иногда связаны с временами первотворения. В их мифических биографиях неизменно присутствует изначально необычный либо фантастический элемент. Меури — первый киваи, он появился на свет из червя в рыбе. Сидо родился от соединения его отца с землей, провел первые годы под землей и лишь позднее вышел на свет. Под землей родился и долгое время не видел света Паспаэ. То же самое рассказывается о Вакеа. Меседе жил внутри пальмы, а Нага — внутри камня. Каждый из предков является обладателем какого-либо магического умения, средства, мощного орудия. Иногда они сами вынуждены сначала чему-то учиться, чтобы передать свое искусство людям. Почти все герои оказываются способны в случае необходимости превращаться в птиц или животных, а затем возвращать себе человеческий облик. Архаический характер представлений об этих способностях хорошо прослеживается по вариантам рассказа о Меури — сопернике Сидо. Согласно одним вариантам он ставит дерево на пути Сидо, согласно другим — он сам воплощается в это дерево, которое его соперник никак не может срубить и с помощью которого он переносит к себе женщину — предмет их спора. Нага делает фигуру огромного крокодила, входит в него и тем самым как бы принимает форму животного, воплощается в него. Очевидна во всех этих и подобных мотивах связь с тотемизмом. Меседе передвигался по земле необычным способом: он становился прямо, а земля сама начинала двигаться под ним. Сесере одним поворотом головы мог вызвать ветер, который ломал мачты на лодках его врагов.

Некоторые из героев-предков выступают в роли первосоздателей. Нага в облике гигантского крокодила врезается в берега, результатом чего являются известные теперь многочисленные заливы и реки. Он же — по просьбе своего друга Вакеа — создает остров Туду: для этого он набирает земли, камней, мелких деревьев и швыряет все это со словами:

«Пусть за ночь станет остров!» Паспаэ впервые добывает огонь путем трения двух кусков дерева.

Герои-предки часто первые мастера какого-либо дела. Так, Сесере первым употребил в охоте на дюгоней гарпун, он был великий гарпущик, и добычи его хватало на многих. Истоки мастерства предков обычно остаются неизвестными, но пример с Сесере указывает, как оно к ним приходило: «духи» родителей героя явились к нему во сне и научили его искусству охоты на дюгоней; собственно, можно считать, что Сесере сам вызвал их с помощью магических действий. Меседе был обладателем единственного по своим качествам лука и стрел с костяными наконечниками, благодаря чему был известен как меткий стрелок и великий охотник. Куиамо, великий воин, научил людей войне. Мераве славился тем, что у него был особенный барабан.

Далеко не всегда герои-предки по собственному желанию передают свое искусство людям. В мифологических рассказах нередко присутствует конфликтное начало — герои противостоят окружающим людям, ссорятся с ними, вступают с ними в борьбу и т. д. Добывание нужных вещей и приобретение какого-либо мастерства происходит иногда путем похищения. Нугу, описав Меседе, уносит у него лук и стрелы.

Среди предков — культурных героев — возвышается фигура Соидо, покровителя и создателя огородничества и огородных растений. Согласно мифологии киваи, он первый стал расчищать лес под огороды, рубить деревья и готовить их к выжиганию. Он первый применил огонь и обработал землю для посадок. Миф о появлении первых огородных культур и об их распространении заслуживает того, чтобы быть включенным в антологию аграрных мифов народов мира. Его типологическое родство с представлениями ряда народов о возникновении культурных растений не вызывает сомнений. Согласно этому мифу, Соидо убил свою первую жену, которая принадлежала к «жителям леса», и разбросал части ее тела по огороду: так выросли первые культурные растения, которые Соидо съел, заполнив ими свои детородные органы. Позднее, соединясь со второй женой — Пекаи, Соидо разбросал семена по острову и дал жизнь всему растительному миру. Нельзя пройти мимо своеобразного мотива: Пекаи гибнет при соединении с Соидо, но затем он возвращает ее к жизни. В типологически более поздних мифах других земледельческих народов этот мотив разовьется в историю об умирающем (убиваемом) и воскресающем божестве растительности. Существует миф, который можно считать более архаическим, поскольку в нем роль создателя культурных растений целиком принадлежит женщине: Пекаи увидела, как мужчины исполняли на огороде танец, который не разрешается видеть женщине. Ее тут же убили, и из частей ее тела, разбросанных по огороду, появились различные сорта ямса, батат и т. п.

Некоторые предки мыслятся живущими до сих пор: рассказчики сообщали Г. Ландтману, что им приходилось видеть «духов» героев по ночам выходящими из-под земли, слышать их голоса и т. д.

Мифологические рассказы о предках представляют особенный интерес с сюжетной стороны. Здесь мы находим ряд тем и мотивов, которые знакомы нам по мифам и сказкам других народов и эпох и которые входят в классический сюжетный фонд мирового фольклора. Это прежде всего тема поисков жены-суженой и борьбы за жену. На поиски жены отправляется Соидо, переходя с места на место. Встретив на своем пути Пекаи, он сразу же решает, что это «она». Перед нами — типологически ранний случай встречи суженой. Неизбежность и важность этой встречи обуславливается тем, что брак Соидо и Пекаи имеет своим результатом появление культурных растений.

В другом мифе Мурке, первая возделывательница огородов, пришла к Паспаэ как «его женщина».

Выбор великого охотника Меседе падает на Дибире-Сагару, которую все окружающие третируют, обделяют при распределении пищи.

Цикл рассказов о Сидо включает историю его брака с Сагару, в обличье которой есть, безусловно, черты суженой, и, что особенно важно, сюжет о борьбе с соперником-претендентом.

Соперничество Сидо и Меури, их поединок, непоследовательное поведение Сагару, которая бежит от мужа и уходит к другому, но затем демонстрирует свою преданность погибшему супругу, — эти эпизоды поразительным образом соотносятся с бесчисленным множеством сюжетов позднейших эпических сказаний, вплоть до романтических баллад.

В мифологических рассказах киваи можно найти и популярные в мировом фольклоре темы и мотивы инцеста, отношений старшего и младшего братьев, преданных друзей, родителей и своенравного сына. К позднейшим сказкам ведет нас ситуация — мальчик, оставшийся один после смерти родителей, и вероломные родственники (мужья его старших сестер). Коллизию, заставляющую вспомнить сюжеты героического эпоса, воспроизводит рассказ о Куамо: герой в детстве проявляет крайнюю заносчивость, избивает сверстников, вызывает всеобщее осуждение, а затем становится великим воином и мстит всем за прежние обиды.

В цикле о Сидо важнейшее место занимает история странствий «духа» героя, направляющегося к будущей земле умерших Адири. Типологически это одна из архаических историй о странствующем герое. Сидо — первый человек, который умер. После гибели Сидо «дух» его направляется на запад, он проходит ряд мест, встречается с людьми. На его пути встают различные преграды: лес, птицы, насекомые пытаются мешать ему в его неуклонном продвижении к земле умерших. Тело его в лодке движется вслед за ним, Сагару ищет супруга. Здесь мы на-

ходим редкий мотив — «дух» бежит от своего умершего тела, добивается, чтобы оно было предано земле. По пути с «духом» происходят разные приключения и совершаются превращения. Он принимает облик то человека, то краба, то рыбы. Женщина, съевшая рыбу-Сидо, производит на свет маленького Сидо.

Эпизоды странствий героя, прокладывающего путь в неведомую Адири — пристанище всех, кто будет потом умирать, заключают немало интереснейших мотивов и содержат элементы ранней концепции папуасов о смерти, об отношениях между живыми и мертвыми. В Адири Сидо выступает в роли своеобразного культурного героя: его усилиями пустынная и бесплодная земля становится полностью приспособленной для «жизни» «духов».

Сидо — первый и, по-видимому, единственный в мифологии киваи герой, вокруг которого сложился столь обширный цикл рассказов, который мы вправе рассматривать как раннюю форму мифологического эпоса.

Другой цикл, гораздо меньший по объему и повествовательно не столь развернутый, посвящен мифической женщине Абере. Известно, что мифы о могучих, обладающих особой силой и магическими способностями женщинах принадлежат к архаическим, в них отложились в фантастической форме отношения и представления матриархата. Миф об Абере не составляет исключения. Абере принадлежит к числу перво создателей: с ее именем связывается топография окружающей местности, ей обязаны своим происхождением бананы. Абере может вызывать ветер, она укрывается от врагов, с помощью магической копалки порождая густую траву, и т. д. Об Абере говорят как о людоедке. У Абере есть сын, и рассказ о приключении с ним (его проглатывает крокодил, затем один из героев-предков убивает крокодила и извлекает мальчика живым из брюха животного) явно восходит к обряду инициации.

Отношения Абере с мужчинами достаточно сложны: с одной стороны, она принуждает всех, с кем встречается, к связи с ней; с другой — она ненавидит мужчин и избегает постоянных отношений с ними, многих убивает. Абере создает женский коллектив и становится его главой. Во всех этих коллизиях, равно как и в драматических эпизодах, показывающих последовательное уничтожение этого своеобразного женского общества в результате вмешательства грубой мужской силы, правомерно усматривать следы борьбы «отцовского» и «материнского» начала на ранних этапах общественного развития.

Большинство героических предков продолжало свою жизнь не только в мифологических повествованиях, но и в различных ритуальных церемониях и в производственно-магической практике. О Пекаи, покровительнице земледелия, было известно, что она после смерти превратилась в каменную фигуру. Позднее камень был разбит и осколки его

употреблялись как действенное средство при посадках огородных культур.

Имя Паспаэ упоминалось в заклинаниях охотников. То же самое касается многих других предков, относительно которых известно, что они являются надежными помощниками людей в их повседневных делах.

Мифологическими реминисценциями, связанными с культом героических предков, полны различные эпизоды церемоний и обрядов. Особенный интерес представляют так называемые серийные песни, которые исполняются по ходу церемоний. Почти все они так или иначе содержат мотивы, уводящие в мифы. В этих песнях, строение которых имеет подчеркнута дискретный и фрагментарный характер, в явном или скрытом виде обнаруживаются отдельные эпизоды или ситуации из известных уже нам мифологических рассказов. Так, во время обряда после удачной охоты танцующие пели песню о великом воине Куиамо, и в ней упоминались в ассоциативном плане узловые моменты мифа о нем. В составе большой церемонии могуру исполняется длинная песня о том, как мифическая женщина Абере со своими людьми строила обрядовый дом, как они совершили плавание и т. д.

В силу фрагментарности и дискретности, а также из-за специфического характера поэтической образности и стилистики серийные песни могут быть поняты лишь при хорошем знании мифов, с которыми они нередко соотносятся в плане сложных ассоциаций. Таковы песни о Сидо и Сагару, любимых героях мифологии киваи. В двух десятках строчек здесь воспроизведены основные моменты их драматической истории. Можно было бы допустить, что серийные песни представляют собой одну из форм образования — на почве мифологических сказаний — героического песенного эпоса.

* * *

Прозаический фольклор киваи, прекрасно собранный Г. Ландтманом, интересен во многих отношениях. Как мы видели, в нем широко и довольно полно отражен мир представлений о действительности, верований и фантастических знаний человеческого коллектива, жившего в условиях первобытнообщинного строя. В повествованиях разных жанров мы найдем массу материала, характеризующего образ жизни папуасов части Новой Гвинеи — их хозяйство, быт, отношения, их заботы и стремления.

Стоит, однако, подчеркнуть еще раз, что проза киваи в подавляющей своей части не может и не должна рассматриваться как собрание достоверных, реалистических, реально-бытовых или реально-исторических рассказов об их жизни. Перед нами специфическая, основанная на определенных принципах фольклорная реконструкция мира. Вымысел, кото-

рый организует повествовательную систему, носит особый характер: здесь фантазия не свободна, о художественном начале можно говорить лишь в условном плане; в качестве мощного творческого регулятора выступают комплекс ранних представлений о мире, магическая практика, социальные институты и отношения коллектива.

Сюжетика и образность папуасского повествовательного фольклора являются продуктом коллективно-бессознательного «художественного» творчества, которое производит систему закономерных операций по трансформированию жизненного материала и комплекса представлений в материал повествовательный.

Прозаический фольклор киваи чрезвычайно интересен как открытая для исследователя «лаборатория» зарождения и первоначального развития ряда жанров, сюжетов, тем и мотивов, образов, художественных принципов, которые в исторической перспективе составят основной фонд классического фольклора.

Наконец, интерес фольклора киваи в том, что за десятками и сотнями рассказов для нас открываются живые люди, хранители этой фольклорной традиции, обитатели островов и побережья залива Папуа и дельты реки Флай. Г. Ландтман застал их в тот момент их истории, когда сложившийся веками первобытный образ жизни общинно-родового коллектива начинал испытывать сильнейшие потрясения, вызванные двумя взаимосвязанными факторами: колониализмом в его жесточайших проявлениях и неведомыми дотоле для папуасов достижениями цивилизации. Ученому удалось не просто зафиксировать рассказы, которые лишь в самой слабой степени испытали на себе воздействие нового исторического этапа, но и многое сказать о людях Киваи — земледельцах, охотниках, мореходах, отважных, сердечных, умелых, проникнутых чувством коллективизма, но и опутанных бесчисленным множеством предрассудков и суеверий, норм родовых отношений.

Сейчас, когда выходит эта книга, потомки тех, с кем общался Г. Ландтман, вступили в новый этап своей истории, обозначенный такими важными событиями, как освобождение от колониального гнета и образование независимого государства. Для свободного народа страны Папуа Новая Гвинея наступает и новый период в развитии культуры. Традиционный фольклор в многообразном богатстве его форм становится одним из источников, который будет питать новую культуру, литературу, искусство. По сообщениям печати, правительство нового государства и общественность страны проявляют живейший интерес к традиционному художественному наследию народа. В столице страны Порт Морсби созданы музей и хранилище произведений традиционного искусства. Сюда приглашают из разных районов страны умельцев, резчиков, гончаров, мастеров изготовления масок, скульпторов, певцов, рассказчиков. Искус-

ство, некогда замкнутое в рамки общинно-родового коллектива, выходит на широкие просторы современного мира. Нет сомнения, что вместе с совершенными образцами новогвинецкой деревянной скульптуры, с изумительными по выразительности резными масками, предметами ритуального обихода, прекрасными произведениями музыкально-песенного фольклора достоянием современной культуры станут и лучшие образцы повествовательного фольклора.

Б. Н. Путилов

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Никакой, даже самый лучший перевод художественного текста не тождествен оригиналу в том смысле, в каком один экземпляр оригинала тождествен другому. Читатель, даже вполне подготовленный, часто склонен об этом забывать, но, как ни горько переводчику признать истину, она именно такова. Причины нетождественности перевода оригиналу можно условно разделить на две группы: собственно языковые, которые вполне очевидны, и менее очевидные, но, пожалуй, еще более важные внеязыковые (похожесть или непохожесть двух культур, наличие или отсутствие в обеих или в одной из них письменной литературы; наконец, если таковая имеется, ее объем и характер). Поэтому на самом деле целью художественного перевода всегда является создание текста, где информация, содержащаяся в оригинале, будет передана средствами другого языка таким образом, чтобы воздействие перевода на читателя (слушателя) максимально приблизилось (совсем сходным оно не станет никогда) к тому воздействию, которое оказывает (оказывал) на своего читателя (слушателя) оригинал. При этом следует помнить, что калькирование оригинала, попытка перевести его «дословно» и передать средствами своего языка грамматику и синтаксис оригинала (задача, кстати сказать, невыполнимая по причинам чисто лингвистического порядка) лишь уводит переводчика от цели, о которой шла речь, ибо текст в этом случае утрачивает важнейшее качество оригинала — его функциональную адекватность. Адекватность эта, как явствует из уже сказанного, никогда не будет полной. Если, например, говорить об этой книге сказок и мифов папуасов киваи, то ни один рассказ киваи, как его ни перевести, не будет воспринят русским читателем так, как его воспринимал (или воспримет теперь, через шестьдесят с лишним лет после того, как эти мифы были записаны) слушатель-киваи. Для русского читателя мир киваи во многом странен и непонятен — и однако, по мере того как знакомишься с их фольклором, становится все более разительным сродство и сходство его создателей с нами. То, что впечатление это

правильное, подтверждается свидетельствами Г. Ландтмана, Миклухо-Маклая, Вирца, Невермана и других европейских и американских ученых, подолгу, иногда многие годы подряд, живших среди своих первобытных современников. И для того, чтобы со всеми оговорками и ограничениями, о которых уже шла речь, донести до русского читателя те непосредственность и живость, с которыми киваи рассказывают то, что они знают о мире и о своих братьях; для того, чтобы он хотя бы частично мог разделить с ними их горести, радости и страсти; чтобы он получил возможность хотя бы предположить, что киваи прекрасные рассказчики и рассказы их, независимо от того, сознают это они сами или нет, подчас поражают своим художественным совершенством — для того, чтобы все это удалось, необходимо было попытаться передать их по возможности простым и естественным русским языком. По свидетельству собирателя, именно так, естественно и просто, так же, как они говорили друг с другом о повседневных делах, рассказывали киваи свои мифы. Отказ переводчика от попытки создать для этих текстов органичную «параллельную» стилистику привел бы не только к тому, что доступ в мир киваи оказался бы для читателя закрыт, — нет, тогда мир этот, и без того странный и далекий, стал бы в переводах еще более далеким и странным, чем он есть на самом деле.

Опыт говорит: чем больше переводчик знает о переводимом им авторе, о культуре, искусстве и истории его народа (который для данной книги, сборника фольклора, является сам «коллективным» автором), тем лучше для перевода. До начала работы над книгой и во время нее переводчик попытался узнать о папуасах Новой Гвинеи, и в особенности о киваи, как можно больше. Но особенно ценными для формулирования принципов перевода и для выбора стилистического ключа оказались замечания самого Гуннара Ландтмана, собирателя фольклора киваи (см. Введение). О них переводчик помнил и ими руководствовался все время, пока работал над этой книгой.

Вкрапления на языке киваи в некоторых из записей Г. Ландтмана сохранены и в настоящем переводе, где они транслитерированы кириллицей. Обычно сразу же после речения на киваи здесь, как и в оригинале у Г. Ландтмана, следует его перевод. Речения на киваи приводятся потому, что обычно это, как свидетельствует Г. Ландтман, «цитаты» (строки или строфы) из песен, которыми сопровождаются разные магические обряды и церемонии; и именно так, на киваи, исполняли их рассказчики, вкрапляя их в повествование, которое шло на языке пиджин-инглиш.

В некоторых из текстов ландтмановского собрания обнаруживаются места, хотя и не выделенные в публикации оригинала какими-либо полиграфическими средствами, но явно инородные повествованию. Это

или пояснения, предназначающиеся специально Г. Ландтману, или замечания, выражающие личное отношение рассказчика к предмету или деталям повествования. Первые в нашей книге либо вынесены в примечания, либо, как и вторые, заключены в квадратные скобки.

Своих мифологических рассказов сами киваи никак не озаглавливали, а заглавия, данные текстам Ландтманом, служат чисто классификационным целям и, что еще более важно, чаще относятся сразу к нескольким сгруппированным по тематическому признаку рассказам, а не к отдельным текстам. В настоящей книге, следуя традиции, установившейся в серии «Сказки и мифы народов Востока», переводчик озаглавил каждый из вошедших в издание текстов. При этом везде, где представлялось возможным, он использовал заглавия, которые дал соответствующим текстам Ландтман.

Р. Л. Рыбкин

ВВЕДЕНИЕ

Собранные здесь народные сказки были рассказаны мне жителями Новой Гвинеи за два года, которые я провел на этом острове, с апреля 1910 по апрель 1912. За исключением сказок из Масингары (сами жители называют это селение Масингле), из Диримо (Дриму), из Джibu и с острова Бойгу, они записаны на территории, населенной киваиязычными папуасами. Рассказывались сказки на пиджининглише или на киваи, лишь сказки из Масингары были рассказаны на языке этого селения, который я понимал недостаточно; и для того, чтобы получить возможность записать сказки этих так называемых жителей леса, мне пришлось прибегнуть к помощи переводчиков. Рассказчики были все мужчины, но некоторые из сказок, по их словам, они узнали от женщин. Для записи сказок я встречался с рассказчиками, как правило, только наедине, так как заметил, что присутствие односельчан сковывает рассказчика. В очень немногих случаях в рассказывании сказки принимало участие сразу несколько человек — так было, например, с некоторыми сказками из Масингары.

В общем же папуасы киваи оказались необычайно хорошими рассказчиками, и, когда они привыкли к тому, что сказки я записываю, они стали рассказывать гладко, их стало легче и интереснее слушать, и рассказыванье, по-видимому, теперь доставляло удовольствие им самим. Во многих случаях у меня, пока я записывал сказку, не было повода задать рассказчику хотя бы один вопрос, а если внезапно он умолкал, достаточно было попросить его продолжать, и он возобновлял свой рассказ. Таким образом, сведения об укладе жизни папуасов, содержащиеся в отдельных эпизодах сказок, сообщались мне рассказчиками совершенно естественно и по их собственной инициативе. Многие из рассказчиков обнаруживали великолепное владение языком, пусть первоначально неотшлифованным, и могли рассказывать одно и то же опять и опять, каждый раз по-новому. Если какое-нибудь интересное выражение я записать не успевал, то в большинстве случаев, несмотря на все мои усилия, потом оказывалось почти невозможным заставить рассказчика повторить

то, что он говорил, дословно — он почти всегда говорил то же самое, но по-другому. Иногда, когда я слышал сказку, которую мне уже рассказывали другие, было заметно, что некоторые обстоятельства (например, наступающие сумерки или приближение времени трапезы) побуждают рассказчика сокращать свой рассказ, чтобы скорей его завершить; но рассказ в подобных случаях все равно тек так же гладко, как обычно. И если я требовал, чтобы сказку рассказывали целиком, без сокращений, сделать это, как правило, не составляло рассказчику никакого труда.

Многих из моих рассказчиков отличала одна особенность: начиная рассказывать, они часто, прежде чем перейти к фэбуле, топтались довольно долго на месте. Иногда, начиная сказку, они излагали ее суть в нескольких обрывочных фразеах, совершенно непонятных тому, кто прежде этой сказки не слышал. В других случаях неуверенность рассказчика выражалась в том, что он начинал с длинного вступления, куда, например, включалось описание того, что персонажи сказки совершают каждый день, сначала дома, потом на огородах, и так — много раз, пока наконец не начиналось действие. Начавшись, рассказ, однако, продолжался уже вполне связно и гладко. Часто наблюдались повторы: какой-нибудь эпизод всплывал в одной и той же сказке опять и опять, причем каждый раз одинаково полно, со всеми деталями, которые были рассказаны в первый раз.

Сказки очень помогали мне намечать пути в остальной моей исследовательской работе. Вначале я потратил достаточно много времени, пытаюсь применять так называемый генеалогический метод исследования, но этот метод в случае киваи особенно хороших результатов не дал: они живут большими общинами, и применение этого метода, отнимая много времени, едва ли позволяло понять что-либо, кроме принятой у киваи системы родства. Несмотря на все усилия, оказывалось невозможным построить генеалогии (а ведь именно в записи и анализе генеалогий и состоит этот метод) настолько полные и точные, насколько хотелось. Одна из трудностей в моей работе с местными жителями заключалась в необходимости избегать упоминания их тайн или других запретных тем — иначе можно было отпугнуть моих информантов прежде, чем они успеют ко мне привыкнуть. Поэтому я обычно начинал с того, что просил их рассказывать мне сказки по их собственному выбору. Этот образ действий, которому я потом уже следовал всегда, оправдал себя, тем более что запас такого рода историй у местных жителей неисчерпаем, и сказки они рассказывали лучше и охотней, чем что-либо другое. Эпизоды сказок давали мне удобные поводы для того, чтобы задавать вопросы. Некоторые из сказок (например, те, в которых рассказывается о главных церемониях) тоже хранились в тайне, и вначале рассказчики избегали их рассказывать.

Читатель обнаружит в содержании сказок много непоследовательного и нелогичного. Я, однако, совершенно сознательно решил не вносить в этом отношении в текст каких бы то ни было изменений, ибо тот факт, что рассказчиков никакие логические неувязки не смущали, является глубоко характерным для их манеры рассказывать. Так, в сказке, стоящей под № 62 [здесь № 24], речь идет о немой женщине, которая в то же время разговаривает. Утуму, если привести другой пример, является безголовым духом человека, у которого отрезана голова, однако в № 134 [здесь № 42] рассказывается, как такой дух убил человека, вонзив в голову ему свои клыки, а потом его съел. Подобных примеров можно было бы привести много.

Имена персонажей и названия мест в некоторых сказках, по-видимому, были придуманы самими рассказчиками, забывшими первоначальные (если таковые вообще были). Киваи знали, что меня интересуют все имена собственные, встречающиеся в сказке. Названия островов в Торресовом проливе, независимо от того, европейского они или местного происхождения, я привожу так, как слышал их в сказках, и установить, о каком именно острове в каждом отдельном случае идет речь, мне удавалось не всегда.

Все обозначения количества или временной протяженности очень неопределенны, а во многих случаях вообще не поддаются уточнению. Это и не удивительно, потому что первоначально у киваи было лишь два слова, обозначающие числа: *нао* — «один», и *неттова* — «два». «Три» передается сочетанием *неттова нао*, и подобным же образом, путем «приложения» одного числительного к другому, образуются сочетания, означающие «пять» и «шесть»; бóльшие не встречаются почти никогда.

Песни, которые встречаются кое-где в тексте сказок, во время рассказывания пелись. Ручаться за то, что текст песен записан точно, я не могу, так как обычно рассказчикам диктовать их мне оказывалось очень трудно, между тем как пели они их легко и без запинок. Перевод песен также лишь приблизителен — сами поющие не понимали во многих случаях смысла слов, которые они поют.

Некоторые элементы содержания сказок передавались без слов, мимикой и жестами; да и вообще в рассказывании жестикуляция играла большую роль. В нескольких случаях я упоминаю об этом в тексте.

Сказки даются в переводе, настолько близком к оригиналу, насколько это оказалось возможным, однако хотелось бы обратить внимание читателей на следующие обстоятельства. В общем, переводя сказки, я делал их несколько более «компактными», чем они были в своем первоначальном виде. Так, я устранял все ненужные дословные повторения и т. п. — в более очевидных случаях я отмечаю это в тексте.

Г Ландтман

О ПАПУАСАХ КИВАИ

Район расселения и язык. Папуасы киваи населяют остров того же названия и некоторые другие острова в дельте реки Флай, а также несколько деревень на левом берегу реки, весь правый берег ее устья и морской берег к западу, до селения Мабудаване включительно. Племена на западе и на севере говорят на языках, совершенно отличных от киваи, но диалекты, на которых говорят к востоку от района расселения киваи, языку последних, несомненно, родственны. В самом языке киваи можно выделить два диалекта: на одном говорят на острове Киваи, на другом — в селениях новогвинейского побережья (например, в Мавате). Словарь, а также произношение одного и того же слова в этих диалектах несколько разнятся: так, например, мифическое существо женского пола, называемое на острове Киваи «бусере-бусере», жители Маваты называют «бухере-бухере».

Одежда и украшения. Женщины носят травяную юбку — длинную и частую травяную бахрому, свисающую с пояса сзади и спереди. Ту часть, которая свисает сзади, пропускают между ног и закрепляют концы бахромы на поясе спереди. Туда же поднимают концы передней бахромы — так, чтобы получилось нечто вроде широкой петли. У женщин селения Масингара и других племен, которые киваи называют «жителями леса», бахрома травяных юбок ниспадает свободно со всех сторон.

Мужчины киваи прежде ходили нагишом, лишь иногда прикрывая срам раковиной. На праздниках они украшают себя перьями птиц, яркими ветками кротона и разнообразными украшениями из раковин, зубов убитых животных и плетеных веревочек. И мужчины и женщины часто протыкают себе носовую перегородку и носят в ней, как украшение, палочку.

Ж и л и щ а. Киваи живут в длинных домах — в самом длинном, который мне довелось увидеть, расстояние от одного конца до другого равнялось 154 м. Обычно же длина дома составляет от 40 до 80 м, при-

чем никаких перегородок, которые делили бы пространство внутри дома на отдельные комнаты, как правило, нет. Дома строятся на сваях, пол находится метрах в двух над землей. По концам дома два главных входа; перед каждым из них на уровне пола небольшая площадка, на которую поднимаются по лестнице. По сторонам дома парами, один напротив другого, входы поменьше. Внутри, от одного конца дома до другого, тянется широкий проход, а по сторонам его — два ряда очагов. Очаг представляет собой участок пола, покрытый толстым слоем глины, у каждой семьи он свой, и вокруг него она и размещается. Иногда встречаются дома, где место одной семьи отделяет от места другой перегородка, однако обычно перегородок нет, а есть только укрепляемые высоко над очагом широкие полки, на которых каждая семья держит свои вещи и утварь. Полка закреплена на четырех стойках, а стойки делят пространство внутри дома на некое подобие стоек, хотя при этом почти не мешают видеть, что происходит в доме от стены до стены. В домах темно, никакой мебели нет — люди садятся и ложатся на циновки, растеленные на полу.

Раньше в каждом большом селении был особый дом для взрослых неженатых мужчин, так называемый «даримо», куда женщинам разрешалось входить только во время некоторых церемоний и танцев. Женатые мужчины могли, по своему усмотрению, спать как в общем доме, так и в даримо. В даримо совершались многие церемонии, особенно из числа тех, что связаны с войной.

На удаленных от селения огородах, а также в местах, где люди часто ловят рыбу, строят рассчитанные на более или менее длительный срок пребывания в них хижины. Жители Масингары и другие «жители леса», в отличие от киваи, живут не в больших домах, а в маленьких хижинах, каждая семья отдельно. Некоторые из этих хижин строят на сваях, другие — прямо на земле.

Общественное устройство. У киваи не существует никакой общественной иерархии, все мужчины киваи равны в правах, и у них не существует собственности, которая могла бы создать различие между богатыми и бедными. Считается, что урожай или добычей каждый должен делиться с односельчанами.

Института вождей не существует, но признается авторитет пожилых, уважаемых за их качества людей. Во всех общественных делах их мнения оказываются решающими, и именно они вершат обычно суд и расправу над преступниками.

Племя делится на тотемические группы. Тотемы, самые распространенные на острове Киваи, — это казуар, крокодил, определенный вид краба и несколько разных видов деревьев; в Мавате четыре главных тотема — казуар, крокодил, собака и морская змея.

Довольно часто встречается полигамия, по обращаются с женщинами хорошо, и они пользуются значительными правами. Брак заключается на всю жизнь, но существует много обстоятельств, приводящих к его расторжению. Обычно мужчина приобретает жену в обмен на девушку из своей собственной семьи — ее берет в жены кто-нибудь из семьи его невесты, и оба брака, как правило, заключаются одновременно. Иногда жену покупают. Хотя никакой церемонии при заключении брака не совершается, к налагаемым им обязанностям относятся, пока он длится, очень серьезно.

Разделение труда между женщинами и мужчинами не в пользу женщин, однако биологические различия между полами учитываются.

О р у д и я т р у д а и у т в а р ь. Киваи еще и теперь пользуются каменными орудиями, а металлов до прибытия «белых людей» они не знали вообще. Из камня делают топоры и разной формы дубины (для этого камень закрепляют на конце толстой деревянной палки). Другие орудия делают из дерева, кости, раковин и т. п. Денег у киваи не существует, они знают только меновую торговлю, и для уплаты за товар может быть использован почти любой предмет домашнего обихода. Обычное оружие, кроме дубинки, — лук и стрелы разной длины с наконечниками разной формы.

Л о д к и. Киваи, живущие на морском берегу, пользуются большими парусными лодками, выдолбленными из стволов деревьев, с двумя балансирами по сторонам. На середине двух поперечных к лодке брусьев, к концам которых прикреплены балансиры, находится помост, на котором может поместиться несколько человек. Рулят при помощи доски, которую прикрепляют к наружной стороне борта. На таких лодках киваи отправляются в открытое море, на коралловые рифы, и иногда заплывают очень далеко. По рекам и вдоль морского берега плавают на лодках меньших размеров, без помоста посередине и всего с одним балансиром. Плавая на таких лодках, киваи отталкиваются шестом или гребут. На небольшие расстояния вдоль морского берега или вверх по рекам часто отправляются в «половине лодки» — так называется легкая лодка, которую делают из отслужившей свое старой, срезая у той борта.

З е м л е д е л и е. Киваи добывают себе пропитание земледелием, охотой и рыболовством. О своих огородах они заботятся и окружают их изгородью. Главные культуры — батат, ямс, таро и разные плоды, а среди культивируемых деревьев самые важные — кокосовая и саговая пальмы.

Табак киваи знали еще до прибытия европейцев, но затем культивировать его почти перестали, так как табак «белых людей» оказался лучше. Курят его киваи из бамбуковых трубок, которые изготовляют сами.

О х о т а и р ы б н а я л о в л я. Охотятся киваи на диких свиней,

казуаров, кенгуру нескольких видов и разных птиц. Некоторые племена убивают и едят также крокодилов, змей и игуан.

На коралловых рифах в открытом море киваи бьют дюгоней и черепах. Для этого они используют гарпун, привязанный к длинной веревке, который насаживают на длинный тяжелый шест — насаживают свободно, так, чтобы гарпун с шеста легко снимался. Другой конец шеста часто бывает украшен пучком казуарьих перьев. Иногда гарпун вонзают в дюгоня с носа плывущей лодки, но обычно во время отлива ставят на рифе мостки на высоких сваях, и на них занимает место гарпунщик. С приливом начинают появляться дюгоны, и, когда какой-нибудь из них подплывает достаточно близко, человек с шестом в руках прыгает в воду, с силой вонзая в животное свой гарпун. Вдоль натянувшейся гарпунной веревки, привязанной одним концом к мосткам, к дюгоню отправляется лодка; из нее, уже с другой веревкой, в воду прыгает человек и крепко обвязывает концом ее хвост дюгоня.

Рыбу ловят и бьют разными способами, а женщины собирают также моллюсков.

Война. Прежде много времени у местных жителей занимало ведение войн с соседями. Каждой войне предшествовала магическая и иная подготовка. Военные действия обычно принимали форму внезапного нападения, как правило — перед рассветом, когда, как предполагалось, противник спит. Врагов убивали независимо от пола и возраста, а все их имущество, за исключением того, которое победители уносили с собой, уничтожалось. Головы убитых отрезали бамбуковыми ножами и нанизывали на специальные ротанговые прутья. Хранились такие трофеи в мужском доме (см. выше). Когда воины с победой возвращались домой, в селении устраивали большой праздник, во время которого танцевали пипи, некеде и другие танцы.

Главные события жизни. Незадолго до родов будущая мать изолируется. На острове Киваи она остается в общем доме, но место, где она спит, занавешивают циновками; в Мавате же считают, что внутри общего дома роды происходить не должны, и для роженицы строят небольшую временную хижину. Перед родами и в первые дни после них женщину считают нечистой.

Каждое значительное событие отмечается пиршеством или танцами. Целый ряд церемоний совершается, когда подросток (особенно мальчик, но это относится и к девочкам) достигает половой зрелости.

Похороны. В прежние времена умершего клали на помост, и там тело разлагалось, пока от него не оставались одни только кости. Кости мыли и зарывали на огороде, но череп родственники умершего иногда оставляли на некоторое время у себя. Теперь мертвых хоронят в земле и над могилой строят для умершего маленькую хижину. Киваи верят,

что дух усопшего отправляется в Адири, страну мертвых, которая находится далеко на западе — там, где заходят луна и солнце. Когда кто-нибудь в селении умирает, односельчане вместе оплакивают покойника.

Танцы и песни. Кроме основных церемоний, часть которых описана в сказках, у киваи есть также много других, менее значительных праздников и танцев. Некоторые танцы танцуют на открытом воздухе, другие — в мужском доме. Большинство первых подражательные: танцоры, хотя стилизованно и условно, воспроизводят действия, совершаемые ими в реальной жизни. Остальные танцы, такие, как мадиа или мадо, которые танцуют под крышей, представляют собой нечто вроде церемониального шествия, участники которого снова и снова обходят по кругу помещение мужского дома, повторяя в унисон одни и те же, но особые для каждого из этих танцев песни. Обрывочные строки, если соединить их вместе, слагаются в более или менее целостное повествование. Некоторые из этих «стихов» можно иногда встретить в сказках.

Религия и магия. Киваи не верят в какое-либо верховное существо или в богов (во всяком случае, у них нет сколько-нибудь связанных представлений о таковых), они не приносят публично жертв, не молятся вместе, и у них нет священнослужителей — каждый, как правило, сам совершает обряды, нужные для общения со сверхъестественными силами. К любому сверхъестественному существу киваи обращается с просьбами, лишь пока ему кажется, то такие обращения приносят плоды; но если он убедится в противоположном, то начинает искать себе других сверхъестественных покровителей. В них, то есть в мир сверхъестественных существ, большинство которых упоминается в их легендах, и верят киваи. Киваи считают, что после смерти человека дух его продолжает жить и хотя изредка, но вступает в отношения с живыми. Особенно часто всякого рода сверхъестественные существа являются киваи во сне — для того, чтобы дать совет или чему-нибудь научить; сновидения вообще оказывают большое влияние на поведение киваи и служат источником многих их представлений.

В церемонии мимиа, которая совершается во время инициации, значительная роль отводится вырезанным из дерева или камня человеческим фигурам. Подобные же изображения вырезают на столбах внутри мужского дома. И те и другие предназначены для использования в церемониях, однако назвать их идолами в строгом смысле слова нельзя. Они не изображают какие-либо определенные существа или личности, и представление о том, что эти изображения означают, у самих киваи самые смутные. При этом, однако, они считаются священными и окружены почитанием.

В то же самое время в жизни папуасов большое место занимают многообразные магические представления и действия — иными словами,

прямое, минуя какие-либо конкретные «существа», обращение к безличной сверхъестественной силе. Однако у разных групп, даже в одном и том же селении, эти магические обряды, имеющие целью обеспечить успех в охоте и рыбной ловле, большой урожай на огороде, желаемое изменение погоды и т. п., могут быть очень разными. Один обучен одному образу действий (или же он открыл его для себя сам), другой — другому; большую роль к тому же приобретают в подобных случаях советы, которые каждый получает во сне.

Гамода и кареа. Местные жители выращивают растение, которое они называют «гамода» — по-видимому, это *Piper methysticum* («кава» полинезийцев). Корень и стебли гамоды разжевывают, а потом процеживают жвачку через кокосовый лист, давая соку стечь в половину кокосовой скорлупы. Напиток оказывает наркотическое действие, пьют его очень много и, кроме того, его используют как орудие магии, когда нужно обеспечить успех в предстоящем деле. Какой-нибудь старик погружает в сосуд с гамодой маленькую веточку и стряхивает с нее капли в заранее определенных направлениях или же окропляет ими людей, которые должны участвовать в намеченном деле; нередко он обращается при этом с соответствующей просьбой к какому-нибудь сверхъестественному существу. Иногда люди для той же цели просто набирают в рот немного воды и ее разбрызгивают. Обряд этот называется кареа, и каждый совершает его для себя сам.

Г. Ландтман

**сказки
и мифы**

**папуасов
кивай**

I. МИФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИВАИ

1. Откуда появился остров Киваи

В давние времена в устье реки Флай не было Киваи, не было Абауры, Мибу и никаких других островов, кроме острова Вабоды; были только два берега реки, Дуди и Манавете.

Жители Дуди и Манавете бросали в воду всякие отбросы и мусор. Течением все это сносило в одно место, где отбросы тонули. Прошло много времени, на кучу отбросов нанесло песок, и наконец в этом месте появился островок, однако на нем пока еще никто не жил.

Однажды течением принесло и выбросило на островок ствол ниповой пальмы. Мимо пролетал большой ястреб, варио, и он сел на этот ствол. В когтях у ястреба была рыба, он стал есть ее, и, пока он ее ел, несколько кусочков рыбы упали на ствол. Палило солнце, и кусочки начали гнить. В гниющей рыбе появились черви, один из этих червей все рос и рос и наконец стал человеком — Меури. Это был первый человек на острове Киваи.

Когда Меури подрос, он стал ходить по всему острову. Ястреб приносил ему рыбу. Со временем с северного берега реки на остров занесло разные плоды и семена, и на Киваи выросла роща. Первым выросло на Киваи дерево умиа-умиа, вторым — дерево варакара, а третьим — дерево сопутамо.

Однажды из Манавете, из селения Патури, на остров приплыли два человека, Герепа и Бадури — они искали мальчика по имени Амуэ, которого унес крокодил. Они увидели Меури и спросили:

— Ты кто?

— Я Меури, я здешний. А вы откуда?

— Мы из Патури.

Герепа и Бадури подумали: этот островок хорошее место. Они вернулись в Патури и уже вместе со всем своим народом отправились снова на Киваи, чтобы там поселиться. По дороге у них погас огонь, и за новым огнем они послали на Манавете черного какаду, капиа.

Еще и теперь посреди большого болота на острове можно видеть песчаную отмель, с которой начался остров Киваи, и по сей день под ней живет Меури.

2. Как на острове Киваи появилось селение Кубира

Когда остров Киваи был еще песчаной отмелью, течением однажды прибило к нему с северного берега большое дерево. На стволе сидел, крепко в него вцепившись, этерари, и вместе с деревом он попал на остров.

И вот как-то утром одна женщина из народа дибир-дари-мо, что живет возле гор Сиваре и Накаре в Дибире, к северу от реки Флай, решила пойти поработать на своем огороде и сказала старшей сестре:

— Я пойду на огород, а ты останься и присмотри за моим сыном.

Она ушла, а старшая сестра села плести корзину. Потом она взяла мальчика и пошла с ним на берег, там вымыла его и выкупалась сама. После этого она вернулась с ребенком домой и положила его рядом с корзиной, которую плела. Положив его, женщина отошла сменить свою мокрую юбку на сухую и не заметила, как мальчик заполз в корзину. Переодевшись, она села доплетать корзину, и тут услышала, что в корзине кто-то шевелится. Женщина подумала: «Наверно, заползла собака» — и ударила по тому, что шевелилось в корзине, палкой. Удар пришелся мальчику по голове и сразу убил его. «Что такое, почему собака не скулит?» — подумала женщина и заглянула в корзину.

— Ой, — воскликнула она, — так это не собака, это мальчик! Я думала, это собака, и убила его!

И, достав тело из корзины, она горько заплакала.

Вечером вернулись домой родители мальчика, и за то, что старшая сестра оставалась с ее сыном, младшая принесла ей болотной рыбы, кокосов, саго и хвороста.

— Зря ты принесла мне еду, — плача, сказала женщина. —

Я ходила купаться с мальчиком, а когда вернулась, стала менять юбку. Мальчик в это время заполз в корзину, а я подумала, что там шевелится собака, ударила и разбила ему палкой голову.

Мать ребенка, услышав это, обезумела от горя. Она схватила палку, которой сестра убила ее сына, стала бить сестру, и та еле спаслась.

Родители оплакали мальчика, а потом сказали:

— Лучше мы уйдем от старшей сестры куда-нибудь и будем там жить.

Они погрузили все свое добро в лодку, взяли мертвого ребенка и поплыли вниз по течению. Легкий восточный ветер подгонял лодку, и на рассвете муж и жена увидели, что они уже в открытом море.

Они плыли очень долго, и наконец муж, приподнявшись, увидел впереди что-то белое.

— Что это там плавает? — удивились они.

Подплыв, они увидели песчаную отмель и на ней ствол пальмы, а на стволе — этерари. Муж и жена стали думать: «Что это там такое, разноцветное, зеленое, черное, красное, синее?» Подплыв к отмели еще ближе, они увидели, что красное — это глаза этерари, красные, как огонь. Мужчина и женщина так испугались, что от страха чуть не справили свои нужды. Но тут этерари забил о ствол хвостом, закивал головой и стал быстро-быстро высовывать и прятать язык. Муж и жена сказали:

— Он зовет нас к себе!

Они осмелели немного и вылезли на отмель. Мужчина сказал жене:

— Давай подождем здесь и посмотрим, что он будет делать еще. Вдруг он злой и убьет нас — тогда мы тоже будем мертвыми, как наш ребенок, и никого из нас не останется в живых.

Солнце зашло, и они легли спать. Ночью дух этерари пришел к мужу и, ударя по земле хвостом, сказал: «Не бойся меня, я твой друг. Возьми белой, красной и черной краски и, когда увидишь, что сюда плывет лодка, покрась меня, и я потоплю лодку и убью людей, которые в ней плывут. Тебе самому драться не надо, я с ними справлюсь сам. А о вас я буду заботиться и, если сюда приплывут ваши друзья, наловлю рыбы, чтобы вам было чем их кормить. Своего ребенка завтра похороните. Жить вы будете на одном конце острова, а я — на другом».

Утром муж рассказал этот сон жене и добавили

— Он не нападет на нас, он наш друг.

Они похоронили младенца, а потом посадили саго, кокосы, бананы и кротон — чтобы украшать себя его листьями во время танцев; все эти растения они привезли с собой. Они построили хижину, и со временем женщина народила много детей. Так на острове Киваи появились люди — с северного берега, от гор Сиваре и Накаре.

Этерари по ночам заглатывал в море рыбу, а утром возвращался на остров и срыгивал часть ее для мужа и жены. Как-то, пожарив рыбу, они принесли ее этерари, но он сказал: «Ешьте сами — я ем сырую, жареной и вареной не ем. Ловить для вас рыбу я все равно буду».

Днем этерари говорил с людьми знаками — бил по земле хвостом, но когда появлялся ночью, говорил человеческим голосом. От людей он хотел только одного: чтобы они, перед тем как ему нужно будет драться, всегда его красили.

Однажды жители селения Дибире сели в лодку и отправились искать пропавших — им хотелось узнать, что с теми случилось. Увидев вдалеке лодку, муж и жена быстро покрасили этерари, и он запрыгал и забил по земле хвостом, готовый к бою. Но мужчина сказал:

— Это наши друзья, не убивай их.

Этерари в знак согласия кивнул головой, а потом закивал людям в лодке, чтобы они причаливали, и бросился в море наловить для них рыбы.

Звали этерари Дипому, и в Кубире, которую основали первые люди на острове Киваи, его до сих пор считают покровителем этого селения.

Сам остров был вначале совсем маленьким, но постепенно становился все больше. До того, как на острове появились деревья, люди жили в землянках, а когда деревья выросли, люди стали делать из них хижины. Сначала люди жили только в одном месте — там, где теперь селение Кубира, — а потом расселились по всему острову [«как стрелы из одной связки», — добавил рассказчик].

3. Как народ киваи переселился из леса к морю

Когда-то народ киваи жил в лесу и даже не зная, что есть море. Но однажды старейшина, которого звали Дамера, решил вместе со своими братьями Мурау и Парарой спуститься по

реке и посмотреть, куда они приплывут. На маленькой лодке с одним балансиром они поплыли вниз по течению и наконец услышали шум моря и ветра. Дальше плыть они побоялись и пристали к берегу. Дамера взял лук и стрелы и пошел крадучись вперед посмотреть, что это там шумит. Выйдя на берег, он увидел перед собой море и воскликнул:

— Ой, так шум, оказывается, от воды, нас испугала вода!

Он посмотрел по сторонам, место ему понравилось, и он послал Мурау и Парару за односельчанами, чтобы те переселились сюда. Вскоре киваи приплыли и стали выбирать места для домов.

Было очень жарко, поэтому Дамера построил себе маленькую хижину и крышу сделал из кокосовых листьев. Он сказал односельчанам:

— Нурумарой моего рода будет кокос, вот почему он наверху моей хижины.

Мурау и Парара, когда строили себе хижину, крышу сделали из листьев ниповой пальмы. Они сказали:

— Нашим нурумарой будет ниповая пальма.

Кто-то сделал крышу для своей хижины из тростника, кто-то — из пандануса, кто-то — из растения гесере, и каждое растение становилось нурумарой того, кто сделал из него крышу. Один человек поймал краба коробе, и Дамера ему сказал:

— Не убивай его и не ешь, он будет нурумарой твоего рода.

Двум другим людям Дамера дал в нурумары казуара и крокодила.

Дамеру все уважали, и он был старейшиной селения Иаса. Он многому научил свой народ, и это он дал огню и кокосовой пальме их теперешние названия. Сначала огня у киваи не было, но потом им принес его с северного берега реки Флай черный какаду. Когда черный какаду летел с ним к острову Киваи, он кричал: «Суре!» — так жители северного берега называли огонь. Но Дамера сказал:

— Это название плохое, лучше мы будем называть огонь по-другому — «эра».

Кокосовые пальмы тоже назывались сперва иначе — «гагама», от названия знаменитого дерева в Иасе, но и им Дамера дал другое название — «ои».

4. Как воины Иасы начали отрезать головы убитых врагов

В прежние времена воины селения Иаса не отрезали головы убитых врагов, хотя воины Кублиры, после того как убивали врага, голову у него отрезали.

Воины Кублиры часто нападали на Иасу, а воины Иасы часто нападали на Кублиру, и вот однажды воины Кублиры напали на Иасу, перебили почти всех мужчин, женщин и детей и унесли с собой их головы. Из тех, кто в это время был в селении, в живых осталась одна девушка — она была очень красивая, и воин Кублиры взял ее с собой и на ней женился.

Старший брат этой девушки был одним из старейшин Иасы, и там же, в Иасе, остался и ее младший брат — во время набега их в селении не было, и они уцелели.

Женщина из Иасы родила в Кубире двух сыновей. Однажды, когда дети уже подросли, несколько людей Кублиры выследили, как жители Иасы отправились на рыбную ловлю, и сказали остальным:

— Жители Иасы ловят рыбу, надо на них напасть!

Воины Кублиры сели в лодки и поплыли туда, где ловили рыбу жители Иасы, а когда те отправились с уловом назад, преградили им путь. Начался бой, и двое юношей из Кублиры, сыновья женщины из Иасы, убили, сами того не зная, младшего брата своей матери. Они отрезали у него голову и, когда бой кончился, вернулись вместе с другими воинами домой, в Кублиру, и там кто-то из вернувшихся воинов сказал их матери:

— Твои сыновья убили врага.

— Хорошо, — сказала мать, — они оба сильные.

Когда она еще была девочкой и жила в Иасе, ее младший брат стал однажды просить кокос, который она ела. Он все выпрашивал и выпрашивал, и наконец она рассердилась и швырнула этим кокосом в него. Кокос попал ему в голову, ранил, и у мальчика потекла кровь. Потом рана зажила, но шрам на лбу так и остался. И теперь, когда женщина пришла к сыновьям посмотреть на голову, которую они принесли, она сразу увидела, что это голова ее брата.

— Так вот кого вы убили! — воскликнула она. — Плохо, что вы убили его, ведь это мой брат!

И она стала его оплакивать.

Сыновья сказали:

— Мы не знали, что это твой брат.

Они тоже его оплакали, а потом пошли к односельчанам и сказали:

— Мы сегодня в первый раз убили врага, давайте отпразднуем его смерть.

— Давайте, — сказали односельчане.

Люди принесли гамоды и всякой еды, женщины всё приготовили, и все сели есть.

На другой день, когда праздник кончился, братья начали тайком от односельчан делать ножи для отрезания голов. Они делали их несколько месяцев, и никто, кроме их матери, об этом не знал. Готовые ножи они отдавали ей, и она складывала их в два мешка, сделанные из циновок. Когда ножей стало очень много, сыновья сказали отцу:

— Мы отплываем на островок ловить рыбу.

Они взяли с собой мать и все сделанные тайком ножи, сели в лодку и поплыли на островок, но пробыли там недолго и поплыли дальше, в Иасу.

Когда до Иасы было уже близко, братья перестали грести и сказали матери:

— Мы боимся, что нас убьют. Пойди одна к своему старшему брату и расскажи ему про нас.

— Хорошо, — ответила мать, — вы оставайтесь в лодке, а я пойду к брату и позову его.

Она вышла на берег и отправилась в селение. Все мужчины Иасы, когда она туда пришла, были в доме для мужчин, и она, подойдя к этому дому, услышала, как говорит ее брат. Она зашла под дом и стала там ждать. Через некоторое время она услышала, как ее брат говорит остальным мужчинам:

— Оставайтесь здесь, а я пойду к себе домой.

Он вышел, и тогда сестра схватила его за руку и сказала:

— Мой брат!

И она заплакала.

— Ой, кто это? — воскликнул он.

— Это я, твоя сестра, — ответила она. — Меня тогда не убили — воин из Кубиры взял меня в жены.

Они пошли вместе в его хижину, и она сказала:

— Брат, на лодке остались двое моих сыновей.

— Пойди и приведи их сюда, — сказал ей брат, — пусть не боятся, жители Иасы не тронут моих гостей.

Мать вернулась и позвала сыновей, и те, взяв луки со стрелами и череп ее брата, которого они убили, выпрыгнули на берег. Черепа видно не было, он был весь обмотан тонкой верев-

кой с нанизанными на нее собачьими зубами, и казалось, будто это шар из собачьих зубов. Мать и сыновья пошли в хижину ее брата, и он расстелил для них циновки.

— Садитесь, — сказал он им, — а я схожу в дом для мужчин. Он пошел туда и сказал односельчанам:

— Вы ложитесь спать здесь, а я буду спать у себя в хижине.

Он вернулся домой, и его две жены приготовили для всех еду. Жители Иасы не знали, что у него в хижине гости.

Рано утром на другой день юноши сходили к лодке и принесли из нее старшему брату матери мешки с ножами и несколько топоров. Мать их сказала брату:

— Вот череп нашего младшего брата — его убили мои сыновья, поэтому мы пришли к тебе все втроем.

Кроме связки собачьих зубов, которой был обмотан череп, юноши дали в уплату за убитого топоры, а потом дали брату матери нож для отрезания голов и показали на скорлупе кокоса, как им резать.

Когда жители Иасы проснулись, старейшина позвал их к себе, и они, увидев юношей и их мать, стали спрашивать:

— Откуда эти люди, кто они?

Старейшина ответил:

— Они из Кубиры. Эта женщина моя сестра — воины Кубиры не убили ее, один из них на ней женился, и эти юноши ее дети. Они убили моего младшего брата, вот почему они пришли.

После этого он раздал воинам ножи для отрезания голов и объяснил, для чего они. Сыновья женщины сказали:

— Мы вернемся назад в Кубиру и просим там три ночи, а на четвертый день позовем односельчан на островок ловить рыбу. Оттуда мы подадим вам знак — разожжем костер.

Они стали собираться в обратный путь. Жители Иасы хотели дать им на дорогу много еды, но юноши сказали:

— Не давайте нам слишком много — люди Кубиры, когда мы приплывем, увидят еду и догадаются, где мы были.

Вместе с матерью они поплыли назад в Кубиру, а через три дня сказали односельчанам:

— Давайте поплывем завтра на островок ловить рыбу и крабов.

Люди Кубиры согласились и на другой день туда отправились. Братья, когда приплыли туда со всеми, сразу разожгли костер, дым от костра поднялся очень высоко, и жители Иасы его увидели. Они приготовились и, когда наступила ночь, сели

в лодки и поплыли на островок, где жители Кублиры ловили рыбу. Те, ничего об этом не зная, улеглись спать, а перед самым рассветом воины Иасы, пристав к островку, незаметно подкрались к ним и напали на спящих. Они убили всех, кто был на островке, кроме двух братьев, и юноши вернулись домой одни и сказали тем, кто там оставался:

— Больше никто не вернется, воины Иасы перебили всех.

Юноши остались жить в Кубуре, где родились, и вместе с ними в Кубуре осталась их мать. А воины Иасы в этот раз отрезали у всех убитых врагов головы и принесли их домой. С тех пор они и стали отрезать головы у убитых врагов.

5. Почему расселились по лесу жители Масингары

Предки лесных народов жили когда-то все вместе в Масингаре. Однажды мужчины Масингары отправились на охоту за дикими свиньями и казуарами, а мальчики — за птицами и лесными крысами. Один из мальчиков попал стрелой в кенгуру, но не убил его, и кенгуру с торчащей из него стрелой поскакал прочь. Тогда выстрелил из лука другой мальчик, его стрела попала кенгуру в шею, и кенгуру упал мертвый. Первый мальчик закричал:

— Зачем ты тоже выстрелил в кенгуру? Этот кенгуру мой!

— Нет, — ответил другой мальчик, — он мой, ведь убил его я!

Он разделал кенгуру, изжарил мясо и угостил друзей, но мальчика, который выстрелил в кенгуру первым, не угостил. Тому стало обидно, и он взял острый бамбуковый наконечник, насадил его на одну из своих маленьких стрел и выстрелил в мальчика, который его обидел. Он попал тому в шею, и мальчик умер. Друзья убитого, увидев это, повскакали с мест, и началась драка. Между тем отцу убитого сказали о том, что его сына убили; он прибежал, и начали драться взрослые. Отец разжевал листья растения аухи, от которого появляется желание драться и убивать, выплюнул жвачку на людей и крикнул:

— Деритесь всегда!

Жители Масингары рассорились совсем и вскоре разошлись в разные стороны, кто в Ирупи, кто в Тати, кто в Джибару, кто в Саву, а часть осталась в Масингаре. Только недавно они перестали враждовать друг с другом, а до этого воевали все время.

6. Откуда в Бугамо, Кунины и Мавате появились люди

Однажды в Куру играл в траве самец кенгуру, и его семя пролилось на землю и стало сохнуть на солнце. Из семени вырос мальчик и появился росток гамоды. Самец кенгуру убежал, но пришла самка кенгуру и стала кормить ребенка своим молоком. Поокормив его, она ушла, а потом пришла снова. Так она стала кормить мальчика, но приходила к нему ненадолго — иначе кожа у него покрылась бы шерстью, как у животного. Мальчик спал на траве, по ней катался, тело его все время терлось о землю, и потому волосы на нем не выросли.

Однажды кенгуру дала ему грызть кусок очень твердого дерева, и кусок этот превратился у него во рту в зубы. Еще кенгуру принесла лишайник, который вырастает на стволах деревьев после дождя, и сделала из него мальчику уши. Глаза его вначале были закрыты, но кенгуру потеряла их, и они открылись.

Чтобы научить мальчика ходить, кенгуру отпрыгивала от него на несколько шагов, а потом звала:

— Джово гиеи! — Прыгай, иди сюда!

И она стала его звать Джаваги. Сначала мальчик прыгал двумя ногами, как кенгуру, но потом научился ходить как человек.

Однажды ночью кенгуру пришла к мальчику во сне и объяснила, зачем нужно растение гамода. Она сказала:

— Ухаживай за ним хорошо. Когда будешь сажать таро или какие-нибудь другие овощи, отрежь от гамоды кусочек и зарой там же, где посадишь овощи — тогда они будут хорошо расти. Еще, для этого же, жуй листья гамоды, а разжевав, выплевывай на посадки. Вечерами пей настойку гамоды, а утром выходи и мочись на огород.

В другую ночь кенгуру научила мальчика, как сделать лук и стрелы. Каменного топора у него не было, но она научила Джаваги, как отпилить от дерева толстую ветку для лука. Она сказала, что для этого нужно сплести из молодого бамбука веревку. Тетиву, сказала она ему, нужно сделать из длинного куска ротанга, а к стрелам привязать наконечники из острых пальмовых щепок.

Когда Джаваги отпиливал своей бамбуковой веревкой ветку для лука, дерево вспыхнуло. Мальчик очень испугался, но ночью кенгуру снова пришла к нему и сказала:

— Это огонь — хорошо, что теперь он у тебя будет. Ты не бойся его, готовь на нем пищу — сырую лучше не есть.

Наконец лук и стрелы были готовы. Мальчик пошел и застрелил в кустарнике чернохвостую крысу, а ночью снова увидел кенгуру. Кенгуру похвалила его и сказала:

— Все, что водится в лесу, твое. Можешь стрелять и есть все, что бегаёт, и можешь подстреливать также змей, игуан и птиц.

Однажды Джаваги подстрелил кенгуру, отнес домой и изжарил. Он не подумал, что убил отца или мать — тех, благодаря кому появился на свет. Съев немного мяса, он упал мертвым, и его дух улетел и стал блуждать по земле. В отверстиях мертвого тела Джаваги завелись черви.

Но потом пришел какой-то самец кенгуру, плюнул на мальчика разжеванными листьями одного дерева, и Джаваги ожил. Кенгуру отрезал у себя кусочек хвоста, дал мальчику и сказал:

— Теперь, если тебе надо будет подкрасться незаметно к кому-нибудь, чтобы убить, ты сможешь, когда захочешь, стать кенгуру.

И еще кенгуру дал ему средства, благодаря которым можно становиться змеей, кабаном и ястребом, и научил Джаваги многим способам убивать врагов.

Мальчик понял, что есть мясо кенгуру нельзя, и сказал себе: «Ведь кенгуру мой отец, благодаря ему я появился на свет, а я ел его мясо! Если бы не ел, я бы не умер. Больше я его есть не буду».

С тех пор мужчины — жители леса не едят мяса кенгуру, хотя их женщины его едят. Только иногда, во время колдовства, мужчина съедает немного мяса кенгуру вместе с мясом человека, и от этого он словно теряет разум и рвется убивать.

Джаваги стал бродить по лесу и стрелять змей, чернохвостых крыс, казуаров и кабанов. Жилья у него не было, он ночевал где придется. Когда темнело, он разжигал костер, жарил на нем дичь, убитую за день, а потом ложился спать на траве — прямо там, где его застигала ночь. Так он ходил и давал названия разным местам, потому что в них еще никто не жил и названий у них до этого не было. Нгамуара, Бинаменеа, Джибу, Бодуго, Маги, Сава, Гама, Ворупи, Дирино, Кунини — все эти места назвал так Джаваги.

В Бугамо, в дупле дерева новаи, жили женщина с девочкой — они появились из червей, которые завелись в гниющем плоде этого дерева. Какие-то насекомые отложили в спелый

плод яйца, из яиц вывелись черви, почти у всех у них начали расти крылья, и эти черви стали мухами; но у двух червей выросли руки, ноги и голова, и они превратились в женщину и девочку.

Женщина с девочкой, поселившиеся в дупле дерева новаи, кормились чем придется, потому что огорода у них не было. Обе они ходили нагие.

Однажды Джаваги проходил около этого дерева и увидел их следы. «Следы разные,— подумал он,— одни большие, другие совсем маленькие! Когда же здесь проходили, вчера или сегодня? Нет, земля уже сухая — наверно, проходили вчера, пришли, а потом пошли назад».

Джаваги пошел по этим следам — ему захотелось узнать, куда они его приведут. Женщина с девочкой, сидевшие в это время в дупле, услышали его шаги, и женщина сказала:

— Тише, кто-то идет — может, это кабан или ягуар.

Джаваги, уже потерявший след, услышал у себя за спиной голоса и удивился: «Что это такое? Может, насекомое стрекочет?» Женщина и девочка в дупле подумали: «Шагов больше не слышно — тот, кто шел, остановился; наверно, он шел по нашим следам».

Девочка шевельнулась, и Джаваги это услышал. «В дупле кто-то есть!» — подумал он и закричал:

— Эй, кто там, в дереве? Я пришел по вашим следам!

Женщина с девочкой не ответили, и обе прикусили пальцы, чтобы не рассмеяться.

— Вылезайте, я хочу вас увидеть! — крикнул Джаваги.

Но они стеснялись вылезти, потому что были голые. Тогда Джаваги взял стрелу и тупым концом ее ткнул в глубину дупла. Конец уперся в твердое, и Джаваги подумал: «Это только дерево».

Он снова ткнул в глубину дупла, но на этот раз попал в женщину. «Там кто-то затаился», — подумал Джаваги. Голоса из дупла опять никто не подал, и тогда Джаваги пригрозил:

— Ну, кто там есть, берегитесь — сейчас я суну стрелу острым концом вперед и проткну вас насквозь!

Он ткнул, острое вонзилось в заднюю стенку дупла, и Джаваги подумал: «Опять попал в дерево». Он ткнул рядом и попал в девочку, но та удержалась и не вскрикнула, а женщина стерла с кончик стрелы ее кровь. Джаваги понял, однако, что кого-то поранил, и сказал:

— Кто вы? Назовитесь!

— Нет,— ответила женщина,— назовись ты первый.

— Я Джаваги.

— Откуда ты?

— Я из Куру.

— Если ты из Куру и живешь не здесь, зачем ты сюда пришел?

— Я охотился на кабанов, казуаров, разных птиц, увидел следы и пошел по ним. Ты женщина?

— Да, я женщина.

— Как твое имя?

— Я Орле-вало.

— А что за ребенок с тобой, мальчик или девочка?

— Девочка, ее имя Морари,— сказала женщина.— Отойди немного, тогда мы вылезем.

Джаваги отошел в сторону, и женщина с девочкой, прикрывая свою наготу руками, вылезли из дупла. Он им сказал:

— Зачем вам жить в дупле? Человек должен жить под небом, должен видеть луну и звезды.

Приглядевшись получше к женщинам, Джаваги удивился: «Что это у них внизу живота? У меня другое». Он научил их делать из коры юбки и сказал:

— Когда вы их наденете, тогда я к вам и подойду, раз вы меня стесняетесь. А я вас совсем не стесняюсь и буду ходить голый.

Джаваги сделал три постели — для себя, женщины и девочки, а потом сделал над ними навес из пальмовых листьев. Спать он лег с Орле-вало.

Они стали жить вместе. Джаваги охотился на кабанов и казуаров, а женщина и девочка расчистили землю под огород. Орле-вало забеременела и, когда пришло ее время, ушла в заросли и родила там мальчика. Они назвали его Бадуаме.

Когда Орле-вало отняла сына от груди, они с Джаваги сказали девочке:

— Оставайся здесь и заботься о мальчике. Мы уйдем в Куру, а вы будете жить здесь, в Бугамо.

Они ушли вдвоем в Куру и там поселились, а Морари и Бадуаме остались в Бугамо.

На другом берегу реки Бинатури, в Кунини, в это время жило уже много людей. Они тоже выросли из червей в плоде того же дерева новаи, только их плод упал в воду, и течением реки его выбросило на другой берег.

Как-то раз Морари шла вдоль берега и услышала голоса жи-

телей Кунины на другом берегу. «Что это, гуси кричат на болоте или за устьем реки шумит море? — подумала она. — Нет, это разговаривают люди на другом берегу!» И она закричала:

— Эй, кто это там, люди или птицы?

А потом, увидев, что это люди, закричала им:

— Где вы живете?

— Здесь, в Кунины! — ответили ей люди с другого берега.

— А я здесь, в Бугамо! — прокричала им девочка.

Жители Кунины взобрались на дерево, нависшее над водой, подтянули к нему за ветку дерево с той стороны, где стояла Морари, и связали верхушки.

— Вот вам дорога, идите к нам! — стали звать они Морари и Бадуаме.

Те перешли на другой берег и остались там жить. У потомков Морари и Бадуаме до сих пор огороды в Бугамо — на том берегу, откуда пришли эти двое. Люди Кунины всегда ходили к морю и ловили там рыбу и крабов — тропа, по которой они туда ходили, до сих пор называется Кунины-габо. Но потом, после великого мора, когда умерло очень много людей, те, кто остался в живых, переселились на морской берег совсем. Там они и живут теперь в селении, которое называется Помогури.

Как-то раз, когда Бадуаме был еще маленьким мальчиком, мужчины Кунины отправились на охоту. Когда они вернулись, сестра Бадуаме, Морари, сказала другой женщине:

— Бадуаме тоже убил кабана.

Но женщина ей сказала:

— Ты говоришь неправду, Морари, Бадуаме слишком мал, он не мог убить кабана.

Когда добычу стали делить, Морари и Бадуаме не дали ни кусочка, потому что жители Кунины их невзлюбили. То же повторилось и на другой день: мужчины пришли с охоты, Морари снова сказала женщине, что Бадуаме убил кабана, но никто не дал им ни кусочка. Тогда Морари принесла с огорода корень, который называется аухи, поварила его немножко и полусырым дала Бадуаме:

— На, ешь — твой отец говорил, что тебе нужно это съесть.

Бадуаме съел аухи и после этого словно потерял рассудок, потому что те, кто поест этого корня, становятся злыми и хотят убивать; поэтому его дают и собакам, чтобы они лучше загоняли дичь на охоте.

На другое утро Бадуаме взял лук и стрелы и отправился на охоту. Едва отойдя от дома для мужчин, он подстрелил казуара,

а потом, подряд дикую свинью, игуану и много другой дичи. Остальные охотники вернулись в этот раз с пустыми руками, им не удалось подстрелить никого, зато Бадуаме повезло, как не везло еще ни одному охотнику. Услышав, как он поет охотничью песню, Морари очень обрадовалась — ведь это она дала ему корень аухи; но хотя все вокруг удивлялись и восхищались Бадуаме, она никому не сказала, что таким охотником он стал благодаря ей. Дичи он убил столько, что люди не смогли всю ее перенести в селение. Это мясо Бадуаме разделил среди односельчан. Ни об одном человеке в селении не говорили теперь с таким уважением, как о нем.

В следующий раз Бадуаме набил столько же дичи, сколько в первый. Слава о нем распространилась далеко вокруг — добычу из леса приносил только он один. Морари сказала односельчанам:

— Раньше вы стыдили меня, а теперь стыдно должно быть вам. Раньше вы не давали нам с братом мяса, а сами теперь едите добытое Бадуаме. Мы поступаем лучше, чем поступали вы.

Однажды, когда люди собрались на охоту, Бадуаме притворился больным и не пошел в лес.

— Что с тобой, Бадуаме? — спросила Морари.

— Я не могу сегодня пойти, — сказал он, — мне что-то холодно, хочется посидеть у огня.

Но когда охотники ушли в лес, Бадуаме поднялся, раскрасил себя черной краской, взял лук и стрелы и застрелил одного из детей, купавшихся в реке Бинатури. От корня аухи, который ему дала Морари, разум у Бадуаме помутился, и теперь он мстил людям, прежде отказывавшим ему в еде. Он сказал сестре:

— Вытащи стрелу из тела ребенка и принеси ее мне.

И никто не посмел хотя бы упрекнуть Бадуаме. Он выпустил стрелу в другого ребенка, и тогда отцы и матери побежали со своими детьми прочь из селения. Даже свиней и собак, которых они оставили, Бадуаме всех поубивал.

Наутро Бадуаме увидел, что, кроме них с Морари, в селении никого не осталось, и пошел искать людей. Он побывал в Диримо, Воруупи, Коди, Саве, Маги и Гаме, но не встретил ни одного человека и вернулся. На другой день он снова притворился больным и остался дома, но, как только Морари ушла на огород, он раскрасил тело черной краской и снова отправился бродить по округе. Он пришел в Баду, и люди там, увидев его, стали спрашивать:

— Откуда ты?

— Я из Бугамо, мое имя Бадуаме. А вы кто?

— Мы жители Баду.

Бадуаме у них переночевал, утром пошел дальше и пришел в Оломе, и там его встретили так же хорошо, как в Баду. Потом он пошел в Джибару, и так же приветливо люди встретили его там. Жители Джибару стали уговаривать Бадуаме остаться с ними, и он согласился — остался у них и женился на одной женщине. Прошло время, и эта женщина родила ему мальчика, которого называли Бидеду.

Однажды Бадуаме вспомнил родные места, ему стало грустно, и он заплакал.

— Отец, почему ты плачешь? — спросил Бидеду.

— Я грущу о своей родине, — ответил Бадуаме. — Ведь я родился не здесь, это твоя мать здесь родилась.

— Откуда же ты?

— Я из Куру.

Тогда Бидеду сказал:

— Отец, ты оставайся в Джибару, а я пойду в Куру.

Бидеду взял лук и стрелы и отправился в путь. Он прошел через Себе, Мирапу, Тати, Бугиа, Соморосе и в Гуруру решил переночевать. Проснувшись, он стал казуаром — обличье человека ему надоело — и уже в обличье казуара пошел дальше. По дороге он встретил этерари, и тот сказал:

— Бидеду, я твой друг, пойдем вместе.

Они пошли вместе и шли очень долго. Наконец этерари устал и сказал:

— Друг, дальше иди один — у меня слишком тяжелый хвост, идти так долго я не могу.

Они расстались, и дальше Бидеду пошел один. Он пришел в Идже и оттуда увидел Куру. Тогда он снова стал человеком, положил лук и стрелы на землю и сел отдохнуть под деревом капаро.

На острове Дару жил в то время народ хиаму. Хиаму били острогами дюгоней и съедали их, а кости выбрасывали. Какой-то ястреб подхватил одну из этих костей, полетел и опустился с ней на дерево, под которым в это время сидел Бидеду. Ястреб выронил кость, она стала падать, задевая ветки, и Бидеду воскликнул:

— Что это?

Ястреб крикнул ему: «С-се!», что на языке жителей леса значит «лови», и Бидеду поймал кость. Птица поднялась с де-

рева и полетела прочь, Бидеду посмотрел, куда она летит, и увидел, что она полетела к морю.

— Завтра и я пойду туда же, куда ты полетела сегодня,— сказал он.— Наверно, на берегу живут люди — они и убили того зверя, чью кость ты принес и выронил.

Бидеду переночевал под деревом капаро, а утром пошел туда, куда полетела птица. Он вышел к морю недалеко от устья реки Ориому и оттуда увидел остров Дару. «О, на этом острове дым от костра — значит, там живут люди,— подумал он.— Там-то ястреб и подобрал кость».

Предки нынешних жителей Маваты жили тогда в толстом стебле вьющегося растения бухере-апоапо. Бидеду прошел мимо этого растения — он не знал, что в нем живут люди. Но когда Бидеду отошел от него немного, он услышал позади голоса. Бидеду остановился, а потом повернул назад. Он подумал: «Наверно, внутри этого стебля люди». Своим костяным ножом, которым вскрывал кокосы, Бидеду вспорол стебель, и из него вышли мужчины, женщины и дети. Бидеду набрал в рот воды, сбрызгал ею людей и сказал:

— Жить в стебле плохо, для вас лучше будет выйти из него и жить, как я: ходить везде, чувствовать ветер, видеть луну и звезды. А в стеблях пусть живут крысы и змеи.

Эти люди захотели накормить Бидеду, и один из них принес ему земли и сказал:

— Вот тебе саго.

Другой дал ему каких-то маленьких горьких плодов и сказал:

— Вот тебе бананы.

Третий дал ему плодов ниповой пальмы, которые люди не едят, и сказал:

— Вот тебе кокосы.

Огня у них не было, они все ели сырым, и изо рта у них плохо пахло. Бидеду увидел, что едят эти люди, и сказал им:

— Я пойду в Куру, а завтра вернусь сюда.

Он пошел в Куру и набрал там разных плодов и овощей — кокосов, бананов, гамоды, табака и многого другого. Еще он взял с собой из Куру тлеющую головню. Вернувшись к людям, которые вышли из стебля растения бухере-апоапо, Бидеду сказал:

— Я дам вам хорошую еду, какой у вас нет.

И он научил их сажать и есть кокосы, саго, таро и другие растения и назвал им все плоды и овощи, которые принес. Бидеду также дал им огонь и сказал:

— Раньше вы сушили еду на солнце, а теперь, на огне, сможете готовить ее по-настоящему.

Бидеду остался с ними жить и научил их строить жилища и возделывать землю. Люди, вышедшие из стебля бухере-апо-апо, были этому очень рады. Селение, которое они построили, стало называться Мавата.

7. Как появился остров Парама

Прежде жители Парамы жили в селении Вираро, в Дуди. Тогда острова Парама еще не было, а была только песчаная отмель. Время от времени вода покрывала ее совсем, и селились на ней одни птицы.

Жителей Вираро донимали москиты, и люди не знали, как им от них избавиться. В Вираро жил один человек с острова Киваи, которого звали Ковиноро, и однажды Ковиноро сказал:

— Вон из той отмели я сделаю остров, на нем вырастут кусты и деревья, и мы на него переселимся.

Люди не поверили ему и сказали:

— Нет, сделать остров из отмели ты не сможешь.

Но Ковиноро не стал их слушать, отправился на отмель и принялся за работу. Сначала он поймал каменную рыбу, а потом вырыл в песке яму, положил туда рыбу, набросал на нее травы и засыпал яму песком. Рядом с каменной рыбой он зарыл белую цаплю, а потом пожевал какой-то травы и какого-то плода, выплюнул жвачку на песок и сказал:

— Пусть здесь поднимется остров, и пусть он будет большой. Я вернусь домой, лягу спать, а когда утром встану, пусть я увижу здесь остров.

Он сел на лодку, вернулся в Вираро и сказал жителям:

— Ложитесь спать и не вставайте раньше меня.

Все легли и крепко заснули. Утром Ковиноро поднялся первым, посмотрел на отмель и увидел вместо нее большой остров. Он подумал: «Не буду будить людей, проснутся — увидят сами».

Наконец жители Вираро начали вставать, увидели остров и стали спрашивать друг у друга:

— Откуда он взялся?

Они разбудили тех, кто еще спал, и сказали им:

— Посмотрите: где была отмель, теперь остров!

— Поплывем туда все, — сказал Ковиноро, — и посмотрим, что там, на этом острове.

Люди сели на лодки и поплыли на остров. Он был большой, весь зеленый от травы и деревьев, и море не заливало его — его оберегали каменная рыба и белая цапля. Люди осмотрели весь остров и назвали его Параму, и каждый выбрал себе место для хижины. Разные части острова они назвали по-разному — Бугидо, Тетебе и Ауо Моуро.

После этого люди вернулись в Вираро и сказали:

— Мы проспим здесь ночь, а завтра все уплывем на остров и построим себе там хижины.

Утром они собрали свое имущество и поплыли на Параму. Одни построили себе хижины в Бугидо, другие в Тетебе, третьи в Ауо Моуро.

Люди тогда еще не знали, что такое на самом деле дюгонь. Однажды, когда мужчины уплыли ловить рыбу, женщины в селении увидели в море около берега дюгоня, очень испугались и бросились бежать кто куда. Они сказали мужчинам, когда те вернулись:

— В воде у берега долго плавал кто-то большой.

Но один из мужчин слышал о дюгонях и рассказал про них. Тогда люди сделали мостки и с них убили много дюгоней. Все были очень довольны и сказали:

— В этом новом месте, где мы теперь живем, много дюгоней, а на огородах все растет хорошо. Здесь нам лучше, чем в Вираро.

8. Как впервые встретились жители Старой Маваты и Гурахи

В давние времена жители Старой Маваты не знали о селении Гурахи, или Кататаи, а жители Гурахи не знали о Старой Мавате, хотя селения их были совсем недалеко одно от другого. Однажды старейшина Маваты, Агиваи, пошел стрелять птиц — ему нужны были перья, чтобы сделать из них украшения к празднику. Он увидел цаплю и выстрелил в нее стрелой с четырьмя остриями. Стрела вонзилась в цаплю, но ее не убила, и птица с застрявшей в ней стрелой улетела.

В это время женщина из Гурахи, которую звали Ээи, собирала неподалеку моллюсков. Она увидела цаплю и удивилась: «Ой, из нее торчит стрела с четырьмя остриями! Кто же в нее стрелял? Кто-нибудь, наверно, за нею гонится».

Цапля упала на землю около Ээи, и та подняла ее и положила к себе в корзину.

Агиваи видел, куда полетела птица, он побежал в ту сторону и вдруг увидел Ээи.

— Кто ты? — воскликнул он.

— Я Ээи, — ответила она.

— А я Агиваи. Ты откуда?

— Из Гурахи. А ты?

— Из Маваты.

Агиваи увидел мертвую птицу у нее в корзине и сказал:

— Дай мне мою цаплю, мне надо скорей вернуться в селение, у нас будет праздник.

Но Ээи сказала:

— Не бери ее у меня и не уходи, останься со мной.

Они пошли вместе в Гурахи, и жители, увидев их, стали кричать:

— Ээи привела себе мужа!

— Да, это мой муж, — сказала Ээи. — Он из Маваты — это совсем близко, а мы не знали.

Односельчане Ээи расстелили циновки, чтобы Ээи и ее мужу было где сесть, а потом Ээи приготовила для всех еды. Люди наелись и сказали:

— Мы согласны, пусть Ээи завтра идет к мужу, в Мавату.

Жители Гурахи убили свинью и дали с собой Ээи и Агиваи много мяса. Те пошли в Мавату, и, когда они пришли туда, жители Старой Маваты стали кричать:

— Смотрите, Агиваи привел жену!

Агиваи сказал:

— Я гнался за цаплей и встретил эту женщину — оказывается, рядом с нами живут другие люди, совсем от нас близко.

Жители Старой Маваты закричали:

— Как, рядом с нами, совсем от нас близко? И говорят так же, как и мы? А какая эта женщина красивая!

Так впервые жители Старой Маваты встретились с жителями Гурахи, и с тех пор они дружат. Многие мужчины Маваты женились на женщинах Гурахи и платили за них выкуп, но женщины Старой Маваты уходить в Гурахи не хотели и потому выходить замуж за мужчин Гурахи отказывались.

9. Как жители Старой Маваты переселились в Новую

Когда-то люди Маваты и Туритури жили вместе в Старой Мавате, напротив острова Дару. Как-то раз один из их старейшин, Гамеа, сказал:

— Нас слишком много, давайте расселимся.

Люди его послушались, и часть жителей поселилась на одном берегу реки Нетури, недалеко от прежнего селения, а остальные — на другом. Первое место назвали Туритури, а второе, то, где поселились предки жителей нынешней Маваты — Кадава.

Однажды, когда жители Кадавы совершали церемонию таэра, к их селению подплыла лодка с острова Киваи. Люди на берегу закричали:

— Спустите паруса!

Они не хотели, чтобы лодка пристала — когда совершают церемонию таэра, нельзя, чтобы поблизости были люди из других селений, а то не станет еды и не будет удачи в охоте на дюгопей. Но люди с острова Киваи не расслышали, что им кричат с берега, и подплывали все ближе. Тогда один из жителей Кадавы сел в лодку и поплыл им навстречу, а когда подплыл, сказал:

— Спустите паруса, и пусть ваши женщины идут к нашим, а вы идите с нами.

Мужчины Киваи так и сделали, а потом местные жители им сказали:

— Не оставайтесь у нас надолго, лучше садитесь завтра со своими женами в лодку и уплывайте.

Когда церемония таэра кончилась, Гамеа сказал односельчанам:

— Завтра мы поплывем бить дюгопей.

На другой день они поплыли на рифы и поставили там мостики, с которых гарпунами бьют дюгопей, но ни одного дюгоня никому убить не удалось — оттого, что во время церемонии таэра в селение приплыли чужие люди.

Вернувшись домой, все пошли на огороды, но и там зрелых плодов и овощей больше не стало. Зато теперь появились тучи москитов и начали терзать людей днем и ночью — до этого никто в Кадаве их не видел.

Наконец Гамеа сказал жителям Кадавы и Туритури:

— Лучше нам переселиться куда-нибудь в другое место. Вы

оставайтесь, а я поплыву искать место, куда бы нам переселиться. Если найду хорошее место, я позову вас туда, и вы приплывете тоже.

Гамеа поплыл и приплыл туда, где теперешняя Мавата — тогда там еще никто не жил. Когда Гамеа подплывал к этому месту, лодку увидели с берега трое жителей леса из Масингары — их звали Мартопа, Вадаи и Маркаи. Они влезли на поваленное дерево и стали смотреть, как отец Гамеа, который на лодке был рулевым, поворачивает ее к берегу. Гамеа увидел жителей леса и решил их убить. Дубинку, нож для отрезания голов и плетенку, в которой носят отрезанную голову, он привязал к ноге, чтобы жители леса, когда он пойдет вброд к берегу, не увидели, что у него с собой оружие. Но родственник, которого звали Кабаи, сказал Гамеа:

— Лучше ты оставь это в лодке — не надо их убивать, с ними надо подружиться, ведь ты приплыл искать место, где нам жить.

Гамеа послушался его и оставил все оружие в лодке. Жители леса подошли к нему, когда он вышел на берег, и спросили:

— Кто ты?

— Меня зовут Гамеа, я из Кадавы, — ответил Гамеа, — я ищу место, куда бы нам переселиться. Здесь земля хорошая? Если мы поселимся здесь, мы будем с вами дружить.

Он сделал из ветки дерева варакара браслет, надел его одному из жителей леса на правую руку и сказал:

— Пойдите к себе домой и скажите всем: «Приплыл Гамеа, он хочет с нами дружить». Пусть жители Масингары приходят, не боятся — покажите им этот знак и скажите: «Это сделал Гамеа».

Мартопа, Вадаи и Маркаи пошли в Масингару и, когда пришли туда, сказали своему старейшине, которого звали Сивагу:

— Приплыл Гамеа, вот его знак — он хочет с нами дружить. Надо отнести ему еды и построить для него дом.

Сивагу ничего не сказал, он испугался и подумал: «Гамеа сильный, он воевал со многими народами, убил много людей, он обманет нас и убьет».

Жители Масингары понесли Гамеа много таро, бананов, ямса и других плодов и овощей со своих огородов — есть и сажать. Но Сивагу к Гамеа не пошел, он решил: «Если Гамеа убьет людей Масингары, я убью его тоже». Посмотреть на Гамеа пришлось очень много жителей леса — они слышали о нем давно, еще до того, как он приплыл. Они спросили его:

— Где ты хочешь построить дом?

— Здесь, — ответил Гамеа и показал им место недалеко от берега.

Жители Масингары начали строить для Гамеа большой дом и построили его за три дня, потому что строило очень много людей. Потом они расчистили большой участок и посадили для него огород. Гамеа стал жить в новом доме, но его родные поплыли в Старую Мавату — привезти оттуда односельчан. Они приплыли туда и сказали:

— Мы нашли хорошее место.

Сперва к Гамеа поплыли только Гегера и Коиваку. Когда Гамеа увидел их, он спросил:

— А где остальные?

Гегера и Коиваку ответили:

— Они говорят, что приплывут потом.

— Нужно, чтобы приплыли поскорей, — сказал Гамеа.

Прошло несколько дней, и Гамеа сказал Гегере и Коиваку:

— Плывите бить дюгоней, я хочу дать мяса жителям Масингары — ведь они наши друзья.

Гегера и Коиваку поплыли на рифы, убили двух дюгоней и принесли их Гамеа, и тот послал за жителями Масингары. Людей Масингары пришло очень много, и Гамеа сказал:

— Эти дюгоны ваши — их убили мои односельчане, и я их вам дарю.

Жители Масингары разделали дюгоней, поделили мясо между собой и сказали:

— Это место навсегда ваше — вы дали нам двух дюгоней, и мы их съели. Земля эта будет ваша вся, до самой Масингары.

Тогда Гамеа сказал Гегере и Коиваку:

— Плывите к односельчанам и скажите всем, кто остался: «Собирайтесь и плывите, Гамеа сердится, он не хочет больше ждать».

Те так и сделали — передали односельчанам слова Гамеа, и жители Старой Маваты собрали все свои вещи, сложили в лодки и приготовились плыть. Когда они задумывались о том, что покидают Старую Мавату, они говорили:

— Жалко расставаться с Маватой, плохо, что Гамеа зовет нас.

Но Гамеа был старейшиной, и односельчане сделали так, как он сказал. Когда они приплыли на новое место, он показал каждому, где строить дом, а когда дома были построены, люди совершили церемонию таэра. После этого они отправились бить

дюгоней и убили их очень много, а потом расчистили землю под огороды. Гамеа сказал:

— Мы будем здесь жить всегда, а воевать с соседями мы не будем. Сажайте большие огороды, бейте дюгоней, но никаких церемоний, кроме таэра, мы совершать не будем.

Они не хотели совершать церемонии, которые совершают перед войной.

Со временем к Новой Мавате вплотную подступил лес, и жители решили переселиться поближе к морскому берегу. Они выбрали место около устья реки Ганалаи, построили новые дома и стали там жить.

Жизнь в Мавате долгое время была очень хорошая, но, после того как великие люди умерли, все стало меняться к худшему, и люди тоже стали рождаться слабее и меньше ростом, чем их родители. Когда, в прежние времена, люди начинали говорить, голос их разносился так же далеко, как бой барабана, и воевать, бить дюгоней и возделывать землю они тоже умели куда лучше, чем нынешнее поколение, у которого и ума и сил гораздо меньше. Раньше людей в Мавате было столько, что они едва умещались на берегу, а теперь осталось совсем мало. Вот почему люди с грустью вспоминают о прежних временах.

Гамеа позвал на новое место и жителей Туритури — чтобы они приплыли тоже. Те подумали и решили его послушаться. Вместе со своими старейшинами Куки и Сабаби они сели на лодки и отправились в Новую Мавату. Но вскоре люди Маваты и Туритури разделились снова, между ними началась вражда, и потом они много воевали друг с другом.

Брат Гамеа, Сабаке, не приплыл со всеми, а остался в Старой Мавате. Ему не хотелось расставаться с теми, кто жил в лесу на берегу реки Ориому, в селениях Погоми и Дарагори. Это были сородичи людей Маваты — просто у них не было лодок, и потому они переселились с морского берега в лес.

Гамеа жалел брата, оставшегося в Старой Мавате, и однажды подумал: «Поплыву-ка я и привезу его сюда — нехорошо, когда человек живет один». Он поплыл туда и сказал брату:

— Плохо жить одному, поплывем со мной — я нашел такое же место, как Мавата, я так и назвал его.

Сабаке ответил:

— Такого места, как это, я не видел, зачем же мне уплывать? Ведь мне здесь хорошо.

Но Гамеа остался ночевать у брата и стал его уговаривать. Он говорил:

— Давай переночуем, а завтра поплывем в Новую Мавату — ту, которую я нашел.

Наконец он уговорил брата уплыть с ним. Сабаке поднялся еще до рассвета, вымазал себе лицо и тело глиной и запричитал:

— Я покидаю свой дом, свой огород, мою Мавату, где так красиво, такой чистый песок! Из света я уйду в темноту!

Наконец братья сели в лодку и отплыли. Сабаке сидел на корме, свесив ноги в воду, и причитал:

— Никогда больше не увидеть мне такого места, как это!

Гамеа ему сказал:

— Вот увидишь, в Новой Мавате так же хорошо, как в Старой, песок там такой же светлый и чистый.

Но Сабаке только повторял:

— Наверно, ты меня обманываешь — не хочешь, чтобы я горевал, и потому говоришь, что в новом месте хорошо.

Люди, переселяясь из Старой Маваты на новое место, не взяли с собой для посадки никаких плодов или овощей, и то, что выращивают теперь в Мавате — таро, бананы и остальное — привез с собой Сабаке. Когда братья вышли на берег, Гамеа сказал:

— Вот мой дом, давай жить в нем вместе.

Но Сабаке все еще обижался на него и ответил:

— Я не хочу жить в твоём доме, я пойду жить к брату матери.

И братья стали жить порознь.

II. МИФИЧЕСКИЕ ГЕРОИ

Сидо — первый человек, который умер

10. Как Сидо появился на свет

Родился Сидо в Ууо. Его отец, Сопусе, все время работал на огороде. Однажды он разровнял на земле место, сделал на нем ямку и лег на землю, как на женщину. Он стал делать это каждый день, и в земле появился Сидо. Сопусе не знал, что зачал в земле ребенка.

Прошло некоторое время, и Сидо вылез из земли. В огороде была небольшая канавка, которую еще раньше вырыл Сопусе, и Сидо стал ходить по ее краю. Ходил он хорошо и держался прямо, потому что рос с невиданной быстротой.

Когда Сопусе снова пришел на огород, он увидел следы. «Кто это ходил тут? — подумал он. — Похоже, следы детские, но ведь у меня детей нет». Сопусе вернулся в селение, выстрелил из лука в крышу общего дома и крикнул:

— Кто ходил по моему огороду?

Сидо, хоть уже и выходил наружу, спать возвращался под землю. Когда Сопусе пришел на огород, Сидо, который в это время был под землей, услышал, как она дрожит, и подумал: «Это ходит отец».

Вскоре Сопусе опять пришел на огород. Сидо стоял в это время под банановым деревом. Сопусе нес топор и палку-копалку, и он, не заметив Сидо, прошел мимо него, но мальчик побежал за ним следом и схватил за руку. Сопусе воскликнул:

— Ой, кто это?

Сидо ответил:

— Это я, твой сын.

— У меня нет сына.

— Разве не ты меня сделал?

— Когда же я тебя сделал?

— А вон ямка, видишь? Теперь я оттуда вылез и хожу по земле.

От изумления у Сопусе вытянулась шея, и он подумал: «Мальчик говорит правду — он мой сын».

Сопусе набрал ароматных трав и в пальмовом листе перемешал хорошенько с кокосовым маслом. Потом он отвел мальчика к ручью, смыл с Сидо всю грязь, которая налипла на него под землей, и дал ему обсохнуть на солнце. После этого Сопусе нарезал ароматных листьев, расстелил их на земле, посадил на них Сидо, натер его тем, что приготовил в пальмовом листе, и надел на голову и на тело Сидо украшения.

Отец дал Сидо спелый банан, и тот, когда его съел, упал без чувств, потому что никогда такого не ел и не привык еще к такой пище. Очнувшись наконец, Сидо сказал:

— Ой, отец, не надо было давать мне спелый банан, упавший с дерева — теперь у людей, которые будут после меня, будут выпадать зубы. Этим ты испортил зубы будущим людям. Если бы ты дал мне другую пищу, все было бы по-другому, зубы у людей не выпадали бы никогда.

И еще он сказал:

— Я не такой, как все, — я вышел из земли, я не пил молока матери.

Те, кто жил и живет после него, всё делают так, как делал он. До Сидо люди не умирали, Сидо был первым человеком, который умер, и только после его смерти стали умирать люди.

Сопусе повел сына в деревню, и все, кто видел их, говорили:

— Смотрите, какого красивого мальчика привел Сопусе! Откуда он у него?

Прошло еще немного времени, и Сидо попросил у отца:

— Отец, сделай мне маленький лук и стрелы.

Сопусе сделал ему лук и стрелы и пошел с женой и мальчиком в лес — Сопусе впереди, жена позади, а Сидо между ними. Односельчане думали, что мальчика родила жена Сопусе — они не знали, что Сидо вышел из земли. В лесу Сидо подстрелил ящерицу, показал отцу и спросил:

— Отец, это можно есть?

Отец сказал:

— Нет, нельзя — это твой брат, оставь его там, где он лежит.

Тогда мальчик подстрелил лесную крысу, показал отцу, и Сопусе сказал:

— Это есть можно, отдай ее матери.

Когда они пришли к ручью, Сидо подстрелил в нем несколько рыб, и отец сказал:

— Да, это в пищу годится, бей их так всегда.

Потом они вернулись в Ууо, и Сидо расспрашивал и спрашивал родителей обо всем, а те все ему объясняли и всему учили.

11. Сидо и Сагару

Однажды ночью, выйдя по нужде из хижины, Сидо услышал, как в Иасе бьют в барабан. Он никогда не видел барабана и подумал: «Что это за звук? Наверно, это прибой бьет в берег у Иасы».

Этот же звук послышался и на следующую ночь. Сопусе и Сидо от него проснулись, и отец Сидо, приподнявшись на своей постели, сказал:

— Иаса б́арари ѓама раруѓумуро! — В Иасе бьют в барабан — видно, будет праздник!

Сидо услышал, что сказал отец, и подумал: «Так вот что это такое — не прибой, а барабан!»

Утром Сидо попросил отца:

— Отец, сделай мне барабан.

Отец сделал барабан, хорошо приклеил края натянутой кожи древесным соком, наклеил на кожу, чтобы звук был лучше, комочки воска, а потом пошел с женой в лес — приготовить средство, которое привлекало бы к Сидо девушек. Для этого жена Сопусе сняла юбку, села, раздвинув ноги, на землю и, когда между ног у нее села муха, ее поймала. Муху эту она привязала под самым большим пером в уборе из казуарьих перьев, который Сидо носил на голове, а потом смочила своим аз-гади тот из комочков воска, который был приклеен к коже барабана посередине.

Сидо очень хотелось пойти на праздник в Иасу. Там жила красивая девушка, которую звали Сагару, но он не знал о ней, и она тоже о нем не знала. Любви Сагару добивались четыре юноши, ее односельчане — Кеабуро, Эсарибуро, Ховио и Демагобуро.

Сидо не сказал родителям, что решил пойти в Иасу. Ночью, снова услышав барабан, он тихо, так, чтобы не разбудить родителей, встал, взял свою пуповину, которую сохранила его мать, привязал один ее конец к угловому столбу их хижины, а другой

бросил в сторону Иасы. Конец полетел туда, растягивая пуповину, и, когда долетел до дома для мужчин в Иасе, сам обвязался вокруг столба на том же из углов дома, на каком Сидо привязал другой ее конец к столбу своего дома в Ууо. Теперь Сидо знал дорогу. Он надел все свои украшения, привязал к рукам выше локтя яркие листья кротона, взял барабан и вдоль натянутой пуповины пошел в Иасу.

В Иасе его увидел какой-то калека и сказал:

— Какой красивый юноша к нам пришел! Откуда ты?

— Из Ууо, — ответил Сидо.

— Заходи ко мне, будь моим гостем.

Сидо вошел, и калека дал ему трубку. Сидо раскурил ее, покурив сам, а потом дал калеке. Тот сказал ему:

— Иди в дом для мужчин, там сейчас все юноши и девушки, можешь с ними потанцевать.

Сидо пошел в дом для мужчин, начал бить в барабан, и все услышали: «Сагару, Сагару!»

— Какой же это шутник так бьет в барабан? Звук совсем не такой, как от других барабанов! — стали говорить люди.

Не переставая бить в барабан, Сидо начал танцевать, и вдруг комочек воска, приклеенный к середине кожи, отлетел от нее и выбил из носа Сагару ини. Ини провалился в щель пола, и Сидо, заметив это, сказал:

— Мне нужно выйти по малой нужде.

Он вышел из дома, и тогда Сагару сказала матери:

— Мой ини провалился под пол, я пойду поищу его.

Она зажгла факел из сухих кокосовых листьев и спустилась вниз. Сидо уже подобрал с земли ее ини и теперь ждал под домом. Когда Сагару оказалась с ним рядом, он схватил ее за край юбки.

— Кто это? — воскликнула Сагару.

— Это я, Сидо — я уже нашел твой ини.

Он отдал украшение Сагару, обнял ее, и они легли вдвоем. Вскоре мать крикнула девушке:

— Почему ты так долго не идешь?

Сагару ответила:

— Я еще не нашла ини.

Наконец Сагару вернулась в дом, и Сидо тоже вернулся, но через другую дверь. И теперь, если Сидо начинал бить в барабан, Сагару шла к нему и танцевала с ним рядом.

Перед рассветом Сидо вышел из дома для мужчин и отвязал от углового столба конец пуповины. Пуповина загудела:

«У-у-у!» — и, все укорачиваясь, перенесла Сидо домой. Там он лег тихонько в свою постель и притворился, что спит, и родители, очень испугавшиеся звука, которого никогда не слышали, даже не заметили, что целую ночь его не было.

После этого Сидо много раз отправлялся так в Иасу и возвращался домой. Калека, не раз видевший Сидо и Сагару вместе, сказал односельчанам:

— Я все время смотрел и знаю: к нам ходит Сидо из Ууо, Сагару его любит.

Тогда Кеабуро, Эсарибуро, Ховио и Демагобуро сказали:

— Пусть еще придет, в следующий раз мы его поймаем.

Вскоре в Иасе снова устроили большой праздник, и Сидо, привязав конец пуповины к угловому столбу, опять туда отправился. Он вошел в дом для мужчин, забил в барабан, и Сагару подошла и около него стала. Тогда Кеабуро, Эсарибуро, Ховио и Демагобуро пошли и перерезали его пуповину, и та — ззз-з! — улетела назад в Ууо. Сидо внутри дома услышал этот звук и подумал: «Ой, плохо мое дело! Как я теперь вернусь домой?» Когда забрезжил рассвет, он сделал себя совсем маленьким, и Сагару закатала его в циновку, завязала ее и заткнула с концов своими юбками, чтобы его никто не увидел. Когда взошло солнце, люди перестали танцевать и сели есть.

Родители Сидо в Ууо, проснувшиеся в это время, увидели, что сына нет, и стали его оплакивать:

— Сидо не вернулся, в Иасе его убили!

Так они оплакивали его вдвоем.

А Сагару все это утро держала циновку, куда закатала Сидо, возле себя. Когда из дома для мужчин все стали уходить, она сказала своей маленькой сестренке:

— Пойдем с тобой в Гебаро ловить крабов.

Они пошли, и Сагару впереди несла циновку с закатанным внутри Сидо, а ее маленькая сестра позади несла корзину. Когда они пришли в Поромубу, Сагару сказала:

— Давай сядем и отдохнем вон под тем деревом.

Она развернула циновку, и Сидо вышел из нее и снова стал таким же, как был, и они с Сидо прижались друг к другу. Девочка посмотрела на них и сказала:

— Ой, сестра, почему ты не сказала мне: «Я иду с мужчиной»? Ты меня одурачила, и теперь я не знаю, куда уйти.

Они поели втроем, и Сагару сказала своей сестренке:

— Возьми корзину, иди домой и скажи отцу и матери: «Сагару ушла с мужчиной в Ууо».

После этого Сагару вымазала лицо грязью и оплакала разлуку с сестрой, и то же самое сделала ее сестренка.

Сидо и Сагару отправились дальше и пришли в Кубиру, оттуда в Мао, а из Мао — в Ууо. Родители Сидо увидели его с Сагару и закричали:

— Ой, посмотри, Сидо привел жену!

Они были очень довольны, и Сидо с Сагару остались жить в Ууо.

Когда сестренка Сагару вернулась домой, она сказала отцу и матери:

— Сагару обманула меня — позвала ловить крабов, а сама ушла с мужчиной.

Мать и отец очень рассердились и спустили на воду лодку, чтобы поплыть на ней в Ууо. По Абере-орому, широкому протоку, который перерезает Киваи, они поплыли на другую сторону острова, к Оимубе, оттуда в Виобари, а из Виобари наконец приплыли в селение, где жил Сидо. Все мужчины приготовились драться, и, когда приплыли в Ууо и сошли на берег, отец Сагару натянул лук и закричал Сопусе, отцу Сидо:

— Что сделали твой сын и моя дочь, то сделали, их я трогать не буду, но с тобою, его отцом, я буду драться!

Они схватили каждый свою дубинку с привязанным к концу камнем, и Сопусе ударил отца Сагару по спине, а тот ударил по тому же месту Сопусе. Люди Иасы и люди Ууо бросились их разнимать, крича:

— Отцы, не деритесь больше, ведь все равно Сидо увел Сагару!

На этом все кончилось. Односельчане Сопусе принесли много еды и гамоды, расстелили для гостей в доме циновки и устроили в честь отца Сагару большой праздник. Сопусе сказал:

— Теперь они женаты.

И он заплатил выкуп за Сагару. Отец Сагару ответил:

— Я не уведу Сагару с собой, теперь ее место здесь.

Но Сопусе сказал:

— Нет, у нас Сагару жить плохо — здесь, в Ууо, слишком много глины, они будут вязнуть в грязи. Лучше им жить в Иасе, там у вас везде хороший, чистый песок. Мой сын будет навещать меня, а потом будет возвращаться к вам.

Тогда Сидо вместе с Сагару и ее отцом отправились в Иасу, а Сопусе с женой остались в Ууо.

12. Как Сидо и Сагару поссорились

Однажды жители Иасы устроили в речушке запруду и, когда воды осталось мало, женщины начали ловить рыбу. У Сагару были месячные, поэтому она не ловила. В яме на дне осталась большая рыба асеа, и женщины одна за другой пытались схватить ее, но она у всех выскользнула из рук. Наконец они позвали Сагару, чтобы она тоже помогла им ловить рыбу. Она пришла и села в воду, широко разведя ноги, чтобы загородить дорогу рыбе асеа. Рыба, почуяв кровь, заплыла Сагару между ног, а потом в аз. Сагару с трудом вылезла из речки и села на землю, и тогда женщины стали осторожно вытаскивать из нее рыбу, а когда вытащили, убили.

Сидо разделал рыбу, и Сагару приготовила ее с саго. Одну половину она отложила для односельчан, а другую — для себя и для Сидо.

Приготовив рыбу, Сагару пошла выкинуть отбросы, и тогда Сидо съел свою долю, а остальное роздал другим мужчинам. Один кусок он оставил для Сагару, но он не знал, что в этом куске одни только кости.

Сагару вернулась, но Сидо уже ушел в дом для мужчин. Она взяла оставшийся кусок рыбы и начала есть, но расцарапала костями десны. Сагару рассердилась, однако ничего не сказала.

Вечером Сагару захотелось, чтобы Сидо пришел из мужского дома к ней спать — Сагару было обидно, что он оставил ей плохой кусок, и она хотела, чтобы он загладил свою вину. Она сказала Сидо:

— Это твое, кроме тебя, никто не видел дорогу, по которой прошла рыба.

Сидо, однако, не захотел спать с ней и лег один. Теперь Сагару рассердилась на него очень сильно, сильнее, чем тогда, когда он оставил ей кусок без мякоти; и ночью, когда Сидо спал, она встала и пошла по берегу речки, которая течет около Иасы и называется Иасатури.

Пройдя немного вдоль Иасатури, она встретила Кеабуро, Эсарибуро, Ховио и Демагобуро — они ловушкой, паране, ловили рыбу. Сагару боялась, что Сидо ее догонит, и попросила их:

— Если кто-нибудь придет и будет про меня спрашивать, не говорите, куда я пошла.

Сагару отправилась дальше, и, для того чтобы Сидо не мог найти ее, она сделала свои ноги птичьими, и ее следы стали как следы птицы. Потом она сделала так, чтобы ноги ее стали клеш-

нями краба, потом ногами кенгуру, потом казуара, а потом свиными копытцами — все для того, чтобы сбить Сидо со следа. После этого она опять сделала свои ноги человеческими, какими они были всегда.

Сидо между тем увидел, проснувшись утром, что Сагару нет, и поспешил за ней вдогонку. Дойдя до места, где Кеабуро, Эса-рибуро, Ховио и Демагобуро ловили рыбу, он спросил:

— Вы не видели Сагару?

Но те ответили:

— Нет, мы ее не видели.

Сидо пошел дальше и вскоре встретил одного калеку. Тот видел, как Сагару проходила мимо, и слышал, как она говорила с Кеабуро, Эса-рибуро, Ховио и Демагобуро. Калеке понравилось, как Сидо с ним разговаривает, и он сказал:

— Сидо, я покажу тебе, куда пошла Сагару. Видишь вон то высокое дерево набеа? Совсем недавно она проходила около него.

Сидо скорее туда пошел.

Когда Сагару проходила мимо высокого дерева набеа, дерево это стало вдруг совсем маленьким. Сагару, усталая, присела на него отдохнуть — и дерево снова поднялось высоко-высоко, почти до самого неба. Сагару, оказавшись на самой его верхушке, очень испугалась, подумала о Сидо и закричала:

— Ой, какое злое дерево мне попало!

Сидо туда пришел. Под деревом была яма, полная воды, и, когда Сидо заглянул в нее, он увидел там отражение Сагару. Сидо подумал, что это она сама, прыгнул вниз головой в воду и разбил о корягу нос. Сидо стало очень больно, из разбитого носа потекла кровь. Он сказал:

— Ну вот, теперь у меня идет кровь! Это все из-за тебя, Сагару — ты плохая женщина, блудливая, вот почему ты сюда пришла. Это из-за тебя я сломал нос.

Сагару с верхушки дерева набеа ему крикнула:

— Пойди возьми топор и сруби дерево!

Сидо побежал за топорами, принес несколько и начал рубить. Все щепки и куски коры, отлетавшие от дерева, становились рыбами и начинали биться на земле. Сагару посмотрела вниз и подумала: «Что со мной будет, если дерево упадет?» Она закричала Сидо:

— Разожги костер, накали топор на огне, а потом окуни в воду — тогда он станет очень острым!

Сидо разжег костер, накалил в нем топор, окунул в воду,

снова прикрепил к топоричу, но едва он ударил топором по дереву, как топор разлетелся на кусочки. То же повторилось и с остальными топорами — Сагару обманула своего мужа.

Испортив так все топоры, Сидо подумал: «Позову-ка я на помощь ветры». Сперва он позвал хие, западный ветер:

— Хие сусуоро набеа ваубайро ваубай набеа набеа ваубайро! — Западный ветер, прилети, повали дерево набеа!

Потом он позвал нигори, восточный ветер:

— Нигори сусуоро набеа ваубайро ваубай набеа набеа ваубайро! — Восточный ветер, прилети, повали дерево набеа!

Так же позвал он уро, юго-восточный ветер, и манибу, северный. Ветры стали дуть на дерево по очереди, и оно упало. Падая, дерево забросило Сагару в Дибيري, где жил Меури, и она вошла к Меури в дом и стала его женой, а Сидо, потерявший ее, вернулся к Иасу.

13. Смерть Сидо

Из очень легкого дерева варакара Сидо сделал несколько маленьких птичек кюкио и сериа — вырезал головы, точно такие же, как у настоящих, утыкал туловища перьями и разрисовал черной и красной краской. Когда Сидо кончил их делать, он им сказал:

— Вы разумные, так летите искать Сагару, ищите ее повсюду, а если найдете, сядьте и рассмотрите все хорошенько, и только после этого возвращайтесь.

И он добавил:

— Кюкио бабиго ниго мараму Сагару суби демовогумо! — Кюкио, лети к Сагару, своей матери, и принеси мне от нее вест!

Птицы полетели и, когда нашли Сагару, сели на землю недалеко от нее. Увидев их, Сагару воскликнула:

— Ой, как разумно они смотрят!

Птицы к ней подбежали, и тогда Сагару взяла высушенный белый лист растения сепоре, привязала к хвосту птички кюкио и сказала:

— Летите все назад, в Иасу, и скажите Сидо, что Сагару живет у Меури. Покажите ему лист сепоре, тогда он поймет, что это правда.

Птицы вернулись в Иасу, и Сидо спросил их:

— Где мать?

— Она у Меури, она стала его женой — видишь лист?

Тогда Сидо взял топор, срубил большое дерево куруми, отрубил верхушку и выскоблил сердцевину дерева, чтобы ствол стал пустым. Взяв с собой дубинку, топор, лук со стрелами, украшения, которые надевал, когда шел на войну, и еды на дорогу, он столкнул ствол в воду, влез в него, и ствол, как лодка, поплыл по морю.

Ствол с Сидо внутри приплыл туда, где жил Меури, и, когда начался отлив, остался на берегу. Поднявшись утром, Сагару взяла золы и вышла намазать ею волосы, а потом вымыла их и причесала. Когда она это сделала, ей захотелось сходить по большой нужде. Она влезла на ствол, в котором был Сидо, и присела. В стволе была небольшая дырка, и Сидо просунул в нее палец и пощекотал Сагару.

— Что это? — испуганно воскликнула она и соскочила на землю.

— Это я, Сидо, я внутри ствола. Принеси мне поесть.

Сагару пошла домой и приготовила саго, а потом разделала еду на две части, одну для Меури и другую для Сидо. Вечером она принесла Сидо поесть, он поел и лег вместе с ней на земле.

Ночью прилив подхватил ствол, в котором был Сидо, понес к хижине Меури и ударил им в хижину с такой силой, что чуть ее не свалил. Меури оттолкнул ствол назад, и отлив унес его на прежнее место.

Калека из селения Меури видел, как Сагару приносила Сидо еду, и очень удивился. «Почему она носила к дереву еду? Но палец, который торчал из дерева, был человеческий — значит, внутри дерева человек, и она с ним спит». Утром калека пошел к Меури и сказал:

— Послушай, Меури, что я тебе скажу. Я все время следил вон за тем стволом на берегу и теперь знаю: в нем человек. Сагару его кормила, он высовывал из ствола палец и щекотал ее, и он с нею спит.

Меури вскочил, срезал большой ствол бамбука, расщепил его и сделал много стрел, чтобы хватило для всех мужчин селения, а потом сказал:

— Пойдемте, нам надо драться.

Он надел все украшения, какие надевал, когда шел в бой, и взял дубинку.

Дерево, в котором был Сидо, до сих пор лежало на сухой земле. Меури подошел к нему первый, а все остальные уже за

ним. Он натянул тетиву, выстрелил в ствол из лука и закричал рассерженно:

— Если ты человек, выходи, я буду с тобой драться, чтобы ты не трогал больше мою жену!

Сидо вылез из ствола куруми, схватил свою дубинку, и они с Меури начали драться. Сидо ударил Меури по спине, и тот упал как мертвый. Тогда младший брат Меури, думая, что Меури убит, бросился на Сидо с дубиной и одним ударом убил его. Меури очнулся, встал на ноги и начал поднимать Сидо, но все было напрасно — Сидо был мертв. Меури очень рассердился на брата и сказал ему:

— Зачем ты полез драться, зачем убил его? Мы дрались не по-настоящему, мы бы с ним стали потом друзьями.

Сагару бросилась на тело Сидо и запричитала:

— Нубиа уранубиа! Муро Сидо моро нубиа води сесе урамуро моро! — Мой дорогой муж, ты все время тосковал по мне, все время искал меня, а теперь, когда нашел, умер!

Меури дал свою лодку, и мертвого Сидо положили в нее, чтобы отправить домой. Сагару тоже легла туда и вместе с мертвым мужем поплыла в Иасу.

14. Дух Сидо отправляется странствовать

Придя в Гибу, дух Сидо увидел там купающихся детей и им сказал:

— Когда приплывет лодка с телом Сидо, скажите людям, чтобы они его выбросили — он теперь больше не Сидо, он мертвое тело, дух ушел из него, хранить это мертвое тело не зачем.

И Сидо пошел дальше. Вскоре появилась лодка с его телом, и дети сказали Сагару:

— Дух Сидо был здесь недавно и говорил, что надо выбросить это мертвое тело — это теперь не он.

— Неправда, Сидо здесь, мертвый, — ответила Сагару — ей не хотелось расставаться с телом.

Тем временем Сидо встретил Гибуногере. Тот бил острой рыбой, и Сидо подошел к нему и сказал:

— Когда увидишь лодку с мертвым телом Сидо, скажи Сагару: не надо хранить его, его надо выбросить. Теперь настоящий Сидо я, и я здесь прошел — вон мои следы.

Сидо пошел дальше, а Гибуногере, когда лодка с телом приплыла в Гибу, попросил тех, кто в ней был:

— Выбросите тело, это уже не Сидо.

Но Сагару ответила:

— Нет, это и есть Сидо.

Люди сошли в Гибу на берег, и Сагару похорожила тело в земле. Больше она с Сидо не встречалась — дух Сидо пошел одной дорогой, Сагару другой, и она вернулась к своим родным, в Иасу.

Сидо пришел в Вапи, где жил Вапиногере, которого звали также Басиму. Там Сидо обернулся крабом, и жена Басиму поймала его, связала ему клешни и положила к себе в корзину. Басиму в это время рубил неподалеку саговую пальму. Краб незаметно вылез из корзины и, приняв облик юноши, подошел к женщине и сказал:

— Здравствуй, матушка!

Женщина удивилась и воскликнула:

— Ой, откуда ты взялся?

— Да я хожу везде и пришел сюда.

Он подошел к Басиму и попросил:

— Дай мне топор, я помогу тебе срубить дерево.

Басиму дал ему топор, но Сидо незаметно перерезал острой раковинной веревку, которой топор привязан к топорищу, и сказал Басиму:

— Я не могу им рубить, веревка порвалась.

— Как могла порваться веревка? — удивился Басиму. — Я привязал ею топор к топорищу только утром, почему же она у тебя порвалась? Пойди ко мне в хижину и возьми с полки над очагом другой топор.

Но Сидо сказал:

— Нет, лучше сходи ты сам — я у тебя в хижине никогда не был, я не сумею его найти.

Басиму пошел за топором, и тогда Сидо совершил над женщиной насилие, а потом встал и убежал. Вернувшись, Басиму спросил жену:

— А где же юноша?

Жена ответила:

— Ну и юношей же ты подбираешь! Он заставил меня с ним лечь!

Услышав это, Басиму пришел в ярость и стал колдовать. Он сделал так, что ветки деревьев на пути Сидо переплелись и загородили ему дорогу. Сидо пришлось стать на четвереньки

и так продирались сквозь заросли, и острые сучья и колючки искололи и исцарапали его.

Сидо увидел дерево буни, а под ним нескольких мальчиков — они ели плоды этого дерева. Ему тоже захотелось плодов, и он вскарабкался на дерево буни и закричал оттуда детям:

— Отойдите подальше, я сейчас буду его трясти!

Но дети не послушали его и остались под деревом. Сидо начал трясти дерево, и дети сразу принялись чесать головы — Сидо наколдовал, чтобы у всех у них завелись вши. Он сказал:

— Я вам говорил — уйдите из-под дерева, я на него полез. Вы меня не послушались, и вот теперь головы у вас будут вшивые.

На речке, что течет мимо Ууо, играли мальчишки — плавали на маленькой лодке от одного берега к другому и обратно. Дух Сидо подошел к берегу и попросил их:

— Перевезите меня на ту сторону.

Дети посадили его в лодку и повезли, а когда подплыли к другому берегу, то опустили весло в воду, будто измеряя глубину, и сказали:

— Здесь не глубоко, прыгай в воду и иди к берегу вброд.

Сидо прыгнул и сразу пошел ко дну — оказалось, что там глубокая яма. Чтобы отомстить детям за обман, он перевернул их лодку, все мальчишки утонули, а Сидо стал рыбой ваворо и поплыл к берегу.

На берегу Сидо превратился в съедобного моллюска, и вскоре его подобрали две женщины, Коумо и Ахау, — близнецы, сросшиеся спинами. Женщины отнесли моллюска домой и сварили, но когда Коумо захотела его съесть, он сразу, чтобы не дать себя разжевать, проскользнул к ней в желудок. От этого Коумо забеременела и вскоре родила мальчика, Сидо. Мать начала кормить младенца грудью, и он стал очень быстро расти. Сперва он научился переворачиваться, потом ползать, потом вставать, а вскоре вырос совсем.

Как-то утром Сидо, уже большой, взял плоскую щепку с острым краем, пошел в лес и, спрятавшись за саговой пальмой, стал ждать Коумо и Ахау, своих матерей. Когда Коумо и Ахау куда-нибудь шли, та, которая была позади, поднимала ноги, и передняя ее несла. Наконец они появились, и тогда Сидо выскочил из-за дерева, взмахнул острой щепкой и отсек женщин одну от другой. Та, которая была лицом к лесу, бро-

силась бежать в лес, а та, что была лицом к деревне, побежала домой. Сидо догнал ту, которая побежала в лес, остановил и сказал:

— Матушка, не убегай, ведь я вам помог!

Вскоре дух Сидо сказал обеим женщинам:

— Ждите меня, я вернусь в следующую луну.

И Сидо ушел от них. Повсюду он выкапывал в земле могилы и ложился в них ждать, чтобы дух его отделился от нового тела, оставил мертвую плоть и перешел в другое тело — тогда смерти бы не было. Сидо хотелось не только спастись от смерти самому, но и спасти от нее всех людей, которые будут жить после. Однако каждый раз, как Сидо ложился в яму, сбегались дети — посмотреть, что он будет там делать. Это мешало ему покинуть свое тело, и он говорил детям:

— Вы делаете плохо себе и всем людям, которые будут жить после вас.

Сидо пошел в Самари и около этой деревни встретил в лесу Самариабере. Самариабере спросил:

— Куда ты идешь, Сидо?

Сидо ответил:

— Меури убил меня, и я оставил свое тело в земле.

Самариабере сказал:

— Ты первый человек, который умер, все остальные люди пойдут за тобою следом.

Из Самари Сидо отправился на остров Мибу — лодки ему было не нужно, он был дух и мог ходить по воде. Мибуабере спросил его:

— Кто ты?

— Я Сидо, я ищу, где бы мне поселиться.

Мибуабере сказал:

— Найди хорошее место — ведь ты будешь первым, а следом за тобою туда пойдут все люди.

С Мибу Сидо перешел на остров Дару и увидел там Ваимеэ. Ваимеэ спросил его:

— Куда ты идешь, Сидо?

— Хочу уйти совсем — Меури меня убил.

Ваимеэ сказал:

— Хорошо, иди и найди такое место, где может поселиться много людей — ведь они пойдут за тобою следом.

В Мавате Сидо встретил медузу Эрумиа, и она тоже спросила его:

— Куда ты идешь, Сидо?

— Я уже не вернусь, я ухожу совсем — мое тело осталось в могиле, а дух уходит. За мною следом пойдут все люди.

— Тогда найди для всех хорошее место.

На другой день Сидо пришел на остров Пасо и встретил там женщину Басаи. Он напился воды из источника, и Басаи его спросила:

— Куда ты идешь?

— Я ищу место, где будет хорошо, я бы там поселился.

— Ты вернешься?

— Нет, не вернусь. Мы с Меури подрались, и он убил меня. Я оставил свое тело и пошел искать, где бы мне поселиться.

Басаи разожгла огонь и испекла для Сидо бананов, ямс и таро. Сидо поел и лег спать, а утром опять отправился в путь и пришел на остров Даване, где жил Когеа. Когеа спросил Сидо:

— Куда ты идешь?

— Я ухожу совсем.

— Сидо, оставайся лучше на Даване!

Но Сидо ответил:

— Нет, не останусь. Место, где я поселюсь, уже недалеко, а здесь, на Даване, будет тесно — ведь я первый, а следом за мной придет еще много духов мертвых, я им пролагаю путь.

Когеа разжег огонь и приготовил мясо дюгоня и черепахи, ямс и таро, и Сидо поел и лег спать.

На другой день Сидо пришел на остров Бойгу и сел у источника. Он напился из него, вымазал лицо грязью и горько заплакал — ему было жаль, что он покинул Ууо, покинул родителей и жену.

Коумо и Ахау все ждали его в Ууо.

— Когда же вернется наш сын? — говорили они.

Наконец они разрыли могилу, где тело Сидо было похоронено, когда его привезли домой из Дибири, достали оттуда череп и, взяв его с собой, отправились искать Сидо. Они шли и спрашивали людей в селениях:

— Вы не видели нашего сына?

Люди им отвечали:

— Видели, он был здесь, но пошел в другие места.

Коумо и Ахау пришли в Мавату, и там жители им сказали:

— Сидо у нас был, но ушел на остров Даване.

Но когда они приплыли на Даване, то услышали, что Сидо уже на Бойгу.

На Бойгу в это время был праздник, все танцевали, и Сидо танцевал тоже. Утром жители острова увидели косяк рыбы, и тогда Сидо бросил острогу и убил десять рыб сразу. Люди сказали:

— Да он не человек, а дух — только дух может убить сразу десять рыб!

Жители Бойгу пошли в лес и приготовились к танцам — раскрасили себя, украсились яркими листьями и другими украшениями, а потом снова начали танцевать.

Танцуя, они увидели лодку с двумя матерями Сидо — она плыла к острову. Коумо и Ахау вылезли на берег и стали спрашивать:

— Где Сидо? Мы его ищем.

Их подвели к нему, и он им сказал:

— Ведь я говорил вам — ждите новой луны, тогда я вернусь. Почему вы не дождались меня, отправились за мной следом?

Сидо хотелось пить, и они дали ему воды. Напившись, он посмотрел, из чего пил, и увидел, что из своего собственного черепа.

— Ой, мои матери сошли с ума! — воскликнул Сидо. — Они напоили меня водой из моего черепа!

Сидо было стыдно, он перестал танцевать и сел на землю, а потом поднялся и ушел в лес. Там он сделал покрывало из белых молодых листьев кокосовой пальмы, завернулся в него так, чтобы не видно было лица, и украсил листьями тупой конец своего копья.

На рассвете он вернулся в селение. Люди сидели, отдыхая после танцев, и, когда увидели Сидо, очень испугались.

— Почему он так оделся? — стали спрашивать они друг у друга. — Видно, кого-то хочет убить!

Сидо поднял копьё, размахнулся и пронзил одну из своих матерей. Он швырнул ее в море, превратил в черепаху и сказал:

— Ты будешь называться черепахой, и твоих потомков все будут убивать и есть.

Он пронзил копьем другую свою мать, бросил, как и первую, в море, превратил в дюгоня и сказал:

— Тебя будут называть дюгоном, и твоих потомков тоже будут есть люди.

Сидо повернулся, снова подняв копьё, к жителям Бойгу, и те бросились бежать от него кто куда, но он закричал:

— Вы, люди Бойгу, послушайте, что я вам скажу! Я проложил дорогу для всех людей, я первый по ней иду, а следом за мной пойдут все!

По пути в Адири, где луна и солнце опускаются за край земли, Сидо пришел в место, которое называется Муба. Он увидел там нибу-нибу, куст с ароматными листьями, и сказал:

— Какие хорошие кусты здесь растут!

Он пошел дальше и пришел в место, которое называется Бауда. Там он увидел дерево гаэра, и дерево его спросило:

— Сидо, ты здесь останешься?

Сидо ответил:

— Нет, не останусь, пойду дальше.

Он пошел дальше и сел отдохнуть в Вавои, где никто не живет, а потом в Ригимубе, где тоже не живут люди, и наконец пришел в Адири.

В Адири жили только трое мужчин, Сопума, Адири и Дириво, и девушка Гогу, дочь Дириво. Они жили под землей и ели плоды и землю. Услышав над головой шаги Сидо, они удивились и стали спрашивать друг у друга:

— Кто это ходит там, наверху? Ведь никто, кроме нас, здесь не живет.

Сидо услышал их голоса и сказал:

— Кто это разговаривает? Вокруг никого не видно, один песок на берегу.

Люди под землей услышали его и тоже стали спрашивать:

— Кто это там говорит?

Теперь Сидо понял, что голоса доносятся из-под земли, и закричал:

— Эй, кто под землей? Вылезайте!

Мужчины вылезли из-под земли и спросили у Сидо:

— Ты кто?

— Я Сидо, я побывал везде, а теперь пришел сюда.

— Зачем ты пришел?

— Посмотреть, какое здесь место.

— Садись, посиди с нами.

Они сели вчетвером. Вскоре из-под земли вылезла Гогу, и Сидо подумал: «Какая красивая девушка!» Потом он спросил:

— А что вы едите?

Те принесли невкусных плодов и земли и начали есть, но Сидо есть не стал и сказал:

— Там, где я родился, такой еды не знают, у нас другая еда.

Огня в Адири не было, и домов тоже. Сидо срубил несколько деревьев, вытесал из них столбы и построил небольшую хижину, а потом вынул у себя изо рта зубы, начал тереть их о кусок дерева, и дерево загорелось. Сопума, Адири и Дириво закричали:

— Что это такое, что ты сделал?

Они бросились бежать, но Сидо сказал:

— Не убегайте, это огонь! На нем готовят мясо, рыбу, любую пищу, а когда холодно, около него можно греться.

Наступил вечер, и тогда Сидо попросил Сопуму, Адири и Дириво:

— Отдайте девушку мне.

Те стали советоваться.

— Как по-вашему, отдать ему девушку? — спросил Дириво.

Сопума и Адири ответили:

— Можно отдать.

Дириво сказал девушке:

— Гогу, иди к Сидо.

Сидо разжег в хижине два очага, один для Сопумы, Адири и Дириво, а другой — для себя и Гогу. Ночью, когда все легли спать, Сидо подождал, а потом встал и начал будить троих мужчин — он хотел узнать, спят они или только притворяются. Но те даже не пошевелились — они крепко спали. Тогда Сидо разбудил Гогу, вывел ее из хижины, и они легли вместе на земле. Когда семя у Сидо уже готово было извергнуться, Сидо отпрянул от Гогу, и оно разбрызгалось по Адири. Вмиг по всему Адири выросли таро, бататы, бананы, кокосы и другие плоды и овощи, которые Сидо ел раньше. После этого Сидо позвал ветры — восточный, северо-западный, западный и юго-восточный, и тогда листья зашелестели и стали падать плоды.

Сидо и Гогу вернулись в хижину и легли на прежнее место, а Сопума, Адири и Дириво проснулись и сказали:

— Ой, что это шумит? Мы такого никогда не слышали.

Сидо и Гогу притворились, что спят, и ничего не сказали, но те трое проговорили до самого утра — они поняли, что в Адири теперь все по-другому.

Утром все поднялись, и Сопума, Адири и Дириво стали спрашивать:

— Что это шумело ночью?

А потом, увидев повсюду ботву бататов, торчащую из земли, спросили:

— Что это здесь выросло за ночь? Мы такого никогда не видели.

И Гогу сказала:

— Это овощи, Сидо сделал их из моего тела.

А Сидо сказал:

— Идите за мной, я вам все покажу.

Он вырвал из земли немного таро и бататов, наломал сахарного тростника, подобрал несколько кокосов, и все это они отнесли к очагу. Потом он стал показывать и объяснять:

— Это таро, а это бататы — их можно есть.

Он испек клубни и дал всем попробовать. Сопума, Адири и Дириво попробовали и упали без чувств — ничего похожего они не ели еще никогда. Когда они очнулись, Сидо сказал:

— Скоро вы привыкнете к этой пище и будете есть ее все время.

Они стали жить вместе. Сидо сделал топор, нарубил деревьев на столбы и построил дом, длинный, как путь от острова Дару до Маваты. Кончив его строить, он повесил на конек крыши гопе. Сопума, Адири и Дириво спросили:

— Зачем ты построил этот дом? Ведь никого, кроме нас, здесь нет, кто же будет в нем жить?

Сидо ответил:

— Подождите, скоро узнаете.

Он разрисовал и украсил гопе, несколько раз повернул его, а потом вошел в дом и быстро прошел по нему от одного конца до другого. [Гопе он повернул для того, чтобы приходили люди — чтобы они умирали.] Адири стал жить в одном конце дома, Дириво в другом, Сопума посередине, а Сидо стал хозяином всего дома.

Другие мифические герои

15. Абере

Абере, очень сильная женщина, жила на острове Вабода. Однажды ее односельчане стали готовиться к празднику, и Абере сказала:

— Не начинайте танцевать, подождите меня, я привезу вам украшения.

Абере села в лодку и поплыла в Туритури, оттуда — в Мавату, из Маваты — на Саибаи, а с Саибаи — на Мабуиаг. Добыч украшений для танцев, она наполнила ими лодку и поплыла назад.

Абере очень хотелось узнать, дожидаются односельчане ее возвращения или они начали праздник без нее. Поэтому, когда на обратном пути она приплыла на остров Дару, Абере спросила у жителей:

— Лодки с Киваи или с Вабоды к вам приплывали?

Но те ей ответили:

— Нет, не приплывали.

Абере отправилась дальше и приплыла на остров Мибу, а оттуда — в селение Гибу на острове Киваи, где жил Кеабуро. Кеабуро увидел в море ее лодку, взял лук и стрелы и вышел на берег. Абере закричала:

— Эй, кто ты — там, на берегу?

— Я Кеабуро, я живу здесь, в Гибу, охраняю это селение.

Абере воткнула в дно шест, привязала к нему лодку и крикнула:

— Иди сюда!

Кеабуро пошел вброд к лодке, влез в нее, и Абере его спросила:

— Ты не видел, лодки с Вабоды тут не проплывали?

— Нет, не видел, — ответил Кеабуро.

Он лег вместе с Абере в лодке, лодка закачалась, и от нее пошли высокие волны. Кроме украшений, в лодке у Абере была свинья, и эта свинья, испугавшись качки, прыгнула в воду, поплыла к берегу, выбралась из воды и убежала в лес. Абере было жаль свиньи, но сделать она ничего не могла. Свинья опоросилась, и с тех пор на Киваи есть свиньи — до этого их там не было.

Кеабуро вернулся на берег, а Абере поплыла дальше. Волнение, которое подняла лодка, когда они в ней лежали, было такое сильное, что Абере не поплыла вокруг Киваи — она испугалась, что лодка перевернется. Она взяла свою копалку и прорыла ею через остров проток — этот проток и теперь еще называют Абере-оромо.

Проплыв по нему, Абере встретила на другой стороне острова Набеамуро и Моригиро. Она их спросила:

— Вы не были в Вабоды?

— Нет, не были, но слышали, как там бьют барабаны — на Вабоды праздник.

Абере очень рассердилась и поплыла дальше. Приплыв к Вабоду, она спросила у детей, купавшихся около берега:

— Танцы были?

— Были,— ответили они,— кончились вчера вечером.

Абере разозлилась еще сильнее, схватила свою копалку и сказала односельчанам:

— Я ведь просила вас — не начинайте праздника, подождите меня, я привезу для танцев украшения!

Она бросилась на них, размахивая копалкой, и стала бить ею односельчан. Там, где копалка опускалась, Вабоду перерезал проток — вот почему теперь на этом острове столько протоков.

Абере перебила всех односельчан, оставила в живых только девочек. Им она сказала:

— Пойдемте со мной, вы мне будете дочерьми.

Они ушли из селения, построили себе дом в другом месте и стали жить одни — без мужчин.

16. Меседе и Нугу

Когда-то Меседе шел из Дибيري и пришел к Нугу, который жил в Нугу-габо, селении к западу от Маваты. Лук у Нугу был плохой, и стрелы только с деревянными остриями, без наконечников, зато у Меседе лук был очень хороший, а стрелы с наконечниками из кости. Когда Меседе пришел к Нугу, тот сказал:

— Друг, положи свой лук и стрелы около моих, мы с тобой будем сейчас пить гамоду.

На самом же деле он подумал: «Какой хороший у Меседе лук! Я его украду». Нугу стал готовить для Меседе гамоду и подмешал в нее растения сади, от которого человек крепко засыпает. Подмешивать сади себе в гамоду он не стал.

Когда Меседе выпил то, что ему дал Нугу, он охьянел и заснул. Чтобы узнать, крепко ли он спит, Нугу стал трясти его и кричать:

— Вставай, дом горит!

Но Меседе ничего не слышал и только громко храпел. Нугу подумал: «Сейчас я и украду его лук». Он схватил лук и стрелы Меседе и побежал в лес, и он бежал не останавливаясь до самого Гуруру.

Наконец Меседе проснулся и позвал Нугу:

— Эй, друг, где ты?

Ему никто не ответил. Меседе огляделся вокруг и увидел, что его лука и стрел нет, а лежат только плохой лук и плохие стрелы Нугу. Меседе вскочил, выбежал из хижины и бросился за Нугу вдогонку, но вскоре потерял его след. Тогда он вернулся, взял лук и стрелы Нугу и пошел назад, в Дибире. Из-за того, что он принес туда этот лук и стрелы, луки и стрелы у жителей Дибире с тех пор плохие.

А Нугу с хорошим луком и хорошими стрелами Меседе пришел в Масингару, и местные жители его спросили:

— Откуда ты достал такие хорошие?

— Я украл их у друга, Меседе, он родом из Дибире.

С тех пор жители Масингары делают такие же хорошие луки, как тот, что принес с собой Нугу, и Нугу научил также делать хорошие луки жителей острова Баду и тех, кто живет в лесу, далеко от моря.

Однажды к Нугу пришел во сне Кукапиа, покровитель Гуруру, и научил его украшать стрелы резьбой. И еще он научил Нугу брать с собой, когда отправляешься на охоту или на войну, листья дерева варакара, и одни втыкать за надлокотные браслеты, а другие жевать и потом выплевывать сок на свои стрелы. Люди так делают до сих пор и, делая это, восклицают: «Нугу!» От этого стрела всегда попадает в цель. А если ты крикнешь: «Нугу!», когда вражеская стрела летит в тебя, она повернет в сторону и тебя не заденет.

17. Как Нага и Ваиати отняли у Ику огонь

Нага жил внутри камня на острове Нагир. Когда ему надо было войти или выйти, он говорил камню: «Откройся!» Камень открывался, Нага выходил или входил, и камень закрывался снова. Кормился он рыбой — бил ее острой, а потом сушил на солнце.

На острове Мабуиаг в те времена жил, вместе с женой и дочерью Патагаму, человек по имени Ваиати, а на острове Мури жил человек, которого звали Ику. Однажды к берегу Мури прибило ствол дерева, и Ику стал делать из него лодку. На правой руке у него между большим и указательным пальцами все время горел огонь. Больше нигде на островах огня тогда не было, он был только у Ику. До сих пор у всех людей

между большим и указательным пальцами много свободного места — это потому, что у Ику там был огонь.

Как-то раз Нага отправился на Мабуиаг, к Ваиати, и сказал ему:

— Давай раздобудем себе огня! На острове Мури живет человек по имени Ику, у него огонь всегда горит на руке, а мы из-за того, что у нас нет огня, ничего не можем сварить или испечь, можем только сушить рыбу на солнце.

Большой ястреб, варио, перенес их на остров Мури, сел там на высокое дерево, и они спустились на землю, сказав ястребу, чтобы он их ждал. Ику делал в это время лодку, и Нага с Ваиати, глядя на него из-за кустов, зашептали друг другу:

— Вон огонь, у него на руке!

Ику положил топор, поджег рукой несколько щепок, и Нага с Ваиати снова зашептали:

— Смотри, горят щепки, он поджег их огнем, который у него на руке — вон, вон, смотри!

Нага и Ваиати вышли из-за деревьев, Ику увидел их и сказал:

— Откуда вы? Здесь, кроме меня, людей нет. Зачем вы пришли?

— Мы пришли за огнем, у нас его нет — мы сушим рыбу на солнце, а больше ничего с ней делать не можем.

Ику сразу спрятал пламя в ладонь, так, чтобы его нельзя было взять, и сказал:

— У меня нет огня. С чего вы взяли, что у меня есть огонь?

Но Ваиати сказал:

— Мы знаем, что он у тебя есть.

А Нага, который и раньше прилетал на ястребе на остров Мури и еще тогда видел огонь на руке у Ику, добавил:

— Я сам видел его на твоей руке, а потом рассказал другу.

— Да вы, кажется, не люди, а духи! — стал смеяться над ними Ику. — Носит вас с острова на остров, на месте вам не сидится! Огня у вас нет, пищу едите только сырую. А я не дух, а человек, и у меня есть огонь — вот, смотрите, горит опять!

Нага прыгнул к Ику, вырвал огонь из руки и побежал. Ику закричал:

— Отдай огонь, он мой!

Он бросился за Нагой вдогонку, но Нага и Ваиати побежали к дереву, на котором их поджидал ястреб, тот подхватил их и

полетел прочь. Горько оплакивая потерю, Ику вернулся к себе, и для того, чтобы костер, который он перед этим разжег, не погас, ему пришлось сразу же пойти собирать дрова и хворост. То место на его руке, где до этого был огонь, быстро покрылось кожей.

Ястреб тем временем принес Нагу и Ваиати на остров Нагир. Там они сразу разожгли большой костер, и Ваиати сказал:

— Следи, чтобы огонь не погас, добыть новый будет трудно.

Он взял огонь Ику, попрощался с Нагой и отправился на Мабуиаг. Когда ястреб принес его туда, односельчане Ваиати вешали рыбу — сушить ее на солнце. Ваиати тут же разжег костер, и его жена воскликнула:

— Что это?

— Это огонь, — ответил Ваиати, — на нем можно варить и жарить пищу. Иди сюда, можешь готовить на нем, что хочешь.

В это время вверх взметнулся большой язык пламени, и люди очень испугались, но Ваиати сказал:

— Смотрите: сейчас я буду варить на огне рыбу.

Когда рыба сварилась, он дал односельчанам попробовать. Они попробовали и закричали:

— Ой, как вкусно! Мы рыбу всегда сушили, а ведь сушить ее очень долго!

Прошло немного времени, и Нага с Ваиати полетели на ястребе на остров Ям. Ваиати вскоре вернулся на Мабуиаг, но Нага остался жить на острове Ям и забрал туда семью. Он был первым человеком, поселившимся на этом острове.

Ику, взяв с собой головешку, отправился на остров Даване и там дал огня Когеа, а потом отправился на Саибай и там дал огня Мереве. С Саибай он вернулся к себе домой, на Мури, а уже жители Саибай научили остальные народы, еще не знавшие огня, как разжигать его и готовить на нем пищу.

18. Два друга

Вакеа, человек из племени гово, жил в Бураво, одном из двух селений Масингары, на притоке Бинатури. Как-то он сказал односельчанам:

— Вы живите здесь, а я отправлюсь на остров Ям, к Наге.

Он стал рококлювом и, взяв корзину, полную разной еды, полетел через море, а когда прилетел на остров Ям, снова принял человеческий облик. Нага увидел его и воскликнул:

— Это ты, друг?

И Вакеа ответил:

— Да, друг, это я. Я вспоминал о тебе все время, и мне очень захотелось с тобой повидаться.

Нага расстелил циновку, они сели, и Нага спросил:

— Что бы нам вместе сделать?

— Давай сделаем остров, — сказал Вакеа.

— Какой же остров нам сделать?

— Давай сделаем остров Тудо.

Нага набрал земли, камней и молодых деревьев, бросил все в то место, где теперь остров Тудо, и прокричал:

— Сегодня ночью ты здесь поднимешься, остров, и называться ты будешь Тудо!

Когда наступила ночь, Нага и Вакеа легли спать, а когда проснулись утром, увидели, что из воды поднялся остров и на этом острове много зеленых деревьев.

На острове Ям друзья вместе посадили огород и много плодовых деревьев, а потом Нага сказал:

— Ты оставайся здесь, на острове Ям, а я с односельчанами переселюсь на Тудо. Весь Ям останется тебе одному.

— Хорошо, — сказал Вакеа, — давай только сначала побываем на Тудо — посмотрим, что это за остров.

Они положили в лодку имущество Наги, взяли с собой еды и поплыли. Приплыв, они перенесли все вещи на землю и построили для Наги хижину. Вокруг Тудо было много рифов, и Нага убил на них трех дюгоней. Двух он отдал Вакеа.

— Плыви и скажи моим односельчанам, — сказал, прощаясь, Нага, — чтобы они всеплыли сюда.

Вакеа вернулся на Ям и сказал жителям:

— Разделайте этих двух дюгоней.

Дюгоней разделали, и Вакеа поделился со всеми мясом, а после этого односельчане Наги уплыли на Тудо — с Вакеа остался только один человек, его звали Сигаи. Нага с односельчанами, однако, не покинули Ям совсем — время от времени они приплывали поработать на огородах, которые там оставили.

19. Как Нага стал крокодилом

Нага и остальные, кто жил на Тудо, часто отправлялись вместе бить дюгоней и ставили для этого мостки над рифами. Некоторым удавалось убить за одну охоту двух дюгоней, дру-

гим трех, а Наге даже больше. И вот однажды, когда Нага был на охоте, а его жена сидела у очага, ее увидели двое неженатых юношей, проходившие мимо. Они сказали друг другу:

— Уж очень эта женщина хороша! Давай в следующий раз, когда все уйдут на охоту, останемся с ней в селении:

Когда люди снова собирались на охоту за дюгонями, оба юноши притворились больными, каждый туго перевязал себе бедро, и они легли около очага. Все мужчины, кроме них, ушли из селения, а эти двое остались.

Едва лодки с охотниками отплыли, как юноши поднялись и развязали веревки, которыми были перевязаны их бедра. А когда наступила ночь, они прокрались в дом Наги и схватили его жену. Они сказали ей:

— Ты нам очень понравилась, вот почему мы остались в селении.

И они провели с ней всю эту ночь.

Нага в это время звал и звал на рифах дюгоней, но ни один не подплыл близко. Односельчанам Наги, стоявшим на других мостках, всем удалось убить сколько-нибудь дюгоней — кому двух, кому трех, а кому и четырех. Когда начался отлив и рифы оголились, Нага велел вытащить из них сваи, на которых крепят мостки, и следом за лодкой Наги остальные лодки тоже поплыли домой, на Тудо. Они приплыли, и Нага сразу пошел к жене, но она, когда он вошел, не сказала ни слова, а осталась сидеть, как сидела до этого. Нага сказал:

— Я всегда убивал много дюгоней, но на этот раз не убил ни одного и даже не слышал, как они фыркают, а остальные убили много дюгоней. Я оставлял тут двух юношей, они тебя не трогали?

— Ой, Нага, эти двое юношей плохие — обманули всех и притворились больными, а на самом деле не пошли на рифы потому, что я им понравилась. Они пришли и пробыли со мной всю ночь, и теперь я больна.

— Никому об этом не говори, — сказал ей Нага, — пусть об этом никто больше не узнает.

Пока его односельчане разделявали дюгоней, Нага срубил дерево варакара, отнес в святилище хориому и там вытесал из него крокодила. Сделав крокодила, Нага отнес его к воде и влез в него, но древесина варакары слишком легкая, и крокодил плавал только поверху. Тогда Нага сделал крокодила из дерева хаванура, но и этот крокодил был слишком легкий, так что пришлось выбросить и его. То же случилось и с крокодиллом из де-

рева капаро. Наконец Нага сделал крокодила из дерева вонгаи, и этот крокодил, когда Нага залез в него и прыгнул в воду, нырнул в глубину. Нага попробовал обежать в нем по дну вокруг всего острова — крокодил побежал очень быстро, и поверху за ним покатила от этого большая волна. Нага подумал: «Да, плохо придется теперь моим односельчанам от этого чудовища, которое я сделал!»

Вернувшись на берег, Нага положил крокодила в святилище и забросал листьями. Когда люди стали спрашивать, где он был, Нага сказал:

— Я спал — когда я был на рифе, мне спать не пришлось, и я сейчас спал в кустах.

А потом он сказал односельчанам:

— Собирайтесь, завтра поплывем в Мавату.

Люди стали собираться в дорогу. Утром, когда лодки были уже готовы к отплытию, Нага сказал:

— Вы плывите первыми, а я за вами.

Все лодки отплыли, только лодка Наги не отчаливала от берега, потому что ждала его. Но Нага сказал тем, кто в ней был:

— Отправляйтесь, не ждите меня, я вас догоню.

— Как же без лодки ты нас догонишь? — удивились люди.

— Вы об этом не думайте, — ответил Нага, — все равно я вас догоню.

Его лодка уплыла, и тогда он влез в крокодила и нырнул в море. Он стал бегать и плавать под водой, отрезая кусок за куском от острова, пока тот не стал совсем маленьким. Вот почему теперь вокруг острова Тудо так мелко и так много около него островков, проливов и протоков. После этого Нага быстро догнал лодки с односельчанами, а потом обогнал их. Между рифами Кемусу и Кумадари есть проход, который называется Вапа, и там Нага остановился и стал ждать. Он поднялся в воде на задние лапы — хвост опустил вниз, ко дну, а крокодилью пасть высунул наружу и широко раскрыл ее. Вокруг себя Нага сделал водоворот, и люди в передней лодке, которая была уже близко, испугались и закричали:

— Что это с морем и что это за чудовище? Посмотрите, какая у него пасть!

Нага вмиг проглотил лодку вместе со всеми, кто в ней был, и стал глотать одну за другой лодки, которые за ней плыли. А когда подплыла та, в которой были обидчики его жены, Нага показался в разинутой крокодильей пасти и прокричал:

— Во всем виноваты эти двое — когда я охотился, они со-
вершили над моей женой насилие! Поэтому я, Нага, утоплю
сейчас вашу лодку!

И он ее тут же проглотил. Наконец приплыла лодка с женой
Наги, и Нага закричал из крокодильей пасти:

— Возвращайтесь назад, на Тудо! Я Нага, теперь я стал
крокодилом, больше на Тудо я не вернусь! Это я проглотил все
лодки, и я буду есть теперь всех людей, и мужчин и женщин!

После этого крокодил исчез — ушел в глубину. Лодка воз-
вратилась на Тудо, и те, кто в ней был, увидели, что их остров
разрезан узкими протоками на маленькие островки. Тогда они
оплакали Тудо, оплакали Нагу, оплакали всех погибших.

В обличье крокодила Нага поплыл от рифа Кемусу прямо к
Даудаи, врезался в берег и пополз прочь от моря, прорезая в
земле глубокую борозду. Так появилась река Бинатури со все-
ми ее притоками — до этого реки там не было. Когда он доб-
рался до Ёмусы, он решил, что останется там жить, и выполз
из борозды отдохнуть. Вдруг он увидел Сиде, человека из Мас-
сингары — тот охотился на кенгуру и диких свиней. Нага вылез
из крокодила и спросил его:

— Ты человек или дух?

— Я человек, меня зовут Сиде, я живу в Масингаре.

Нага сказал:

— В Масингаре живет мой друг Вакеа. Если ваш народ
захочет воевать, сначала приходите ко мне — я буду здесь жить.

Сиде пошел в селение и всем сказал:

— Я встретил хорошего человека, он будет жить здесь
недалеко, и с ним чудище. Пойдемте, я вам их покажу.

Он повел их к Наге, и, когда односельчане Сиде увидели
крокодила, они изумились и сказали:

— Такого чудища мы не видели, оно длинное, как дом!

Нага им сказал:

— Когда захотите воевать, режьте бамбук для лука и для
тетивы здесь, в Ёмусе — здешний бамбук убивает лучше всяко-
го другого.

С тех пор жители Масингары, когда делают луки, срезают
для них бамбук в Ёмусе — вот почему все так боятся их стрел.

И еще Нага сказал народу Масингары:

— Когда убьете врага, не отрезайте у него голову.

Вот почему народ Масингары и другие жители леса не отре-
зают у убитых врагов головы — они поступают, как им посове-
товал Нага.

Потом Нага снова влез в крокодила и отправился странствовать. Он побывал во многих местах — прорыл реку Куру, а от туда пополз дальше, в Мабудаване, и прорыл реку там. Он подумал: «Не буду я больше плавать по морю, лучше я буду делать реки и воевать с людьми». Едва он чуял людей, как сразу полз к ним, по дороге делая в земле реку. Так появились реки Магаи, Тамани, Поспос, Тогитури, Васи-каса, Куди-каса и Кобуара-гово. Нага сделал их и пополз назад, поднимаясь вверх снова по каждой из этих рек, и везде, где Нага видел людей, пришедших за водой, он ловил их и проглатывал. Наконец он вернулся в Ёмусу, срыгнул там головы проглоченных, вылез из крокодила и выложил из голов на земле большое кольцо, а вокруг выложил другое, из листьев кокоса. Вот почему с тех пор люди раскладывают так головы врагов, которые приносят с войны. До Наги и знаменитого воина Куиамо люди совсем не воевали. Тех, кто живет на острове Сайбаи и соседних с ним островах, научил воевать Куиамо, а тех, кто живет вдалеке от моря, — Нага. Селение Мавата лежит между теми и другими, и потому и те и другие стараются им завладеть. Когда жители Маваты и островов Ям и Тудо приходят в Ёмусу, они приносят духу Наги дюгоньи кости и мясо и говорят ему:

— Нага, возьми это мясо, оно твое — ведь ты помогаешь мне каждый раз, как я иду бить дюгоней.

Вот почему в Ёмусе такие большие груды дюгоньих костей. Если люди из других мест не будут давать Наге мяса, с ними, когда они будут охотиться на дюгоней, может случиться какая-нибудь беда. Люди также просят у Наги победы в войне. Они говорят ему:

— Скоро я иду на войну. Я буду убивать, как ты убивал жителей Тудо.

Дух Наги до сих пор живет в Ёмусе, а когда хочет куда-нибудь отправиться, принимает обличье крокодила. Все остальные крокодилы произошли от него, и они съедают людей потому, что так делал Нага, когда принял обличье крокодила.

Жена Наги, когда вернулась в Тудо, вышла замуж за Сидо, но не за того, который жил на острове Киваи, а за другого. Он умел делать много такого, чего не могли остальные люди, и жил он в куче обглоданных дюгоньих костей. Сидо с женой назвали своего первого сына Тудо, а следующих — Варабере, Дамудо и Пурума. Теперь это названия островов. Сначала на них никто не жил и у них не было названий, но Сидо назвал их именами своих детей и поселил каждого на острове с тем же именем.

20. Сиваре и Набеамуро

У Сиваре, который жил в Маубо, было девять жен. Наступило время, когда он стал пренебрегать своей первой женой, и это очень ее обидело и рассердило. Однажды она пошла в лес, и Сиваре пошел было за нею следом, но она сказала:

— Что ты за мной идешь? У тебя ведь и без меня много жен, а меня ты совсем не любишь. Незачем тебе за мной ходить, возвращайся назад.

Сиваре пошел назад, а женщина одна принялась за работу и вечером принесла домой саго, бананов, дров и листьев для крыши.

Наконец первая жена Сиваре задумала ему отомстить. Она вырезала из дерева крокодила, опустила в реку Маубо-тури и приказала ему:

— Когда Сиваре сюда придет, хватай его и тащи в воду. Никого другого не трогай, только его.

Она вернулась в дом, поднялась под самую крышу и села там ждать. Вскоре Сиваре надел военные украшения, взял дубинку и лук и отправился в другую деревню. Когда он вошел в реку, чтобы перейти ее вброд, крокодил схватил его, утащил под воду и посадил в яму на дне реки. Люди на берегу закричали:

— Сиваре утащил крокодил!

Они побежали к Гумару, отцу Сиваре, и сказали ему:

— Гумару, твоего сына утащил крокодил!

Все стали оплакивать Сиваре — Гумару, жены Сиваре и его односельчане. Только первой жене было не жаль его — она даже радовалась тому, что случилось, и надела все свои украшения. Для жен Сиваре, как полагается по обычаю, занавесили циновками угол в доме, а Гумару, убитый горем, столкнул в воду лодку, сел в нее вместе с матерью Сиваре и поплыл прочь от родного селения. Они с женой надеялись, что встретят где-нибудь хоть дух сына. Все думали, что Сиваре утащил и съел настоящий крокодил — люди не знали, что он жив и сидит в яме под водой.

Гумару с женой приплыли на Вабоду и спросили у жителей:

— Вы не видели нашего сына?

— Как его зовут?

— Сиваре.

— Нет, мы его не видели. Плывите на Киваи — может, его видели там.

Гумару поплыл на Киваи и, когда приплыл, встретил там в селении Иаса Набеамуро. Набеамуро ему сразу понравился, и Гумару решил взять его в приемные сыновья, чтобы Набеамуро стал ему сыном вместо родного, которого утащил крокодил. Он сказал Набеамуро:

— Ты будешь моим сыном, я буду звать тебя Сиваре.

— Хорошо, будь моим отцом,— ответил Набеамуро.— Пойдем ко мне в дом.

Односельчане Набеамуро сказали Гумару:

— Зачем ты идешь к нему, Гумару? Этот человек злой, он любит воевать, он убил много людей.

Гумару заглянул в тот дом, где жил Набеамуро, и воскликнул:

— Ой, сколько здесь человеческих голов!

Дом был такой же длинный, как путь от Маваты до мыса Гесовамуба. Гумару вошел в него и сказал Набеамуро:

— Теперь ты мой сын, ты Сиваре. У Сиваре остались жены, приходи и бери их — они твои.

Набеамуро ответил:

— Хорошо, отец, завтра мы поплывем к тебе в Маубо.

На другой день Набеамуро надел все свои украшения, взял все свое оружие, и они отправились в путь, а брат Набеамуро, Иасамуба, остался на Киваи. Когда они приплыли на Вабоду, местные жители сказали:

— Гумару, зачем ты взял с собой этого человека? Он любит воевать и никого не боится.

Они все испугались Набеамуро и спрятались в чашу.

На другой день Гумару и Набеамуро приплыли в селение Маипани, и люди там сказали:

— Эй, Гумару, кто это с тобой? Зачем ты везешь с собой человека, который любит воевать?

И они тоже убежали, а Набеамуро вспомнил о Киваи и закричал:

— О моя родина, зачем я тебя оставил?

Когда они приплыли в Вододо, жители там тоже убежали при виде Набеамуро, а когда путники отплыли, люди вышли на берег и закричали Гумару:

— Зачем ты взял с собой этого человека? Он убьет тебя!

В Дамера-коромо жители при виде Набеамуро тоже спрятались в лес, а Гумару и Набеамуро переночевали у них в доме. Наконец Гумару и Набеамуро приплыли в Маубо, и односельчане сказали:

— Ой, Гумару, зачем ты привез с собой человека, который любит воевать? Ведь он убьет нас всех!

Но Гумару повел Набеамуро в дом, они сели, и Гумару сказал:

— Занимай место Сиваре, его утащил крокодил. Теперь ты Сиваре, а не Набеамуро.

Жены Сиваре пошли отмывать грязь, которой вымазали лица, когда его оплакивали. Потом они надели новые травяные юбки и пришли к Набеамуро, и ночью он лег с ними со всеми спать. Однако девятая, та, что сделала крокодила, к нему не пошла.

Утром женщины приготовили еду, и Набеамуро позвал в гости всех жителей Маубо. Люди пришли и сели с ним есть, и они пили с ним гамоду.

Жители Маубо устроили в честь Набеамуро большой праздник, и одну ночь все танцевали танец мадо, а другую — танец мадиа, и никто не спал. Они пели: «Набеамуро, ты хороший человек, теперь ты будешь жить вместе с нами, мы тебе очень рады! Если ты пойдешь с нами на войну, мы победим». А некоторые пели также и песню воинов: «Бубура дурупи бубура айби маивайра» — «На тела врагов слетелись мухи, а наша лодка уплывает».

Потом они повели Набеамуро в лес — показывать ему его огород, и восемь жен пошли туда тоже, но девятая не пошла. Люди сказали Набеамуро:

— Все на этом огороде твое — кокосовые пальмы, бананы, сахарный тростник, грядки таро, грядки ямса, грядки батата. И вот твои восемь жен.

Пока никого не было, первая жена Сиваре пошла на реку, вошла в воду, стала искать яму, где сидел Сиваре, и наконец нащупала ногой крокодила, который закрывал яму животом. Она вытащила крокодила и Сиваре на берег и поскорей забросила крокодила подальше, чтобы никто не увидел его рядом с ней. Сиваре между тем очнулся и спросил:

— Что со мной?

Женщина ответила:

— Тебя утащил крокодил, которого я сделала. Я очень сердилась на тебя за то, что ты ходишь к другим женам, а не ко мне, и сделала крокодила, чтобы он тебя утащил.

После этого она стерла с Сиваре ил, в котором он выпачкался на дне. Оружие и украшения по-прежнему были с ним — он их не потерял.

Сиваре с женой пошли в дом и спрятались там в углу, за навешенном циновками. Женщина ему сказала:

— Твой отец привел сюда Набеамуро с острова Киваи, тот женился на восьми твоих женах, и Гумару дал ему твое имя. Все теперь говорят Набеамуро: «Живи здесь, все, что принадлежало Сиваре, теперь твое».

Сиваре выслушал ее и сказал только:

— Принеси мне углей из очага.

Жена принесла, и Сиваре разрисовал себя черным углем, потому что очень рассердился и хотел драться. Потом жена дала ему саго, и он поел.

Набеамуро, Гумару и женщины тем временем вернулись в дом. Женщины приготовили пищу, и Набеамуро опять позвал в гости всех жителей Маубо. Люди наелись досыта и закурили, и вдруг они увидели Сиваре, разрисованного углем, в украшениях воина. Сиваре прицелился в Набеамуро из лука и спросил:

— Ты почему пришел сюда, к моим женам? Думал, меня уже нет в живых?

Набеамуро увидел Сиваре, и от гнева глаза его налились кровью. Люди закричали:

— Смотрите — Сиваре!

Сиваре продолжал:

— Ты почему занял мое место в доме, взял себе моих жен, взял моих детей?

Оба схватили дубинки и стали друг против друга, но люди закричали:

— Не деритесь, места хватит для вас обоих, живите здесь оба!

Они растащили Сиваре и Набеамуро в стороны и усадили их. Наконец те начали разговаривать и договорились, что разделят жен между собой. Сиваре сказал:

— Я дам четверых тебе, а себе возьму пятерых.

Так же разделили они и огород. Сиваре стал жить в одном конце дома, а Набеамуро в другом, и близкие Сиваре зажили в его половине дома, а близкие Набеамуро — в другой. Жители Маубо отпраздновали их примирение. Сиваре и Набеамуро сидели на празднике как два старейшины, и родные Сиваре угощали родных Набеамуро, а те угощали их.

Но утром, когда все пошли работать на огороды, Набеамуро сказал, что заболел, и никуда не пошел. Ему было обидно, и он скучал по Иасе и по брату, который день и ночь оплакивал там

их разлуку. Набеамуро пошел к реке и лег в мелком месте. Один калека, который не ходил на огороды, а оставался дома, увидел его и очень удивился. «Что это Набеамуро там делает? — подумал он. — Ой, да ведь глаза у него снова красные, как огонь!»

Набеамуро вспрыгнул на берег и схватил дубину и нож для отрезания голов. «Что он задумал, что он хочет сделать?» — испугался калека и пополз прятаться.

Набеамуро побежал вдоль берега и стал убивать всех, кого встречал — детей, игравших в песке, и взрослых, оставшихся в селении. У всех убитых он отрезал головы, а жители Маубо, работавшие в это время на огородах, не знали, что происходит в селении.

Набеамуро сложил отрезанные головы в лодку, взял на дорогу огня и пищи и отплыл из Маубо. Он позвал восточный ветер, и тот начал дуть и погнал лодку к Вододо. В Вододо Набеамуро перебил почти всех, только несколькими жителям удалось спрятаться в лесу; и опять, отрезав у убитых головы, Набеамуро сложил их в лодку. То же случилось и в Дамера-коромо, и вскоре головы на дне лодки начали разлагаться под теми, которых Набеамуро накидал сверху, и от лодки пошло зловоние.

Жители Маубо тем временем вернулись с огородов и, увидев тела убитых, заплакали и запричитали:

— Вся земля в крови, вся земля в телах! Зачем Гумару привел к нам этого злого человека?

Родители стали разыскивать среди обезглавленных тел трупы своих детей и хоронить их.

Набеамуро плыл все дальше, доплыл до Вабоды и там тоже перебил местных жителей и отрезал у них головы. День и ночь он плыл не останавливаясь и приплыл в Говобуро, перебил людей там и поплыл на Пуруту и там перебил людей тоже. Зловоние от голов стало еще сильнее, и их было столько, что Набеамуро приходилось на них стоять. Но все равно он поплыл на остров Бебаро и там тоже перебил людей и взял к себе в лодку их головы.

Только жители острова Або не побоялись вступить в бой с Набеамуро. Они были сильные и очень любили драться, и Набеамуро пришлось бежать от них. Он бросил дубину и нож для отрезания голов, кинулся в море, и отлив понес его прочь от острова. Все потерял он — и лодку, и оружие, и все отрезанные головы.

Около Сумаи море вынесло его на берег, и Набеамуро спря-

тался в чаще — ему было страшно, как женщине, оттого, что он остался теперь без оружия. Он украл у жителей Сумаи огня и пищи и приготовил себе поесть, а среди ночи пошел в Кубиру. Там он увидел женщину, вышедшую из дома по нужде, и схватил ее. Женщина закричала:

— Ой, кто это?

Набеамуро сказал:

— Я Дипому.

Он уговорил ее с ним лечь, а потом, когда ею овладел, сказал:

— Я тебя обманул, на самом деле я Набеамуро, я вернулся на Киваи.

Женщина закричала:

— Идите сюда скорей, здесь Набеамуро! Он меня обманул, сказал: «Я Дипому»!

Но Набеамуро убежал. Он пошел в Иасу и, еще подходя к дому, услышал, как плачет его брат, Иасамуба. Набеамуро поднялся в дом, и Иасамуба, услышав шаги, спросил:

— Кто там?

— Это я, Набеамуро!

Братья бросились друг к другу, и Иасамуба сказал:

— Брат, я думал, тебя убили!

Они стали жить вместе, но вскоре пришли жители Кубиры — их убить. Оружия у Набеамуро не было, и, когда войны Кубиры были уже близко, братья побежали к морю и бросились в воду. Набеамуро стал дюгоном, а Иасамуба — бурым дельфином, и они навсегда остались жить в море.

21. Паспаэ

Под землей в Ируэ жил человек по имени Паспаэ, который никогда не видел солнца. Мать родила его под землей и там оставила, чтобы его не съели крокодилы. Ел он землю, а воду пил из подземного источника.

Однажды Паспаэ прорыл ход наверх и вылез из-под земли наружу. Он увидел солнце и испугался. «Что это такое?» — подумал он и от страха залез на дерево. Только через некоторое время глаза его привыкли к свету.

Однажды ночью к Паспаэ пришли во сне родители и научили его, как построить хижину. Топора у него не было, и свай он сделал, ломая деревья руками, а крышу покрыл корой деревьев.

Родители сказали ему также, что, если тереть один кусок дерева о другой, дерево загорится, и Паспаэ был первым из людей, кто сумел так добыть огонь. Птиц он убивал совсем легко — махнет рукой, будто хочет чем-то бросить, и птица падает мертвой.

Как-то ночью Паспаэ заблудился в лесу, и ему пришлось там заночевать. Он подрезал кору над корнями большого дерева, оторвал, но не отрезая наверху от ствола, приподнял нижний край, подставил под него шест, и получился навес. Под этим навесом он переночевал.

Недалеко от Паспаэ жила женщина, которую звали Мурке. Однажды она пришла к Паспаэ и принесла ему овощей и плодов со своего огорода.

— Ты кто? — спросил ее Паспаэ.

— Я Мурке, — ответила женщина.

— Где ты живешь?

— Недалеко отсюда. Я все время вижу, как ты охотишься на птиц, вот и пришла — я буду твоей женой.

— Что нам с тобой нужно будет делать, если ты будешь моей женой? — спросил Паспаэ.

— Я все тебе покажу, — ответила Мурке.

Она разожгла костер и приготовила еду, а потом они пошли к ней в хижину. Недалеко от хижины Паспаэ увидел огород Мурке, на котором зрели разные плоды и овощи.

— А теперь давай ляжем спать, — сказала Мурке.

Они легли, и сначала Паспаэ очень испугался, потому что до этого никогда не видел голой женщины, но потом он был очень рад, что ее встретил.

Через некоторое время Мурке родила сына, и они назвали его Мепасе.

Паспаэ начал ходить по селениям и учить людей, когда те идут на охоту, называть его имя. С тех пор многие, отправляясь на охоту, говорят: «Паспаэ-а йваха диваре йваха усара йваха ро агиваи» — «Паспаэ, нам нужны дикие свиньи, казуары, кенгуру, дай нам их».

Когда убьют какую-нибудь дичь, охотники вытаскивают из туши кишки и вешают на куст или на дерево — для Паспаэ, а когда удастся убить сразу четыре или пять диких свиней, одну всегда ему оставляют. За своей долей Паспаэ приходит ночью, а для того, чтобы ему было легче ее найти, около места, где ее оставили, охотники ломают какое-нибудь небольшое деревце. Увидеть Паспаэ люди не могут, но Паспаэ их видит.

Когда Паспаэ ходил по селениям, он в каждом сажал один кротон, и с тех пор люди считают Паспаэ покровителем кротонов. Кротонами окружена его хижина в Ируэ, и там же лежит груда костей от дичи, которую он помог убить. Около его хижины люди сажают для него таро и сахарный тростник — никто, кроме него, не смеет к ним прикоснуться.

22. Как на остров Саибаи приплыла первая лодка

На берегу Саибаи жил Мерева, а в лесу на этом острове, в месте, которое называется Аита, жили два брата, Нимо и Пуипуи, и их сестра Сагару. Другая их сестра, Эреу, жила в Старой Мавате — она была замужем за жителем Старой Маваты, которого звали Ахина.

Мерева жил один под корнями дерева неэре. Иногда он становился маленькой птичкой кекесио и летал, но далеко от дерева неэре не улетал никогда.

Однажды Нимо взял лук, кувшины для воды и корзину, вышел из леса, огляделся вокруг и увидел, что из-под дерева неэре идет дым. Дым этот был от тлеющих углей: Мерева незадолго до этого жег костер. Мерева пек в нем бататы, а когда испек, засыпал костер песком — он не хотел, чтобы другие узнали, что под корнями дерева неэре кто-то живет. Рядом с костром Нимо увидел следы, но самого Меревы не увидел — тот успел спрятаться под корень. Нимо засомневался, вправду он видел дым или это туман поднимался от земли. Он пошел на мыс Гебаро, а оттуда на мыс Буту — на ту сторону Саибаи, которая напротив острова Даване, но нигде никого не увидел и вернулся к дереву, под корнями которого жил Мерева. Тогда Мерева вылез из-под корня и сказал:

— Я здесь, друг!

— Так вот ты где! А я тебя искал! — воскликнул Нимо. — Почему ты не отвечал мне? Наверно, испугался? Где ты живешь?

— Вот здесь, под корнями, а сплю в раковине, в которую трубят, — ответил Мерева.

Когда Мереве хотелось спать, он становился птицей и заползал в такую раковину.

Нимо сказал:

— Нет, это плохо, люди не живут под землей, там живут

духи. Лучше ты живи наверху — здесь хорошо, никого нет. А огонь у тебя пусть горит все время.

Мерева каждый раз добывал огонь заново — тер один кусок сухого дерева о другой.

Нимо открыл корзину, достал оттуда разной еды, и они поели, а потом Нимо сказал Мереве:

— Иди лучше жить к нам, в Аиту.

— Нет, — ответил Мерева, — лучше переходите сюда жить вы — там, где вы живете, хозяева жители леса, так что лучше вы переходите сюда.

Они стали спорить, и Нимо все уговаривал Мереву:

— Лучше переходи жить к нам ты, у нас большие огороды.

Но уговорить Мереву он так и не смог и пошел домой один. Дома он рассказал своему младшему брату, Пуипуи:

— Я никогда не встречал на берегу людей, а сейчас встретил одного, его зовут Мерева.

Спустя некоторое время братья сказали своей сестре, Сагару:

— Мы поплывем к нашей сестре в Мавату, мы хотим ее навестить. Ты оставайся здесь, работай на огороде и не бойся ничего — мы скоро вернемся.

После этого братья пошли к Мереве, и Мерева, когда увидел их, спросил:

— Куда вы собрались?

Братья ответили:

— К сестре.

— А где ваша лодка? — спросил Мерева.

— Мы оставили ее недалеко отсюда, — ответили братья.

Им было стыдно, что у них нет лодки.

— Неправда, — сказал Мерева, — никакой лодки здесь не видно.

Братья у него переночевали, а утром опустили в море половину кокосовой скорлупы, и Нимо стал в нее, а за ним, крепко к нему прижавшись, стал Пуипуи. Было так тесно, что стоять каждому пришлось, поставив одну ногу на другую. Скорлупа завертелась и поплыла к Даудаи. Когда она приплыла и братья выпрыгнули на берег, Нимо положил ее к себе в корзину, и братья пошли по суше. Места, которыми они шли, еще никак не назывались, но Нимо назвал их все.

Они шли, и Пуипуи увидел, как из воды высунул голову крокодил.

— Брат, что это вынырнуло? — закричал он.

— Голова крокодила, — ответил Нимо, и с тех пор место это

называется на языке острова Саибаи Кедару-койко — «Крокодила голова».

Они пошли дальше, и Пуипуи увидел у берега черепаху.

— Брат, а это чья голова торчит? — спросил он у Нимо.

— Это? Черепашья, — ответил Нимо, и место, где они ее увидели, с тех пор так и называется — Вару-койко, «Черепашья голова».

Вскоре Пуипуи наступил на ракушку и порезал ногу.

— Брат, обо что это я порезал ногу? — спросил он у Нимо.

— О раковину устрицы, — ответил тот.

Устрица на языке жителей Саибаи называется «гоири», и с тех пор место это называют Гоири-гиджу.

Пуипуи уколол ногу о кость рыбы вабада и закричал:

— Что это за рыба?

— Это вабада, — ответил Нимо, и с тех пор место, где Пуипуи уколол ногу, называется Вабада-меапе.

Братья пошли дальше и увидели над островком неподалеку летающих лисиц, на языке Саибаи — «сапуру». Братья назвали этот островок Сапуру-кава. Немного дальше дорогу им преградила речка, и они назвали ее Буяи-каса, а мыс рядом — Буяи-койко; однако, что такое «буяи», никто не знает — просто кто-то из братьев придумал это слово.

Дойдя до устья реки Мабудаване-каса, Нимо и Пуипуи снова стали в кокосовую скорлупу и переплыли реку. Когда Пуипуи выпрыгнул на берег, одна его нога увязла в грязи, и он спросил брата:

— Что это налипло на мою ногу?

— Грязь, — ответил ему старший брат.

С тех пор место, где это произошло, называют Даму-рукави — «даму» на языке Саибаи значит «грязь».

Братья дошли до речки с солоноватой водой — такая вода на языке Саибаи называется «гуги»; эту речку они назвали Гуги-каса. В море, напротив устья Гуги-касы, был островок, и его Нимо и Пуипуи назвали Мару-кава — от слова «мару», которое означает «в стороне».

Дальше они увидели в море около берега много водорослей, на языке Саибаи — «пагару»; братья назвали это место Моиги-пагарупа. Еще его называют Моиги-кагарупа — говорят, потому, что с него виден мыс Кагару на острове Саибаи.

Братья пошли дальше, и у одного из них соскочил с остроги наконечник. «Соскочивший» на языке Саибаи — «буру», и место, где это случилось, братья назвали Буру-пагаджина.

В маленькой бухте, мимо которой они шли, у самого берега плавало дерево, и Пуипуи уколол руку о его сучок. «Сучок» на языке Саибаи называется «кура», поэтому братья назвали речку, впадающую в эту бухту, Кура-каса. Они пошли дальше и пришли к новой речке. Там у них соскочил со стрелы костяной наконечник, «кимусу», и братья назвали речку Имусу-каса — правильной было бы Кимусу-каса, но «к» в начале слова братья пропустили.

Нимо и Пуипуи переправились через эту речку, как через другие, стоя в кокосовой скорлупе, и увидели большой мыс. Братья назвали его Абере-муба — на языке Саибаи «абере» значит «большой».

За мысом Абере-муба была река Ориому, а на другом берегу реки — Старая Мавата. Ахины, мужа сестры Нимо и Туипуи, в селении в это время не было — он ушел ловить рыбу. Братья стали в свою кокосовую скорлупу и переплыли реку. Эреу, их сестра, увидела братьев и закричала:

— Ой, мои братья! Где ваша лодка, как вы приплыли?

Братьям было стыдно, что они приплыли в кокосовой скорлупе, и они сказали:

— Мы не приплыли, мы пришли по берегу.

Эреу пошла за мужем, а пока Нимо и Пуипуи позвал к себе в гости житель Маваты, которого звали Дамабе. Дамабе приготовил гаمودу и сказал братьям:

— Пейте.

Но Нимо и Пуипуи не знали, что это такое, и спросили у Дамабе:

— Что это за питье? Мы такого не видели.

— Пейте, — снова сказал Дамабе, — это питье очень хорошее, от него крепко спят.

Он отпил первым, вслед за ним попробовали Нимо и Пуипуи, а потом братья сказали:

— Правда, питье хорошее.

Наконец пришел Ахина. Он тоже спросил у них:

— Где ваша лодка?

— У нас не лодка, а кокосовая скорлупа, — ответили те, — в ней мы и приплыли.

Ахине стало их жаль, но он подумал: «Они братья моей жены, им стыдно передо мной, что у них нет настоящей лодки. Пусть лучше с ними поговорит их сестра». Он сказал Эреу:

— Отдай две наши лодки своим братьям.

Эреу дала братьям по лодке и, как велит обычай, положила

в каждую еду на дорогу. Ахина подумал: «Плохо, когда двое плывут в разных лодках — вдруг поднимется буря и разбросает лодки в стороны».

Он сказал жене:

— Пусть твои братья снимут с одной лодки балансир и прикрепят лодки одну к другой — тогда они будут сидеть рядом и грести вместе.

Эреу передала его слова братьям, и те так и сделали — сняли с одной из лодок балансир и одной перекладной скрепили нос с носом, а другой перекладной — корму с кормой. Один балансир они оставили.

Братья позвали попутный ветер и отплыли из Старой Маваты домой. Сестра плакала, расставаясь с ними, и они тоже плакали. Когда братья доплыли до селения Мабудаване, они пристали там к берегу, чтобы раздобыть саго, а когда раздобыли, поплыли дальше.

Мерева все это время их ждал и думал: «Когда же вернутся мои друзья?» Наконец братья приплыли на Саибай, и все были очень рады, что снова встретились. Еду, которую привезли с собой Нимо и Пуипуи, перенесли из лодок на берег, а потом братья сняли с лодок перекладины, сели на берегу с Меревой и Сагару и начали рассказывать, что с ними было.

Вскоре после этого на остров Саибай приплыли два человека с острова Мабуиаг — Купадо и Моивуса. К их острову прибило плетеную стенку хижины, они увидели, что плетение не такое, как у них на Мабуиаге, и отправились искать тех, кто это сплел. Настоящей лодки у них не было, они приплыли на стволе с двумя балансирами. Нимо и Пуипуи их спросили:

— На чем вы приплыли?

— Вот на этом стволе, — показали Купадо и Моивуса, — мы на него сели, и море принесло нас сюда.

Они увидели две лодки, на которых Нимо и Пуипуи приплыли из Маваты, и подумали: «Хорошо бы нам такую».

Нимо сказал Пуипуи и Мереве:

— Одну лодку я отдам Купадо и Моивусе, а одна останется у нас.

Люди с Мабуиага очень обрадовались и сказали:

— Вакаи мина си.

На языке острова Мабуиаг эти слова означают: «Очень хорошо».

И жители Саибай повторили за ними:

— Вакаи мина си.

Купадо и Моивуса приплыли в новой лодке на Мабуиаг и там приделали к ней по бокам два борта и два балансира, вырезали нос и корму и украсили резьбой всю лодку, а их жены сдлали из циновки паруса. Когда все было закончено, Купадо и Моивуса поплыли на этой лодке на остров Баду. Жителям Баду, когда они увидели лодку, очень захотелось такую же, и они сказали Купадо и Моивусе:

— Достаньте для нас такую, мы дадим за нее много хороших вещей.

Они дали Купадо и Моивусе много топоров, раковин, в которые трубят, рукояток для гарпунов и браслетов из раковин.

С острова Баду Купадо и Моивуса поплыли на остров Моа, и там жители тоже дали много вещей, чтобы для них достали такую лодку. Оттуда Купадо и Моивуса вернулись на Мабуиаг и через несколько дней поплыли на Даване, а оттуда — снова на Саибаи. В этот раз они научили жителей Саибаи плести веревки из пальмового волокна и украшать лодки резьбой, как они украсили ту, которую им подарили. На вещи, которые им дали жители Мабуиага, Баду и Моа, они выменяли у жителей Саибаи вторую лодку, и этой лодкой Мабуиаг, Баду и Моа стали владеть сообща. Лодка побудет на одном острове — ее передают другому, другой — третьему, а третий — снова первому.

С той поры жители Маваты продают свои лодки жителям Саибаи, а те перепродают их на Мабуиаг, Баду, Моа и дальше, на острова Ита и Мурилаго. Но жители Маваты сами покупают лодки в Кататаи, а жители Кататаи — на острове Параме, а жители Парамы — на Киваи, а те на острове Вабода — там делают самые лучшие лодки.

Нимо и Пуипуи больше не вернулись в Аиту, в лес, где они жили раньше, а остались с Меревой, на берегу. Свою сестру, Сагару, они оставили жить в лесу, и она с другими людьми основала там селение.

23. Сесере

Когда-то на том конце острова Мабуиаг, который называется Дабангани, жил юноша по имени Сесере, а на другом конце острова, Гому, — две его замужние сестры и все остальные. Родители Сесере умерли и оставили ему огород, на котором были посажены бататы. Сесере работал там по утрам, а потом отправлялся на берег бить острой рыбу. Вернувшись домой, он ва-

рил рыбу с бататами, ел и ложился спать. Утром он снова шел на огород, а когда начинался отлив, опять шел бить рыбу. В это же время шли бить рыбу и остальные жители Мабуиага, и тогда сестры глядели издалека на Сесере и жалели его, потому что он жил один.

И Сесере, и остальные жители в одно и то же время возвращались домой, готовили пищу, ели и ложились спать. Так повторялось каждый день.

Мужьям сестер Сесере не везло, им попадалась только мелкая рыбешка, да и ее совсем немного. Издалека они видели, как много рыбы бьет юноша, и они подумали: «Пойдем-ка мы к нему завтра и отнимем у него эту рыбу».

На другой день Сесере снова набил много рыбы, а мужья сестер опять остались ни с чем. Тогда, незаметно для односельчан, они пошли на другой конец острова, к Сесере, избили его палками и взяли всю крупную рыбу.

Вернувшись к женам, мужья стали хвастаться:

— Смотрите, какой рыбы мы набили!

Но жены им не поверили и сказали:

— Раньше вы такой крупной рыбы не приносили, всегда приносили только мелкую. Это наш брат бьет крупную рыбу — наверно, вы у него ее отняли.

Сесере сварил мелкую рыбешку, которую оставили ему мужья сестер, и поел. Все его тело ныло от побоев. На другой день повторилось то же самое, только на этот раз мужья сестер Сесере избили его еще сильнее. Женщины всё видели издалека и, когда мужья принесли много крупной рыбы, сказали:

— Вы сделали плохо — избили Сесере и отняли у него рыбу. Мы видели это сами.

Но мужья ответили:

— Нет, эту рыбу поймали мы, а не Сесере.

Все тело у юноши было в синяках и ссадинах. Когда наступило утро, он не смог подняться, и, сколько сестры ни смотрели, они так его и не увидели — только птицы ходили по мысу, где жил их брат.

В полдень Сесере приполз к могилам отца и матери, вырыл их черепа, вычистил, вымыл и натер ароматным кокосовым маслом, а вечером, когда лег спать, зажал черепа под мышками.

Мужья сестер Сесере в этот день принесли домой всего несколько рыбешек, и жены сказали:

— Вы убили Сесере, вот почему он не ловил рыбу.

Ночью духи родителей пришли к Сесере и сказали: «Завтра

утром вставай и иди искать следы дюгоня — траву, которую он обвел. Когда найдешь, иди по его следам к речке, перейди ее, и на другом берегу ты увидишь шест для гарпуна — это мы его там воткнули в землю. Неподалеку от шеста растет дерево дани, с него свисает веревка для гарпуна — это мы ее там повесили. Потом найди дерево байдаму-туру и сделай из него гарпун. Когда начнется отлив, поставь на рифе мостки, а вечером, когда вода начнет прибывать, стань на них и бей с них гарпун дюгоней. Думай о нас все время, а когда нужно будет, зови: „Мать, отец, приходите скорей!“ Не забывай нас — если не забудешь, мы всегда будем около тебя».

Сесере проснулся утром и подумал: «Это хороший сон». Он зарыл черепа в могилу, откуда их вырыл, и сделал все, как ему сказали духи родителей. Сестры теперь были уверены, что он умер, и стали его оплакивать, а их мужья подумали: «Наверно, мы и вправду его убили».

Когда наступил вечер и вода поднялась, Сесере влез с гарпуном на мостки, назвал имена отца и матери и сказал:

— Сэсере нга́и а́му Кйбау а́му нга́и а́му пала́йка Кйбау а́му пала́йка нга́и ймеде Кйбани ймеде нга́йна Сэсере Сэсере Сэсере! — Я буду бить дюгоней, как их бил мой отец. Кйбау, — моя рука такая же сильная, как его рука. Натягивайся, веревка, — я привязал тебя так, как тебя привязывал мой отец.

Сказав это, он вонзил гарпун в дюгоня, а потом вытащил дюгоня на берег, утром разделал его и часть мяса сварил. Когда он варил мясо дюгоня, сестры увидели дым от его очага и обрадовались: «Значит, брат жив!»

Сесере сделал еще два гарпуна и следующей ночью убил трех дюгоней.

Утром сестры, давно уже не видя Сесере и не зная, что с ним случилось, взяли с собой своих маленьких детей и пошли его навестить. Когда они пришли, Сесере делал гарпун. Он даже не взглянул на них, и они, постояв около него, горько заплакали. Сесере не сказал им ни слова, но подумал: «Зачем вы принесли детей? Они не ваши, в них кровь отцов. Если бы вы пришли одни, я бы дал вам мяса». Женщины ждали, но он даже не сказал им, чтобы они сели, и наконец они повернулись и пошли назад. Сосере крикнул им вдогонку:

— Сестры, не обижайтесь, что я не даю вам мяса — ведь вы принесли с собой их детей! Ваши мужья били меня, отбирали у меня рыбу, а вы ее им готовили!

Женщины вернулись домой и сказали мужьям:

— Плохо вы поступили с нашим братом, били его и отбирали у него рыбу. Из-за этого он, когда мы пришли к нему с вашими детьми, не хотел с нами говорить и не дал нам дюгоньего мяса.

Но мужья их, услышав это, пошли к святилищу хориому и там, одевшись в листья кокосовой пальмы, приняли обличье собак. Они стали бегать, играть друг с другом и скалить зубы, как настоящие собаки, а когда все отправились ловить рыбу, они побежали на другой конец острова, к Сесере.

Когда Сесере их увидел, он сразу понял, кто они на самом деле, потому что глаза у них были не такие, как у собак. Они легли у его ног, и он бросил им дюгоньи кишки. Собаки мигом сожрали их и улеглись снова, но едва Сесере отвернулся, как они вскочили, схватили два больших куска мяса и убежали. Они прибежали в святилище, снова приняли там человеческий облик и часть мяса съели, а часть оставили, чтобы съесть потом. Сытые, они пошли домой. Жены увидели, что они ничего не принесли, и сказали:

— А где рыба? Неужели вы ничего не поймали? Что мы будем есть?

— Мы заболели, не могли ловить,— ответили те.

Следующей ночью Сесере убил шесть дюгоней. Тощих он бросил назад в море, а остальных утром разделал. Но снова прибежали в собачьем обличье мужья сестер и украли мясо.

Сесере подумал: «Что же мне теперь делать?» Он опять выкопал черепа родителей и, ложась спать, положил их к себе под мышку. Родители пришли к нему во сне и сказали: «Завтра эти два злых человека придут снова. Приготовь дубинку и убей их обоих».

На другой день Сесере приготовил дубинку и стал ждать собак. На этот раз двое воров взяли с собой третьего — шелудивого, все тело у которого было в болячках. Все втроем они приняли собачий облик и отправились к Сесере за мясом. Прибежав к нему, зятья опять легли на землю у его ног, но третий подойти близко побоялся и лег поодаль. Когда две собаки бросились к мясу, Сесере размахнулся дубинкой и убил наповал одну, а потом другую. Третий вор со всех ног бросился бежать, и Сесере закричал ему вслед:

— Если ты и вправду собака, то ладно, а если человек в собачьей шкуре, то скажи людям: «Сесере убил двоих, которые били его и отнимали у него еду! Если кто-нибудь хочет отомстить за них, пусть приходит!»

Бамбуковым ножом Сесере отрезал собакам головы и достал из них головы мужей обеих сестер.

А шелудивый, опять приняв человеческий облик, пошел к односельчанам и им сказал:

— Сесере убил мужей своих сестер, он говорит, что они его обижали!

— Подумаешь, какой воин нашелся! — сказали друзья убитых. — Завтра мы пойдем и убьем его.

Мужчины стали готовить военные украшения и красить себе лица — одни в черный цвет, другие в красный, а некоторые в серый. Сестры Сесере между тем взяли своих грудных детей, пошли к нему и спросили:

— Сесере, где наши мужья?

— Да вот они, — показал Сесере, — и головы их, и тела. Они обижали меня все время, вот я их и убил.

Женщины оплакали своих мужей, но брата им было тоже жалко.

— Завтра, — сказали они, — тебя, наверно, и в живых не будет — слишком много народу придет тебя убивать.

Но Сесере не испугался.

— Пусть приходят, — сказал он. — Я хочу, чтобы они пришли.

Когда стемнело, люди забили в барабаны. Оружие было наготове — и дубины с привязанным к концу камнем, и байдамбунуро, палки с акульими зубами. Люди говорили:

— Завтра мы раздерем ими лицо Сесере.

А Сесере отнес шест и веревку для гарпуна туда, где их нашел, убил дротиком белую цаплю, сделал из ее перьев украшение для головы, дори, и еще украсил себя яркими листьями. Когда жители Гому пришли к нему, он спрятался в куче отбросов, куда кинул трупы зятьев; над кучей висело облако мух, и она кишела червями. Враги напали на Сесере с трех сторон, с лодок, из леса и с берега, но Сесере не испугался — духи родителей научили его, как надо драться и как сделать, чтобы у врагов помутился разум. Он повернул голову, дори на ней качнулся, и поднялся сильный ветер. От этого ветра мачты на лодках начали ломаться, а люди на них, когда бросали копья в Сесере, попадали друг в друга — и так все, кто был на лодках, погибли.

Враги пошли на Сесере с другой стороны. Воины кричали:

— Э-э, вперед, мы убьем его!

Но Сесере завертел головой, замахал в сторону, откуда они наступали, руками и ногами, и все враги попадали мертвыми.

То же случилось и с остальными врагами, и тогда Сесере отрезал у убитых головы и разложил их на земле кольцами, как ко-
косы.

Шелудивый смотрел на бой издалека и видел, как погибли
воины. Он побежал в Гому и рассказал оставшимся:

— Все убиты, только я один остался в живых.

Он поплыл на остров Баду и сказал жителям:

— Если не боитесь, плывите к нам на Мабуиаг биться с
врагом — все наши воины убиты.

— А сколько врагов? — спросили жители Баду.

— Один, — ответил шелудивый.

— Что же его бояться? — удивились жители Баду. — Завтра
мы приплывем и убьем его.

Воины Баду приготовились и на другой день приплыли на
Мабуиаг. Женщины там их накормили.

— Да быть такого не может, чтобы с одним человеком
нельзя было справиться! — сказали воины Баду. — Завтра мы
пойдем и убьем его.

Ночь они проспали, а утром двинулись к месту, где жил Се-
сере — одни на лодках, а другие, с трех сторон, по суше.

Сесере, как и в первый раз, залег среди костей в куче отбросов,
а когда воины Баду подошли близко, опять встал, завертел
головой и замахал руками и ногами. Мачты на лодках полома-
лись, и все люди на них упали мертвыми. То же случилось и с
теми, кто подходил по суше, и теперь Сесере отрезал головы
также и у воинов Баду.

Шелудивый опять смотрел на бой только издалека и потому
не погиб. Теперь он отправился на остров Моа, звать воинов
оттуда. Услышав, что Сесере дерется один и помощи ему ждать
не от кого, жители Моа сказали:

— Мы его не боимся, завтра мы разобьем ему голову.

Они поплыли на Баду, а оттуда на Мабуиаг. Шесть отрядов
пошли на Сесере, и он опять спрятался в куче отбросов, и по
его телу ползали черви и мухи. Воины стали бросать в него
копья, они бросали и бросали, и наконец Сесере встал и убил их
так же, как до этого убил воинов Мабуиага и Баду.

Шелудивый опять один из всех остался в живых и теперь
поплыл звать на бой с Сесере людей острова Ита. Они приплыли
на Мабуиаг и пошли на Сесере семью отрядами. Сесере перебил
тех, кто был в лодках, но остальные начали его окружать. Ко-
гда Сесере увидел, что ему с ними не справиться, он убежал в
лес, стал маленькой птичкой кеке시오 (на острове Мабуиаг ее

называют сесере) и спрятался в большой раковине — из тех, в которые можно трубить. Шелудивый увидел, как птичка юркнула в раковину, позвал других, и все бросились ловить Сесере. Люди Иты стали бить по раковине, пытаясь ее расколоть, и один из них воскликнул:

— Кажется, я его убил!

Но птица выпорхнула из раковины и села к одному из воинов на голову. Другой воин закричал:

— Стой, не шевелись!

И он попробовал сбить птицу с головы товарища дубинкой, но птица вспорхнула, и дубинка размозжила воину череп. Птица села на голову к другому, и он погиб точно так же, как и первый. Сесере в обличье птицы стал перепархивать с головы на голову, и когда погибло очень много людей, Сесере взлетел на дерево дани, снова принял человеческий облик и сказал:

— Посмотрите на меня и послушайте, что я вам скажу. Я, Сесере, ни в чем не виноват. Мужья сестер меня обижали: я ловил рыбу, а они почти всю у меня отнимали, да еще меня били. Я стал охотиться на дигоней — они стали собаками и начали красть у меня мясо. Я очень рассердился и убил их, и моей вины здесь нет. Это говорю вам я, Сесере. Возвращайтесь теперь домой.

Воины Иты поплыли к себе домой.

На Мабуиаге, Баду и Моа остались только старики, женщины и дети. Мужчины с Иты расселились по этим трем островам — некоторые женились на пяти женщинах сразу, другие на десяти. Обе сестры Сесере и все женщины Мабуиага, оставшиеся без мужей, пришли к нему, и сестры сказали:

— Сесере, все эти женщины без мужей, возьми их в жены.

— Хорошо, — сказал Сесере, — я согласен.

Он женился на молодых девушках, соски у которых еще не потемнели, и на женщинах, у которых были только один или два ребенка, но на женщинах старше Сесере жениться не стал. В доме у него было очень много дигонього мяса, и он разделил его между женами. Те женщины, на которых Сесере жениться не захотел, сказали:

— Мы не хотим возвращаться к себе домой, там больше никого нет. Мы хотим остаться здесь и помогать по хозяйству.

И Сесере им сказал:

— Хорошо, оставайтесь.

С тех пор люди на Мабуиаге живут в Дабангани, где жил Сесере, а не в Гому, где жили прежде.

III. ДУХИ МЕРТВЫХ

24. Как Виобари побывал в стране мертвых

Женщина из Мао, которую звали Иаребуро, однажды забеременела, понюхав банан, и родила мальчика по имени Виобари, или Амирабари. Мать, глядя на сына, часто думала: «Как удивительно — ты родился оттого, что я понюхала банан, отца у тебя нет». Иаребуро была не такая, как обычные женщины: она не могла говорить и разговаривала с сыном знаками — кивала головой. Спала она на золе у очага, и однажды, вернувшись ночью из леса и посмотрев на нее, Виобари подумал: «Бедная моя мать!» Он поднял ее, чтобы перенести на другое место, но она сказала: «Это мое место, для меня».

Иаребуро наказывала сыну: «Не ходи далеко в лес, вдруг на тебя нападет какой-нибудь злой дух, какой-нибудь казуар из страны мертвых затуманит тебе голову». Но Виобари на это ей отвечал:

— Это неправда, я о таком ни от кого не слышал.

Главный дух в Адири, стране мертвых, послал в Мао казуара, чтобы тот привел с собой Виобари. Птица побежала из Адири и наконец прибежала в Мао. Виобари накануне вечером убил дикую свинью, и теперь, притащив ее домой, сказал матери, чтобы она зажарила мясо, а сам пошел на огороды. Едва он отошел от своей хижины, как увидел казуара, прибежавшего из Адири. Виобари выстрелил в него из лука, но казуар подпрыгнул, и стрела пролетела под ним и в него не попала. Казуар побежал от Виобари, а тот за ним погнался. Они долго бежали, и на мысе Сепе, возле Сумаи, казуар остановился. Виобари снова выстрелил из лука, но птица опять подпрыгнула, и

стрела пролетела мимо. Казуар бросился в воду и поплыл в Нуби, а Виобари поплыл за ним. Потом, увязая в грязи, они выбрались кое-как на твердую землю, и Виобари опять выстрелил из лука, но казуар снова подпрыгнул, и Виобари промахнулся. Они побежали дальше, и наконец около Аймара-таватате казуар перестал бежать и пошел шагом. Виобари подбежал к птице совсем близко и выстрелил, но опять не попал. Они побежали снова, и, когда добежали до селения Вираро, казуар остановился. Виобари подбежал к нему и выстрелил, но промахнулся опять. Они побежали дальше и переплыли реку Вираро-тури — казуар впереди, а Виобари за ним следом. На мысе Аугудомуба, когда Виобари выстрелил снова, казуар не подпрыгнул, а присел, и стрела снова пролетела мимо. Так, по пути в Адири, они прошли и пробежали через много мест — через Старую Мавату, Похи, реку Ориому, через Аберемубу, Урахуо, Маубо-эрехе, реку Бинатури, Нугу-габо, через Куру, через Аугадомубу, Мабудаване, Буямубу, Сарпаувагато, Буджи, Тоджи, Нибонибомубу, Бауди, Пабо, Араку и Джараи, и, пока они шли или бежали, Виобари много раз стрелял в казуара из лука, но так ни разу и не попал.

Наконец главный дух Адири, тот самый, который послал казуара за Виобари, увидел с лестницы своего дома, что казуар возвращается, и воскликнул:

— Да ведь это мой казуар вернулся!

Казуар взбежал по лестнице в дом, стал совсем маленьким, и главный дух закатал его в циновку.

В это время Виобари добежал до лестницы и от усталости упал без чувств. Все духи выскочили из дома, схватили его, и каждый из них стал кричать:

— Он мой, мой!

Подошла женщина-дух, потерла ему глаза поясом своей юбки, и Виобари очнулся. Духи дали ему воды, он ее выпил, и один за другим они стали подходить к Виобари и с ним здороваться:

— Здравствуй, друг, здравствуй, друг!

А девушки-духи говорили:

— Здравствуй, мой муж!

Девушки-духи накормили и напоили его, а потом стали в ряд, и Виобари велели выбрать из них, кого он хочет, себе в жены. Виобари посмотрел и сказал:

— Мне нужны девушки с круглыми грудями, тех, у кого груди отвислые, я не возьму.

Виобари выбрал двух девушек и на них женился. Вскоре они забеременели и родили ему сына и дочь.

Однажды, когда его жены пошли на огород, Виобари взял детей, отнес их на берег моря и искупал. Дул нигори, восточный ветер, и Виобари вслух сказал:

— Ой, этот ветер, нигори, с моей родины, он дует из Мао! Бедная моя мать, ведь она там одна!

Дети услышали слова отца и спросили:

— Отец, про какую родину ты говоришь?

— Я говорю — этот ветер дует с моей родины, там у меня осталась мать.

Услышав это, дети заплакали и стали просить:

— Отец, уйдем в Мао!

В это время к ним подошли духи и спросили:

— Почему дети плачут?

Но Виобари не сказал. Духи попробовали поить и кормить детей, но те ничего от них не брали. Пришли матери и дали им грудь, но дети все равно плакали, и наконец Виобари сказал духам:

— Я им рассказал про нигори, он дует с моей родины, где у меня осталась мать, — вот почему они плачут.

И духи сказали:

— Возвращайся к себе на родину, мы не будем тебя удерживать.

Духи взяли циновку и перо пеликана, бросили их на воду, и они стали лодкой. Потом духи бросили в море перья ястреба и птиц аваниа и гимаэ — и на воде закачались другие лодки.

— Выбери любую и плыви, — сказали духи Виобари.

— Нет, они мне не нравятся — очень медленно плывут, — ответил он им.

Один из духов воткнул в землю казуарье перо, и перед ними миг появился казуар. Духи спросили Виобари:

— На казуаре поедешь?

— Нет, на нем мало места, — ответил Виобари.

Тогда другой дух воткнул в землю кусок бамбука, и сразу выросла целая бамбуковая роща. Духи сказали:

— Давайте посмотрим — что самое быстрое, на том Виобари и отправится к себе домой.

Все стали жевать манабабу, хириваре и другие травы, нужные для колдовства, и выплевывать на лодки, на казуара и на бамбук. Лодки поплыли, казуар побежал, а стебли бамбука — зз-з! — вытянулись высоко-высоко, до самого неба, а

потом наклонились и достали верхушками до селения Мао. Казуар и лодки остались далеко позади.

— Лучше тебе отправиться на бамбуке, чем на лодке или казуаре, — сказали духи.

На одни стебли Виобари и его жены повесили свое добро, а на другие вместе с детьми залезли сами. Духи стали плевать на бамбук разжеванными травами, и стебли — у-у-у! — вытянулись высоко-высоко, а потом наклонились к самому селению Мао.

Была ночь, и жители Мао, услышав необычный звук, стали спрашивать друг у друга:

— Ой, что это? Слышишь?

Виобари прыгнул на землю, помог слезть женам и детям и снял вещи, а потом разжевал колдовские травы и выплюнул их на бамбук. Стебли бамбука сразу стали уменьшаться и вернулись в Адири, и те, кто там жил, закатали их в циновки и спрятали.

Виобари посмотрел на свою жалкую мать, спавшую в золе, и подумал: «Бедная мать, у нее кожа как у казуара, как у крысы, и лицо такое же».

Мать проснулась и очень обрадовалась, увидев сына с женами и детьми. Говорить она не могла, но стала показывать знаками, как она рада. Виобари ей сказал:

— Матушка, я погнался за казуаром, а он заманил меня в страну мертвых.

Жители Мао все происходят от Виобари и его двух жен, которых он взял с собой из Адири.

25. Как Асаи побывал в стране мертвых

[Гамеа, старику, рассказывал это его отец.]

Однажды в Мавате человек по имени Асаи умер, а потом ожил и рассказал односельчанам об Адири. Человек, когда умирает, приплывает туда на лодке, и на берегу его встречает дух умершего до него отца или друга. Дух ждет на берегу и говорит приплывшему: «Оставь лодку и иди сюда». Приплывший выходит на берег и садится на пиновку, которую для него стелют. Духи начинают танцевать перед ним, чтобы затуманить его разум — тогда у него пропадет желание вернуться назад. Одни духи бьют в барабан, другие поют, а третьи танцуют. Асаи встретил дух отца, и, когда духи начали танцевать, у Асаи за-

кружилась голова, и он подумал: «Здесь хорошо, останусь-ка я здесь навсегда». Отец сказал ему:

— У меня есть хозяин, его зовут Дириво. Если он позовет нас в дом, надо войти.

Вскоре Дириво их позвал, но Асаи испугался и не хотел идти в дом. Отец, однако, сказал:

— Не бойся, входи!

Вход был открыт, и по сторонам его стояли две тяжелые доски. Сидо, который тоже был внутри дома, крикнул Асаи и духу его отца:

— Входите!

Асаи с отцом поспешили войти, и доски за ними с громким стуком сомкнулись. Асаи обернулся, увидел, что из дома не выйти, и подумал: «Теперь мне уж не вернуться назад!»

В доме Асаи увидел около Сидо девушку с большими и крепкими грудями, и Сидо ему сказал:

— Ложись с ней спать, она будет твоей женой.

Тот, кто послушается Сидо, теряет разум, забывает свой прежний дом и остается навсегда в Адири. Однако, когда Асаи вошел, убранство дома так ошеломило его, что он не стал смотреть на девушку, а начал разглядывать все вокруг. В доме было светло и очень красиво, и там было много красивых людей — мужчин и женщин. Сидо увидел, что Асаи даже не смотрит на девушку, и сказал:

— Раз ты на нее не смотришь, я отправлю тебя назад.

Он подвел Асаи к двери, и доски разошлись в стороны. Лодки Асаи не дали, но Сидо пнул его в зад, и Асаи взлетел вверх и понесся над землей. Он опустился около своего дома и сразу очнулся и увидел, что вокруг плачут его родные. Те, увидев, что он открыл глаза, перестали плакать.

— Почему вы плачете? — спросил их Асаи.

— Потому что вчера ты умер и все это время был мертвый, — ответили родные.

И Асаи им сказал:

— Не просите меня сейчас рассказывать о стране духов — когда выздоровлю, расскажу вам сам.

26. Как Анаи гостил у мертвого брата

Когда Мавата была не там, где теперь, а немного подальше от берега, в лесу, там умер человек, которого звали Когеа. Его похоронили совсем близко, на мысе Гесовамуба, и брат Когеа, Анаи, стал, как требует обычай, разжигать над местом, где ноги покойника, костер. Тогда дух Когеа раздвинул землю, стащил брата в могилу, и земля над ними сомкнулась снова. Никто из односельчан Анаи об этом не знал.

Прошло немного времени, и друзья Анаи начали его искать. Его следы привели к могиле Когеа, но около нее они обрывались. Односельчане увидели у могилы остатки недавно погасшего костра, а на ней самой — лук Анаи. Люди не могли понять, что случилось: то ли Анаи улетел, то ли провалился под землю. Некоторые думали, что его нет в живых, но все решили, что пока не будут его оплакивать.

Анаи не было четыре дня, а потом жители Маваты, возвращаясь вечером с огородов, увидели, что со стороны кладбища к селению идут двое людей — Когеа, который недавно умер, и Анаи. Они шли, как ходят все люди, каждый нес лук и стрелы, а Анаи еще и корзину. Когда они дошли до святилища, где совершают церемонию таэра, Когеа повернул назад, и всем показалось, будто ему жаль расстаться с братом и потому он и провожал его. Когда Анаи уходил, духи дали ему с собой полную корзину еды, но почти все, когда он вышел из-под земли, вывалилось из корзины и вернулось назад, в страну духов. Остался только один клубень ямса — Анаи поймал его и крепко прижал ко дну корзины.

Наконец Анаи пришел домой, и односельчане его спросили:

— Анаи, где ты был?

И он ответил:

— Я разжег костер у могилы Когеа, но вдруг земля расступилась, и дух Когеа утащил меня под землю. Я там прожил четыре дня.

— Как там у них, у духов мертвых? — стали спрашивать люди.

— Все, как у нас, — ответил Анаи. — Еды у них достаточно, так что особенно вы их не жалейте.

Его спросили:

— Как же они ходят там, под землей?

— Да как мы наверху. Там просторно, и людей очень много, куда больше, чем здесь.

Мертвые многому научили Анаи, и он сказал односельчанам:

— Когда в следующий раз будете разжигать у могилы костер, не дуйте на огонь — от этого расступилась земля и дух Когеа вышел из могилы и утащил меня вниз.

Когеа научил его также, что надо надевать, когда сажаешь ямс, и какое нужно колдовство, чтобы овощи на огородах росли лучше. Обо всем, чему научил его брат, Анаи рассказал односельчанам, и еще он сказал им:

— Когда мне захотелось вернуться, Когеа наколдовал, чтобы земля над нами раздвинулась, и тогда мы оба вышли наверх.

27. Две подруги

Однажды на Дару, во время церемонии таэра, две девушки влюбились в двух танцевавших юношей-духов и накормили их. Когда танец кончился, девушки побежали вслед за духами в лес. Там юноши-духи что-то пожевали, выплюнули жвачку на землю, и в земле появилась большая яма. Оба юноши туда спрыгнули. Девушки заглянули в яму и увидели в ней много духов. Одна из девушек сказала:

— Давай спустимся к тем двум духам.

Но другая девушка испугалась и ответила:

— Я боюсь — спускайся ты первая, а я за тобой.

Первая девушка спустилась, и земля сразу над ней сомкнулась. Ее подруга побежала скорей домой и рассказала людям о том, что произошло. Родители девушек очень рассердились и стали бранить вернувшуюся:

— Кто надоумил вас идти к духам? Вы что, рехнулись?

Первая девушка так и не вернулась из-под земли, и родители, оплакав дочь, сказали подруге, которая ее бросила:

— Плохо ты поступила! Почему вы не спустились вместе?

С тех пор люди верят, что под землей живут духи. Некоторые даже думают, что среди переодетых людей в церемонии таэра танцуют и настоящие духи мертвых, и те двое юношей, заманившие девушек в лес, как раз такими и были.

28: Гобои и дух

В давние времена жители Маваты поплыли однажды ночью ловить рыбу. Один из них, Гобои, поплыл в лодке вдоль берега, отталкиваясь шестом, и, когда он проплывал мимо кладбища, в лодку к нему влез какой-то человек и сел на скамейку. Гобои сразу понял, что это не человек, а дух, но Гобои был храбрым воином, убил много врагов и совсем не испугался. Он, как до этого, продолжал бить острой рыбу и наконец заговорил с духом и сказал ему:

— Послушай, что я тебе скажу. Если ты друг и хочешь со мною плыть, то помоги мне, возьми шест, а я буду бить рыбу и показывать дорогу — одному мне трудно.

Дух молча взял шест, стал на корме и начал отталкиваться, а Гобои на носу лодки продолжал бить острой рыбу. Гобои про себя очень удивился: «Вот так так, он послушался меня, взял шест! Надо было сказать ему об этом сразу — сколько бы рыбы я уже поймал! Как хорошо, что он хочет быть моим другом и меня слушается!»

Изо рта у духа торчали два больших клыка, но Гобои все равно его не боялся. Он думал: «У меня в руках острога — если он на меня бросится, я ею его проткну, а если не тронет меня, я его тоже не трону. Интересно, что он станет делать, когда расцветет?»

Дух молчал — только хмыкал каждый раз, как острога пронзала рыбу.

Так они доплыли очень далеко, до Куру, и Гобои сказал:

— Теперь мы поплывем назад.

Дух послушно повернул лодку, и они поплыли. Когда они подплыли к кладбищу, откуда пришел в лодку дух, уже начало светать. Гобои перестал бить рыбу, оглянулся на духа и сказал:

— Друг, бери себе рыбы, сколько хочешь.

Дух взял только две небольшие рыбки, и Гобои сказал:

— Возьми покрупнее.

Тот, однако, других рыб брать не стал, выпрыгнул на берег и исчез. Гобои заплакал. Он думал: «Чей же это дух? Моего друга? Моего отца? Он во всем меня слушался, и, пока он был у меня в лодке, я набил много рыбы». И еще он думал: «Как людям под землей, хорошо или плохо? И что будет со мной, когда я умру — буду я жить или меня совсем не будет? Плохо,

что он взял только две маленькие рыбки, надо было нам разделить рыбу поровну».

Плача, Гобои пришел домой, и люди спросили его:

— Почему ты плачешь?

— Вы видели человека, который стоял с шестом у меня в лодке? — сказал Гобои. — На самом деле это был не человек, а дух — он бросил шест и выпрыгнул на берег около кладбища. В лодке еще остались его следы — вон, видите?

И Гобои снова горько заплакал.

29. Как дух убитого испугал много людей

В Даваре жил человек по имени Надере. День он работал на огороде, а вечером приходил домой, готовил себе еду, выпивал гамоды, ел и ложился спать. И вот однажды жители острова Киваи напали на селение Табио, неподалеку от Даваре, и убили много людей. Обезглавленное тело одного из жителей Табио прибило к берегу около Даваре, и на другое утро его увидел там Надере.

Надере вытащил тело из воды, а сам пошел, как всегда, работать на огороде. Вернувшись вечером, он поставил на огонь еду, а пока она варилась, выкрасил себя черной краской и надел украшения из перьев и ярких листьев, которые надевают, готовясь к танцу. После этого Надере взвалил мертвое тело на плечо и затанцевал, и танцевал до тех пор, пока не устал. Тогда он положил тело на прежнее место, поел, выпил гамоды и лег спать. То же повторилось и на другой день — вернувшись с огорода, Надере опять начал танцевать с мертвецом на плечо, хотя тело уже начало разлагаться и от него шло зловоние. Но вдруг появился дух убитого и заревел:

— Как ты смеешь танцевать со мной? Что я тебе, игрушка?

Онемев от ужаса, Надере бросил тело и кинулся в дом. Дух за ним погнался, и Надере выскочил через другую дверь и побежал. Он бежал и бежал и наконец прибежал в Табио.

— Что случилось, Надере? — закричали жители Табио.

— За мной гонится дух, берите луки и дубинки, его надо убить! — крикнул на бегу Надере.

Тут показался дух, и жители Табио, увидев его, в страхе побросали оружие и вслед за Надере побежали в селение Ира-

го — все, мужчины, женщины и дети. Надере, вбежав в Ираго, закричал:

— За мной гонится дух!

— Не беда, — ответили жители Ираго, — мы его сейчас уьем.

Они схватили оружие и стали ждать духа у себя в доме, но, когда дух взбежал по лестнице и люди его увидели, они все бросились наутек, и Надере опять побежал впереди всех. Они прибежали в Коабу, и Надере закричал местным жителям:

— За нами бежит дух, он хочет меня догнать!

Все, кто бежал от духа, вошли в дом к жителям Коабу, и те сказали:

— Пусть приходит, мы уьем его.

Но когда дух появился, все они, жители Табио, Ираго и Коабу, бросили оружие и побежали, и Надере опять побежал впереди всех. Они прибежали в Ипидаримо, и Надере закричал жителям:

— Готовьтесь драться!

— Сколько воинов за вами гонится? — стали спрашивать жители Ипидаримо у Надере и у тех, кто прибежал вместе с ним.

— Один, — ответили прибежавшие.

— Почему же столько людей его испугались? Пусть приходит, мы уьем его, — сказали жители Ипидаримо.

Двое из них стали по сторонам двери, а все остальные вошли в дом. Вскоре появился дух, и тогда двое, стоявшие у двери, прострелили его из луков насквозь. Они отрезали у него голову, а тело бросили в море, и жители Ипидаримо сказали:

— Один человек напугал три селения, Табио, Ираго и Коабу, и только мы, в Ипидаримо, его убили!

Все, кто бежал из родных мест, вернулись домой, и Надере тоже вернулся к себе в Даваре.

30. Как дух убитого вернулся в селение на лодке белых людей

Один житель селения Иписиа, Вабеа, воровал у односельчан зрелые кокосы, которые те оставляли, чтобы сажать. Люди очень сердились, что у них пропадают кокосы, но никак не могли узнать, кто их крадет. Наконец один из них, которого звали Горираи, взял палку-копалку и спрятался около места, где хра-

нились кокосы. Вабеа, не зная об этом, опять пришел туда за кокосами, но вдруг перед ним появился Горираи и закричал:

— Так вот кто вор! Наконец-то ты попался! Это ты все время воровал кокосы?

— Нет, я пришел в первый раз,— сказал Вабеа.

— Неправда,— закричал Горираи,— это ты приходил все время, ты один и воровал!

Он три раза ударил Вабеа тяжелой палкой, и тот упал мертвый. После этого Горираи пошел к жене и друзьям Вабеа и им сказал:

— Пойдите возьмите Вабеа — я убил его, он воровал кокосы.

Друзья унесли тело домой, оплакали и похоронили. Драться с Горираи никто не стал — ведь Вабеа оказался вором.

Прошло немного времени, и приплыла первая большая лодка с белыми людьми. К ней поплыли две лодки жителей Иписиа, и на носу одной сидел и греб Горираи. Дух Вабеа был на лодке белых людей и, когда увидел Горираи, подумал: «Да это Горираи! Надо убить его». И он застрелил Горираи из револьвера.

Люди на лодке Горираи очень испугались, но белые люди сказали им знаками: «Не бойтесь, этот человек раньше убил Вабеа, а теперь дух Вабеа ему отомстил».

Потом жители Иписиа получили от белых людей много подарков. Вабеа так и не сошел на берег, и вскоре белые люди подняли на своих лодках паруса и поплыли к селению Самари — в ту сторону, откуда они приплыли. Тело Горираи отнесли домой, и люди рассказали его друзьям:

— На лодке белых людей стоял Вабеа, он убил Горираи, а потом сказал: «Теперь я отомстил тебе».

И все сказали:

— Значит, это правда, Вабеа побывал у нас снова.

31. Почему черепахи прежде ловились лучше

Однажды в Старой Мавате, в дни церемонии нигори-гамо, люди, собираясь отправиться за черепахами, украсили лодки и, перед тем как отплыть, пошли, как того требует обычай, на кладбище — навестить могилы своих родных. Они очистили кладбище от сора, украсили могилы кольцами из кокосовых листьев, положили на каждую могилу еды, а потом полили их соком кокосов, приговаривая:

— Придите, помогите нам ловить черепах, а мы дадим вам много еды, мы украсим ваши дома.

Люди совершили и другие обряды, которые совершают во время церемонии нигори-гамо, только родственники Биджи, старейшины, умершего недавно, не выполнили своего долга перед мертвым.

Наконец лодки отплыли, и почти сразу люди увидели множество черепах и стали ловить их. Вскоре лодки наполнились, и все поплыли домой. Только родственники Биджи не поймали ни одной черепахи, хотя доплыли до самого острова Бобо. Там, около одного из рифов, они и заночевали.

Ночью, когда часть людей спала, а остальные охраняли ночлег, вдруг послышался голос Биджи — это говорил его дух. Он спросил:

— Вы меня слышите? Или вы все спите?

От его громкого голоса те, кто спал, сразу проснулись, и все стали спрашивать друг у друга:

— Кто это говорит? Откуда этот голос?

А голос все говорил:

— Я не виноват, что вы не убили ни одной черепахи — это все оттого, что вы не позаботились о могиле, в которой я сплю. В следующий раз очистите ее от травы и сора, и тогда увидите — вы вернетесь с добычей.

Люди поняли, что сказал им дух, и подумали: «Теперь мы знаем, почему не поймали ни одной черепахи». Духа они слышали ясно, но откуда он говорит, понять не могли. Они поплыли домой, а когда пристали к берегу, сразу, оставив все, что брали с собой, в лодке, пошли в лес. Там одни стали рвать кокосы, другие бананы, и все плоды они понесли на могилу Биджи. Они расчистили землю вокруг нее, украсили могилу кольцами из кокосовых листьев, положили много еды для Биджи и полили могилу соком кокосов. Делая это, они говорили:

— Биджа, теперь мы сделали все, как нужно, пойдя с нами в святилище нигори-гамо, помоги нам поймать много черепах.

Они совершили остальные обряды церемонии нигори-гамо, а потом угостили односельчан и им сказали:

— Вы поступали правильно, а мы неправильно, мы узнали это от духа Биджи — вот почему мы вас угощаем.

На другое утро жители Старой Маваты опять поплыли за черепахами, и на этот раз сородичи Биджи поймали очень много черепах. Они сказали:

— Как хорошо, что мы послушались Биджи! Теперь мы знаем — это говорил он, голос был его, хотя его самого мы и не видели. Мы всегда будем делать так, как сказал его дух.

Пришльв домой, они разделали черепах и поделились мясом с односельчанами. Они рассказали молодым о том, что слышали от духа Биджи, и еще им сказали:

— Не забывайте в брачную пору черепах украшать могилы, следите за тем, чтобы они были чистые и красивые, и оставляйте для мертвых еду. Все должны делать так, как сказал Биджа.

Люди уже не совершают этот старый обряд, вот почему черепах стало теперь так мало.

32. Как духи убитых помогают своим новым хозяевам

В селении Маги, недалеко от Диримо, жил со своей женой Бабоу человек по имени Дого. Своих детей у них не было, и они взяли себе трех приемных: совсем маленького мальчика из Маваты, оставшегося без матери, которого звали Мируу, мальчика из Маги, которого звали Саи, и девочку из Туритури — ее звали Гайба.

Однажды Саи поссорился с Гайбой и, когда шел позади, выстрелил в нее из своего маленького лука. Стрела пронзила девочку насквозь, Гайба закричала, пробежала несколько шагов и возле самого их огорода упала мертвая. Приемный отец поднял ее, отнес домой и похоронил.

Ночью Дого увидел, как девочка (это был ее дух) появилась около хижины, а потом упала и закричала — точно так же, как накануне, когда Саи ее убил.

На следующую ночь Дого взял маленького Мируу, завернул в циновку и положил спать на место, где накануне упал дух девочки. Дого сделал так для того, чтобы дух Гайбы вошел в мальчика и научил его колдовству.

Вернувшись в хижину, Дого лег спать и уже засыпал, когда услышал, что пришел дух девочки, — она прибежала и упала с криком около мальчика, а потом заползла в циновку и вошла в Мируу — позднее бывало иногда слышно, как она свистит у него в животе.

Утром мальчик проснулся, увидел, где он лежит, и закричал Дого:

— Эй, почему я тут спал?

— Я тебя вынес, вот ты и спал здесь, — ответил ему приемный отец.

Он услышал, как в животе у Мируу кто-то свистит, и понял, что это дух девочки. Дого обрадовался и подумал: «О, теперь мой сын знает много — пожалуй, уже пора переселить его в дом для мужчин».

На Мируу надели много украшений, устроили праздник и переселили мальчика в дом для мужчин.

Однажды вечером Мируу пошел спать в лес. Там он встретил большую змею, и змея ему сказала:

— Утром иди к реке, у берега ты увидишь лодку — сядь в нее.

Рано утром Мируу пошел к реке, увидел лодку, прыгнул в нее, и лодка вместе с ним сразу пошла ко дну.

На дне реки та же большая змея встретила его и повела к себе в дом. Там она стала учить Мируу, как убивать колдовством людей. Из дома змеи подземный ход вел к селению Масингара, и, когда Мируу выучился колдовать, он пошел по нему и недалеко от Масингары вышел из-под земли наверх.

В другой раз он увидел на дереве амухе необычный плод. Как-то ночью ему вдруг очень захотелось пойти посмотреть на него снова. Мируу поднялся и пошел, но на том месте, где висел прежде плод, он увидел кускуса. Мируу начал стрелять в кускуса из лука, и, когда выпустил в него несколько стрел, кускус упал, и сразу же хлынул ливень. А сам кускус, упав на землю, превратился в камень, и Мируу поднял его и отнес к себе домой.

Однажды ночью камень, который был также и кускусом, явился Мируу в человеческом облике и сказал: «Если тебе нужен дождь, возьми меня, натри колдовским снадобьем и положи у ручья — когда я около воды, всегда идет дождь».

Позднее, когда Мируу стал юношей, дух девочки, вселившийся в Мируу, когда тот был еще маленьким, вышел из него наружу, и, когда наступала темнота, этого духа можно было увидеть. Он был как обыкновенная женщина, и эта женщина, когда появлялась, всегда садилась рядом с Мируу. Лицо у нее было закрыто листьями, и его не было видно, но голос ее люди слышали. Иногда она даже курила трубку. Мируу мог посылать ее куда ему было нужно — за новостями или за любой нужной вещью. Она, даже если идти было очень далеко, отправлялась, куда он ее посылал, без всякой лодки и очень скоро возвращалась. Если кто-нибудь терял какую-нибудь вещь, дух Гаибы говорил Мируу, где эту вещь найти. Когда Мируу хотел, чтобы

женщина появилась, он взмахивал над огнем ее юбкой и свистел. Обычно она появлялась снаружи, Мируу выходил ее встретить, но больше никто к ней подходить не решался — от запаха духа можно умереть. Подолгу женщина у Мируу не оставалась никогда — он всегда быстро отсылал ее прочь. Люди давали Мируу еду и разные подарки, а он узнавал для них через духа Гаибы, не грозит ли им чье-нибудь колдовство, и иногда даже посылал женщину по чьей-нибудь просьбе убить врага.

Увидеть ее можно было очень редко, только когда Мируу отправлялся куда-нибудь, а она шла за ним и несла корзины и циновки. Иногда она уставала, и тогда Мируу клал ее в корзину, где лежала ее юбка.

Однажды Мируу съел по кусочку от двух мертвых тел, и духи обоих вошли в него, как когда-то дух девочки. Потом эти духи из него вышли, и он стал их хозяином, так же, как до этого стал хозяином духа девочки. Новые духи стали тоже служить Мируу.

Говорят, что многие жители леса водят, как Мируу, дружбу с духами, и эти жители леса научили некоторых людей Маваты, как делать, чтобы духи им помогали. Так, например, было с жителем Маваты, которого звали Михере. Жители леса дали ему снадобье, от которого у него помутился разум, стали вертеться глаза и он смог ходить по воздуху. После этого они сразу дали ему проглотить кусочек мяса, отрезанный от убитого, и дух, живший раньше в теле убитого, стал служить Михере. У духа был вид камня, и о том, где его найти, Михере сказал во сне этенгена. Михере пошел, куда ему сказал этенгена, нашел духа и положил в корзину. Лежа в корзине у Михере, дух во всем помогал хозяину и спасал его от любого злого колдовства.

IV. МИФИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

33. Вава, который живет около Мабудаване

Вава, человек, но не такой, как обычные люди, живет в большом камне около Мабудаване. Когда ему хочется спать, камень раскрывается, Вава входит в него и ложится, а когда Вава проснется и захочет пойти поработать на своем огороде, камень раскрывается и Вава выходит. Под мышкой правой руки он держит толстую связку стрел, на связке висит большая корзина, а в левой руке Вава держит лук. На голове у него растут кусты и цветы — когда Вава начинает работать на огороде, он их снимает, а когда кончит работать, сажает их к себе на голову снова. Вава совсем как человек, только маленького роста и очень толстый.

Поработав на огороде, он выкапывает несколько клубней таро, отрезает корешки, снова их сажает, и к утру таро вырастает опять. Кончив работать, Вава опять сажает к себе на голову кусты, которые с нее снял, берет стрелы, лук и корзину и идет домой. Там он кладет все на землю, опять снимает с головы кусты и кладет таро в очаг — печься. Пока клубни пекутся, он надевает на руку широкий надлокотный браслет, засовывает за него длинное украшение, опять сажает на голову кусты, берет лук и стрелы, идет на берег моря и там, у самой воды, останавливается. Под мышкой правой руки он держит связку стрел, а в самой руке, костяным наконечником вверх, одну длинную стрелу; в левой руке он держит лук. Так он стоит не шевелясь и смотрит на море, на Мавату, на Саибай — с места, где он стоит, ему их хорошо видно. Начинается прилив, вода поднимается все выше, но только тогда, когда она дойдет Ваве до пояса, он поворачивается и идет домой. Там он опять кладет все на землю около камня, достает из очага таро и садится есть. На-

евшись, Вава дует на камень, камень раскрывается, Вава в него входит, дует опять, и камень закрывается.

Однажды Вава вышел, как обычно, на берег и стал смотреть на море, на Сацбаи и на Мавату. Вдруг он увидел в воде около берега двух черепах, одну на другой — самца и самку. Сам Вава не мог перетащить черепах к себе домой: ему трудно наклоняться, он был слишком толстый. Поэтому он закричал:

— Есть кто-нибудь в лесу? Если есть, пусть придет и вытащит черепах на берег!

Один житель леса, Джаби из селения Того, услышал голос Вавы и подумал: «Кто это? Кажется, это Вава просит, чтобы пришли и помогли ему вытащить на берег черепах». Джаби сказал жене:

— Ты оставайся дома, смотри за дочерью, а я пойду помогу другу.

Джаби пошел к Ваве и спросил его:

— Что тебе нужно, друг?

— Я нашел двух черепах, самца и самку — отнеси самку мне, а самца возьми себе, — сказал Вава.

— Нет, — ответил Джаби, — давай лучше ты отнесешь к себе свою черепаху, а я к себе отнесу свою.

Но Вава не согласился:

— Нет, я не смогу отнести домой свою черепаху, я слишком толстый, и руки у меня заняты.

— Может, тебе лук и стрелы оставить здесь? Тогда ты сможешь отнести черепаху, — сказал Джаби.

— Нет, я их оставить не могу, — ответил Вава, — отнеси мне домой черепаху ты!

Джаби пошел за веревкой, а потом вернулся и вытащил на берег сначала одну черепаху, а потом другую. Он потащил обеих черепах к Ваве домой, а Вава с луком и стрелами шел сзади. Задыхаясь от усталости, Джаби дотащил черепах до самого дома Вавы и сказал:

— У меня много своей работы, а ты меня заставляешь делать твою.

Но Вава не согласился:

— Не беда, друг.

Он положил лук и стрелы на землю и стал приказывать:

— Сперва разделай мою черепаху, за свою примешься потом.

— Нет, — попробовал было спорить Джаби, — я займусь своей.

— Нет, разделай сперва мою,— сказал Вава.

Джаби опять послушался и разделал сначала самку для Вавы, а уже потом свою черепаху. Тогда Вава сказала:

— А теперь, друг, свари мою черепаху.

— Свари себе сам, а потом я сварю свою — ведь и так я разделал ту и другую,— сказал Джаби.

— Нет, свари сначала мою,— потребовал Вава.

Джаби не стал с ним спорить и поставил вариться сразу мясо самца и самки.

— Теперь поищи у меня в голове,— сказал Вава.

— Хорошо,— согласился Джаби,— ты ложись, и я поищу.

Вава лег, а Джаби поставил около его головы кокосовую скорлупу и начал искать у Вавы вшей и в нее их бросать. Скорлупа быстро наполнилась. Вава тем временем заснул и начал громко храпеть, и тогда Джаби, чтобы узнать, крепко ли он спит, толкнул его и позвал:

— Эй, друг!

Вава не отзывался, он крепко спал. Увидев это, Джаби взял мясо самки, которое сварил для Вавы, положил к себе в корзину и побежал с ним к жене и детям. Он бежал и думал: «Я не виноват, виноват Вава — все заставлял на себя работать».

Жена спросила Джаби:

— Где ты был?

— Тише! — прошептал Джаби.— Вава заставил меня на него работать, и я украл мясо его черепахи. Теперь нам надо уйти отсюда подальше и выстроить себе новую хижину, на высоких сваях: наверно, Вава захочет нас убить и придет к нам.

Джаби с женой и детьми ушли далеко в лес и построили себе хижину на очень высоких сваях. Они взяли туда с собой казуара, собаку, свинью, кенгуру и кускуса и заперли изнутри дверь.

Вава проснулся и закричал:

— Эй, друг, где ты?

Никто не ответил. Вава приподнялся, увидел около себя кокосовую скорлупу, полную вшей, и сказал:

— О, это мой!

Вава огляделся вокруг, увидел, что мяса самки нет, и закричал:

— Ой, этот человек украл мою хорошую черепаху, а свою, плохую, оставил!

В ярости он схватил скорлупу кокоса, полную его вшей, размахнулся и рассыпал их по всему берегу. Вши Вавы сразу

стали крабами и начали ползать по песку — вот почему около Мабудаване так много крабов.

Вава попробовал мяса черепахи-самца, но оно было совсем сухое, без жира, и он его есть не стал. Он решил, что отомстит Джаби, и послал за всеми жителями леса — людьми из Дабу, Гуна, Табататы и Вуйбу, чтобы те пришли и помогли ему драться с Джаби. Жители леса пришли и переночевали в доме у Вавы. Он им сказал:

— Друг украл у меня хорошую черепаху, а мне оставил плохую — пойдемте на него войной.

Жители леса ответили:

— Пойдем!

Утром они пошли, и Вава шел впереди всех. Джаби увидел их и сказал жене:

— Вон их сколько идет, и впереди Вава.

Под их хижинкой собралась большая толпа, и все стали целиться в хижину Джаби. Вава закричал Джаби:

— Выброси ребенка!

Но Джаби было жаль дочку, и он выбросил вместо нее кускуса. Вава не хотел убивать кускуса, ему нужна была только дочка Джаби, и он опустил свою стрелу. Кускус упал на стрелы жителей леса, и те вмиг его растерзали. Вава закричал:

— Мне кускус не нужен, мне нужен твой ребенок!

Но Джаби подумал: «Нет, ребенка я не выброшу» — и выбросил кенгуру. Вава снова опустил стрелу, и кенгуру упал на стрелы жителей леса. Вава опять закричал:

— Выброси ребенка!

Но Джаби и теперь дочь не выбросил, а выбросил казуара, и опять Вава опустил стрелу, и казуара убили жители леса. Вава закричал снова:

— Выброси дочь!

Тогда Джаби выбросил свинью, и жители леса сразу ее убили, а Вава опять опустил стрелу.

Джаби громко заговорил с ним:

— Друг, почему я должен выбросить дочку? Я уже и так много всего выбросил, разве тебе мало? Я не виноват, виноват ты сам, заставляя на себя работать — потому я и украл мясо твоей черепахи.

Он взял свою дочь, надел на нее новую юбку, украсил девочку цветами и вместе со своей женой заплакал. Они открыли дверь, поставили дочь на пороге и сказали Ваве:

— Смотри, друг, какая она красивая! Возьми ее себе в жены!

— Мне жена не нужна, — ответил им Вава.

Тогда отец и мать столкнули дочь вниз, и стрела Вавы пронзила ей насквозь голову, а стрелы жителей леса пронзили все ее тело, и она умерла.

Вава и жители леса, которые с ним пришли, вернулись к нему домой, а утром жители леса разошлись по своим селениям. Вава остался жить на том же месте, около Мабудаване, а Джаби с женой стали жить в лесу, куда ушли от Вавы, и больше никогда Вавы не видели.

34. Тубе, который живет на мысе Хаэмуба

На мысе Хаэмуба живет этенгена по имени Тубе — он приходит к некоторым людям во сне. Однажды человек по имени Сайбу делал изгородь вокруг своего огорода и увидел Тубе, который был в обличье змеи. Он уже хотел было выстрелить в змею из лука, но та кивнула ему головой. Сайбу понял, что это не змея, а этенгена, и не выстрелил. Змея нагнала на него дремоту, и тогда он перестал делать изгородь и пошел домой спать.

Когда он заснул, та же змея, но уже в обличье человека, пришла к нему во сне и сказала: «Завтра пойди к тропинке, и ты увидишь: около нее лежит игуана. На самом деле это я буду тебя там ждать».

Утром Сайбу пошел к тропинке и увидел в кустах игуану. Игуана держала в зубах ветку. Она посмотрела на Сайбу и подала ему знак — мигнула. Сайбу похлопал игуану ласково по голове, она разжала челюсти, и ветка упала. Он эту ветку сразу поднял.

Ночью тот же этенгена пришел опять и научил его, как делать, чтобы ямс и таро росли хорошо: надо завернуть клубень в кору дерева, ветку которого держала в зубах игуана, пожевать некоторых трав и выплюнуть жвачку на копалку, но так сажать только первый клубень — все остальное на огороде после этого само будет расти хорошо. С тех пор Сайбу так и делает и, делая, приговаривает: «Если я делаю не так, ты приди на огород, когда я уйду, и сделай все сам. Приходи и помочись здесь, чтобы у меня на огороде всеросло хорошо».

Иногда во сне он видит Тубе у себя на огороде и радуется: «Ой, какое хорошее колдовство — вон он, пришел на мой огород!»

Половину первого клубня таро хозяин огорода, когда выроет из земли, отдает Тубе. Человек печет этот клубень прямо на огороде, а потом соскребает с него золу и натирает ею лицо. Половину клубня он съедает сам, а половину оставляет около костра и говорит, обращаясь к Тубе: «Половину оставляю тебе, бери ее! Мы оба старались, чтобы на огороде все росло хорошо, вот почему я свою половину съел, а твою положил около костра. Если я приду на огород выкапывать таро, не делай мне ничего плохого, не делай, чтобы я заболел».

Тубе обкусывает клубень немножко, как будто его ела крыса, и человек, когда приходит снова, видит это и радуется: «Он немножко поел!»

Потом Тубе приходит к человеку во сне и говорит: «У тебя на огороде все созрело, теперь я ухажу — я за огородом ухаживал хорошо, колдовал как нужно. Когда будешь сажать, пожуй снова тех листьев, и я приду».

Однажды этенгена пришел так к Сайбу и сказал: «Меня зовут Тубе. Если я тебе буду нужен, позови меня и положи на землю кусочек той ветки, которую я держал в зубах — я приду на ее запах».

Тубе живет в стволе большого дерева, около этого дерева Сайбу и хранит свою ветку. Когда кусочек ее понадобится Сайбу, чтобы колдовать, он идет к дереву и говорит: «Это я, Сайбу, я пришел взять себе кусочек ветки для колдовства».

Тот, кто украдет у Сайбу хоть немного этого колдовского средства, начинает болеть и умирает. Когда сын Сайбу вырастет, Сайбу научит этому колдовству и его.

Сайбу рассказал односельчанам о том, чему научил его Тубе, и они стали делать так, как делает он. Они совершали те же самые обряды до тех пор, пока им казалось, что на огородах у них все от этого растет лучше.

Если огороды разоряют дикие свиньи, люди думают: «Это колдовство плохое!» — и больше не колдуют, как раньше. Они видят новые сны и находят новые способы колдовать. Одних людей этенгена учит одному, других другому — всех разному.

35. Почему исчез остров Гимини

Прежде отмель Гимини была островом, принадлежавшим Губо и Моисо, и на этом острове росло много деревьев. Однажды несколько детей из Маваты попросили у односельчанина по име-

ни Саса лодку — они хотели поплыть на остров Гимини ловить рыбу. Саса дал им лодку, но они, когда приплыли на остров, не вытащили ее на берег, и ночью, когда дети заснули, ее унесло. Взрослые жители Маваты, проплывавшие мимо, увидели детей, взяли их в свои лодки и перевезли назад, а лодку Сасы вскоре прибило к берегу около селения Вонарома. Пока она плавала, ее ударяло о камни и о корни мангровых деревьев, и вид у лодки стал от этого совсем плохой. Когда Саса увидел, какой она стала, он очень рассердился, выстрелил в сторону детей из лука и закричал:

— Почему вы не берегли мою лодку?

Он подумал: «Это все из-за острова — если бы его не было, детям пришлось бы заночевать в лодке, и тогда она была бы цела. Надо сделать, чтобы острова Гимини больше не было».

Саса взял хвост ската, ногу и рыло свиньи и кость мертвеца и стал танцевать, закрыв тело и лицо листьями, в доме для мужчин. После этого он поплыл на остров Гимини, зарыл ногу и рыло свиньи на берегу острова, у самой воды, а посередине острова зарыл кость мертвеца и хвост ската. Потом Саса вырыл ногу и рыло свиньи и стал обходить с ними остров, прося ветер, море и духов, чтобы они разрушили Гимини. Те сделали, как он их просил: море накатило на остров и свалило все деревья, и, когда в следующий раз люди приплыли туда, они увидели только песчаную отмель. Они очень огорчились, а когда узнали, что виноват во всем Саса, они колдовством убили его.

Открыли Гимини еще во времена старейшины Гамеа двое его товарищей, Кивиа и Сагуба, и теперь считается, что отмель принадлежит шестерым жителям Маваты — потомкам Гамеа.

36. Эрумиа, которая живет около Маваты

Эрумиа — огромная диковинная медуза, живущая на рифе Теремуба-маджа у мыса Гесовамуба, недалеко от Маваты. Она мать всех обыкновенных медуз, которых на этом рифе очень много. Эрумиа видели многие, и некоторых она жалит — как будто ошпаривает кипятком. Она даже может ужалить так, что человек умрет. Если человек видит, что в воде к нему тянутся длинные, покрытые слизью щупальца и хотят его опутать, он понимает, что это щупальца Эрумиа, и бросается прочь, чтобы от нее спастись.

Эрумиа — покровительница всех обитателей моря. Люди ее боятся и не купаются около рифа Теремуба. Некоторым она является во сне и дает какое-нибудь колдовское средство, которое приносит удачу в рыбной ловле.

Жители соседних с Маватой селений считают, что Эрумиа — ороратора Маваты, и, когда жители Маваты приплывают в какое-нибудь другое селение, их иногда встречают криками: «Приплыли люди Эрумиа!» В длинной песне, где рассказывается о путешествии из Адири, страны мертвых, на восток и говорится о разных местах на этом пути, есть стих, где упоминается Эрумиа: «О, Бина суомбиз Эрумиа сую рирбу» — «О, в устье Бина-тури протянулись щупальца Эрумиа».

37. Как юноша погиб из-за своей жадности

[В реке Ориому живет существо, похожее на человека, его имя Памоа, или Памоабуро, и оно в родстве с живущими в воде существами, которых называют обоуби].

Около устья Ориому жили человек по имени Ивогу и его младший брат. Как-то Ивогу поплыл на лодке вверх по реке. Он плыл и смотрел на деревья по берегам — не покажется ли там игуана или козровая змея. Вдруг из воды вынырнул Памоа, хозяин Ориому, и полез к Ивогу в лодку. Ивогу впустил его, и дальше они поплыли вместе. Когда они доплыли до Певоды, жители им сказали:

— Куда вы плывете? Там, в лесу, выше по реке, живет хи-ваи-абере, у нее хижина и огород, а на берегу растет ее кокосовая пальма.

Но Ивогу и Памоа не послушали их, поплыли дальше и доплыли до другого селения. Взрослых там не оказалось — одни ушли на охоту, другие на огороды, дома остались только дети, и они сказали Ивогу и Памоа:

— Куда вы плывете? Туда никто не ходит, там живет хи-ваи-абере, она очень злая и съедает людей живьем.

Но Ивогу и Памоа поплыли дальше и повернули назад, только когда Ивогу настрелял много дичи. Когда они спустились к месту, где Памоа влез в лодку, Ивогу сказал:

— Отец, бери себе из добычи сколько хочешь.

— Спасибо, — сказал Памоа. — Дай мне небольшой кусок с костями, мне много не надо.

Он взял небольшой кусок мяса и нырнул в реку, а Ивогу поплыл домой и там поделился добычей с младшим братом.

На другой день поплыть на лодке вверх по реке захотел младший брат, но Ивогу ему сказал:

— Не плыви туда — говорят, там живет хиваи-абере, она тебя может съесть.

Но юноша ему ответил:

— Я такой же сильный, как ты, я не боюсь хиваи-абере, я ее убью.

Он взял лук и стрелы, сел в лодку и поплыл вверх по реке. Он поймал удочкой много рыбы и подстрелил несколько кенгуру и птиц. Когда он доплыл до места, где жил Памоа, тот вынырнул и полез к нему в лодку, но юноша закричал:

— Куда ты лезешь? Эта лодка не твоя!

Он стал бить Памоа по рукам веслом, но тот все равно забрался в лодку, и дальше они поплыли вместе. Юноша снова стал ловить рыбу и бить дичь, но, когда они повернули назад, младший брат Ивогу не дал Памоа ничего, и тот возвратился к себе домой с пустыми руками. Брату, когда приплыл домой, юноша тоже ничего не дал.

Прошло немного времени, и Ивогу снова поплыл вверх по Ориому. Он подстрелил несколько птиц и поймал много рыбы, а потом увидел Памоа — тот уже ждал его, плавал поверху. Ивогу взял его в лодку, и дальше они поплыли вместе. Они поднялись по реке выше, чем в первый раз, и наконец увидели кокосовую пальму, о которой столько говорили люди. Они вышли на берег, Ивогу связал себе лодыжки веревкой, чтобы удобней было карабкаться, залез на пальму и сбил несколько орехов. Орехи упали в воду, а пальма запричитала: «Мау мо сепате датэке датэке мау!» — «Матушка, меня дергают за уши!»

Хиваи-абере в это время работала на своем огороде и вдруг больно ударилась ногой о копалку. Она подумала: «Ой, кто-то трогает мою дочь, вот почему я ударилась ногой так больно!» Она бросила копалку, схватила копьё и побежала к пальме.

Еще в первый раз, когда Ивогу дал ему мяса, Памоа стал привязывать кости от этого мяса на веревочки — каждую кость обвязывал посередине, а потом связывал веревочки одну с другой. Получилась одна длинная веревка, и теперь Памоа раскрутил ее, забросил конец на верхушку пальмы, где был Ивогу, и закричал:

— Вот тебе лестница, не спускайся по дереву, спускайся по ней!

Ивогу спустился по лестнице из костей, и Памоа сдернул конец веревки с верхушки дерева. Они выловили из воды кокосы, которые упали с пальмы, и поплыли скорее прочь. Когда хиваи-абере прибежала, лодка уже плыла. Она бросила им вслед копьё, но не попала, догнать Ивогу и Памоа она не могла, и они от нее уплыли.

Расставаясь с Памоа, Ивогу ему сказал:

— Отец, бери себе из добычи сколько хочешь.

Но Памоа ответил:

— Мне не нужно есть столько, сколько людям, мне хватит двух или трех кусков мяса. Оставь мясо себе, тебе оно нужнее — ты не один, а у меня нет дома и нет очага.

И он прыгнул в воду.

Когда младший брат увидел кокосы с пальмы хиваи-абере, ему тоже захотелось нарвать таких же, но Ивогу ему сказал:

— Не ходи туда, хиваи-абере тебя убьет. Мне удалось спастись, а удастся ли тебе?

Но младший брат не послушал Ивогу, сел в лодку и поплыл, стреляя по пути дичь. Когда он доплыл до места, где в реке жил Памоа, тот опять полез в лодку, и младший брат Ивогу снова стал бить его по рукам веслом. Он бил так сильно, что руки у Памоа покрылись ссадинами и царапинами и из них пошла кровь, но хозяин реки все равно влез к нему в лодку. Памоа взял весла и сел грести на носу, а юноша греб, сидя на корме. Они доплыли до кокосовой пальмы хиваи-абере, юноша связал себе лодыжки веревкой, вскарабкался на пальму и сбил несколько кокосов. Пальма опять запричитала: «Мáу мо сепáте датúке датúке мáу!» — «Матушка, меня дергают за уши!»

Хиваи-абере в это время работала на огороде, но вдруг почему-то вздрогнула. Она подумала: «Что-то опять мне не по себе! Почему люди не оставляют меня в покое?»

Она зарычала от ярости, и Памоа, услышав ее рычанье, крикнул юноше, который был еще на пальме:

— Спасайся, сюда бежит хиваи-абере!

— Как мне спуститься, Памоа? — закричал юноша.

— Ту длинную лестницу я тебе бросить не могу, — ответил Памоа, — она не твоя, а твоего брата. Сделать лестницу для тебя мне было не из чего — ты сам виноват, пожалел мне даже костей.

Тут хиваи-абере с луком в руках выбежала из леса, натянула тетиву и выстрелила. Стрела попала младшему брату в затылок, и он упал с верхушки кокосовой пальмы на землю.

— Ты сам виноват, — крикнул ему из лодки Памоа, — жалел для меня костей! Твой брат был добр ко мне — я тоже был к нему добр, ты не был добр ко мне — я к тебе тоже не был добр.

Хиваи-абере добила юношу и начала его есть, а Памоа поплыл на лодке вниз по течению. Доплыв до места, где он жил, Памоа выпрыгнул в воду, а лодку понесло дальше. Ивогу поймал ее и увидел, что в лодке никого нет.

— Ой, с моим братом что-то случилось! — воскликнул он.

Ивогу опять поплыл вверх по Ориому, и опять Памоа влез к нему в лодку. Стрелять дичь Ивогу в этот раз не стал, ему нужна была только хиваи-абере. Чтобы приманить ее, он опять взобрался на ее кокосовую пальму, стряхнул несколько кокосов, и пальма снова запричитала: «Màu mo сепáте датúке датúке máu!» — «Матушка, меня дергают за уши!»

Памоа опять закинул на верхушку пальмы конец веревочной лестницы с костями вместо ступенек, которую он сделал для Ивогу, тот быстро по ней спустился, и, когда хиваи-абере выбежала, размахивая луком, из леса, Ивогу выстрелил в нее и пронзил стрелой слева направо, а потом выстрелил еще раз и другой стрелой пронзил справа налево. Она упала, и тогда Ивогу вспорол ей бамбуковым ножом живот и достал оттуда тело младшего брата. Он отрезал у мертвой хиваи-абере голову и сжег ее тело, а потом и ее хижину. После этого Ивогу стряхнул с ее пальмы в реку все кокосы — вот почему Ориому несет к своему устью столько кокосов.

Памоа, когда они доплыли до места, где он живет, вернулся в реку, а Ивогу, приплыв домой, похоронил тело брата и над могилой повесил голову хиваи-абере. С той поры жители островов Киваи, Дару и Парамы, а также селения Туритури поднимаются вверх по Ориому, чтобы убивать жителей леса и приносить домой их головы — они делают это потому, что когда-то так сделал Ивогу.

38. Как Керема бывал в чреве этерари

Однажды житель Кубиры, которого звали Керема, охотился в лесу и убил пять диких свиней. Его собаки погнались за шестой, и вдруг Керема увидел: сначала свинья, а за ней все собаки прыгнули в какой-то пруд и исчезли под водой. Керема не знал, что в этом пруду живет этерари, большой, как дом. Вода в пруду

была соленая, и в нем водилось много рыбы. Этерари был хозяином свиньи, за которой гнались собаки Керемы, и, когда свинья, спасаясь от погони, подбежала к пруду, он высунул из воды пасть, открыл ее, и свинья туда прыгнула. Собаки, одна за другой, попрыгали туда тоже и вбежали прямо в желудок этерари, и тогда он спрятал голову под воду. Керема, не зная, что случилось со свиньей и собаками, добежал до пруда и вошел в него, и тут этерари раскрыл пасть и проглотил также и Керему.

Оказавшись в желудке у этерари, Керема огляделся вокруг, и ему показалось, что он внутри большого дома. Собаки его были тут, но Керема подумал, что он погиб, вспомнил о жене и детях и заплакал. Потом он увидел, что в животе у этерари много других людей, и те, тоже увидев Керему, стали его спрашивать:

— Мы здесь живем, этерари наш хозяин, а как сюда попал ты?

— Я убил пять свиней,— начал рассказывать Керема,— а потом мои собаки погнались за шестой и все попрыгали за ней в воду. Я пошел их искать, и этерари меня проглотил.

Люди сказали Кереме:

— Всю землю вокруг сделал этерари, земля — кал этерари, с каждым днем ее становится все больше и больше, и теперь получился большой остров, а на нем вырос лес. А из семени этерари появились мы — этерари наш отец.

— Почему вы живете здесь? — спросил их Керема.

— Нам здесь хорошо, здесь, внутри этерари, наш дом. Мы из него выходим, когда хотим, ходим к вам на огороды — просто вы нас не видите. У нас есть и собаки, мы с ними охотимся на диких свиней, а потом приносим свиней сюда, в этерари. Есть у нас и свои огороды, только вы думаете, что это лес.

Не дождавшись мужа, жена Керемы пошла его разыскивать. Она увидела пять убитых свиней и следы собак и Керемы, и эти следы привели ее к пруду. У пруда они обрывались, и жена Керемы подумала, что мужа утащил крокодил. Она вернулась домой и рассказала о том, что видела, односельчанам. Те перенесли свиньи туши домой и устроили по Кереме поминки, а жена легла на пол и стала оплакивать Керему.

На другой день этерари открыл пасть, и собаки, а за ними Керема выпрыгнули оттуда и пошли домой. Когда Керема пришел в селение, односельчане сначала не поверили, что он живой человек, а не дух. Керема сел на землю и заплакал — он был

очень напуган тем, что с ним случилось. Он так устал, что не мог сразу рассказать односельчанам о том, что с ним было, и лег спать.

Утром, выспавшись, Керема созвал односельчан и рассказал им о том, что с ним произошло, и о том, что он услышал от людей, которые живут внутри этерари.

Односельчане сказали:

— Раз хозяин тех мест этерари, мы больше не будем ходить туда охотиться на свиней.

Люди внутри этерари, пока Керема там был, научили его делать ножи для отрезания голов, чтобы брать их с собой, когда идешь на войну. Ту породу бамбука, из которой делают такие ножи, посадили на земле люди, живущие в этерари, и они же показали Кереме, как расщеплять стебель бамбука надвое и как делать для ножа рукоятку. До этого односельчане Керемы оставляли тела убитых врагом целыми, но люди, живущие в этерари, сказали, что головы у врагов надо отрезать и уносить домой, и там вешать их над очагами. Чистить черепа, сказали они Кереме, надо давать мальчикам — от плоти убитых, которая попадет им под ногти, мальчики, когда вырастут, станут храбрыми воинами. Этому и всему другому, чему люди в этерари научили Керему, он научил также и своих односельчан.

39. Как духи учили Намаи колдовству

Как-то раз женщины Маваты запрудили речку и стали вычерпывать воду ниже запруды и ловить там рыбу. С ними был один односельчанин, Намаи, и он увидел в воде рыбу мипара и выстрелил в нее из лука. Стрела пронзила рыбу мипара, но едва Намаи протянул руку, чтобы схватить ее, как она превратилась в другую рыбу, хиримаэ, и уплыла прочь. Тут пришла жена Намаи и начала ругать его за то, что он ушел с женщинами ловить рыбу, а ее оставил дома. Намаи ответил ей бранью, и они поссорились.

Вернувшись домой, женщины стали чистить пойманную рыбу, а в это время Намаи вдруг очень захотелось спать, и, пока женщины готовили рыбу, он заснул. Во сне ему явился этенгена, покровитель речки, в которой они ловили рыбу, и сказал: «Я живу там, где вы сегодня ловили рыбу. Ты думал, что попал стрелой в рыбу мипара, а на самом деле это был я. Когда уви-

дишь в земле дыру, из которой идет дым, знай, что там я живу».

Намаи встал среди ночи, взял лук и стрелы и пошел искать этенгену. Он пришел туда, где накануне ловили рыбу, но ничего там не нашел и отправился дальше в лес. Уже начинало светать. Намаи увидел перед собой большую реку, и тогда он сделал плот из бамбука и переправился на другой берег. Там он увидел, как мимо него, в ту сторону, откуда он пришел, пробежал казуар. Это был знак от этенгены, что Намаи надо вернуться назад. Сперва Намаи этого не понял, но потом увидел, как в ту же сторону, куда пробежал казуар, пролетел ястреб со змеей в лапах, и тогда Намаи подумал: «Мне надо вернуться». Он стал на плот и поплыл назад. К этому времени уже совсем рассвело. Намаи увидел дерево, наклонившееся к воде, и вдруг вспомнил, что его он тоже видел во сне — около этого дерева и живет этенгена. Упираясь шестом в дно, он подплыл на плоту под дерево, и в этот миг со дна стали подниматься пузырьки — пошел дым. Намаи прыгнул с плота на берег, положил на землю лук и стрелы, пошел вброд к месту, где поднимался дым, и там пальцами ног достал со дна немного земли. Часть земли была белая, часть желтая. Намаи завернул землю в листья и понес домой. Еще не дойдя до селения, он встретил двух девушек и жену — она встревожилась, видя, что его нигде нет, и пошла с подругами по его следу. Остальные женщины в это время ловили неподалеку рыбу, и, когда они увидели, что Намаи что-то несет в руке, они подумали: «Ой, что это у него? Наверно, его учил чему-нибудь дух, потому он и уходил».

Снова наступила ночь, Намаи опять заснул, и тогда его собственный дух отправился в селение Кура. Там он увидел родственников и увидел, что они голодают. У них не было никакой пищи, кроме гнилых плодов, муравьев и всяких отбросов, и они так исхудали, что от них остались только кожа да кости. Дух Намаи тоже стал таким же худым, жители дали ему корзину своей пищи, и он отправился с ней назад. В реке около Куры плавал крокодил, на голове у него был большой пучок листьев кокоса и таро, и, когда дух Намаи поплыл через реку, крокодил подплыл и схватил его. Намаи стал вырываться и наконец с большим трудом вырвался. Несколько кокосовых листьев с головы крокодила остались у него в руке. Когда дух Намаи выплыл на берег, он снова стал таким, как прежде.

На берегу дух Намаи встретил старика, и тот дал ему ветку кротона и сказал: «Захочешь, чтобы крокодил схватил кого-нибудь, положи на берегу ветку кротона и скажи, кого надо ута-

щить. Ветка кротона станет крокодиллом и утащит того, кого ты назвал».

Дух Намаи пошел дальше и встретил другого старика. Этот ему сказал: «Захочешь, чтобы кому-нибудь стало нечего есть, зарой у этого человека на огороде желтой земли, которой ты принес, а у себя, когда будешь сажать ямс, зарой белой — от этого ямс будет хорошо расти». Третий старик сказал Намаи: «Возьми кусок крокодильего мяса с кожей и зарой у себя на огороде, от этого все будет расти лучше».

Намаи узнал от духов много другого колдовства и наконец проснулся. Сон очень его напугал, и он стал делать все так, как его учили духи. Духи сказали ему также, чего не надо есть, но как-то раз, во время праздника, Намаи, не зная, что он ест, съел рыбу, которую духи есть запретили. Ночью, когда он заснул, рыба эта выпрыгнула у него изо рта и начала превращаться сначала в одно, потом в другое, потом в третье. Под конец она превратилась в сахарный тростник, он вырос на крыше дома Намаи, и этот тростник растаял в воздухе. Проснувшись утром, Намаи узнал, что ел запретную рыбу, и вскоре после этого, оттого, что он ее ел, волосы у него поседел.

40. Как жители Старой Маваты начали есть рыбу

Однажды Биджа, один из старейшин Старой Маваты, увидел, работая на своем огороде, кенгуру. Этот кенгуру на самом деле был этенгена. Биджа за ним погнался, но кенгуру поскакал от него прочь, и Биджа никак не мог его догнать. Наконец Биджа попытался все-таки схватить его, но споткнулся и упал. Падая, Биджа ударился так сильно, что унал без чувств, но потом он очнулся и отправился к себе домой. Жена приготовила ему поесть, но он есть не стал, лег спать и сразу заснул. Ночью кенгуру, за которым Биджа гнался, пришел к нему и вложил ему в руку камень, который помогал попадать в рыб, когда стреляешь в них из лука. Биджа был первым человеком, который стал ловить рыбу, — до этого жители Маваты только собирали моллюсков, а рыб называли эбихаре и убегали от них.

Утром Биджа встал и, делая все, как его учил этенгена, пошел бить рыбу. Камень, который дал ему дух, он нес в руке. Биджа остановился у края воды и стал жевать растение манабаба, а потом выплюнул часть жвачки на камень, а часть — на

ногу, стоявшую ближе к воде. Потом этой ногой Биджа плеснул на берег немного воды, так, как будто он выбрасывал на сушу рыбу, и еще качнулся всем телом от моря к суше — он сделал все это для того, чтобы приплыло много рыбы и ее выбросило на берег.

После этого Биджа выстрелил из лука в ската — ему хотелось узнать, вкусная ли эта рыба. Он вытащил убитую рыбу, принес ее домой, и односельчане сказали:

— Выброси это прочь, это эбихаре, морской дух!

— Нет, — ответил им Биджа, — не выброшу, это не дух, мне было сказано об этом во сне.

Он приготовил рыбу, попробовал ее и подумал: «Как вкусно, вкуснее моллюсков!» Биджа съел всего ската и лег спать.

Утром люди увидели, что с Биджей, хоть он и съел рыбу, ничего не случилось, и это их очень удивило. Биджа снова пошел к морю бить рыбу и на этот раз набил ее очень много, но, когда он понес ее домой, люди начали кричать детям:

— Не подходите к нему близко, он несет эбихаре!

В ответ Биджа закричал:

— Не называйте это эбихаре, скоро вы сами будете это есть! Вы полюбите это больше, чем овощи со своих огородов!

Он приготовил рыбу, а потом угостил всех односельчан. Некоторые не захотели есть, но другие попробовали и сказали:

— И правда — вкуснее овощей и моллюсков!

С тех пор жители Старой Маваты стали меньше работать на огородах и начали ловить рыбу.

41. Эмобали

Однажды в Джибу самка казуара снесла два яйца, и из этих яиц вылупились мальчик и девочка. Мальчику дали имя Эмобали, и человек, который смотрел за казуаром, сразу же отнес Эмобали в дом для мужчин. Там он и стал расти, а когда подрос, начал спрашивать:

— Где моя мать? Я хочу к ней.

Но человек, который отнес его в дом для мужчин, всегда говорил одно и то же:

— Будь здесь, никуда не выходи.

Он так и не сказал Эмобали, кто его мать. Человек, который о нем заботился, дал ему лук и стрелы и научил стрелять, и мальчик начал охотиться на диких свиней и другую дичь.

Иногда ему удавалось убить двух свиней, а иногда даже трех. Эмобали также помогал односельчанам работать на огородах. Он часто думал: «Тот, кто обо мне заботится, почему-то не хочет, чтобы я увидел свою мать».

Из ног и шеи самки казуара, у которой родились мальчик и девочка, торчали длинные шипы, вроде обломанных сучьев на деревьях. На них люди вешали горшки и кувшины, и с ними самка казуара ходила за водой к источнику неподалеку. Однажды Эмобали увидел возле источника следы казуара и притаился — решил его подстеречь. Вскоре самка казуара опять пришла к источнику искупаться и набрать воды, и тогда Эмобали выстрелил из лука и убил ее. Он вырвал из убитой птицы перо, побежал с ним в селение и закричал:

— Я убил казуара, очень большого!

Самки казуара нигде не было видно, и люди стали спрашивать друг у друга:

— Что-то не видно его матери, не ее ли он убил?

Сестра Эмобали, которая знала, кто ее мать, пошла посмотреть на убитого казуара. Она увидела, что это и вправду ее мать, и вместе со всеми женщинами заплакала.

— Почему вы плачете? — спросил Эмобали, который пришел туда вместе с ними.

И они ответили:

— Ты убил свою мать.

Эмобали стало очень жаль убитую, и он упрекнул односельчан:

— Почему вы не говорили мне, кто моя мать? Если бы вы мне это сказали, я бы в нее не стрелял.

Оплакав самку казуара, они отнесли ее в селение, и Эмобали сказал всем людям:

— Приготовьте ее мясо и съешьте.

Он пошел в дом для мужчин, где в это время никого не было, убрался в нем, поел, а потом из бахромы со скорлупы кокосовых орехов нажег золы и весь обмазался ею, чтобы стать совсем черным. После этого он собрал все свое имущество, завязал его в узелок, вышел к односельчанам, которые в это время ели мясо казуара, и снова упрекнул их:

— Почему вы не сказали мне раньше, кто моя мать? Теперь я уйду от вас навсегда.

Односельчане стали уговаривать его остаться, но Эмобали повернулся и пошел от них. Он шел и пел: «Дже Монгуаро йри-руо э виакорумо мулувбдже мбповбдже э Дугидоро!» — «В Мон-

гиаро, в Дугидоро течет кровь из головы казуара, моей матери!».

Сначала Эмобали пошел в Дугу, а оттуда — в Муджи на реке Бинатури. Там он бросил своих собак и все свои вещи в воду, а потом прыгнул туда сам. До сих пор на дне Бинатури, в том месте, куда он нырнул, глубокая яма — она появилась, когда он ударился о дно. После этого Эмобали вынырнул и закричал сестре и односельчанам — те шли за ним следом, уговаривая вернуться, и теперь стояли на берегу:

— Это из-за вас я убил свою мать — ведь вы не сказали мне, что меня родила самка казуара. Назад я не вернусь, но, когда вы будете ложиться спать здесь, около моего жилища, я буду приходить к вам во сне и советовать, где охотиться на диких свиней и как колдовать, чтобы все на огороде росло лучше.

Сестра Эмобали подумала: «Что теперь буду делать я?» Она взяла в рот перо райской птицы, втянула его в себя и стала райской птицей. Люди бросились ловить ее, но она взлетела и закричала, как кричат райские птицы:

— Коу-коу-коу!

Потом, сев на высокое дерево, она вынула перо изо рта, снова стала девочкой и крикнула односельчанам:

— Живите без нас, мы с братом дети казуара, а не человека!

Прокричав это, сестра Эмобали снова стала птицей и улетела, теперь уже навсегда.

Иногда жители Джибу отправляются на берег Бинатури, к месту, где Эмобали бросился в реку, и ложатся там спать. Они не зовут Эмобали — просто ложатся нагими на постель из травы и засыпают. Эмобали, который в реке живет то в обличье рыбы, то крокодила, в снах приходит таким, каким был раньше, и дает спящим советы, как лучше охотиться и выращивать овощи. Те, к кому Эмобали приходил во сне, никогда не рассказывают другим, чему он их научил.

42. Из-за чего погибли юноша и две девушки

В Иасе жил красивый юноша, который нравился всем девушкам. Однажды много жителей Иасы собралось плыть на остров Мибу за крабами, и две девушки ему сказали:

— Давай останемся в селении, а ночью ты приходи к нам.

Юноша так и сделал, но девушкам, которые его позвали, вечером не захотелось быть одним в хижине, и они, закрыв дверь, ушли в соседнюю хижину, к подругам, а сказать юноше об этом забыли.

Хотя дверь в их хижину была закрыта, ночью туда пришли двое утуму — вошли через щель, как умеют входить, если захотят, любые духи. Прошло немного времени, и к хижине пришел юноша, которого девушки пригласили. Свет, исходивший от утуму, пробивался наружу, и юноша подумал: «Обе дома, разожгли в очаге огонь». Он открыл дверь, вошел и, увидев в двух местах на полу свет, подумал: «Это два их очага». Он закрыл за собою дверь, подошел к утуму, и те взвились вверх, как два высоких языка пламени. Из шеи, там, где отрезана голова, у них била кровь, красная как огонь, и они заревели: «Бм-бм» — так режут духи тех, у кого отрезали голову. Юноша бросился было к двери, но утуму схватили его и стали валить.

Одна из девушек услышала шум, доносящийся из их хижины, вспомнила о юноше и подумала: «Ой, наверно, он пришел, а на него напали духи!» Она разбудила девушку, которая жила вместе с ней, и сказала той:

— Слышишь? Это он отбивается от духов!

Девушки больше не смогли заснуть. «Это мы виноваты, — думали они, — если бы мы его не позвали, он бы к нам не пришел!» Им было очень стыдно, что они так поступили, поэтому они никого не стали будить и никому не сказали о том, что случилось.

Шум еще долго слышался из их хижины, но наконец юноша обессилел в неравной борьбе и стал задыхаться. Тогда утуму дернули его за лодыжки, он упал, они набросились на него и сразу прогрызли ему клыками виски. После этого они стали его есть и съели почти всего — оставили только голову, кости, ступни ног и кисти рук, как это делают утуму.

Когда рассвело, девушки побежали к своей хижине. Накануне, уходя из дому, они разровняли перед лестницей землю — если так сделаешь, никто не сможет войти в хижину, не оставив следов.

— Уэи-и-и! — завывли они, потому что на земле, которую они разровняли накануне, были ясно видны чьи-то следы. — Посмотри: это его следы, а это — следы утуму!

Следы утуму похожи на человеческие, только намного короче. Девушки взбежали по лестнице, открыли дверь и завывли:

— Уи-и-и, кровь!

Они увидели кости и завывли еще громче:

— Ои-и-и, нашего мужа съели!

Но тут одна из них перестала плакать и сказала другой:

— Не плачь, а то люди услышат, придут и обо всем узнают. Ведь он погиб из-за нас, мы сами его к себе позвали.

Они сели и заплакали, только теперь уже тихо, чтобы никто не слышал. Наконец старшая сказала:

— Давай больше не будем плакать, лучше ты помоги мне.

Они собрали из костей скелет, положили его на циновку, украсили листьями и перьями, как украшают всех покойников, а потом надели украшения сами.

— Зачем нам страдать? — сказала одна из них другой. — Давай лучше мы умрем.

Односельчане думали, что девушки делают что-то у себя в хижине, и никто не тревожился из-за того, что их не видно. А девушки закатали останки юноши в циновку, положили их снаружи у входа, привязали к балкам над входом две веревки, сделали на концах петли и просунули в них головы. Потом, не затыгивая туго петель, они окликнули девочку, проходившую мимо, и ей сказали:

— Послушай, что мы тебе скажем, а потом расскажи всем людям. Скажи им так: «Двое девушек позвали к себе юношу, поэтому он не поплыл на Мибу. Ночью он пришел в хижину к девушкам, а их там не оказалось, были только утуму, и утуму его съели — девушки это слышали. Пойдите, посмотрите — вы сами увидите, что его съели духи».

Девочка побежала рассказывать, а девушки спрыгнули вниз, петли на шее у них затянулись, и они умерли. Девочка прибежала к односельчанам, рассказала им все, те бросились к хижине девушек и увидели: там лежат останки юноши, закатанные в циновку, и висят две девушки.

Родные юноши и девушек были в это время в Мибу, и хоронить мертвых пришло тем, кто оставался в селении. Каждый старался отрезать у повесившихся кусочек языка — если дать его съесть собакам, они яростнее вцепляются зубами в горло дикой свиньи, и язык у той высовывается как у повесившегося. Так же действует на собак и кусочек веревки повесившегося.

Девушек и юношу похоронили в одной могиле, его положили посередине, а девушек по бокам — будто они его обнимали. Над могилой поставили небольшую хижину.

Кто-то из уплывших на Мибу увидел оттуда крышу над этой

хижиной и очень удивился. Он подумал: «Что это там такое белое? Похоже на хижину над могилой. Наверно, без нас кто-то умер — а ведь вчера, когда мы отплывали, у нас в Иасе больных не было». Человек побежал к односельчанам и стал показывать им на то, что было похоже на крышу над могилой, но все только удивлялись и говорили:

— В Иасе вчера больных не было.

Когда стемнело, те, кто оставался в Иасе, зажгли факел и стали подавать знаки уплывшим на Мибу. Те увидели это и тоже зажгли факел. Те, кто был в Иасе, опустили огонь к земле, и на Мибу поняли, что кто-то умер. Тогда уплывшие на Мибу подержали свой факел, а потом бросили в сторону Иасы, и там сразу поняли, что завтра односельчане вернуться.

Родителям умерших почему-то особенно хотелось скорей вернуться, и они говорили:

— Давайте вернемся завтра пораньше, что-то очень тянет домой. Надо вернуться поскорее, людей в Иасе очень мало.

Они вернулись в Иасу рано утром, и односельчане сразу рассказали им, что случилось. Родители начали оплакивать детей, и все стали оплакивать вместе с ними, а потом пошли на могилу — оплакать юношу и девушек там. Наконец они вернулись в селение, позвали девочку, которой повесившиеся поручили все рассказать, и попросили рассказать снова. Девочка повторила то, что сказали ей девушки, и, когда родители умерших узнали обо всем, что случилось, семьи умерших девушек отдали семье умершего юноши много вещей за смерть сына, а семья юноши уплатила за смерть девушек.

43. Ориогорухо и житель Масингары

Один житель Масингары собрался как-то на болото ловить рыбу и сказал сестре:

— Присмотри, пока меня не будет, за моим маленьким сыном.

Рыбы он поймал много и, когда вернулся домой, часть ее дал сестре. Та очень любила рыбу и, для того чтобы муж о рыбе не узнал, ее спрятала — решила съесть всю одна. Но одна из рыб, когда она поставила ее на огонь, была еще живая и начала биться. Муж женщины увидел это и спросил:

— Что это такое, что там стучит?

— Дурак, — закричала на него жена, — что ты все загляды-

ваешь в горшки? Только и знаешь, что сидеть да есть! Уходи отсюда, иди в дом для мужчин!

Муж поднялся, взял лук, связку стрел и корзину и пошел в дом для мужчин. Там он сел вместе с другом, они приготовили гамоду и ее выпили, а потом наступила ночь и все легли спать.

Рано утром, когда запел лесной петух, муж встал, вышел из дома и отправился в лес. Он думал: «Сколько людей слышало, как жена меня ругала!» Ему было очень стыдно — он был одним из старейшин селения, а жена его так перед всеми унизила. Наказывать он ее за это не стал, но ему больше не хотелось жить.

Проходя по лесу, он оказался около большого дерева, в дупле которого жил ориогорухо. Ориогорухо только что пришел с рыбной ловли. Он увидел человека, идущего мимо, и закричал ему:

— Кто ты?

— Я из Масингары, — ответил тот. — Моя жена все время меня обижает, вот я и ушел из селения.

— Давай жить вместе, — сказал ориогорухо, — ты будешь моим другом, всю рыбу будем делить пополам.

— Хорошо, — согласился человек.

У ориогорухо огня не было, он ел рыбу сырой, только сушил ее сперва на солнце. Такой сушеной рыбы он дал человеку, но тот не взял ее и подумал: «Не буду я есть сырую, я привык есть вареную или печеную». Ориогорухо увидел, что он к рыбе не притронулся, и закричал:

— Ты почему не ешь?

Человек заплакал, но ориогорухо все равно заставил его поест сырой рыбы.

Вечером они влезли в дупло, и человек спросил:

— Где мне спать?

У ориогорухо были очень большие уши. Днем он их скатывал, а вечером расстилал и на одно ложился, как на циновку, а другим укрывался. Рядом с собой он положил теперь и человека.

Среди ночи ориогорухо встал, вытащил из-под человека ухо, оставив того лежать на дне дупла, и отправился ловить рыбу. На рассвете он вернулся и дал половину улова человеку, а потом послал его на свой огород за бананами. Человек принес хороших, спелых бананов, но ориогорухо сказал:

— Я такие не ем, принеси зеленых.

Тот принес, и их они оба и стали есть.

После этого уши у человека начали расти и вскоре стали такие же, как у ориогорухо. Ориогорухо этому очень обрадовался и сказал:

— Теперь ты такой, как нужно, я тебя выучил. Я очень доволен — у меня теперь своя циновка, у тебя своя, у меня своя постель, у тебя своя.

Но человек очень скучал по дому и однажды, когда ориогорухо пошел ловить рыбу, убежал в свое селение. Односельчане думали, что он погиб, и уже его оплакали, а его жена даже сделала могилу — как будто он там похоронен. Когда люди увидели его, они очень обрадовались и стали его спрашивать?

— Где ты был? Ты здоров? Ты жив?

— Не говорите громко,— тихо ответил он.— Скорей ломайте свои дома и стройте новые, на высоких сваях,— пусть никто не остается жить на земле.

Его послушались и построили новые дома, на очень высоких сваях, а некоторые даже построили себе хижины на деревьях. Все жители Масингары забрали с собой в новые дома своих свиней и собак и заперлись.

А ориогорухо тем временем созвал друзей — ориогорухо, утуму, узэбуро и других злых духов. Они пошли в Масингару, и еще издалека жители в новых домах на сваях услышали гул их голосов — будто выл сильный ветер.

Человек, убежавший от ориогорухо, бросил тому сверху собаку, но ориогорухо ее не взял. Тогда он бросил своего старшего сына, но ориогорухо крикнул:

— Нет, дети мне не нужны!

Тогда все, кто был в этом доме, схватили человека, убежавшего от ориогорухо, и столкнули его вниз. Ориогорухо сразу подхватил его, убил, разрезал тело на части и разделил между своими товарищами. Духи в один миг проглотили все и ушли, и тогда жители Масингары спустились и опять построили себе дома на земле — такие, в каких жили прежде.

44. Как человек спасся от ориогорухо

Как-то один человек отправил жену назад к родителям, потому что она не умела делать ничего, даже приготавливать саго. Он хотел найти себе другую жену, но однажды, когда он шел по лесу, его увидела дочь ориогорухо. Она подумала: «По-

чему это он сюда пришел? Ведь здесь живу я». Она рассказала о нем отцу, и тот спросил ее и другую свою дочь:

— Он вам нравится? Хотите выйти за него замуж?

— Да, — ответили дочери, — очень хотим.

Тогда ориогорухо поймал человека, принес к себе в хижину и сказал ему:

— Живи у меня, ты будешь моим дочерям мужем.

Тот остался у ориогорухо и женился на его старшей дочери, а младшая сама отказалась от него ради сестры и сказала ему:

— Для меня ты будешь отцом.

У жены и мужа родился сын.

Прошло немного времени, и ориогорухо, очень любившему человечину, захотелось вдруг съесть и мужа своей дочери. Когда тот спал, ориогорухо к нему подкрался, закатал в циновку, на которой тот лежал, и повесил циновку на высокое дерево, чтобы человек не мог от него убежать. Замужняя дочь ориогорухо заплакала и спросила отца:

— Зачем ты его туда подвесил?

Ориогорухо сказал ей и ее сестре:

— Я хочу его съесть. Смотрите за ним хорошенько, чтобы он не убежал, а я пойду срублю саговую пальму — буду есть его с саго.

Замужняя дочь ему сказала:

— Не руби близко, иди дальше в лес — там пальмы лучше.

Ориогорухо ее послушался — пошел рубить саговую пальму далеко от дома. Когда он ушел, дочери залезли на дерево, отвязали циновку с закатанным в нее человеком и опустили ее на землю.

— Кто закатал меня в циновку? Я спал и не видел, — сказал тот.

— Тебя закатал в нее наш отец, — ответили ему дочери ориогорухо.

— Когда он вернется? — спросил у них человек.

— К вечеру.

Человек взял лук, стрелы и нож для отрезания головы и залег с ними у тропинки, по которой должен был вернуться домой ориогорухо. Наконец ориогорухо появился, на плечах он нес большой кусок ствола саговой пальмы. Человек вставил в лук стрелу, натянул тетиву и выстрелил. Стрела попала ориогорухо в подмышку левой руки и пронзила его насквозь слева направо, а потом человек добил его дубиной.

После этого человек вернулся в дом, и дочери ориогорухо его спросили:

— Где наш отец?

— Я убил его, — ответил тот.

Дочерям было жалко отца, и они попросили:

— Не отрезай у него голову, он все-таки наш отец.

Он не стал отрезать голову, и они похоронили ориогорухо и остались жить вместе.

45. Ориогорухо и Нарато

Один житель Кубиры, которого звали Нарато, часто ходил с собаками в лес охотиться на диких свиней. Убив свинью, он приносил тушу домой, разделявал ее и раздавал мясо всем односельчанам, не забывая никого, а сам ел только плохую пищу.

Неподалеку от Кубиры под землей жил свирепый ориогорухо, и однажды он решил прорыть в селение подземный ход. Он начал рыть его и рыл до тех пор, пока не оказался под одним из домов Кубиры. Ориогорухо вылез наверх, поймал маленького мальчика, унес под землю и там съел. Взрослые в это время были на огородах и, когда вернулись, хватились мальчика и стали его искать, но так нигде и не нашли. Родители подумали, что их сына утащил крокодил, и оплакали его.

Теперь дети стали пропадать каждый день — каждый день ориогорухо утаскивал мальчика или девочку, а иногда даже двух или трех. Матери и отцы спрашивали, не видел ли кто-нибудь их пропавшего ребенка, но никто ничего не знал, и все родители пропавших детей думали, что их ребенка утащил крокодил.

Однажды двое жителей Кубиры, муж и жена, у которых был очень красивый маленький сын, попросили калеку, все время остававшегося в селении, присмотреть, пока они будут работать на огороде, за их ребенком.

Ходить мальчик еще не умел, только ползал, и калека взял веревку и один конец привязал к ноге мальчика, а другой — к своей руке. В селении не было никого, поговорить калеке было не с кем, ему стало скучно, и он уснул. Мальчику захотелось к другим детям, и он пополз. Когда он дополз до ямы, из которой вылезал ориогорухо, тот схватил его и потащил вниз под землю. Веревка натянулась и задержалась, и калека от этого проснулся. Он подумал: «Наверно, малыш хочет поиграть».

Калека пополз на четвереньках туда, куда его тянула веревка, и приполз к яме.

— Ой, да тут яма! — воскликнул калека. — Кто-то ее выкопал, мальчика утащил туда не крокодил!

Так жители Кубиры узнали, что детей утаскивает ориогорухо. Ночью он несколько раз принимался выть под землей: «Уы-ыы!» — так воют только ориогорухо.

На другой день Нарато опять пошел на охоту в лес, а все остальные жители Кубиры сели, ничего ему не сказав, в лодки и уплыли из родного селения. Жена Нарато просила их взять ее с собой, но никто, даже родной брат, не захотел пустить ее в лодку. Наконец она нашла брошенную половину лодки, замазала ее открытый конец глиной и села в эту лодку ждать Нарато. Младший сын положил голову к ней на колени, и она стала искать у него в голове. Вокруг она наставила скорлупы кокосовых орехов и стала бросать в нее вшей.

Когда Нарато вернулся, жена сказала:

— Куда нам теперь деваться? Все уплыли, испугались ориогорухо. Я просила, чтобы нас взяли тоже, но никто не захотел.

На этот раз охота была удачная, Нарато принес много свиных туш, и все эти туши он положил около ямы, которую вырыл ориогорухо. Прошло немного времени, послышался вой: «Уы-ыы» — и из ямы вылез ориогорухо. Тогда Нарато стал брать ноги, внутренности и другие части туш и бросать ему. Клыки у ориогорухо были огромные и острые, он жадно вгрызался во все, что только Нарато ему бросал — в мясо, саго, кокосы — и сразу все пожирал.

Наконец ориогорухо наелся досыта и заснул как мертвый. Тогда жена Нарато поставила в каждый дом селения по кокосовой скорлупе со вшами, которых нашла в голове сына, и им сказала:

— Когда ориогорухо проснется и начнет звать Нарато, отвечайте ему из всех домов: «Эй, ой!»

После этого она вернулась к берегу, положила младшего сына в половину лодки, села в нее сама, и они поплыли — она и ее старший сын гребли, а Нарато сел у руля. Он сказал жене и сыну:

— Гребите сильнее, а то ориогорухо нас догонит.

Ориогорухо между тем проснулся и зарычал:

— Нарато, где ты?

Он огляделся вокруг и, не видя Нарато, стал звать его еще громче. Тогда вши в одном из домов ответили ему:

— Эи!

Ориогорухо бросился к этому дому, но никого там не увидел и зарычал снова:

— Нарато, где ты?

Вши из другого дома ему ответили:

— Ои!

Ориогорухо побежал туда, но и в этом доме никого не оказалось. Он кинулся еще в один дом, оттуда — еще в один, но нигде никого не было, и ориогорухо побежал на берег. Там он посмотрел в одну сторону — и не увидел никого, посмотрел в другую — и увидел лодку Нарато.

— Ты дух, я сегодня тебя убью! — заревел ориогорухо и поплыл за лодкой.

Нарато увидел ориогорухо и закричал:

— Уо-оо, ориогорухо за нами гонится!

Ориогорухо догнал их и влез в лодку. Нарато стал просить его:

— Ориогорухо, не убивай меня, я твой друг, я тебя кормил вкусной едой!

— Хум-хум, — пробурчал ориогорухо, но есть Нарато не стал.

Они поплыли дальше и наконец увидели берег и на нем жителей Кубиры — те строили себе новый дом. Лодка Нарато подплыла к берегу, и брат жены, увидев его, сказал:

— Нарато, иди сюда, мы будем жить вместе.

— Нет, — ответил Нарато из лодки, — я не хочу жить с тобой вместе, ты не пожалел своей сестры и ее детей.

Одна из женщин позвала жену Нарато, но та тоже сказала:

— Нет, я к вам жить не пойду!

Тогда ориогорухо, сидевший на носу лодки, сказал Нарато:

— Давай уплывем в Дуди.

Они туда приплыли и поднялись вверх по течению реки Кау-аро, к месту недалеко от Коабу. Там ориогорухо сказал:

— Здесь мы и будем жить.

Они остались там, и ориогорухо теперь уже не был таким злым, как раньше. Нарато делился с ним едой — мясом, саго, таро, кокосами. У Нарато родилось много детей, целый народ, и однажды ориогорухо ему сказал:

— Теперь у тебя много родных, так лучше ты живи в доме, а я уйду жить под землю.

Он вырыл большую яму и перешел жить туда.

— Ты работай на огороде и делай саго, — еще сказал он

Нарато, — а я буду смотреть за твоими детьми. А врагов, если на вас нападут, я всех буду съедать.

До сих пор можно видеть яму, в которой живет этот орио-роху.

46. Как появился большой ястреб

На одном из холмов острова Даване, в месте, которое называется Були, жили человек по имени Коудабо и его жена Бокари. Однажды Коудабо и Бокари возвращались с огорода, где они в этот день сажали таро и выпалывали сорняки. Чтобы его длинные волосы не путались, Коудабо обвязал голову повязкой, а за повязку он засунул стебельки ароматных трав, которые любят девушки.

В камне, лежавшем у тропинки, по которой возвращались домой Коудабо и Бокари, жила хиваи-абере, и она, увидев их, подумала: «Какой он красивый! Надо сделать, чтобы я, а не она, была его женой».

Дома Бокари приготовила ужин, и они с мужем поели, а потом, ложась спать, Коудабо сказал жене:

— Утром, когда пропоет лесной петух, пойдти в мангровы и убей осьминога.

Все хиваи-абере слышат издали самый тихий шепот, и эта, услышав слова Коудабо, подумала: «Войду-ка я в осьминога, и пусть тогда Бокари за ним приходит». Она вышла из своего камня, перебежала к мангровам и вошла в осьминога.

Утром к мангровам пришла Бокари с копьём, расстелила циновку и стала снимать с себя и класть на нее сперва украшения, а потом новую верхнюю юбку. Нижнюю, из такой же травы, но покороче, она снимать не стала, вошла в ней по пояс в воду и начала искать осьминога. Она увидела его недалеко от берега, вонзила в него копьё, и из раны в Бокари ударила струя крови — такая сильная, что Бокари взлетела под самые облака, а потом упала на верхушку высокого дерева на острове Кусаро, что за Бойгу.

— Ой, что же мне теперь делать? — запричитала Бокари. — Почему меня забросило так далеко? Где Коудабо, мой муж? Мне без него очень плохо. Где я, что это за место?

Хиваи-абере тем временем вышла из мёртвого осьминога, стала, насколько могла, похожей на Бокари и надела все, что Бокари с себя сняла, а для того, чтобы Коудабо не увидел ее

лица, она закуталась с головой в циновку. После этого она пошла к нему в хижину.

Когда хиваи-абере вошла, Коудабо принял ее за жену и спросил:

— Что с тобой, Бокари?

Хиваи-абере задрожала, будто в ознобе, и сказала:

— Ой, Коудабо, я заболела, мне очень холодно, разожги огонь.

Коудабо разжег, а потом сказал:

— Сними циновку, Бокари.

— Не могу,— ответила хиваи-абере,— если я сниму ее, я умру.

Вскоре Коудабо сказал:

— Я пойду на огород, а ты оставайся дома.

— Нет, Коудабо, мой муж,— простонала хиваи-абере,— не ходи на огород один, пойдем лучше вместе.

— Но ведь ты больная,— сказал Коудабо.

— Ну и что же, что больная? Все равно я пойду. Я не могу пустить тебя одного, тебя может забрать себе в мужья другая женщина.

И они пошли на огород вдвоем, Коудабо впереди, а хиваи-абере за ним. Там она уселась на землю, а Коудабо начал работать. Поработав немного, он сказал хиваи-абере:

— Сбрось циновку, мне хочется на тебя посмотреть.

— Нет, Коудабо, я ее не сниму, мне очень холодно.

Тогда Коудабо выдернул из земли несколько клубней таро и сказал:

— Бокари, отрежь у этого таро ботву.

Но хиваи-абере ему ответила:

— Ой, Коудабо, мой муж, как же я могу ее отрезать? Ведь меня знобит. Отрежь ее лучше ты.

Коудабо подумал: «Что с ней случилось? Раньше она никогда не бывала такой, никогда мне так не говорила». Он срезал с таро ботву, положил клубни в корзину и сказал:

— На, Бокари, неси.

— Как же я подниму эту корзину? Она такая тяжелая! Подними ее лучше сам и поставь мне на голову.

Коудабо поставил корзину ей на голову, и они пошли в селение. Когда они туда пришли, женщины сказали хиваи-абере:

— Бокари, давай свой таро, мы испечем его для тебя вместе с нашим.

Но хиваи-абере ответила:

— Нет-нет, Коудабо не разрешает, чтобы ему готовили другие, я ему все готовлю сама.

— Ведь ты болеешь, — сказали они, — как же ты будешь ему готовить?

Хиваи-абере не положила в очаг хороших дров, а набросала мусора, и таро, который она хотела испечь, остался наполовину сырым. Она пожаловалась Коудабо:

— Ой, Коудабо, я все делала как надо, я не знаю, почему таро не испекся.

Коудабо рассердился:

— Лучше нам было остаться дома, а не ходить на огород за таро — все равно ты не сумела его приготовить.

А Бокари в это время плакала на дереве, на которое ее забросила хиваи-абере. Она сделала на нем из веток небольшую хижину и стала в ней жить. Есть ей было нечего, и она отрезала у себя мочки ушей и их съела. От этого она забеременела, а когда прошло немного времени, родила, но не ребенка, а ястреба.

Птица стала очень быстро расти и вскоре начала летать к морю и приносить рыбу для матери. Бокари чистила рыбу, пекла на очаге и давала ястребу, чтобы он ел тоже, но ястреб брал себе совсем немного.

Ястреб стал очень большим и сильным и теперь ловил даже черепах и дюгоней. Бокари разделявала их, готовила и давала птице, но ястреб брал кусочек, а остальное толкал клювом к матери.

Однажды он прыгнул, играя, к Бокари на колени, и тогда она оторвала от своей юбки три длинные травинки и завязала одну вокруг шеи ястреба, вторую вокруг правой его ноги, третью вокруг левой и сказала ему:

— Я даю тебе свое имя, ты будешь называться бокари. Лети на Даване и найди там старейшину, которого зовут Коудабо — он станет твоим отцом. Когда прилетишь на Даване, разыщи его сразу, а то люди там могут тебя подстрелить.

И ястреб полетел, крича: «Ва, ва, ва!» Он прилетел на Даване и начал кружить над островом. Женщины Даване стали кричать:

— Коудабо, возьми лук и подстрели этого большого ястреба!

Коудабо, однако, увидев ястреба, подумал: «Этот большой ястреб прилетел сюда неспроста» — и он сказал своим односельчанам:

— Подождите, не стреляйте.

Ястреб, паря в вышине, отыскал глазами человека, про которого ему говорила мать, а потом камнем упал на землю перед Коудабо и сел к нему на колено. Коудабо увидел травинки, завязанные вокруг его ног и шеи, и воскликнул:

— Это от юбки Бокари!

А потом спросил у односельчан:

— Вы не видели, с какой стороны он прилетел?

— Вон оттуда, из-за того холма,— сказал кто-то.

— Наверно, он прилетел с другого острова,— сказал Коудабо.

Ястреб расправил крылья, махнул крылом в ту сторону, где стояла лодка Коудабо, и закричал: «Ва, ва, ва!» — он хотел, чтобы Коудабо столкнул лодку на воду. Тогда Коудабо сказал односельчанам:

— По-моему, этот ястреб меня зовет. Поднимайте на лодке парус.

Люди стали собираться в путь, а когда все было готово, Коудабо сказал тем, кто оставался:

— Не говорите моей жене, куда я поплыл.

Ястреб сел на мачту, и они отплыли. Сначала они поплыли к Саибаи, но, когда они подплыли к этому острову, ястреб замахал крыльями, закричал: «Ва, ва, ва!» — и повернул голову в другую сторону. Они поплыли туда, куда показывала головой птица, и приплыли к острову Буру, но там ястреб повернул голову в сторону острова Кусаро. Дул попутный ветер, и они скоро туда приплыли.

Бокари между тем все плакала на своем дереве и думала: «Когда же приплывет лодка?» И вот наконец она ее увидела. Ястреб замахал крыльями и поднял голову вверх, показывая: Бокари там, наверху. Коудабо посмотрел, куда показывала птица, и воскликнул:

— Так вот где моя настоящая жена! Как же та женщина сумела меня обмануть?

Он вскарабкался на дерево, обнял Бокари, и они заплакали. Коудабо спросил ее:

— Как ты сюда попала?

— В осьминога, которого я хотела убить, вселилась хиваи-абере, и, когда я проткнула его копьём, кровь из него ударила в меня так сильно, что я взлетела под облака, а оттуда упала на это дерево.

В хижине у Бокари накопилось много мяса дюгоней и черепах, которых ловил для нее ястреб, и теперь все это мясо они

перенесли на лодку. Ястреб сел на верхушку мачты, все уселись в лодку и поплыли назад.

Наконец лодка приплыла на Даване. Коудабо взял лук и две стрелы с бамбуковыми наконечниками, а Бокари — копьё, и они пошли к хиваи-абере. Ястреб парил высоко над ними. Коудабо выстрелил из лука и попал хиваи-абере в подмышку одной руки, а потом, когда она повернулась, — в подмышку другой. Бокари проткнула ее копьем, а ястреб ринулся на нее с высоты и раздавил ей когтями голову. Хиваи-абере умерла, и тогда люди разрезали ее мертвое тело на куски и сожгли.

Коудабо и Бокари сказали птице:

— Ты, бокари, большой ястреб, живи высоко и летай куда хочешь, а пищей тебе будет рыба.

Так появился большой ястреб — его называют бокари, а старую породу, помельче, называют варио.

47. Сине и хиваи-абере

В Буджи жили человек по имени Мадара и его жена Сине. У себя на огороде они выращивали таро, ямс, бататы и многие другие овощи, и Мадара охотился на диких свиней и кенгуру. Но они не знали, что неподалеку от них живет Майгудубу — ночью Майгудубу был человек, а днем он становился огромной змеей. У Майгудубу тоже был огород, и огород был также у хиваи-абере, которая жила около Буджи.

Сине забеременела, но однажды ей захотелось половить рыбы, и она взяла сеть и пошла к берегу. В это время там ловила рыбу хиваи-абере, но друг про друга они с Сине не знали, и Сине подумала: «Я здесь одна, больше здесь не ловит рыбу никто». Вечером и она и хиваи-абере вернулись каждая к себе домой.

На другое утро Сине пошла ловить рыбу на то же место, хиваи-абере пошла тоже, и на этот раз они встретились. Увидев Сине, хиваи-абере подумала: «Какая красавица!» — и позвала:

— Дочка, иди сюда!

Сине подошла и спросила:

— Что тебе нужно?

— Видишь вон то дерево? — спросила хиваи-абере. — Нарви с него плодов, мне очень хочется есть.

— Хорошо, — ответила Сине.

Она полезла на дерево, и тогда хиваи-абере разжевала кусок рыбы хиримаэ, который был у нее с собой, выплюнула жвачку на дерево, на которое влезла Сине, и сказала:

— Вырасти высокое-высокое.

Дерево вытянулось и подняло Сине очень высоко.

— Почему ты меня обманула? — закричала Сине. — Как же я теперь буду здесь, без мужа? Ведь я скоро должна родить!

Мадара охотился в лесу и не знал, что случилось с его женой, но ему не удалось убить ни одной дикой свиньи, и он вернулся домой ни с чем. А хиваи-абере принесла со своего огорода овощей, взяла рыбу, которую поймала Сине, закутала себе, как будто она больная, голову циновкой, пошла к Мадаре и притворилась, что она и есть Сине. Она приготовила ему ужин, и он так и не понял, что она хиваи-абере, — он думал, что это Сине. Утром он ей сказал:

— Иди на огород, а я пойду на охоту.

— Не могу, — простонала хиваи-абере, — я совсем больная, лучше ты сам сходи на огород и принеси овощей.

— Я хочу убить дикую свинью, — сказал Мадара, — кто же тогда пойдет на огород за овощами?

— Не ходи сегодня на охоту, лучше пойди на огород и принеси овощей, — сказала она.

Мадара пошел на огород, принес оттуда корзину овощей и сказал:

— Вот тебе целая корзина, испеки всё.

— Ой, испеки ты сам, я сейчас ничего не могу делать, я очень больная, — простонала опять хиваи-абере.

Мадара подумал: «Как мне быть? И приносить и готовить еду я теперь должен сам, она ничего не делает!»

А Сине построила себе на дереве шалаш из веток и листьев. Она думала: «Как плохо поступила со мной эта хиваи-абере! Она меня обманула, и теперь я одна, высоко на дереве, и не могу спуститься».

Прошло немного времени, и она родила на дереве ребенка. Кровь Сине потекла вниз по стволу, и Маигудубу, который полз неподалеку в змеиной коже, ее почувял. Он поднял голову и стал поворачиваться то в одну сторону, то в другую, стараясь понять, откуда доносится запах, а когда понял, пополз к дереву. Оказавшись под ним, Маигудубу посмотрел вверх, увидел Сине, обвился вокруг ствола и стал по нему взбираться. Женщина, увидев змею, испугалась и закричала:

— Ой, пришел мой конец, ко мне ползет змея, сейчас я по-

гибну! Это всё из-за хиваи-абере, я не сделала ей ничего плохого, а она так со мной поступила!

Сине заплакала и запричитала, а когда Маигудубу к ней взобрался, она спросила его:

— Ты хочешь меня убить?

Змея ответила:

— Нет, я не стану тебя убивать.

— Тогда спаси меня, мой отец, помоги мне спуститься! — стала его просить Сине.

— Хорошо, я открою рот, и ты вместе с ребенком туда войдешь.

Маигудубу открыл рот, и женщина опустила туда ребенка.

— Входи и ты, — сказала змея, и Сине вошла в нее тоже.

Маигудубу спустился на землю и пополз к себе домой. Там он снова открыл рот, и Сине вышла.

— Бери ребенка, — сказал Маигудубу.

Сине протянула руки и взяла ребенка.

— Ты для меня как родной отец, — сказала она. — Я не думала, что останусь живой, думала, что умру на верхушке дерева, а ты меня спас.

— Как ты туда попала, — спросил Маигудубу, — кто тебя туда посадил?

— Меня посадила туда хиваи-абере, — ответила Сине. — Она мне сказала: «Влезь на это дерево, нарви мне плодов», — а когда я влезла, она сделала так, что оно стало очень высокое, вот почему ребенка я родила там.

Сине с ребенком остались жить у Маигудубу. Он ей сказал:

— Я живу один. Бери любую еду, какая у меня есть, что захочешь. Вон кокосовые листья, сделай из них корзину — у меня ее нет.

Сине подумала: «А как же он работает на огороде? Ведь он змея». Она приготовила поесть, накормила ребенка и позвала Маигудубу:

— Отец, иди есть!

Но Маигудубу сказал:

— Ешь одна, я не хочу.

Они легли спать, но ночью, когда взошла луна, Маигудубу встал, вылез из змеиной кожи, пошел в лес и там убил казуара. Перед рассветом он вернулся и опять стал змеей, а когда Сине поднялась, сказал:

— Приготовь побольше всякой еды.

После этого Маигудубу наломал веточек растения пиа, ко-

торыми украшают себя танцующие, и пополз из одного селения в другое. В каждом он оставлял такие веточки — это значило, он приглашает жителей прийти к нему танцевать. Оставил он веточку и в хижине Мадары. Побывав во всех селениях, Маигудубу вернулся к себе домой.

Вскоре начали собираться гости. Маигудубу одел Сине в новую юбку и сделал для нее украшения из ярких листьев, а потом выкрасил себе живот в красный цвет, спину в черный, голову по бокам в белый, а глаза тоже в красный — вот почему многие змеи с тех пор так окрашены. К своему хвосту Маигудубу прикрепил погремушку для танцев и перо райской птицы.

Гости собрались, все начали танцевать, и тогда появился Маигудубу. Люди испугались и стали кричать:

— Ой, мы думали, нас позвал человек, а это, оказывается, змея!

Маигудубу, ярко раскрашенный, пополз, гремя погремушкой на хвосте, среди танцующих. Мадара, который пришел тоже, увидел около Маигудубу Сине, удивился и подумал: «Да ведь это моя жена! Как она к этой змее попала?»

На другой день люди кончили танцевать. То, что не съели, разделили на всех, и гости начали расходиться. Тогда Мадара подошел к Маигудубу и спросил его:

— Скажи, откуда у тебя эта женщина?

— Эта? Так ведь это твоя жена — ее обманула хиваи-абере, посадив на высокое дерево, и там она родила ребенка. Я ее перенес оттуда на землю, и она стала мне дочерью. Можешь взять свою жену и своего ребенка.

Тогда Мадара все понял. Он сказал:

— Так, значит, дома у меня не моя жена, а хиваи-абере?

Он взял с собой сына, который за это время уже подрос, и они пошли к Мадаре в хижину, где теперь была хиваи-абере. Придя туда, они оба выстрелили в нее из луков и сразу убили. После этого они вернулись к Маигудубу, и тот сказал:

— Оставайтесь жить у меня, а свою хижину бросьте — если вы там останетесь, с вами опять случится что-нибудь плохое.

— Хорошо, мы останемся здесь, — сказал Мадара.

Хижина у Маигудубу была большая и хорошая — он выстроил ее, когда привел к себе Сине, а раньше он жил внутри дерева.

48. Как мать нашла жену сыну

Когда-то в Певе на реке Ориому жил юноша Новаре. Отец у Новаре умер, и он жил вдвоем с матерью. Новаре был красивый юноша и нравился всем девушкам.

Однажды вечером, когда мужчины пили гамоду, Новаре услышал, как один из них сказал другому:

— Завтра мы с тобой поменяемся сестрами.

Новаре подумал: «Они меняются сестрами, а у меня нет сестры, я ни с кем поменяться не могу». Мать Новаре тоже слышала, что говорили мужчины, и сказала сыну:

— Когда они будут завтра меняться сестрами, не ходи к ним на свадьбу, останься дома.

Обе девушки, которыми должны были меняться, плакали и говорили:

— Плохо, что нами будут меняться, мы не хотим тех мужчин, — мы хотим Новаре.

Они пошли к матери Новаре и долго у нее плакали.

На другой день были две свадьбы. Один жених сказал другому:

— Я женюсь на твоей сестре, пусть она идет жить ко мне в дом.

— Хорошо, — сказал другой, — а я женюсь на твоей — мы поменяемся сестрами.

После этого все пошли на огороды за овощами для свадебного пира. Мать Новаре сказала сыну:

— Иди позади всех, пусть люди не видят твоего лица, а когда они дойдут до места, где сворачивают к огородам, ты поверни в другую сторону.

Матери не хотелось, чтобы девушки, которых выдавали замуж, увидели ее сына.

Потом мать Новаре взяла два плетеных браслета, которые ее сын носил выше локтя, продела через них веревочку, завязала ее и, как ожерелье, надела себе на шею. После этого она столкнула с берега в воду маленькую лодку, села в нее и поплыла вниз по Ориому, к берегу моря, искать сыну невесту.

Сначала она приплыла в Старую Мавату и увидела на берегу юношей и девушек — они играли в веревочку, и одна девушка среди них была очень красивая. Женщина взяла плетеные браслеты сына, которые с собой привезла, и стала примерять их девушкам — та, которой они оказались бы в самый раз, подошла бы Новаре в жены. Наконец она примерила их самой

красивой, но и той они оказались велики, и мать Новаре сняла с девушки браслеты и сказала:

— Вы мало едите, вот почему вы все худые. Ешьте больше, потолстеете.

Она поплыла дальше и приплыла в Гурахи. Взрослых в это время в селении не было, а юноши и девушки играли на берегу в веревочку. Мать Новаре воткнула весло в дно недалеко от берега, привязала к нему лодку и пошла вброд к юношам и девушкам.

— Ой,— закричали те,— к нам приплыла женщина из леса!

Мать Новаре стала примерять и этим девушкам браслеты сына, но ни одной из них браслеты не подошли. Одна девушка была красивей других, но и ей браслеты оказались слишком велики.

— Это потому, что вы мало едите,— сказала девушкам мать Новаре.— Если бы вы ели много, вы были бы толстыми, а так у вас одни кости.

Из Гурахи она поплыла в Убири, и там девушки тоже играли на берегу в веревочку. Они увидели мать Новаре и закричали:

— Смотрите, какая-то старуха приплыла!

Мать Новаре опять привязала лодку к веслу, вышла на берег и дала им примерить плетеные браслеты. Девушки начали примерять, но ни одной браслеты не подходили. Не подошли они и самой красивой из всех, и мать Новаре взяла браслеты и снова повесила к себе на шею. Она сказала девушкам Убири то же, что до этого говорила другим:

— Вы мало едите, вот почему вы такие худые — кожа да кости.

Мать Новаре выдернула весло из дна и поплыла на Мибу, но там людей не было, и она поплыла оттуда в Иасу. Взрослых в Иасе не оказалось, все ушли на огороды, а юноши и девушки на берегу играли в веревочку. Мать Новаре воткнула весло в дно, привязала к нему лодку и перешла вброд на берег. Первой примерила браслеты Новаре самая красивая девушка, а за ней примерили остальные, но ни одной браслеты не подошли, и мать Новаре, сказав им то же, что говорила девушкам других мест, взяла браслеты и отправилась дальше.

Наконец она приплыла в Дибири и сразу увидела на берегу очень красивую девушку — та играла со своими подругами в веревочку. Мать Новаре подумала: «Вот эта девушка, наверно, подходит Новаре в жены, хорошо бы мне ее с собой увезти».

Мать Новаре опять воткнула весло в дно недалеко от берега, привязала к нему лодку, пошла вброд к девушкам и дала им примерить браслеты сына. Девушки начали примерять, но всем браслеты оказались велики. Последней примерила их самая красивая из девушек, и ей браслеты пришлись в самый раз. Тогда несколько девушек побежали на огороды, где жители Дибири в это время работали, и сказали односельчанам:

— Приплыла женщина из леса, она нашла у нас невесту для своего сына!

Все жители Дибири пошли в селение и, увидев там мать Новаре, стали у нее спрашивать:

— Это правда, что ты нашла у нас жену для своего сына?

— Да, правда. Я побывала во многих местах, но такой девушки, как эта, нигде не видела, — ответила им мать Новаре.

Она не стала снимать браслеты с рук девушки. Жители Дибири сказали:

— Ложись сейчас спать, а завтра возьмешь девушку с собой — мешать тебе не станет никто.

Утром отец и мать девушки нагрузили большую лодку всякими плодами и овощами и положили туда также два больших корня аухи. В эту лодку они посадили мать Новаре и свою дочь — та лодка, в которой мать Новаре к ним приплыла, была слишком маленькая. Перед тем как женщины отправились в путь, родители невесты сказали:

— Плывайте прямо в Певу, не ночуйте нигде.

Жители Дибири позвали восточный ветер, чтобы он помог лодке плыть, и мать Новаре с невестой для ее сына отплыли. Они приплыли на Кивай, и люди там спросили у женщины:

— Ну как, нашла ты жену для своего сына?

— Да, нашла, — ответила мать Новаре.

Они поплыли дальше и приплыли в Убири, и там жители тоже спросили у матери Новаре:

— Ты нашла жену для своего сына?

И мать Новаре ответила:

— Да, нашла.

Так ее спрашивали во всех селениях, мимо которых она плыла, когда искала сыну невесту, и всем мать Новаре отвечала, что невесту нашла.

Когда они доплыли до устья Ориому, девушка сказала:

— Давай заночуем здесь — мы устали, ведь мы плыли долго.

— Хорошо, — сказала старуха, — заночуем.

Они сошли на берег и разожгли костер, а потом мать Новаре расстелила циновку и сказала девушке:

— Давай ляжем спать на берегу.

— Нет, — ответила девушка, — ты ложись на берегу, а я лягу в лодке.

Так они и сделали. Ночью к месту, где они спали, пришла хиваи-абере. Она срезала острой раковиной верхушку корня аухи и вырезала из корня всю сердцевину. После этого хиваи-абере сняла со спящей девушки украшения, которые дали той родители, и надела их на себя, и она надела также браслеты Новаре, а потом сунула девушку в пустой корень аухи, приложила к нему срезанную верхушку и бросила корень в реку. Сделав это, хиваи-абере завернулась с головой в циновку и легла спать в лодку, на место девушки.

Утром мать Новаре встала и, думая, что в лодке лежит невеста ее сына, сказала:

— Вставай, сейчас мы поплывем дальше.

В ответ хиваи-абере простонала:

— Ох, старая женщина, меня знобит, мне очень холодно, я не могу встать.

Все время, как это делают хиваи-абере, она выпускала громко дурной воздух, и мать Новаре сказала:

— Ну и девушку я везу! Ведь за тебя просто стыдно. Ладно, лежи, я буду грести сама.

Они поплыли вверх по течению и наконец приплыли в Певу. Еще из лодки мать закричала:

— Новаре, иди сюда, я привезла тебе жену!

Хиваи-абере мать сказала:

— Разверни циновку, покажи людям лицо! Вот твой муж, Новаре, он хочет тебя увидеть.

Но хиваи-абере ответила:

— Ой, я не могу развернуть циновку, мне очень холодно, меня знобит!

Они пошли в хижину, и там хиваи-абере стала готовить для Новаре еду, но приготовила плохо, еда осталась полусырая, и матери пришлось готовить самой.

Спать этой ночью Новаре пошел в дом для мужчин. Сильный прилив погнал корень аухи, в котором была настоящая невеста, вверх по течению. Девушка плакала в нем и пела: «Новаре, Новаре, мо ро ро бамеге нйбо нободо ро ро Новаре мо ро урамо!» — «Новаре, Новаре, я плыву по твоему следу, муж мой, Новаре!»

Мать Новаре услышала ее причитания, приподнялась на постели и подумала: «Наверно, это плачет на реке настоящая невеста Новаре, а та, которую я привезла, на самом деле хиваи-абере». Ей стало очень жалко девушку, которую она везла из Дибيري в жены сыну.

Утром отлив унес корень аухи назад к устью. Когда все встали, мать позвала Новаре:

— Иди сюда, я хочу кое-что тебе рассказать.

Хиваи-абере услышала это и закричала:

— Зачем ты зовешь Новаре, ведь он не твой муж! Пусть он лучше идет ко мне и посидит со мной!

Новаре, однако, не послушал ее и сидеть с ней не стал. Он попробовал было сдернуть циновку, в которую она завернулась, но хиваи-абере не дала ему этого сделать. Тогда он пошел к матери, и та сказала:

— Новаре, женщина, которую я привезла, на самом деле хиваи-абере, а настоящая твоя невеста плакала сегодня ночью на реке. Наверно, эта хиваи-абере ночью, когда девушка спала, выбросила ее из лодки и улеглась на ее место. Пойди срежь длинный стебель бамбука, сделай на конце у него крючок и иди ночью к реке.

Новаре сделал все, как ему сказала мать. Наступила ночь, все уснули, не спал только Новаре — он сел на берегу и стал ждать. Начинаясь прилив, ярко светила луна. Корень аухи, в котором была невеста Новаре, прилив опять понес вверх по реке, но только сперва прибил к другому берегу. Потом начался отлив, и теперь корень понесло к берегу, на котором сидел Новаре. Новаре зацепил корень крючком. Девушка внутри почувствовала, что корень куда-то тянут, и закричала:

— Это ты, Новаре?

Новаре не ответил ей, но очень обрадовался. Он подтянул корень к самому берегу, разломил его, и изнутри вышла девушка. Все тело ее было в пятнах от сока аухи, но Новаре вымыл девушку и натер ее ароматными травами. После этого он оставил ее на берегу, а сам сходил за юбкой для нее и разными украшениями. Когда она все надела, они пошли в селение. Там Новаре взял лук и стрелы, а девушка — палку-копалку, и они спрятались около хижины, где спала хиваи-абере.

Стало светать, и девушка сказала Новаре:

— Не убивай ее сразу, только выстрели в нее из лука, а добыю я ее сама.

Наконец хиваи-абере вышла из хижины, и тогда Новаре

выстрелил в нее из лука, а девушка бросилась на нее и разможила ей копалкой голову. Потом Новаре отрезал голову у хиваи-абере, а тело выбросил. После этого девушка стала его женой, и они зажили вместе в Певе.

49. Джавана и Джанудо

В Хивии жили вместе человек по имени Джавана и его маленькая сестра Джанудо. Однажды Джавана сказал девочке: — Сестра, завтра утром я пойду охотиться на птиц, а ты оставайся дома.

На рассвете Джавана встал и пошел в лес. Там он подстрелил несколько птиц, принес их сестре, и она их приготовила. После этого они пошли работать на огород, а когда наступила ночь, вернулись и легли спать.

На другое утро Джавана опять пошел в лес за птицами. Подстрелив несколько, он связал их, повесил связку на дерево и пошел дальше в лес, но тут из большого дерева вышла хиваи-абере и сказала:

— Давай я понесу птиц, Джавана.

— Хэй, — удивился Джавана, — зачем ты сюда пришла?

— Я пришла, потому что я твоя жена, — ответила ему хиваи-абере.

Джавана не знал, что она хиваи-абере, а не настоящая женщина, и потому дал ей нести подстреленных птиц. Когда они пришли к хижине Джаваны, Джанудо спросила брата:

— Джавана, зачем ты привел к нам эту женщину?

— Ты мне не нужна, — перебила ее хиваи-абере, — я пришла к своему мужу, и у меня много родных.

На самом деле никаких родных у хиваи-абере не было, она жила одна в стволе дерева.

Джавана сказал сестре:

— Пойдем на огород.

Они пошли, и хиваи-абере пошла вместе с ними. Работать они не стали, а только набрали бананов и таро и отнесли домой. Джанудо стала печь таро, а хиваи-абере — жарить птицу, но у Джанудо все пропеклось хорошо, а у хиваи-абере мясо птиц так и осталось сырым. Хиваи-абере все время выпускала громко плохой воздух, и Джанудо сказала брату:

— Что за жену ты себе привел? Это не женщина, это злой дух.

Когда стемнело, они легли спать, а утром хиваи-абере сказала Джаване:

— Раз ты взял меня в жены, отдай свою сестру в жены кому-нибудь из моих родных, их у меня очень много.

Они снова пошли втроем на огород и принесли оттуда овощей и плодов, а потом Джавана в знак горя вымазал себе лицо грязью — ведь за хиваи-абере он должен был отдать сестру. Он сказал Джанудо:

— Сестра, иди туда, откуда я привел эту женщину.

Хиваи-абере взяла три корзины таро, Джанудо — две, и Джанудо сказала брату:

— Джавана, теперь мы расстаемся. По-моему, это не настоящая женщина, по-моему, никаких родных у нее нет.

Джанудо и хиваи-абере отправились в путь. Джавана взял лук и стрелы и хотел пойти вместе с ними, но хиваи-абере сказала:

— Джавана, не ходи — родных у меня много, вдруг они захотят драться и убьют тебя.

Джавана остался, а хиваи-абере повела его сестру к дереву, в котором жила. Наконец они пришли, и тогда хиваи-абере сказала дереву:

— Откройся!

Дерево открылось, и девочка в него вошла. Внутри никого не было, и она, увидев это, горько заплакала и запричитала:

— Джавана, эта женщина нас обманула — говорила, что у нее много родных, а на самом деле здесь никого нет. Она злой дух.

Тогда хиваи-абере велела дереву закрыться, и оно закрылось.

Оставшись одна, хиваи-абере съела весь таро, который они с девочкой принесли, а потом залезла на дерево, где теперь была девочка, присела над дырой, которая была на верхушке, и справила туда большую нужду. После этого она опять спустилась на землю и пошла к хижине Джаваны, а когда идти оставалось уже совсем немного, побежала к хижине и закрылась:

— Джавана, бери скорей лук и стрелы, за мной гонятся родные, хотят убить меня!

Джавана схватил лук и стрелы и бросился к ней, но, когда он подбежал к хиваи-абере, та ему сказала:

— Только сейчас повернул назад мой брат — еще немного, и он бы поймал меня.

Джавана хотел за ним погнаться, но хиваи-абере его оставила:

— Не ходи, не надо.

Прошло несколько дней. Джавана все время думал о сестре, на душе у него было беспокойно. Однажды он сказал хиваи-абере:

— Ты иди на огород, а я набыю птицы и приду тоже.

Но на самом деле он пошел в лес, поискать там сестру.

Джанудо между тем причитала в стволе дерева: «Джавана, мо нати ибодоро наму арбипуаи буру дириоморо óta уру ватономи!» — «Джавана, мой брат, пойди по моему следу, здесь никого нет, я одна внутри дерева!»

Когда Джавана очутился возле дерева, в котором была Джанудо, та услышала его шаги и закричала:

— Джавана, это ты?

— Да, я! — ответил Джавана. — Где ты, сестра?

— Я здесь, в дереве, меня посадила сюда женщина, которую ты привел. Никаких родных у нее нет. Она одна съела весь таро, который мы взяли для ее родных, и справила на меня большую нужду. Принеси скорее топор.

Джавана побегал за топором, но хиваи-абере этого не увидела — она была на огороде. Джавана схватил топор и вернулся к дереву. Тогда Джанудо сказала:

— Я давно скребу эту сторону, она уже тонкая — тут ты и руби.

Джавана прорубил в стволе дыру, и его маленькая сестра вылезла и сказала:

— Эта женщина хиваи-абере, она тебя обманула.

Они вернулись домой, и Джанудо сказала брату:

— Иди позови эту хиваи-абере, пусть она придет.

Джавана пошел к огороду и закричал:

— Иди сюда, я набил много птицы, она уже в хижине!

Хиваи-абере услышала это и заспешила к Джаване, но, когда она подошла к хижине, Джавана прострелил ее насквозь справа и слева. Но Джанудо сказала:

— Брат, больше в нее не стреляй, я добыю ее сама.

Джанудо ударила хиваи-абере по голове палкой-копалкой, и та закричала, умирая:

— Я обманула вас обоих — я хиваи-абере!

Когда она умерла, Джавана отрезал у нее голову, и голову эту они с сестрой оставили себе, но тело выбросили, не похоронив.

50. Коидабо и хиваи-абере

На Даване жил когда-то человек по имени Коидабо, и еще на этом острове был камень, в котором жили пять хиваи-абере. Когда какая-нибудь из них хотела выйти из камня или в него войти, она на него дула, и он раскрывался. Однажды Коидабо работал у себя на огороде, где росли бананы, таро, сахарный тростник и другие овощи, а его односельчане играли в это время на берегу в кокади. Пять хиваи-абере долго смотрели на Коидабо, а потом подумали: «Ой, он красивый, без жены, украдем-ка мы его себе».

Кончив работать, Коидабо пошел домой и стал готовить для себя ужин. Он сказал односельчанам:

— Вы играйте, я испеку таро и приду тоже.

Подслушав это, хиваи-абере отправились на берег — туда, где односельчане Коидабо играли в кокади. Неподалеку росло дерево неэре, и все пятеро хиваи-абере вошли в его плоды, сделав при этом так, что те стали спелыми и очень приятными на вид. Они подумали: «Скоро Коидабо придет и сорвет нас».

Поужинав, Коидабо пошел, как собирался, на берег играть в кокади. Когда он проходил мимо дерева неэре, один мальчик закричал ему:

— Коидабо, посмотри, какие спелые плоды! Возьми палку, сбей их!

Кто-то из игравших услышал, что крикнул мальчик, и хотел было сбить для него плоды, но хиваи-абере тогда сделали своим колдовством так, что мальчик закричал:

— Не трогай их, я хочу, чтобы их сбил Коидабо!

Коидабо взял палку и пошел к дереву, и тогда хиваи-абере наколдовали, чтобы все односельчане снова начали играть и о Коидабо забыли. Коидабо ударил палкой по ветке, пять спелых плодов упали на землю, и из каждого вышла хиваи-абере. Одна схватила Коидабо за руку, другая — за другую руку, третья — за ногу, четвертая — за другую ногу, а пятая обхватила туловище, и так они отнесли Коидабо к себе в камень. Там они связали руки ему за спиной и ушли, и Коидабо, оставшись один, горько заплакал.

Наконец односельчане заметили, что Коидабо нигде не видно, и начали звать его и искать, но так и не нашли. Они решили, что он погиб, и оплакали его, а потом наступила ночь, и они легли спать.

Среди ночи пять хиваи-абере вернулись в свой камень, и старшая вырвала ногтями из груди Коидабо кусочек мяса и подержала над огнем — ей хотелось узнать, много ли в Коидабо жира. Когда мясо изжарилось, она понюхала его и сказала:

— Ой, как хорошо пахнет! Жира в нем хватит.

Она легла спать, и утром сказала остальным хиваи-абере:

— Давайте пойдем в лес за саго, а потом вернемся и съедем его — он жирный.

— Давай, — согласились остальные.

Они дунули на камень, он расступился, и они, заперев Коидабо внутри, пошли за саго.

Коидабо, оставшись один, увидел, что в камне есть небольшая дырка, и плюнул в нее. Мимо камня в это время скакал маленький кенгуру. Кенгуру очень удивило, что из камня кто-то плюнул, и он остановился.

Коидабо ему сказал:

— Меня заперли здесь хиваи-абере! Позови дикую свинью, казуара и игуану — может, вместе вы сумеете открыть дверь. Только скорее, пока хиваи-абере не вернулись — они пошли за саго.

Маленький кенгуру позвал другого, побольше, а потом позвал дикую свинью, игуану и казуара. Большой кенгуру начал царапать дверь изо всех сил, но камень не поддавался. Тогда в дверь впились когтями игуана, но и она не могла ничего сделать. За ней к двери подошла дикая свинья и начала копать своим рылом, пытаясь открыть ее, и тогда дверь закачалась и начала подаваться. Наконец к двери подошел казуар, пнул что было силы, и дверь распахнулась. Кенгуру вошел и развязал веревки, которыми у Коидабо были связаны руки. Руки затекли и очень болели, и Коидабо, хватаясь за ветки деревьев, стал расправлять руки — сначала одну, потом другую.

Потом звери вернулись назад, в лес, а Коидабо пошел к односельчанам. Те очень удивились, когда увидели его, и стали кричать:

— Смотрите, идет Коидабо, он вернулся!

Они как раз собирались на охоту за дюгонями и спускали на воду лодку. Коидабо поплыл вместе с ними — он теперь очень боялся хиваи-абере и не хотел оставаться дома. Они поплыли к рифам, поставили на них мостки, и Коидабо, как другие, стал ждать, чтобы появились дюгоны.

Пять хиваи-абере тем временем вернулись из леса к своему камню и увидели, что он открыт и Коидабо в нем нет.

— Ой, Коидабо нет, он убежал! — закричали они.

Хиваи-абере бросили саго, которое принесли с собой, и, нюхая след, пустились за Коидабо в погоню. След привел их к месту, где Коидабо сел в лодку, и тогда хиваи-абере стали дюгонями и поплыли к рифам.

Пятеро дюгоней подплыли к мосткам, на которых стоял Коидабо, и он, думая, что дюгони настоящие, вонзил в одного гарпун, а односельчане вонзили гарпуны в четырех других. Дюгонь, в которого вонзил гарпун Коидабо, поплыл прочь и потащил Коидабо за собой, и точно так же остальные дюгони потащили его товарищей. Дюгони поплыли к Бойгу, а от Бойгу — в открытое море и больше на Даване не вернулись. Коидабо и его товарищи, как и хиваи-абере, стали дюгонями, и с тех пор дюгоней в море очень много.

51. Как девушка ходила с хиваи-абере ловить рыбу

Однажды жители Дару решили, что на другой день рано утром отправятся ловить рыбу. Когда стемнело, одна из женщин подошла к хижине, где жила ее подруга, и крикнула:

— Пойдем завтра вместе!

— Пойдем, — ответила ей подруга.

Их разговор подслушала хиваи-абере, и этой же ночью, когда взошла полная луна, задолго до рассвета, она подошла к хижине второй девушки и закричала голосом той, которая приходила до этого:

— Подруга, собирайся, сейчас мы пойдем — я впереди, а ты за мной!

Хиваи-абере пошла, а девушка, думая, что это подруга, вскочила с циновки, схватила вершу и пошла за той следом. Хиваи-абере, не оборачиваясь, ей крикнула:

— Скорее, подруга, все уже пошли!

Хиваи-абере шла быстро и по дороге подняла с земли выброшенную кем-то старую вершу. Когда они пришли на берег, девушка сказала хиваи-абере:

— Подруга, почему-то еще никого нет.

— Ну и что же, начнем ловить рыбу вдвоем, — отозвалась хиваи-абере. — Это даже лучше, что нет людей, больше рыбы достанется нам с тобой. Входи в воду, а то я больна, меня знобит.

Девушка вошла в воду, поймала несколько рыб и бросила на берег. Хиваи-абере сразу их сожрала и крикнула девушке:

— Лови покрупнее и бросай мне, а я буду их глушить!

Девушка стала бросать ей все новую и новую рыбу, но хиваи-абере сразу все пожирала, и наконец девушка удивилась и подумала: «Почему я не слышу, чтобы она ее глушила?» Бросив рыбу, девушка посмотрела, что делает с рыбой подруга, увидела, как та пожирает рыбу, и подумала: «Это не моя подруга, а хиваи-абере — она глотает рыбу, а вовсе не нанизывает на веревку! Я не буду показывать, что это знаю, лучше я наловлю побольше рыбы, она набьет ею себе живот и, когда я побегу, не сможет догнать меня — ведь живот у нее будет тяжелый».

Девушка снова стала ловить рыбу, а хиваи-абере все так же пожирала ее. Наконец девушка увидела, что хиваи-абере заглатывает рыбу уже с трудом, и подумала: «Ну, теперь живот у нее набит, скоро я от нее убежу». Она поймала очень большую каменную рыбу и позвала хиваи-абере:

— Подруга, иди сюда, помоги мне!

— Я не могу войти в воду, — ответила хиваи-абере, — меня знобит. Вытащи рыбу сама, ведь ты сильная.

Девушка с большим трудом выволокла рыбу на берег и сказала:

— Подруга, помоги оттащить ее подальше.

Но хиваи-абере ответила:

— Я не могу.

Девушка сама оттащила каменную рыбу дальше от воды, и тогда хиваи-абере набросилась на рыбу и начала ее есть. Девушка зашла ей за спину, бросила свою вершу и побежала. Хиваи-абере, пожиравшая рыбу уже через силу, этого не заметила — она увидела брошенную вершу, но подумала: «Наверно, девушка где-нибудь недалеко». Но та в это время уже подбежала к селению. Наконец она добежала до своей хижины, вскарабкалась по лестнице и сразу улеглась спать. О том, что с ней случилось, она никому не рассказала.

Хиваи-абере между тем увидела, что девушка не появляется, и закричала в ярости:

— Ах, так она от меня убежала?

Она бросилась, нюхая следы, догонять девушку, но, когда хиваи-абере подбежала к хижине, девушка была уже внутри, а внутрь хиваи-абере войти не могла.

На рассвете, когда зашел лесной петух, люди начали вста-

вать, но девушка, убежавшая от хиваи-абере, не вышла к ним, а стала тайком смотреть на них из своей хижины. Подруга, которая звала ее накануне, подошла к хижине и закричала:

— Все уже пошли, собирайся скорее!

— Я не могу, у меня ломит все тело, — ответила девушка.

На самом деле она просто боялась выйти из дому.

— Хорошо, — сказала ее подруга, — присмотри тогда за моими детьми.

Придя на берег, люди увидели следы и закричали:

— Посмотрите, до нас здесь были две женщины, вот их следы! И видно, что на песке билось много рыбы! Кто из женщин ночью ловил здесь рыбу?

Одна из женщин слышала, как ночью кто-то звал ловить рыбу девушку, которая заболела и осталась дома, и теперь она всем об этом рассказала. Люди стали спрашивать друг у друга:

— Кто ее звал? Кто ее звал?

Но оказалось, что никто из них ее не звал.

Вечером люди вернулись в селение с уловом. Подруга, за детьми которой присматривала девушка, принесла ей рыбы и спросила:

— Скажи правду, почему ты не пошла с нами ловить рыбу?

— Я не могла пойти, — ответила девушка, — я боялась. Ночью меня позвала твоим голосом хиваи-абере, я подумала, что зовешь ты, и пошла. Мы наловили с ней много рыбы, и всю она съела. Я убежала от нее, и я не пошла с вами, потому что боюсь ее.

Подруга рассказала об этом односельчанам, и все узнали, откуда на берегу следы.

С тех пор люди, когда хотят договориться о встрече, не перекликаются в темноте, а приходят, пока светло, друг к другу домой. Потом, в условленное время, один приходит к другому и его будит, а иногда, не заходя, свистит или стучит по лестнице копьём — тогда можно выходить без страха, потому что хиваи-абере так не делают.

52. Как человеку пришлось носить на себе злое существо

На Дару жил человек по имени Надере, а внутри небольшого холма на том же острове жило существо, которое тоже звали Надере. У Надере-человека был огород, и, когда он туда

отправлялся, он проходил мимо холма, внутри которого жил другой Надере. Однажды он шел туда по тропинке, и вдруг из-под земли появился другой Надере и вспрыгнул ему на плечи. Человек очень испугался и закричал:

— Кто ты? Слезь с меня, я иду работать, а ты очень тяжелый!

Но существо это слезть с него не захотело, и Надере пришлось нести его на себе. Придя на огород, он сказал:

— Слезай, мне нужно работать.

Но существо ответило:

— Нет, я не слезу, ты работай, а я буду на тебе сидеть.

Он остался сидеть на Надере, и бедняге так и пришлось, работая, носить все время на спине тяжелую ношу.

Односельчанин Надере увидел их издали и удивился: «Что такое, почему один человек сидит на другом?» Надере срезал две грозди бананов, привязал одну к одному концу короткой веревки, а другую к другому, и повесил веревку себе за шею; потом, держа грозди под мышками, наполнил несколько кувшинов водой, набрал хвороста и нагромоздил все это поверх бананов. Потом двинулся домой, и все это время злое существо сидело у него на плечах. Но когда Надере дошел до холма, в котором это существо жило, оно спрыгнуло на землю, схватило всю еду, хворост и кувшины с водой и скрылось под землю.

Надере закричал ему вслед:

— Оставь мне хоть немножко! Что я теперь буду есть?

Из-под земли уже поднимался дым — злое существо там готовило себе еду, а Надере никакой еды не осталось. Он попил воды и лег спать; за весь этот день он только и съел что несколько спелых бананов на своем огороде.

На другой день Надере опять пошел на огород, и то же существо, уже дожидавшееся его у холма, снова вспрыгнуло к нему на спину.

— Ой, — закричал Надере, — я носил тебя вчера, и ты забрал у меня всю еду!

Он попробовал его сбросить, но не смог, и ему опять пришлось нести того на огород. Надере поработал на своих банановых посадках, а потом, уже собираясь домой, срезал две грозди, набрал хвороста, принес воды и связал все веревкой, сделанной из сухого листа банана. Тот, другой, все так же сидел у него на плечах.

Человек, который давно смотрел на них и все это видел, схватил лук и стрелы и стал около холма, в котором жило злое су-

щество. «Как вчера, — подумал он, — один сидит на другом и не слезает». Тут показался со своей ношей Надере, и в тот самый миг, когда злое существо с него спрыгивало, человек, который за ними следил, пронзил его стрелой. Надере тут же ударил злое существо палкой, и оно умерло.

— Хорошо, что ты убил его, — сказал Надере человеку, который его выручил, — он меня совсем замучил.

Они отрезали голову и отнесли домой к Надере, и там они стали танцевать пипи — люди танцуют этот танец, когда приносят домой головы врагов.

53. Как был наказан за обман ориогорухо

Внутри одного холма на острове Дару жил ориогорухо. Один из жителей Дару, который с утра до вечера работал на своем огороде и очень уставал, подумал: «Я все работаю и работаю целыми днями, а мяса или рыбы у меня нет».

На другой день он позвал своих собак и пошел с ними на охоту. Когда он проходил мимо холма, в котором жил ориогорухо, тот вылез наружу. Житель Дару увидел его и крикнул:

— Эй, кто ты?

— Это я, разве ты меня никогда не видел? А я часто вижу, как ты работаешь на своем огороде. У меня тоже есть огород.

Но это была неправда, на самом деле никакого огорода у ориогорухо не было.

Они пошли вместе и увидели на дереве двух игуан. Человек сказал:

— Влезь на дерево и поймай их.

— Нет, — ответил ориогорухо, — я не полезу на дерево — у тебя собаки, тебе лучше и ловить этих игуан.

Человек положил лук и стрелы на землю, вскарабкался на дерево, и обе игуаны убежали на одну из веток. Человек крикнул:

— Лови их, я сейчас их стряхну!

Он потряс ветку, на которую перебежали игуаны, и те упали. Ориогорухо схватил их и побежал к своему дому под землей.

Человек закричал с дерева:

— Не уноси двух, оставь одну мне!

Ориогорухо даже не обернулся, и тот, видя это, закричал еще громче:

— Не хочешь оставить целую, отрежь мне хоть половину!
Но ориогорухо, не ответив ему, исчез. Человек слез с дерева, взял лук и стрелы и пошел домой. Ему было очень обидно. Когда он проходил мимо холма, в котором жил ориогорухо, он увидел, что из-под земли идет дым, и подумал: «Сейчас этот ориогорухо будет есть моих игуан».

Дома он взял корзину и пошел с ней на огород набрать овощей, потому что мяса поесть ему не удалось.

Утром он снова позвал собак и пошел на охоту. Ориогорухо, чтобы человек его не узнал, обрезал волосы и опять к нему вышел.

— Кто ты? — спросил его человек.

— Кто? Я, — ответил ориогорухо.

— Вчера я встретил кого-то, и он меня обманул.

— А какой он?

— У него были длинные волосы.

— У него были, а у меня нет.

Они опять пошли вместе, и вскоре собаки спугнули двух этерари. Те вмиг взобрались на дерево, а собаки, громко лая, его окружили. Человек сказал:

— Влезь на дерево и сбрось их оттуда.

— Нет, надо лезть тебе, — ответил ориогорухо, — ведь собаки твои.

— Вчера я полез на дерево за игуанами, и один человек меня обманул. Смотри, не обмани меня тоже — если обманешь, берегись.

— Лезь, не бойся, — сказал ориогорухо, — я не обману. Ты их сбрось с дерева, а я их поймаю. Одного ты возьмешь себе, а другого дашь мне.

Человек влез на дерево, и глаза у обоих этерари стали красные как огонь. Они перешли вместе на одну ветку, и человек крикнул:

— Лови, сейчас я их стряхну!

Он тряхнул ветку, и оба этерари упали на землю. Ориогорухо попробовал было их схватить, но один этерари выцарапал ему глаза, а другой вспорол живот. Ориогорухо закричал, умирая:

— Это я обманул тебя вчера!

Когда этерари увидели, что он мертв, они убежали в лес, а человек спустился с дерева и отрезал у мертвого ориогорухо голову.

54. Змея с двумя хвостами

Однажды в прилив море унесло пустую лодку и выбросило на островок. На островке жила большая змея, и, когда змея увидела лодку, она вползла в нее и осталась в ней жить. Хозяин лодки, Маубере, приплыл, разыскивая ее, на этот островок и нашел ее там. Но когда Маубере увидел в лодке змею, он очень испугался и поскорее уплыл домой. Там он рассказал про змею односельчанам и позвал их с собой на островок, чтобы вместе ее убить. Многие односельчане взяли оружие и поплыли с Маубере. Когда они увидели змею, одни побежали, но другие смело на нее бросились. С какой бы стороны воины к ней ни подступали, она яростно била их своей головой. У змеи было два хвоста, на конце каждого было жало, но наконец Маубере, державшийся в стороне, подстрелил ее из лука. Когда змея издохла, люди разорубили ее на куски и сожгли. Ночевать они остались на островке.

Ночью на островок накатили две огромные волны, одна с одной стороны, вторая с другой. Они разрушили все шалаши и смыли остров. Все, кто был на острове, утонули, и волны разбросали их тела в разные стороны.

Подняла эти две волны змея — ночью она ожила, обвилась под водой вокруг островка и послала на него головой одну волну, а хвостом другую. Друзья погибших отправились их разыскивать и приплыли на это место, но не увидели ни людей, ни острова.

У. УХАЖИВАНЬЕ, БРАК И СЕМЬЯ

55. Как юноши с острова Киваи женились на девушках, живущих в Дуди

В давние времена на Киваи было много неженатых юношей, но не было девушек, и юноши видели дым, который поднимался над Дуди — там жили, совсем одни, несколько девушек. Как-то раз юноши сказали самому старшему из них:

— Как бы туда нам добраться, брат? Мы все время видим над Дуди дым, хорошо бы попасть туда и посмотреть, кто там живет.

Тогда старший из юношей взял раковину, в которую трубят, украсил ее листьями так, чтобы она была похожа на птицу, и она после этого стала очень большая. Юноши все влезли внутрь, и ночью она поднялась и перелетела с ними через реку в Дуди. Там она опустилась на дерево незре и начала есть плоды.

Утром девушки вышли из своего дома и увидели, что плоды кто-то ел. Они заметили на дереве птицу и начали бросать в нее большими щепками, чтобы ее убить, но птица улетела в лес. Следующей ночью она вернулась и села опять на то же дерево. Один из юношей вылез из нее, спустился с дерева и вошел к девушкам в дом. Одна из девушек проснулась и спросила:

— Кто это? Откуда ты пришел?

— Вы вчера подумали, что на дереве птица, — сказал он, — а это вовсе не птица, это я, человек.

Она спросила его, один ли он, и юноша обманул ее — сказал, что один. Эту ночь он провел с ней.

Утром птица улетела, оставив его в доме у девушек. Когда девушки, проснувшись, увидели юношу, они закричали наперебой:

— Откуда этот человек, откуда он взялся?

— Я не видела, как он пришел,— ответила девушка, с которой он остался спать.

Она боялась, что остальные девушки его у нее отнимут.

Ночью птица вернулась снова, и теперь другой юноша вылез из нее и был принят другой девушкой точно так же, как накануне был принят первый. Так повторялось каждую ночь, пока все юноши не попали в дом, где жили девушки, и не переженились. Юноши остались жить в Дуди, и вместе с ними осталась птица, что была также раковиной, в которую трубят.

56. Как девушки из Буджи попали на остров Бойгу

На Бойгу жил вместе со своими братьями человек по имени Дебо, но там не было ни одной женщины, хотя много девушек жило в Буджи. Однажды Дебо с братьями убили дюгоня и разделали его, а внутренности бросили в море, и их прибило к берегу около Буджи. Старшая из девушек увидела внутренности и сказала:

— Наверно, на Бойгу живут люди, надо бы нам туда перебраться и посмотреть.

Через несколько дней, уходя на охоту за дюгонями, Дебо и его братья закатали самого младшего мальчика в циновку и сказали, чтобы он, пока они не придут, из нее не вылезал. В этот день девушки в Буджи вскарабкались на верхушку самого высокого бамбука, бамбук наклонился в сторону Бойгу, и его верхушка, на которой сидели девушки, зацепилась за ветки одного из деревьев на этом острове. «Что это за шум? Я такого никогда не слышал»,— подумал мальчик, которого закатали в циновку, но он очень испугался и потому не вылез посмотреть, отчего шум.

Вскоре девушкам удалось высвободить верхушку своего бамбука, он распрямился, и они вернулись назад, к себе в Буджи; однако на землю около дома, где жили юноши, напало очень много листьев. Юноши, вернувшись, рассердились и начали спрашивать у своего маленького брата, откуда эти листья, но тот им сказал:

— Братья, я все время лежал там, куда вы меня положили. Я не выходил из дома и не знаю, кто это сделал.

Через несколько дней, когда братьев, кроме младшего, не

было дома, девушки снова так же перебрались на остров, и на этот раз мальчик, услышав шум, вылез из циновки, в которой лежал.

— Ой, сколько девушек на дереве, и какие они красивые! — воскликнул он.

Мальчик пересчитал их и подумал: «Старшую девушку — старшему брату, Дебо, эту — другому, вон ту — третьему, а маленькую, которая на самой верхушке, — мне!»

К вечеру бамбук распрямился и перенес девушек назад в Буджи, а вскоре после этого вернулись с рыбной ловли Дебо и остальные юноши. Дебо опять начал бранить мальчика за то, что земля около дома усыпана листьями. Ночью мальчик отозвал его в сторону и рассказал о том, что видел.

Дебо наточил топор и стал ждать. Перед рассветом он услышал необычный шум — это верхушка бамбука опустилась на верхушку дерева.

— Ой, какие красивые девушки там, наверху! — воскликнул Дебо.

Только верхушка бамбука с частью стебля легла на верхушку дерева, сам стебель лежал на земле, и Дебо разрубил его и закричал:

— Ага, вот я вас и поймал!

Теперь Дебо понял, почему на земле около дома было много листьев. Он велел девушкам спуститься, и они спустились, плача, и стали просить, чтобы Дебо их не убивал. Когда остальные братья вернулись, он дал каждому по девушке, и младшему дал младшую девушку, а себе взял старшую. Все сели есть, а на другой день устроили большой пир.

Дебо сказал, чтобы каждый из братьев построил себе отдельную хижину, а сами они с младшим братом построили себе хижины в стороне от других. Дебо хотел, чтобы младший брат о нем заботился. Братья его во всем слушались. Как-то раз они все отправились в Буджи — посмотреть, где девушки жили раньше.

57. Амурабари и бухере-бухере

В Маубо жил в маленькой хижине человек, которого звали Амурабари. Все тело его было в язвах, он даже не мог ходить. Его сыновья (братья?) жили в большом доме недалеко от его хижины, но женщин в селении совсем не было. Юноши рабо-

тали на огороде, только их младший брат все время оставался с отцом и о нем заботился. Никакой пищи старшие братья, когда возвращались домой, отцу и младшему брату не приносили.

Однажды в полночь Амурабари встал в воючей маленькой хижине, где спали он и его младший сын, снял с себя кожу, покрытую язвами, и тело его стало светлым как огонь. Оставив кожу в хижине, он пошел на огород и набрал овощей, а потом убил в лесу дикую свинью. Изжарив мясо, он отправился домой и часть пищи положил около спящего сына, а после этого снова надел на себя большую кожу и лег спать. Проснувшись утром, мальчик сразу увидел пищу, которую положил отец, но Амурабари попросил его не показывать ее братьям.

Однажды мальчик пошел ловить крабов, и тогда Амурабари вскарабкался на кокосовую пальму и сбросил с нее на землю несколько орехов. Потом он спустился вниз, расколол один из кокосов надвое и сделал одну половинку скорлупы похожей на человеческое лицо: две вмятинки — глаза, дырочка — рот. После этого он отрезал у себя прядь волос, положил в скорлупу, пустил скорлупу по воде, и ее отнесло приливом вверх по реке Мауботури. Там скорлупу увидели бухере-бухере и стали наперебой кричать:

— Ой, это меня зовет мой муж!

Бухере-бухере умели стрелять из лука, как мужчины, и старшая из них застрелила свою домашнюю свинью и нажарила себе на дорогу мяса. После этого она отправилась в Маубо, и там ее встретил Амурабари. Однако подойти к нему близко он ей не разрешил, и она пошла в большой дом, где жили его сыновья, и там приготовила пищу, которая была у нее с собой. Когда младший сын пришел домой, он принес отцу крабов, которых ему удалось поймать.

Вскоре Амурабари отрезал несколько прядей волос у себя с головы и паха и положил их в две кокосовые скорлупы, а потом связал обе скорлупы вместе и пустил по воде. Бухере-бухере опять увидели их и закричали:

— Ой, это мне! Это меня зовет мой муж!

Они собрались в путь и все пошли в Маубо, и там их встретил Амурабари. Их он тоже не впустил к себе, а послал в большой дом, и там они приготовили пищу. Когда юноши вернулись домой, они сразу переженились все с бухере-бухере — осталась только старшая, для Амурабари, и спать она легла около младшего брата и его жены.

Ночью Амурабари снял с себя большую кожу и пошел в боль-

шой дом. Тело его было светлое как огонь. Он разбудил младшего сына и двоих женщин, спавших около него, и они, увидев свет, который исходил от его тела, все упали без чувств. Но он протер им глаза прядью своих волос, и они очнулись и были очень рады, что на нем нет больше гноящихся язв. Женщина, которая предназначалась ему в жены, была очень красивая. Амурабари занавесил место, где она спала, циновками, а потом вышел, сжег свою плохую кожу и поджег свою хижину. После этого он вернулся к жене и остался с ней спать.

Утром юноши стали спрашивать младшего брата, откуда здесь циновки, и, когда Амурабари встал и они его увидели, они упали без чувств тоже. Он протер им глаза прядью своих волос, и они очнулись.

Амурабари был великим вождем жителей Маубо. Он до сих пор живет там, только теперь он оро-ратора.

58. Как девушка не захотела выйти замуж за юношу, который ей не нравился

В Даваре жила очень красивая девушка, и к ней приходил по ночам юноша из селения Табио. Брату девушки нравилась сестра юноши из Табио, и юноши договорились, что каждый, как полагается по обычаю, возьмет себе в жены сестру другого. Ночью, когда каждый из них шел к своей девушке, юноши всегда встречались на тропинке между Даваре и Табио. Но только девушка, которая жила в Даваре, пускала к себе своего юношу, девушке в Табио юноша из Даваре не нравился, и ему приходилось довольствоваться тем, что он спал под ее домом.

Однажды юноша из Табио привел возлюбленную домой, к своим родителям, и те дали согласие на их брак. Тогда родители юноши из Даваре спросили сына:

— На твоей сестре женился юноша из Табио. Когда ты женишься на его сестре?

— Скоро, — ответил юноша. — Вы об этом не беспокойтесь, я все сделаю сам.

Жители Табио отправились за пищей для свадебного пиршества, но у девушки, которая нравилась юноше из Даваре, были месячные, и она осталась дома. Юноша из Даваре взял лук и стрелы и пошел в Табио, а когда пришел туда и увидел, что девушка одна, сказал ей:

— Пойдем со мной — твой брат женился на моей сестре, а теперь и я отведу тебя к себе в Даваре.

Девушка идти не хотела и даже не поднялась с земли, но он, стоя перед ней, начал уговаривать ее с ним пойти. Наконец он положил лук и стрелы на землю, посадил девушку к себе на плечи, взял оружие снова и понес девушку в свое селение. Девушке он не нравился, и она, сидя у него на плечах, молчала. Кровь ее стекала ему на спину. Когда юноша прошел половину пути, он спустил девушку на землю и сказал:

— Нехорошо, что я тебя несу, лучше ты иди сама. Мой дом уже совсем близко, люди увидят и будут смеяться, скажут — юноша несет женщину.

Но девушка идти не захотела, и ему снова пришлось нести ее. Теперь уже они оба были испачканы ее кровью. Рядом с селением протекал ручей, и они в нем искупались.

— Вот мой дом, — сказал юноша. — Теперь иди, я больше не хочу тебя нести.

Девушка сама вошла в дом, и люди, увидев ее, очень обрадовались. Они расстелили для нее циновку и стали ее угощать, но девушка осталась сидеть на голом полу и к еде не притронулась. «Зачем он принес меня сюда? — думала она. — Ведь он мне не нравится. Вы расстелили для меня циновку, а я на ней сидеть не хочу». Ей нравился один юноша из селения жителей леса, поэтому она не хотела выходить замуж за юношу из Даваре. Но он был очень рад, что привел ее к себе, и стал угощать односельчан табаком.

Когда стемнело, родители юноши сказали девушке:

— Лежись спать вместе с нашим сыном, мы для вас постелили.

Но девушка не захотела с ним спать, и среди ночи, когда все крепко спали, она ушла к своему возлюбленному, в селение жителей леса.

На другой день, когда люди проснулись и увидели, что ее нет, все, и ее родители тоже, стали искать девушку и пошли по ее следам. Наконец девушку нашли, и люди стали ее спрашивать:

— Почему ты ушла? Ведь вчера твой муж привел тебя к себе домой!

— Он мне не нравится, — ответила она, — я сама нашла себе мужа.

Ее родителям было очень стыдно, и они ей сказали:

— О том, что ты сделала, будут помнить и говорить все:

умрут отцы и матери — будут говорить их дети, будут говорить всегда.

[«Вот и мы говорим сегодня об этом — они были правы», — заметил тут рассказчик.]

А родители юноши из Даваре стали ругать его:

— Зачем ты тащил на себе эту девушку? Ведь сама она не хотела идти, ты ее нес. Люди об этом не забудут, будут рассказывать всегда.

59. Гуруме

В Вауме, на острове Саибаи, жил человек, которого звали Гуруме. Он был низенький и толстый, у него были большая голова и большой рот, ноги — короткие и толстые, и за браслет над локтем у него всегда была засунута длинная ветка. Когда кто-нибудь рассказывал, как выглядит Гуруме, тем, кто слушал, всегда становилось очень смешно.

Однажды Гуруме себя раскрасил, надел все свои украшения и, ударяя в барабан, один начал танцевать.

— Кто это бьет в барабан? — стали спрашивать люди.

— Да тот коротышка, — ответил кто-то. — Ему нужна жена, у него ее нет.

«Скоро я поправлюсь какой-нибудь девушке, — думал, танцуя, Гуруме, — скоро я на какой-нибудь из них женюсь». Он закричал односельчанам:

— Зовите всех девушек, пусть приходят на берег, где песок! Я буду танцевать, а они пусть смотрят только на меня, а по сторонам не смотрят.

— Если ты красивый, ты девушкам понравишься, — сказали односельчане, — если некрасивый, не понравишься.

— Это я только снаружи некрасивый, — ответил Гуруме, — внутри я красивый, не хуже вас. Пусть девушки идут на берег.

Девушки пришли посмотреть на него, а он, танцуя, бил в барабан и пел: «Гуру́ме Гуру́ме Гуру́ме Гуру́ме — ва́ива́и!» — «Я Гуруме, смотрите на меня!»

Он танцевал очень плохо, и девушки стали смеяться и говорить другим мужчинам:

— Скажите ему, что он нам не нравится, он некрасивый и коротышка.

Мужчины передали Гуруме их слова, и он сказал:

— Почему я им не нравлюсь? Я должен им нравиться, я красивый, я Гуруме.

Но девушки сказали другим мужчинам:

— Скажите ему, что он не нравится нам совсем. Наверно, он не человек, а оборотень или что-нибудь вроде этого.

Гуруме очень рассердился и сказал:

— Нехорошо называть меня оборотень!

И он выбросил свои украшения и смыл водой краску.

Однажды девушки работали на огороде, разговаривали о чем-то и стали смеяться. Гуруме подумал, что они смеются над ним, надел свои военные украшения и сказал мужчинам:

— Отойдите все в сторону, я буду стрелять в девушек, которые надо мной смеются!

Мужчины отошли, и Гуруме выстрелил из лука. Все девушки пригнулись, чтобы стрела в них не попала, но она, едва вылетев, упала на землю.

— Ого, одну убил! — кричал он. — Сейчас убью вторую!

Но и вторая стрела сразу упала. Тогда Гуруме положил лук и стрелы на землю и пошел купаться.

Как-то раз Гуруме опять надел украшения и сказал односельчанам:

— Приготовьте место для танцев, ко мне приплывут гости с Мабуиага, Баду, с острова Двух Братьев, очень много людей — они будут танцевать.

Жители Сайбаи ему поверили, расчистили место, где всегда танцевали, и стали сыпать на землю золу — так, чтобы получились полосы, а из этих полос — прямые углы. Для гостей, чтобы их не было видно, отгородили особое место и занавесили его циновками, а девушки и остальные, кто смотрел, сели снаружи. Но вместо гостей с Мабуиага вышел и начал танцевать Гуруме. Девушки отвернулись и сказали:

— Мы не хотим на тебя смотреть! Где гости с Мабуиага?

— Сперва я потанцую один, — сказал Гуруме, — а потом выйдет танцевать еще много людей — вот, смотрите.

Он зашел за подвешенные циновки и стал их толкать и трясти, так что можно было подумать, будто за ними сидит много народу. После этого, не обращая внимания на насмешки девушек, он начал танцевать снова.

— Не думайте о них, сперва пусть понравлюсь вам я, — сказал он и стал танцевать совсем близко от девушек, наклоняясь к ним.

Когда Гуруме кончил танцевать, он сказал:

— Мужчины Саибаи, не удерживайте этих девушек, теперь я им понравился, и, когда я приду домой, они придут ко мне тоже. Не удерживайте их, пусть идут.

— Хорошо, — сказали мужчины Саибаи, — пусть они идут, но где гости с Мабуиага, с Баду?

— Да вон там, за циновками, — ответил Гуруме.

Девушки начали его ругать:

— Ах ты, рыба пули, ах ты, морская свинья, ах ты, каменная рыба!

Гуруме стал бегать за ними, стараясь ударить то одну, то другую и крича:

— Не смейте называть меня плохими словами! Я красивый, таких, как я, на Саибаи больше нет!

Мужчины пошли посмотреть, есть ли кто-нибудь за занавесками, но там никого не оказалось, и тогда они стали хвататься за дубинки, говоря:

— Ты зачем обманул нас?

Они кинулись на Гуруме, но тот побежал, срывая с себя и бросая прочь свои украшения. Люди не отставали, и наконец Гуруме сунул себе в рот перо птицы, проглотил его и сразу стал птицей кеке시오. Птица села на голову к одному из тех, кто гнался за Гуруме, но когда другой односельчанин размахнулся дубинкой, чтобы ее ударить, она вспорхнула, и вместо нее был убит человек, на голову к которому она села. Тогда птица села на голову к другому, и то же самое случилось с ним, и она перелетала так с головы на голову до тех пор, пока не погибли все, кроме двух старейшин. После этого птица села на дерево и сказала:

— Теперь я стал птицей, меня зовут кеке시오, и жить я буду на деревьях.

60. Два брата — Мумарева и Сабарева

В Манавете жили вместе два брата. Старшего, женатого, звали Мумарева, младшего — Сабарева. Однажды Сабарева пошел на огород брата и украл много бататов. Жена Мумаревы, когда пришла на огород и увидела, что из земли вырвано много клубней, стала думать: «Кто же это украл наши бататы?»

Вернувшись домой, она увидела, что Сабарева печет клубни с их огорода, и очень рассердилась. Она ничего не сказала Сабареве, но потом, когда он с другими юношами играл на берегу

моря в кокади, пришла туда, на глазах у всех ударила Сабареву палкой-копалкой по голове и закричала:

— Не воруй с нашего огорода!

Сабареве стало очень стыдно, и он заплакал. Товарищи, с которыми он играл, хотели полечить рану на его голове, но Сабарева им сказал:

— Не надо, не делайте для меня ничего, все равно я здесь не останусь.

Наступила ночь, все легли спать, и Сабарева подумал: «Сейчас я уйду отсюда». Он положил в корзину еды и отправился в лес. Долго бродил Сабарева и наконец увидел небольшой холм. На нем он и построил хижину.

Утром жители Манавете увидели, что юноши нет, и начали его искать. Все лодки оказались на месте, и люди поняли, что Сабарева ушел из селения по суше. Следов его они так и не нашли и вскоре перестали его искать.

Однажды Сабарева, сажая недалеко от своей хижины огород, вдруг увидел этерари. Сабарева подумал: «Ну, теперь я погиб, этерари меня съест!» Но этерари в знак дружбы забил по земле хвостом и сказал:

— Давай жить вместе, ты будешь для меня сыном. Почему ты пришел сюда?

— Жена брата ударила меня при моих товарищах палкой-копалкой по голове, вот я и пришел, — ответил Сабарева. — Я ушел навсегда, назад больше не вернусь.

Они зажили вместе, и Сабарева сделал большой огород и посадил на нем сахарный тростник, бананы, бататы и многое другое.

Прошло время, и однажды Сабарева сказал этерари:

— Я столько всего вырастил, у нас столько еды, а кому ее есть? Надо позвать гостей и устроить праздник.

— Давай устроим, — сказал этерари, — только сперва я научу тебя разным танцам.

Этерари знал очень много песен и танцев — мадиа, мадо, гану, байдую и другие, и всем им он научил Сабареву. Потом этерари стал колдовать, и появился большой дом. На столбах в нем были вырезаны фигуры людей с украшениями, и Сабарева с этерари, готовясь к танцам, тоже себя украсили. Сам собой загорелся в очагах огонь, и появилось много разной еды. Сабарева и этерари забили в барабаны и начали танцевать, и человеческие фигуры на столбах запели и стали веселиться вместе с ними.

Этой ночью жена старшего брата, Мумарева, услышала, что в лесу поют и бьют в барабаны, и очень удивилась. Утром она сказала мужу:

— Ночью в лесу громко били в барабаны и пели, я сама это слышала. Не оставайся сегодня в доме для мужчин, а приходи спать ко мне, мне одной страшно.

Мумарева к ней пришел, и ночью они слышали те же звуки. «Такого я еще не слышал,— подумал Мумарева.— Не брат ли это поет и бьет в барабан? Ведь он ушел от нас, а куда, я не знаю».

Утром он рассказал односельчанам о том, что слышал, и все решили, что следующей ночью пойдут в лес и посмотрят, кто там поет и бьет в барабан.

Когда стемнело, жители Манавете взяли оружие и еды на дорогу и пошли на звук барабанов. Когда барабаны были уже рядом, все остановились, и Мумарева пошел один.

— Ой, танцует один человек,— воскликнул он,— а столбы тоже поют и бьют в барабаны!

Мумарева посмотрел еще немного и узнал брата. Он бросился к Сабареве, и они обнялись, а потом братья сели, и младший рассказал старшему, почему он ушел из дома.

Сабарева и этерари так и остались жить в лесу, и односельчане отдали Сабареве в жены красивую девушку, а он научил их танцам и песням, которым его научил этерари. Старший брат остался в селении, но, хотя братья жили порознь, они часто навещали друг друга.

61. Как поссорились и помирились два брата

На Дару жили два брата, Меагоре и Мороса. Они работали на своем огороде, охотились на свиней, били рыбу, и так проходило все их время. Собаки Меагоре и Моросы видели, как устают их хозяева, и однажды сказали братьям:

— Почему вы работаете на огороде одни? Давайте мы будем вам помогать.

— Нет, лучше вы смотрите за домом,— ответили им братья,— а мы будем добывать пищу.

— Хорошо,— сказали собаки, и они научились разжигать огонь и готовить еду.

У Меагоре стрелы были хорошие, и рыбы он бил ими очень

много, но у Моросы стрелы были плохие, и ему редко удавалось убить хотя бы одну рыбу. И вот однажды, когда братья собирались на огород, Мороса сказал:

— Иди ты один, я заболел, останусь сегодня дома.

Меагоре пошел на огород один, но, когда он скрылся из виду, Мороса встал, пошел туда, где лежали стрелы брата, и одну взял себе. На другой день они пошли вместе бить рыбу, и на этот раз Мороса убил рыбы гораздо больше, чем обычно. Меагоре этому удивился, а потом, когда понял, отчего так случилось, очень рассердился на брата и закричал:

— Ты украл у меня стрелу!

— Нет, я у тебя стрел не воровал,— ответил Мороса.

Братья начали драться, и, видя, что хозяева дерутся, начали драться их собаки. Меагоре ранил Моросу, и у того из раны потекла кровь.

Ночью Мороса встал, вышел тихонько, сел в лодку и поплыл. Когда он приплыл в Старую Мавату, жители спросили у него:

— Куда ты плывешь?

— За стрелами,— ответил Мороса.— Старший брат избил меня за то, что я взял у него стрелу,— видите, я весь в синяках, и тело и голова.

— Хочешь, мы дадим тебе стрел?— предложили ему жители Старой Маваты.

— Нет, я поплыву на север, за реку Флай,— ответил Мороса.

То же повторилось в Кататаи, на Параме, в Сумаи, в Иасе и в Дибири. В Дибири Моросе понравилось, и он дальше не поплыл — решил там пожить. Местные жители дали Моросе в жены двух девушек, а также дали ему много стрел, лодку и разной еды. Мороса отправился в обратный путь и в каждом из селений, куда заплывал до этого, он ненадолго останавливался.

— Ты добыл себе стрел?— везде спрашивали его жители.

— Добыл,— отвечал им Мороса,— теперь их у меня много.

Наконец он подплыл к родному острову, и его собаки, увидев лодку, закричали:

— Смотрите — плывет лодка, а в ней наш хозяин! Он уплыл один, а возвращается с двумя женщинами, они будут нашими хозяйками!

Собаки Моросы бросились в воду и помогли вытащить лодку на берег. Собаки старшего брата хотели тоже помочь, но собаки Моросы им сказали:

— Не помогайте нам, ваш хозяин избил нашего!

Тогда Меагоре сказал Моросе:

— Мы с тобой братья, подари мне одну женщину, а другую оставь себе.

Сперва младший брат ему не ответил, потому что еще сердился, но потом дал ему одну женщину, и они также разделили поровну все стрелы, которые привез Мороса.

62. Сонаре и его шесть слепых братьев

На Киваи жил человек по имени Сонаре, у которого было шесть слепых братьев. Однажды он начал строить дом и захотел, чтобы братья помогли ему. Он им сказал:

— Как это так, что вы ничего не видите и не можете мне помочь?

— Когда мы родились, мы уже ничего не видели, будто мы без глаз,— ответили братья.— Мы не можем подниматься в дом, мы упадем с лестницы.

Сонаре пришлось строить дом одному.

Вскоре он сказал братьям:

— Пойдемте со мной сажать огород.

— Таковую работу мы делать станем,— ответили они.— Рубить деревья, работать на огороде мы можем, мы боимся только подниматься в дом.

Они все отправились в лес — Сонаре, его жена, которую звали Маде, и шестеро его братьев. Сонаре воткнул в землю между участками палки, подвел к каждой палке брата и сказал, чтобы они рыли канавы. Прямую канаву вырыл один Сонаре, у остальных братьев канавы получились кривые.

— Не залезай на мой участок, рой прямо,— сказал Сонаре тому брату, который рыл ближе других.

— Ой, брат, я не нарочно, у меня так получается,— ответил тот.

И остальные братья тоже сказали:

— Мы не видим отметок.

Вырыв канавы, братья засадили грядки, и Сонаре сказал:

— Ухаживать за огородом вы не приходите, я буду все делать сам.

— Это хорошо, Сонаре,— ответили братья,— нам лучше оставаться дома. Мы будем сторожить дом, а ты будешь приносить еду, дрова и воду.

На другое утро Маде собралась купаться и, сняв с себя

юбку, надела чистую. Потом она пошла с мужем на огород. Едва только они ушли, как все слепые братья схватили юбку, которую она сняла, и стали творить с ней непотребство — сначала старший, за ним следующий по возрасту, и так до последнего, младшего.

Вернувшись с огорода, Сонаре сказал:

— Ох, очень много приходится делать мне и моей жене — работать на огороде, приносить еду, носить дрова, воду. Почему вы не помогаете нам?

— Как же мы можем помогать вам? Ведь мы ничего не видим, — сказали братья.

Маде приготовила еду, и они поели. Потом она сменила юбку, надела ту, которую испачкали братья ее мужа, и они все легли спать.

Это стало повторяться каждый день. Маде меняла юбки, и шестеро слепых творили непотребство с юбкой, которую она оставляла дома, а вечером, приходя домой, она надевала эту юбку на себя снова.

Однажды Сонаре сказал жене:

— Маде, что случилось, почему груди у тебя снова стали твердыми?

— Не знаю, ведь ты ничего такого со мной не делал, — ответила она.

— Непонятно, отчего у тебя будет ребенок, — сказал он.

Шестеро братьев не знали, что случилось с Маде, — ведь они были слепые.

Как-то утром Сонаре сказал, что идет на огород, но на самом деле вскоре вернулся назад — посмотреть, что делают его братья. Он услышал, как они кричат друг другу: «Скорей, скорей!» — а когда подошел поближе, то увидел, что они творят непотребство с юбкой его жены. «Вот теперь я узнал! — подумал он. — Так вот откуда будет ребенок у моей жены! У нас с вами одни и те же отец и мать, а вы так со мной поступили!»

Он пошел на огород, и жена спросила его, где он был.

— Я увидел красивое место в лесу, остановился и стал смотреть, вот почему я запоздал, — сказал он ей.

Вечером Маде, как всегда, приготовила мужчинам поесть.

На другое утро Сонаре попросил братьев пойти помочь ему срубить высокое дерево, и они все вместе пошли туда, где оно росло. Когда дерево срубили, Сонаре сказал:

— Станьте в ряд, а я сейчас расколю ствол вдоль.

И он начал его раскалывать. Братья сказали:

— Если внутри много коне, ты крикни: «Много!» — тогда мы засунем в щель руки и будем доставать оттуда коне и есть. Вскоре Сонаре закричал:

— Очень много, доставайте!

Едва они просунули руки в щель в стволе, как он выдернул из нее топор, и обе половины ствола сомкнулись и зажали братьям руки, так что теперь они не могли их вытащить.

— Сонаре, брат, что случилось? — закричали они.

— Я не виноват, братья, — ответил он. — Вы меня не любите. Я забочусь о вас, работаю на огороде, приношу овощи, иногда даже рыбу, а вы творите непотребство с моей женой.

Он оставил их в лесу, и шестеро братьев заплакали и затаили песню: «Ваво́дио Сонаре́ на́ма дове́аби мо ни́гйби́ гйдо ове́ра на́а и́рого!» — «Сонаре узнал, что мы делали, но ведь мы его не обижали, не делали ему ничего плохого!»

Они начали плакать и причитать на закате и проплакали всю ночь. Пытаясь вытащить руки, братья волокли дерево по земле то в одну сторону, то в другую. Они натыкались на шипы и сучья, их поливал дождь и им было холодно. На рассвете они сели около ствола на землю повесив головы.

Почти в то же время Маде родила мальчика и послала Сонаре за овощами в лес, на огород. Услышав его шаги, шестеро братьев закричали:

— Брат, это ты?

Сонаре не ответил.

— Ой, брат, — сказали они, — ведь мы ничего не делали с твоей женой, мы только пачкали ее юбку, вот и все.

Сонаре ничего не сказал и пошел с пищей для жены домой.

Ночью шестеро братьев опять заплакали и затаили свою песню, и Сонаре их услышал.

— Давайте потащим дерево вот в эту сторону — по-моему, дом там, — сказал один из них.

Но другой сказал:

— Нет, нам надо тащить его вот в эту сторону.

— Я нацупал ногой тропинку, — сказал третий, — потащим его сюда.

На рассвете они слышали крики птиц и поняли, что уже утро.

Мальчик вырос и научился говорить. Сонаре снова, проходя по лесу, оказался около своих братьев, и те стали звать его, но он не ответил. Каждую ночь они пели одну и ту же песню. Мальчик услышал их и спросил:

— Мама, это поют птицы?

— Нет, не птицы,— ответила она,— это люди, которые живут в лесу.

Она не хотела, чтобы мальчик знал, кто на самом деле поет.

На другой день Сонаре и Маде взяли сына с собой на огород, и шестеро слепых, услышав их шаги, стали их звать.

— Ой, это не птицы, это зовут люди!— сказал мальчик.

— Это мои шестеро братьев,— сказал Сонаре,— они творили непотребство с юбкой твоей матери, это они тебя сделали. Я очень рассердился на своих братьев и потому наказал их — защебил им руки в стволе дерева.

— Отец, выпусти их,— стал просить мальчик, но Сонаре этого не сделал.

На огороде Сонаре нарвал ароматных растений и в миске принес домой, а там смешал с кокосовым маслом и приготовил мазь. На другой день, взяв с собой миску и топор, он пошел в лес.

— Сонаре, Сонаре!— закричали его братья.

— Да, это я.

— Освободи нас!

Сонаре подошел к стволу, поднял топор и сказал:

— Ну, берегите руки!

Он расколол ствол, и шестеро братьев освободились. Они все заплакали и, взяв друг друга за руки, стали в ряд, и тогда Сонаре стал в конце ряда и их спросил:

— Вы готовы?

И он повел их домой. Сперва он подвел их к речке, вымыл и натер их тела ароматной мазью. Потом он взял шесть пар красных цветков, которые называются муму, прижал по паре к глазам каждого из слепых братьев, и те стали видеть. Они закричали, изумленные, оглядывая все вокруг:

— А это? А что это?

Сонаре объяснил:

— Это море, в нем плавают лодки. Если жарко, идешь к нему и в нем купаешься. Вода в море соленая, ее пить нельзя. Это песок. Дом стоит на земле, огороды тоже на ней. Это небо. Вот с той стороны дует ветер уро [юго-восточный], а с той — хурама [северо-западный.]

Так он им все показал. Когда они пришли к дому, Сонаре сказал братьям:

— Этот мальчик ваш сын.

Они все зажили там, и теперь они стали работать вместе.

VI. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

63. Как была сделана первая гуделка

Однажды на Бойгу старуха, которую звали Мете, колола на дрова ствол дерева оторо. Вдруг после одного из ударов вверх взлетела большая щепка и загудела, вертясь в воздухе: «Бигу-бигу-бигу». Щепка упала около женщины и воткнулась в землю. Старуха подняла ее, отнесла домой и сказала своему мужу:

— Я колола дрова, и вот это отлетело и загудело, как барабан: «Бу-у-у-бигу-бигу-бигу». А потом, когда падало на землю, чуть меня не ударило.

— Не выбрасывай эту щепку,— сказал ей муж.

Он подумал: «Может быть, эта щепка придет к нам во сне и что-нибудь скажет».

Они легли спать, и, когда старуха заснула, щепка пришла к ней и сказала: «Матушка, это я, бигу — когда вертелась, я называла себя. Пойди в лес, срежь коры дерева сивиривари и сделай из нее веревку, а потом у моего острого конца сделай дырку, продень веревку в нее и завяжи. Когда будешь что-нибудь сажать, возьми у себя аэ-гади, а у мужа касаво, смочи меня ими, стань с наветренной стороны и начинай крутить меня на веревке. Я буду гудеть: „Бигу-бигу-бигу” — и разбрызгивать касаво и аэ-гади по всему огороду. От этого все на огороде — бананы, таро, бататы — начнет расти очень быстро. Крути меня и в брачную пору черепах, чтобы они плодились лучше. Расскажи мужчинам, что мною надо делать, и научи всему, но женщинам меня не показывай, а то людям станет нечего есть».

Проснувшись утром, старуха рассказала мужу свой сон, и они смочили гуделку, как старухе было сказано, и привязали к ней веревку.

Жители селения к тому времени все ушли на огороды, и муж с женой пошли за ними следом и спрятались неподалеку. Первой крутить гуделку начала старуха, и звук был такой, что муж, охваченный ужасом, бросился наутек. Потом гуделку закрутил старик — и задвигалась земля, и звук гуделки услышали все жители острова. Некоторые так испугались, что, не удержавшись, тут же справили свои нужды.

— Что это?— кричали люди.— Откуда это гудение, из-под земли или с неба?

Тогда муж Мете созвал всех мужчин, а женщинам, и детям, и своей жене тоже велел уйти на другой конец острова. Он надел все свои украшения, сел посреди мужчин и сказал:

— То, что я вам покажу, вы не должны показывать женщинам и не должны показывать маленьким мальчикам, и ни один из вас не должен рассказывать об этом своей жене; это принадлежит только нам, мужчинам, от этого зависит, быть нам сытыми или голодными. Мальчикам мы будем об этом рассказывать, когда те будут подрастать и становиться юношами.

Потом он поднялся, натянул тетиву своего лука и сказал:

— Если кто-нибудь из вас расскажет об этом женщине, я этого человека убью.

Он закрутил гуделку, и ее гудение сотрясло все вокруг. Люди бросились кто куда — кто прыгнул в воду, кто спрятался в кустах, кто залез в дупло дерева. Муж Мете закричал им вслед:

— Не убегайте, крутить гуделку — дело для вас и для меня, для всех мужчин!

Женщины тоже услышали гуделку, и они стали говорить друг другу:

— Что это? Как страшно!

А Мете подумала: «Это делает мой муж» — но притворилась, будто ей тоже страшно.

Муж старухи дал покрутить гуделку и другим, и все мужчины потом пошли и сделали себе каждый такую же. Муж Мете научил мужчин, как делать, чтобы все росло лучше. Люди с других островов стали приплывать на Бойгу и спрашивать, откуда этот звук, и каждый хотел, чтобы у него тоже была гуделка. Они приводили с собой своих женщин и предлагали их мужчинам Бойгу за то, чтобы те поделились с ними своей тайной. Наконец, хоть и с большим трудом, они уговорили мужчин Бойгу дать им гуделки и показать, что с ними нужно делать.

Так гуделки — «бигу», или «бойгу», — появились не только на острове Бойгу, но и на других островах.

64. Откуда появились кокосы

Когда-то жил человек по имени Даги. У него было две жены, Пуэпуэ и Попе, и много детей. Среди детей у него был сын по имени Нуэ, родившийся у Пуэпуэ.

Однажды ночью Даги услышал, как какая-то птица кричит с дерева варакара:

— Кéкако кнáйо нўэ-нўэ-нўэ!

Даги подумал: «Что это она повторяет все время имя моего сына?» Он сказал Нуэ:

— Сделай стрелу с трезубым наконечником и перед самым рассветом, когда птица закричит снова, пойди подстрели ее.

Нуэ так и сделал — пошел и подстрелил птицу трезубой стрелой. Среднее острие пронзило птицу, а два других обломилась. Нуэ принес птицу домой и сказал:

— Отец, вот птица, которая повторяла все время мое имя.

Даги сказал ему:

— Отнеси ее назад, на то место, где ты ее подстрелил, и там, где увидишь ее помет, вырой ямку и закопай в ней птицу головой вниз.

Мальчик сделал все так, как ему сказал отец, и едва он закопал птицу, как на этом месте из земли начало расти невиданное растение. Пока мальчик шел домой, там, где он закопал птицу, поднялась высокая пальма с множеством плодов, и часть плодов созрела и попáдала вниз.

Через несколько дней Нуэ вернулся к месту, где закопал птицу, увидел пальму и воскликнул:

— Ой, что это за дерево?

Он взял несколько зрелых плодов, посадил их близ дерева, и опять, пока он шел домой, там, где он посадил плоды, выросли высокие пальмы с крупными плодами. Нуэ ничего не сказал отцу о пальмах с удивительными плодами, но сам все время о них думал.

Пальмы между тем вырастали небольшими рошицами вокруг их селения, и рошиц этих было столько же, сколько детей у Даги. Однажды Нуэ сказал отцу:

— Давай выпьем гамоды, а завтра возьмем собак и пойдем на охоту вдвоем — братья пусть останутся дома.

На другой день на рассвете Нуэ с отцом позвали собак и отправились на охоту. Они убили дикую свинью, а потом пришли к пальмам с крупными плодами. Нуэ не стал рассказывать отцу, откуда взялись эти пальмы, а только спросил:

— Отец, что это за дерево?

Даги ему ответил:

— Не знаю.

Тогда Нуэ сказал:

— Оно выросло из птицы, которая повторяла мое имя, а потом я посадил его плоды.

Даги сказал сыну:

— Обвяжи лодыжки тонкой веревкой, полезай на дерево, которое выросло первым, и сбей несколько плодов.

Они стали пить из орехов жидкость, а те, которые издавали от удара гулкий звук, они разбивали и съедали нежную мякоть, которая была внутри. Собаки тоже стали скулить и просить:

— Дай, дай, дай!

Нуэ дал понемногу каждой, собаки поели и повалились на землю мертвые. Даги повалился тоже, но он только притворился, что умер, — он сделал так, потому что надеялся узнать что-нибудь во сне об этих плодах.

Нуэ положил собак рядом с отцом, накрыл их всех листом пальмы и пошел домой. Дома его спросили, где отец и собаки, и Нуэ ответил:

— Я не знаю, куда он пошел.

Даги между тем увидел во сне, что плоды высокой пальмы пришли к нему и говорят: «Мы кокосы, нас можно есть» — и каждая порода сказала, как она называется: аметаме, саре, обе-обе и все другие.

Утром собаки проснулись и стали скулить, чтобы разбудить хозяина. До этого собаки говорили как люди, но теперь они говорить разучились. Даги услышал, как они скулят, и подумал: «Странно, собаки говорят на непонятном языке». С тех пор-то и перестали собаки слушаться хозяев и начали воровать у них еду.

Собаки побежали впереди Даги домой и там стали прыгать на Нуэ и лизать его, но сказать ничего не могли и только скулили и повизгивали.

Нуэ приготовил из кокоса масла и намазал им свои длинные волосы — до этого люди мазали волосы только маслом маленького плода кумаи. Было жарко, масло потекло с головы Нуэ на его тело, и люди стали спрашивать:

— Как называется это масло? Почему оно по тебе течет?

Но Нуэ им ответил:

— Оно из тех плодов кумаи, которые вырастил мой отец. Вы делаете масло из плодов дикого кумаи, а там его меньше.

На другой день Нуэ сказал односельчанам:

— Берите корзины и идите за мной.

Люди взяли корзины, и Нуэ с отцом повели их к первой кокосовой пальме. Когда они к ней пришли, все очень удивились и стали спрашивать:

— Даги, Нуэ, что это за дерево?

Нуэ рассказал им, откуда оно появилось, и каждому дал спелых орехов. Двое односельчан, Вез и Добаси, ловили в это время рыбу, и про них забыли и ни одного ореха им не оставили.

Те, кто получил кокосы, стали их разбивать. Из одних орехов они выбирали и съедали мякоть, из других выпивали кокосовое молоко. Часть орехов они посадили. Когда же люди намазали кокосовым маслом волосы, они сказали:

— Нуэ говорил неправду, это и есть то хорошее масло, которое стекало с его головы на тело.

Двое людей, Оме и Бугере, не сделали ножей из кости, чтобы открывать кокосы, какие сделали все, а стали разбивать их обыкновенными палками — и этими двумя способами кокосы открывают по сей день.

Когда Вез и Добаси вернулись с рыбной ловли и увидели у всех односельчан кокосы, они очень удивились и стали спрашивать, что это за плоды.

— Их вырастил Нуэ, — объяснили им остальные, — и он звал всех. Почему вы не пошли вместе с нами, а отправились ловить рыбу?

— Нам тоже хочется их попробовать, — сказали Вез и Добаси. — Дайте нам два ореха, а мы вам дадим рыбы.

Но люди им ответили:

— Вы сами виноваты, что не пошли с нами. У нас нет для вас кокосов.

Вез и Добаси долго выпрашивали себе кокосы, но никто им не дал, и им пришлось есть одну только рыбу.

На другой день люди устроили праздник, и тогда Вез и Добаси придумали, как отомстить односельчанам. Они решили, что сделают двух крыс и те испортят кокосы. Они сделали крыс из мягкого дерева, но у этих сразу ломались зубы. Тогда они сделали крыс из твердого дерева, и у этих зубы оказались прочные. На праздник собрались все — кто хотел танцевать и кто хотел смотреть, как танцуют. Тех, кто не мог ходить, туда принесли, а женщины, чтобы было видно, светили горящими факелами. Пришли туда также Вез и Добаси.

Все начали танцевать, а Вез и Добаси в это время незаметно

прокрались в кокосовую рощу и вселились там в своих деревянных крыс. В каждом из кокосов, которые люди сложили в кучки под пальмами, крысы прогрызли скорлупу, а потом перебежали в хижины и сделали то же самое с кокосами там. После этого Вез и Добаси набрали муравьев, пустили в дыры в скорлупе кокосов, и муравьи съели в орехах всю мякоть.

Под утро один ребенок в селении проснулся и стал плакать и просить у матери:

— Мама, у нас еще остался один кокос, я хочу его съесть!

Мать принесла кокос и дала сыну, но из дыры в скорлупе поползли муравьи, и кокос пришлось выбросить.

— Откуда эта дыра и откуда в ней столько муравьев? — удивилась мать.

Она попросила кокос у другой женщины, но, когда та хотела дать ей один, они обе увидели, что все кокосы прогрызены и в каждом из них полно муравьев. Женщины испугались и закричали, и тогда люди перестали танцевать и побежали узнать, что случилось.

— Кто-то испортил все кокосы! — стали кричать они, когда увидели прогрызенные плоды.

— Где Вез и Добаси? — сказал один из них. — Наверно, это они испортили наши кокосы!

Те незадолго до этого набросили на свои деревянные подголовники циновки, чтобы люди подумали, будто это они — спят, а сами опять вселились в своих двух крыс.

— Где они, где? — стали все спрашивать друг у друга.

— Да вон, под циновками, — сказал кто-то.

Так Вез и Добаси удалось отвести от себя подозрение.

Утром нескольких мальчиков послали в кокосовую рощу посмотреть, не случилось ли там что с орехами. Мальчики вернулись и рассказали, что все кокосы, кроме самых зеленых, у которых еще нет ядра, испорчены. Люди пришли в ярость и ворвались с луками, стрелами и дубинами в хижину Вез и Добаси. Они думали, что те лежат под циновками, и начали было по тем бить, но потом увидели, что Вез и Добаси под циновками нет, и закричали:

— Да ведь их здесь нет, здесь только деревяшки!

Тут крысы, которыми стали Вез и Добаси, прыгнули к одному из них на плечи и на голову, и люди начали стрелять в них из луков, но попали не в крыс, а в человека, на которого те прыгнули. Крысы прыгнули на другого, люди снова стали стрелять и опять убили односельчанина. Люди словно потеряли рас-

судок, начали стрелять друг в друга из луков и драться дубинками. Побоище кончилось, только когда погибла половина людей.

Крысы спрятались в дупле дерева, и одна из них высунулась оттуда и сказала тем, кто остался в живых:

— Мы крысы, это мы испортили вам орехи, и те крысы, которые будут после нас, будут портить ваши кокосы тоже.

Люди похоронили мертвых и стали лечить раненых, а потом они ушли из Гуруру и поселились в Адрепупу. После многих войн с жителями Ирупи часть из них пошла жить в Масингару, а другие — в Эдами.

65. Как появился ямс

Первые клубни ямса появились так. Две незамужние женщины в Дибири, которых звали Гавиди и Серуоробо, стали однажды жаловаться друг другу, что у них нет мужа. «У всех женщин есть муж, а у нас с тобой нет», — говорили они. Они взяли несколько листьев дикого ямса — того, который называется кутаэ — и, не разжевывая, их проглотили. От этого они обе забеременели, а люди подумали, что виноваты тут мужчины. Через некоторое время у Гавиди родились клубни ямса разных пород, и она назвала их по-разному — сидо, коко, ивайби и оромуту; а Серуоробо родила клубни других пород ямса — опуо, парако, муди, пато и ини-ини. Односельчане двух женщин ничего об этом не знали.

Гавиди и Серуоробо вырубали в одном месте в лесу кусты и деревья, сожгли их и расчистили землю под огород, а потом натерли все клубни влагой своих аз и посадили. Ямс начал расти, и вокруг палочек, которые женщины воткнули в землю, стали подниматься, обвивая их, стебельки.

Однажды огород увидела старуха, проходившая мимо. До этого никакого огорода здесь не было, и она сразу пошла звать односельчан, чтобы они пришли посмотреть. Увидев большие клубни, которые росли на этом огороде, все очень удивились, а когда люди вернулись домой, Гавиди и Серуоробо рассказали им, как родились эти клубни. Жители Дибири очень обрадовались, и один человек сказал Гавиди:

— Я на тебе женюсь.

А другой сказал Серуоробо:

— А я женюсь на тебе.

И они на них женились.

Все стали сажать на огородах ямс, а для того чтобы он рос лучше, стали делать с клубнями то же, что делали те две женщины.

66. Как появился таро

Раньше в Джибу людей не было, там жила только женщина по имени Опаэ. Однажды она поела болотной рыбы, и от этого забеременела. Через некоторое время она, не зная даже, что это такое, родила мальчика. «Что из меня вышло? — думала она. — Пожалуй, я это здесь оставлю». Она не знала, как надо носить ребенка и как кормить его грудью, и она положила мальчика на землю и ушла в Куру. Там она увидела людей и сразу подумала: «Ой, плохо я сделала, что это бросила! Все женщины здесь едят такое же на руках и дают ему грудь, а ведь у меня тоже есть грудь». А когда Опаэ посмотрела на мужчин, которые все ходили голые, она подумала: «Ой, у них все такое же, как у моего ребенка! Наверно, я родила мальчика».

Но мальчик, брошенный матерью, не умер, хотя лежал он на земле и никто о нем не заботился. Каждый день от Абаму к большому болоту у истоков реки Бинатури и обратно летала птица гуру, и, когда увидела мальчика, она подумала: «Ой, что-то лежит внизу — кажется, маленький мальчик. Бедный, лежит прямо на земле!»

Отправляясь с болота в обратный путь, птица гуру взяла в клюв лист водяного растения сибара-кикопу. Пролетая над мальчиком, она открыла клюв, лист полетел вниз, упал на землю около мальчика, и тот, перекатившись, на него лег. На другой день птица сбросила мальчику другой лист сибара-кикопу, оба листа приросли к его рукам, и те стали похожими на два листа таро. Потом птица бросила мальчику сухую кожуру сибара-кикопу, и кожа эта покрыла все его тело. Наконец она бросила ему корень сибара-кикопу, и корень этот накрепко прилип к голове мальчика, воткнулся в землю и начал расти. Птица подумала: «Ой, теперь голова у него в земле, а наверху две руки и две ноги, и те и другие с листьями!» Глаза мальчика стали двумя маленькими клубнями на корне, и наконец мальчик исчез совсем — стал растением таро.

Как-то лунной ночью один человек из Куру, охотясь в лесу, оказался около таро и, когда увидел его, подумал: «Что это та-

кое? Никогда не видел такого растения — листья торчат прямо из земли! Наверно, это аухи». Но, приглядевшись получше, он сказал:

— Нет, это совсем не аухи.

И он ушел.

Вскоре после этого, однажды ночью, новое растение явилось ему во сне и сказала: «Я овощ, я называюсь идже; вырой меня и посади те маленькие клубни, что у меня по бокам».

Утром человек пошел к новому растению, выкопал клубень с ботвой и засунул за надлокотный браслет из раковины — так, чтобы ботва торчала из него вверх. Потом он приготовил гамоды, выпил ее и, не вынимая корень из браслета, лег и уснул. Растение снова пришло к нему и сказала: «То, что ты вырыл, называется идже-момро, „ребенок идже“; посади его, а потом на него помочись, чтобы ему было хорошо в земле. Вырастет немного — помочись на него опять. Потом возьми у него маленькие клубни и посади их тоже». Растение назвало одну за другой пятнадцать пород и научило человека, как нужно колдовать, чтобы лучше росло. Оно сказала: когда сажаешь первый клубень таро, нужно взять воды из болота, мочи и пчелиного воска, смешать все и смесью, перед тем как сажать первый клубень, натереть палку-копалку. Пока таро будет расти, нужно смешать воду, мочу и жженные перья птицы гуру, благодаря которой появился таро, набрать этой смеси в рот или зачерпнуть в руку и обрызгать ею огород с наветренной стороны. А когда будешь выкапывать таро, который уже вырос, ботву надо отрезать, натирать той же смесью и сажать снова.

Проснувшись утром, человек сделал все так, как ему было сказано во сне. Он засадил большой огород, и весь таро происходит с этого огорода. До сих пор жители леса, когда сажают таро, колдуют так же, как колдовал он. А если хотят посадить на одном огороде разные овощи, другого колдовства не нужно — это средство помогает расти всем овощам, которые посадили.

67. Как появился первый банан

В Дибире жил человек по имени Гимодобуро. У него не было жены, и как-то раз он подумал: «Плохо, что я живу один — мне и тяжелую работу приходится делать, и еще носить воду, и ходить за дровами, и готовить себе еду. Найти бы человека с двумя

женами, и одну бы он отдал мне — вот было бы хорошо! Хорошо, когда есть жена, — она готовит еду».

В куче земли неподалеку жило существо женского пола в обличье рака. Однажды, возвращаясь с огорода, где он работал, Гимодобуро наступил нечаянно этому раку на хвост, и рак у него под ногой перевернулся на спину. «Что это такое? — подумал Гимодобуро. — Как много ног! И еще две руки, такие большие, длинный хвост и что-то красное у хвоста! Я никогда такого не видел».

Он пошел домой, приготовил ужин и поел. Ночью дух рака пришел к нему и сказал: «Почему ты все время ищешь себе жену? Я твоя жена. Ничего, что у меня длинный хвост, ничего, что длинные руки и много ног — все равно я женщина».

Когда Гимодобуро, проснувшись утром, вспомнил, что видел во сне, он очень обрадовался. Гимодобуро пошел, поймал рака, и, чтобы тот, пока он будет работать, не убежал, Гимодобуро обвязал его веревочкой. Палящее солнце весь день жгло рака своими лучами, и к вечеру он умер.

Вернувшись с огорода домой, Гимодобуро поднял рака с земли, тряхнул его и сказал:

— Слишком много ты спишь! Ой, да она умерла, бедная! Это я виноват — оставил ее на солнце, и оно сожгло ее!

Он похоронил рака у корней большого дерева куруми и стал причитать: «Гимодобуро, Гимодобуро, Соидобуро, Соидобуро, Сосидобуро!» — «Моя жена умерла, я плачу!»

Настоящее имя рака было Соидо, а слово «Сосидобуро» происходит от «идоби» — «плакать».

Оплакав рака, Гимодобуро перестал о нем думать и стал снова, как прежде, работать на своем огороде.

Через некоторое время на месте, где был зарыт мертвый рак, из земли показался росток банана. Как-то ночью дух рака пришел к Гимодобуро и сказал: «Гимодобуро, почему ты один раз меня оплакал, а больше ни разу не пришел посмотреть на мою могилу? Пойди погляди, что на ней растет. Когда то, что можно есть, вырастет на ней и будет поспевать, потри стебель красным местом около моего хвоста, а когда будешь сажать, положи сначала в землю кусочек этого красного. И опять оплакивай меня теми же словами: „Гимодобуро, Гимодобуро, Соидобуро, Соидобуро, Сосидобуро!“»

«До чего же хороший сон!» — подумал, проснувшись утром, Гимодобуро. Он пошел туда, где похоронил рака, и увидел на этом месте банановое дерево, а когда подошел близко, листья

закачались в воздухе — они радовались, что пришел их отец. Гимодобуро подумал: «Ветра нет, а они качаются! Какое хорошее дерево выросло из этого рака!»

Из корней первого банана пошли потом и другие его породы. На нем появились и стали зреть первые грозди, Гимодобуро обернул их листьями, а потом отрезал верхушку растения и, как ему было сказано во сне, потер это место хвостом рака. Когда плоды созрели, они упали на землю, и из них стали расти такие же деревья.

Первые спелые бананы Гимодобуро есть не стал, но, когда созрели новые грозди, он их есть начал. Он посадил много таких деревьев, вскопал землю под новые огороды и засадил ее тоже, и от него выращивать бананы научились и другие. Только теперь люди, чтобы потереть срез стебля у молодого растения, берут аэ-гади своих жен. Под первый банан, который сажают на новом огороде, они кладут кусочек рака и корень дерева куруми, а когда молодое банановое дерево вырастает, они приходят и, легонько раскачивая его, поют песню, которой их научил Гимодобуро. Колдовским средством трут только одно дерево, но растет от этого лучше всё, что есть на огороде. Так делают до сих пор. Посадив новые бананы, мужчины начинают ходить по всему огороду, распевая эту песню, чтобы все росло лучше. Первую гроздь бананов, поспевшую на новом огороде, люди не едят, а разбрасывают ее, когда она упадет, по всему огороду и оставляют гнить.

VII. КУЛЬТУРНЫЕ МИФЫ

68. Откуда у жителей островов Баду, Мабуиаг и Буджи появился огонь

На одном конце острова Баду жил вдвоем с матерью человек по имени Хавиа, и у них не было огня, а на другом конце острова жил крокодил, и у него огонь был. Как-то раз Хавиа и крокодил в одно и то же время ловили рыбу, и крокодил, вернувшись домой, разжег огонь, чтобы сварить рыбу, которую он поймал. Хавиа пришел к нему и попросил:

— Дай мне огня, я тоже хочу сварить рыбу.

— Ты живешь на земле, а я в воде, — сказал крокодил, — так почему же у тебя нет своего огня?

И он не дал огня человеку. Хавиа вернулся к себе домой, и они с матерью выпотрошили рыбу и повесили ее сушиться на солнце — сварить рыбу им было не на чем.

Много раз после этого Хавиа ходил к крокодилу и просил огня, но все его просьбы были напрасны.

Хавиа решил поискать огня где-нибудь еще. Он раскрасил лицо черной краской, надел на голову дори и надел много других украшений, а потом прыгнул в воду и поплыл к селению Буджи, распевая по дороге: «О, кэке кэке ке кáйбар ке нгáи мáбуту кáуа» — «Я вижу там дым, кто-то жжет лес, я плыву туда, чтобы взять огонь».

Наконец он доплыл до Буджи. Там жила женщина, она-то и подожгла лес, чтобы расчистить место для огорода. На правой руке у этой женщины, между большим и указательным пальцами, все время горел огонь.

Когда женщина увидала Хавиа, она сразу загасила лесной пожар — ей не хотелось, чтобы человек из других мест узнал о том, что у нее есть огонь.

— Откуда ты? — спросила она у Хавиа, когда тот вылез на берег.

— Я из Баду.

— Что тебе здесь нужно?

— Мне нужен огонь. Я ловлю рыбу, а варить мне ее не па чем.

— Хорошо,— сказала женщина,— сейчас ложись спать, а завтра я дам тебе огонь.

На другой день женщина снова начала выжигать лес. Хавиа сказал:

— Давай попрощаемся, я уйду.

Она протянула ему левую руку, но он попросил правую и, когда она ее ему протянула, сорвал с ее руки огонек, горевший между пальцами, и побежал с ним к морю. Он бросился в воду и, распевая ту же самую песню, поплыл к Бойгу.

Приплыв на Бойгу, Хавиа разжег там костер, и его мать, на Баду, увидела дым и сказала:

— Ой, я вижу дым — значит, мой сын возвращается домой с огнем.

С Бойгу Хавиа переплыл на Мабуиаг и развел костер там. Мать снова увидела дым и сказала:

— Дым совсем близко, Хавиа уже на Мабуиаге.

Наконец Хавиа приплыл на Баду и сказал матери:

— Я принес огонь, теперь у нас есть на чем готовить пищу.

Крокодил, увидев, что огонь у Хавиа с матерью теперь есть, пошел к ним и сказал:

— Если вам нужен огонь, я вам его дам.

— Нет, нам твой огонь не нужен, я достал огонь в другом месте,— ответил Хавиа.— И почему ты живешь на берегу? Раз ты крокодил, иди к себе в воду и там живи. Ведь ты не такой, как мы, люди.

Крокодил полез, униженный, в воду и оттуда сказал:

— Раз я крокодил и должен жить в воде, я буду охотиться на людей везде, где их только встречу.

69. Как дух научил человека добывать огонь

В прежние времена люди ели пищу сырой, потому что огня у них не было. Но однажды человеку из селения Гуруру приснилось, что к нему пришел дух и сказал: «В твоём луке есть

огонь». Человек проснулся и подумал: «Огонь? Что это такое?» Он заснул снова, и тогда дух вернулся к нему и сказал: «Возьми утром свой лук и попробуй распилить тетивой кусок сухого дерева».

Проснувшись, человек взял кусок дерева и начал пилить его туго натянутой тетивой. Там, где он пилил, дерево нагрелось, и пошел дым. Не переставая пилить, человек бросил на затлевшее место сухих волокон со скорлупы кокоса, и вспыхнул яркий огонь. Человек очень обрадовался — теперь он мог греться, когда ему было холодно, и мог готовить себе пищу. Сперва он испек клубень таро, а когда тот стал мягким, разломил его надвое и понюхал. «Не умру я, если его съем?» — подумал он, но, когда попробовал, воскликнул:

— Как вкусно!

Он взял огонь и отнес людям своего селения. Увидев пламя, они испугались и бросились кто куда, но человек, добывший огонь, им закричал:

— Куда вы? Это огонь, он будет нас греть! И еда вкуснее, когда поддержишь ее на огне!

Он показал людям, как готовить на огне пищу. Сначала они боялись, но еда, приготовленная на огне, им так понравилась, что они начали готовить ее сами и перестали бояться огня.

— Ну вот, — сказал тогда человек, добывший огонь, — теперь, кроме спелых плодов, мы ничего не будем есть сырым.

70. Первый барабан на острове Саибаи

На Саибаи жили два человека, Аярпаяр и его младший брат, Койкорпаяр, который был слепым. У них был первый барабан, сделанный людьми, — его сделал их отец, и он был без ручки, такой, какие называются варупу. Аярпаяр ходил работать на огород один и, уходя, говорил брату:

— Не бей в барабан, когда я буду на огороде. Барабан слышно далеко — кто-нибудь услышит, приплывет с Киваи или с Бойгу и убьет тебя.

Старший брат спрятал барабан высоко под плетеной крышей их дома и ушел. Но когда он ушел, его слепой брат начал искать барабан. К барабану была привязана погремушка, юноша стал стучать по столбам, узнал по звуку, где барабан, и достал его. Он начал в него бить, и старший брат, услышав это, поду-

мал: «Зачем он бьет в барабан? Кто-нибудь услышит, приплывет, убьет его и возьмет барабан себе».

Слепой брат зашел:

— Аярпаяр джеипаяр Койкорпаяр!

Старший брат заспешил домой, и Койкорпаяр, услышав его шаги, спрятал барабан.

— Зачем ты бил в барабан? — сказал Аярпаяр.

— Ой, брат, я в него не бил, все это время я спал. Наверно, в барабан били на другом острове.

— Ты говоришь неправду, это бил ты. Смотри, убьют тебя!

Ночью, когда младший брат уснул, Аярпаяр опять спрятал барабан, а утром снова наказал брату не бить в него и ушел. Но Койкорпаяр так же, как накануне, нашел барабан и стал в него бить. Вскоре на звук пришел человек, которого звали Пуипуи, убил слепого и унес его голову и барабан.

Аярпаяр услышал, как в барабан вдруг перестали бить, и подумал: «Почему он больше не бьет? Наверно, на него напали». Он побежал домой и увидел там тело брата, и он оплакал и похоронил его.

Он поплыл на остров Даване — попросить жителей, чтобы те помогли ему отомстить.

— Что это за звук мы все время слышали? — спросили те у него.

— Да это барабан, — ответил он. — Койкорпаяр бил в него, кто-то слышал, пришел, убил его и барабан взял себе.

Тогда жители Даване поплыли на Саибай, разыскали место, где жил Пуипуи, убили его и взяли себе его голову. Голову Койкорпаяра они принесли и отдали брату, и барабан тоже остался на Саибай.

71. Как появилась церемония нигори-гамо

Однажды, когда жители Маваты ловили рыбу у Биге, к западу от Мабудаване, один из них увидел, как к ним приближается в воде что-то необычное. Сперва он подумал, что это скат, и ударил остройгой, но потом, приглядевшись получше, воскликнул:

— Ой, да это не скат, это плывет красивый камень, а я принял его за рыбу!

На самом деле камней было два, один на другом, как две спаривающиеся черепахи, и назывались они ади. Человек не стал доставать камни из воды и поплыл домой, но ночью ему приснилось, что камни пришли к нему и говорят: «Почему ты нас оста-

вил, не взял с собой? Положи нас в лодку и отвези к себе; мы научим тебя хорошему».

Утром человек поплыл туда, где были камни, взял их и поплыл с ними на остров Пахо. Там камни приснились ему снова, и на этот раз они сказали: «Слушай, что мы тебе скажем. Когда наступит время спаривания черепах, возьми корень аухи и натри им нас, а потом подстели под нас листья аухи — это будет наша постель. Положи также листьев аухи к себе в лодку и натри ее ими тоже». После этого они сказали человеку, как сделать помост, на котором будут лежать оба камня и панцири пойманных черепах, и о том, как совершать церемонию нигори. Камни также сказали, как ему нужно оснастить свою лодку: к носу прикрепить кусок детородного члена собаки, к корме — кусок собачьего хвоста, по когтю с передних лап собаки — туда, где каждый из балансиров закрепляется на переднем бруске, и по когтю с задних — туда, где балансиры закреплены на заднем бруске. Это нужно для того, чтобы там, где поплывет лодка, встречалось больше дюгоней и черепах. Если так сделать, лодка начинает рыскать по воде, как рыщет по земле собака, и находит дюгоней и черепах. Мы не видим в лесу дикой свиньи, а собака видит ее и чует — вот так же и лодка, если сделать ее как нужно.

Все это ади сказали человеку. Утром он поднялся и поплыл с камнями в лодке дальше, к себе в Мавату. Там люди впервые и совершили церемонию нигори-гамо, и человек, который нашел камни, стал их хранителем. Имя его неизвестно, но после него хранителем камней стал его сын, которого звали Одаи, и должность эта стала передаваться от отца к сыну, вплоть до нынешнего поколения — от Одаи к Каваи, а потом к Ганаги, Джабуи, Старому Габиа и к Каири, который живет сейчас. Но теперь церемонию эту больше не совершают.

72. Как люди начали совершать церемонию хориому, или таэра

Однажды жители Дару ловили крабов. Одна женщина увидела краба, но он юркнул в яму, полную воды, и сколько ни вычерпывала женщина оттуда воду, поймать краба она так и не смогла. Она вернулась домой с пустой корзиной, хотя другие женщины принесли каждая по много крабов.

Краб, который убежал от женщины, на самом деле был Ваимез — дух-покровитель Дару, принявший обличье краба.

Когда женщина, не поймавшая ни одного краба, пришла домой, ее стало клонить ко сну. Она подумала, что заболела, и сказала матери мужа:

— Ой, аберебууро, я лягу на твое место, около очага — я, видно, заболела.

— Ладно, ложись, — сказала недовольно та.

Старуха подумала: «Все женщины принесли крабов, почему же она не принесла ни одного? Дети все время плачут, просят рыбы или крабов».

Женщина легла около очага, а мать ее мужа — ближе к проходу. Ночью в дом вошел Ваимеэ и, нюхая воздух, стал искать женщину, от которой днем спрятался в воду. Теперь он был в человеческом обличье. Все в доме спали, и, когда Ваимеэ дошел до старухи, лежавшей у прохода, он принял ее за ту, которую искал, и в нее вселился. Разум у старухи от этого помутился, и она тут же вскочила на ноги и заплясала. Молодая женщина догадалась о том, что произошло, и очень огорчилась. Она сказала себе: «И зачем только я поменялась с ней местами? Дух искал меня, а из-за того, что мы поменялись местами, ошибся и вошел в нее».

Поплясав, старуха опять легла и заснула, и ей приснилось, что пришел Ваимеэ и ей сказал: «Позови всех односельчан, пусть пойдут с тобой на место, которое называется Ихо, и расчищают его, чтобы оно стало ровное и красивое — вы там будете танцевать». Место, куда послал ее Ваимеэ, принадлежало ему, и это было то самое место, где от женщины убежал краб.

Утром старуха рассказала свой сон односельчанам, и все пошло расчищать землю в Ихо, а потом, раскрасив себя и надев украшения, стали там танцевать. Дома остались только дети, и один мальчик, когда родители ушли, сказал:

— Наши отцы и матери все ушли танцевать, давайте и мы будем танцевать, только по-другому.

Они пошли в лес, занавесили на поляне место циновками, нарядились духами мертвых и придумали новый танец. Перед тем как выйти, духи свистели, а потом выходили из-за циновок и начинали танцевать. Когда детям надоело играть, они выбросили одежду духов, которую сделали сами, и родители, вернувшись домой, не узнали, как играли их дети.

На другой день мужчины отправились бить дюгоней, а женщины и дети — ловить рыбу. Все взрослые вернулись домой с пустыми руками, зато дети принесли очень много рыбы и крабов.

— Почему мы не убили ни одного дюгоня, не поймали ни одного краба? — стали спрашивать друг у друга взрослые. — Вон сколько рыбы и крабов поймали дети.

— Наверно, — сказали некоторые, — мы танцевали не тот танец, давайте не будем больше танцевать так, как вчера.

Одна старая женщина, которая никуда не уходила из селения, а все время оставалась дома, сказала одному из мужчин:

— В следующий раз, когда все уйдут, ты останься — посмотришь вместе со мной, как танцуют дети. По-моему, они придумали хороший танец.

Мужчина ее послушался, и, когда остальные взрослые снова ушли танцевать свой прежний танец, он вместе со старухой спрятался в селении и увидел, как дети наряжаются в одежду из молодых кокосовых листьев, а потом танцуют.

— Да, хороший танец придумали дети, — сказал он старухе, — надо и нам так танцевать.

Когда дети увидели, что родители возвращаются, они опять быстро сорвали с себя и выбросили наряд из листьев, который сделали для своего танца.

На другой день все снова пошли ловить рыбу, и снова взрослые ничего не поймали, а у детей был большой улов. Тогда мужчина и старуха, подглядевшие, как танцуют дети, сказали односельчанам:

— Не надо больше танцевать танец, который мы танцуем, этот танец плохой. Вот дети танцуют хороший танец, поэтому они и ловят так много рыбы.

На другой день мужчины сказали, что уходят из селения, а сами спрятались за деревьями и стали смотреть, как будут играть дети. Сперва они услышали свист, а потом вышли духи мертвых и начали танцевать. Тело и лицо у духов закрывали молодые кокосовые листья, и каждый в одной руке держал ветки дерева варакара, а в другой погремущку.

Когда танец кончился, девочки пошли по домам, и тогда мужчины бросились из-за деревьев к мальчикам.

— Ой, — закричали мальчики, — зачем вы подглядывали, как мы танцуем хороший танец?

Маленьких мальчиков мужчины отослали домой, но тем, кто постарше, велели остаться и сказали:

— Этот хороший танец будет только для мужчин. Не учите ему девочек, не говорите ничего о нем женщинам — пусть правду об этом танце знаем только мы.

Ночью мужчины и старшие мальчики собрались вместе и стали танцевать танец духов. Один из мужчин сказал:

— У меня умер брат, пусть кто-нибудь танцует за его духа.

А другой сказал:

— У меня умерли жена и сын, танцуйте так, будто вы их духи.

Кончив танцевать, они сели в занавешенном месте, которое стало теперь святилищем, есть праздничную еду.

Утром мужчины опять отправились бить дюгоной, а женщины — ловить рыбу и крабов. На этот раз мужчины принесли очень много добычи, а женщины едва только отошли от селения, как им пришлось уже возвращаться — корзины были полны до краев, класть рыбу было больше некуда. Мужчины говорили:

— Хороший танец придумали дети, и мы теперь его знаем!

73. Как Гамига вернулся со дна моря на остров Тудо

Прежде на Тудо не было хорошего источника, и его жителям приходилось возить воду с острова Ям. Однажды, возвращаясь, они увидели в море черепаху и сказали односельчанину, которого звали Гамига:

— Становись на нос, впереди черепаха!

Черепаха была уже совсем близко, у Гамиги не было времени схватить гарпун, и он прыгнул в воду и обхватил черепаху руками. Она ударила по воде лапами и нырнула. Гамига хотел выпустить ее, но не мог — руки его словно прилипли к черепахе, и она потащила его на дно моря. Однако он не утонул: черепаха притащила Гамигу в большую яму на дне, в которой жили подводные духи, обоуби. Эта черепаха была не простая, она тоже была обоуби.

Односельчане Гамиги привязали к концу гарпунной веревки большой камень, опустили его в воду, и лодка остановилась. Они стали ждать, но Гамига все не выплывал, и они решили, что его съела акула, — никто не думал, что он мог, опустившись на дно, остаться живым. Наконец они вытащили камень из воды, вернулись домой и сказали односельчанам:

— Гамига утонул, его утащила с собой на дно черепаха.

Односельчане совершили церемонию таэра, и все друзья и родные Гамиги заплакали, когда увидели, как танцует его дух.

Гамига пробыл у обоуби семь дней, а потом они его отпустили. Черепаха, которая утащила его на дно, сказала ему:

— Ухватись за меня покрепче.

Гамига ухватился, и черепаха поплыла с ним к нему домой, на Тудо. Оказавшись на берегу, Гамига оттащил черепаху подальше от воды, чтобы она не уплыла, и подумал: «Лучше мне пока не показываться односельчанам — может, церемония таэра уже была и мой дух уже танцевал».

Гамига пошел к святилищу хориому, заглянул туда и воскликнул:

— Ой, здесь свежие кокосовые листья, все зеленые! Значит, мой дух уже танцевал, и теперь они, когда меня увидят, подумают, что я дух Гамиги, и убьют меня!

Гамига очень испугался. Он думал: «Если мой дух уже танцевал в святилище, а я после этого покажусь, женщины могут догадаться, что в церемонии таэра танцуют не духи, а живые люди».

Тем временем один из жителей набрел на черепаху, которую Гамига вытащил на берег, и увидел человеческие следы, которые вели в глубь острова. Он пошел по этим следам, и они привели его к святилищу хориому. Гамига был еще там и, увидев односельчанина, опустил голову.

— Это ты, Гамига? — воскликнул пораженный односельчанин. — Как же тебе быть? Ведь твой дух уже танцевал.

— Лучше я останусь здесь, — сказал Гамига, — я не хочу, чтобы меня увидели.

Он остался в святилище и рассказал односельчанину, как совершать церемонию нигори-гамо, которая приносит удачу в охоте на черепах — Гамигу этому научили обоуби.

Потом односельчанин пошел в селение и сказал мужчинам:

— Я видел Гамигу, он в святилище хориому.

Родственники Гамиги, услышав это, сказали:

— Мы сказать ничего не можем, мы сделали так, что его дух уже танцевал. Теперь все делайте сами.

Один из мужчин взял топор, наточил его и молча протянул другому. Тому было жаль Гамигу, и он опустил голову и топора не взял. Так поступили и другие — никто не хотел делать того, для чего им давали этот топор. Тогда тот, кто предлагал, оставил топор себе, а утром пошел с ним в святилище хориому. Гамига увидел односельчанина с топором и понял, что тот идет убить его. Он сел на землю, обхватил колени, уткнулся в них лицом и заплакал. «Что толку будет, если я убегу? — думал он. —

Не хочу я все время скрываться от людей — да и что я тогда буду есть? Мне конец, за моего духа уже танцевали».

Односельчанин подошел к нему, ударил топором по голове, и Гамига умер. Мужчины похоронили его, но о том, что случилось, не рассказали ни его жене, ни другим женщинам, и те так и не узнали, что Гамига не утонул, а вернулся домой живым.

Когда наступила ночь, мужчины пришли к дому, где жили родные Гамиги, и положили на землю перед входом плату за его кровь: четыре широких браслета из раковин за его голову, один — за его нос, два — за его руки и два — за его ноги; один шест для гарпуна — за его детородный член, и другой — за его позвоночник; связку собачьих зубов — за его внутренности, и еще многое другое. Рядом они положили топор, которым убили Гамигу, и камень, о который этот топор наточили.

Рано утром женщины в доме Гамиги встали, увидели, что лежит на земле около их дома, и очень удивились. Мужчины не стали говорить, почему положили эти подарки, а один из них сказал:

— Те, кто был с Гамигой в одной лодке, когда он утонул, боятся, что его родные будут им мстить — вот почему они столько всего принесли.

Родственники Гамиги оплакали его еще раз и взяли подарки.

Односельчанин, которого Гамига научил церемонии нигори-гамо, рассказал о ней другим мужчинам, и еще он сказал:

— В яме на дне моря Гамига встретил подводных духов, они совсем как мы. Духи Гамиге много всего показывали, вот почему он пробыл у них так долго. Черепах там откармливают, как мы откармливаем свиней.

74. Дерево гаэра

Самую первую церемонию гаэра совершили когда-то, давным-давно, жители селения Васи. Они срубили большое дерево, обрубили длинные ветки и снова его поставили, а потом решили, что сначала на дерево гаэра нужно повесить несколько клубней ямса, и сделать это должен человек по имени Бубуа, который живет вместе со своей женой Додиабере в Мао, на острове Киваи. Они послали за ним сесея, казуара с коричневыми перьями, и тот побежал, куда ему было сказано. Но скоро людям надоело дожидаться Бубуа, и они сказали:

— А не попросить ли кого-нибудь другого первым повесить овощи на дерево гаэра?

И они попросили кенгуру:

— Кенгуру, повесь клубни ямса ты.

— Я не достану,— ответил им кенгуру и сел около людей.

Тогда жители Васи позвали игуану:

— Повесь ямс на дерево гаэра ты.

Игуана подошла к дереву гаэра, посмотрела на него, и от стыда стала царапать когтями землю — она не знала, как ей повесить ямс. Но тут к дереву гаэра подлетел лесной петух и сказал людям:

— Зачем вы послали казуара так далеко, почему не попросили, чтобы клубни повесил я?

Он схватил каждой лапкой по клубню, взлетел, и с криком: «Тоу кибу ко-ко-ко-ко!» — повесил один клубень на один сучок, а второй клубень — на другой. После этого люди тоже стали подходить к дереву гаэра и вешать на него разные овощи и плоды. Они говорили:

— Зря мы послали так далеко казуара: он очень рассердится, когда вернется и увидит, что на дерево гаэра уже все повесили. А ведь он очень сильный и, когда разозлится, может ударить ногой очень больно.

Когда дерево гаэра увешали сверху донизу разной едой и украшениями, люди начали танцевать.

Казуар в это время уже подбегал к селению Мао. Там он отыскал Бубуа и сказал ему:

— Собирайся, пойдем со мной в Васи.

Бубуа позвал жен, и вместе с казуаром они все отправились в Васи.

Пройдя немного, Бубуа сказал казуару:

— Я не молод, мне трудно за тобой поспеть, иди помедленнее.

— Хорошо, пойду помедленнее,— сказал казуар.

Когда стемнело, в Васи разожгли костры, и люди снова начали танцевать и запели длинную песню, которая начинается с рассказа об Адири, стране мертвых. Бубуа с женами и казуара ночь застала у Мабудаване, и они там заночевали.

На рассвете жители Васи перестали танцевать и петь. Сторожить дерево гаэра остался только один старик, а мужчины ушли охотиться в лес или ловить рыбу.

Бубуа с женами и казуар между тем отправились дальше, и еще издали казуар увидел, что дерево гаэра украшено.

— Да его уже увешали сверху донизу! — закричал он. — Всё повесили и уже танцевали!

Казуар так рассердился, что не мог больше говорить. Он бросился к дереву гаэра, сорвал с него несколько плодов и овощей, проглотил их, а потом так ударил дерево ногой, что подпорки вылетели и оно начало клониться к реке, над которой его поставили.

Сторож закричал:

— Смотрите, казуар свалил дерево гаэра! Зовите людей, оно упадет сейчас в реку!

Женщины и дети сбежались к дереву и попытались удержать и поставить его снова. Все кричали:

— Казуар ударил ногой дерево гаэра, дерево гаэра падает!

Протрубили в раковину, чтобы позвать мужчин. Лесной петух взлетел и с криком: «Кибу кёко кепёко кб-кб-кб-кб!» — сорвал с сучков клубни ямса, которые сам на них повесил. Но тут дерево гаэра упало в реку, и все, что на нем висело, упало с ним вместе и опустилось на дно.

Река в том месте, куда упало дерево гаэра, была глубокая, и, когда мужчины прибежали, они не могли даже разглядеть дерево гаэра. Люди стали спорить о том, кто виноват, что дерево гаэра упало в реку, и одни говорили, что виноват казуар, а другие — что виноват лесной петух. Они спорили все громче и громче и наконец начали драться, а потом перестали и разошлись в разные стороны.

Казуар сказал:

— Не хочу я жить там, где вы, отправлюсь-ка я лучше бродяжничать. Если я буду жить вместе с вами, вы опять пошлете меня куда-нибудь, так уж лучше я буду ходить с места на место, все равно где, по болоту или по сухой земле. Мне никто не нужен, дружить я ни с кем не хочу, везде я буду ходить один, есть буду всякие плоды и рыбу, пить — любую воду.

С тех пор казуар живет один и все время переходит с места на место. Плоды он проглатывает целиком, и семена потом падают вместе с его пометом и в нем прорастают. Так благодаря казуару распространилось много растений, и вот почему люди, когда сажают ямс или другие овощи, зарывают в грядку, чтобы все хорошо росло, кусочек казуарьего сухожилия.

Лесной петух сказал:

— Я тоже не хочу с вами жить, лучше я улечу в лес, сяду на дерево и буду цеть там вечером, ночью и ранним утром. Есть

буду что найду, а потом взлечу высоко, на самую верхушку, и буду бросать оттуда помет.

Кенгуру сказал:

— Я прыгну жить туда, где много кустов. Есть я могу все, дом мне не нужен — я могу спать на любом месте.

Крыса сказала:

— Я пойду жить в какой-нибудь дом, мне все равно где спать — могу в банановых листьях, могу в ямке. Люди бросят кость — я ее сгрызу.

Некоторые жители Васи остались на прежнем месте, но другие ушли и поселились кто где — так появились селения Дабо, Буджи, Пабо, Аракара, Пагара, Санани и другие.

Первое дерево гаэра так и осталось на дне реки, которая течет мимо Васи, и иногда, когда вода в реке убывает, его можно там увидеть. И до сих пор, когда люди, в праздник дерева гаэра, начинают его украшать, самое первое, что хотят на него повесить, они подхватывают и вешают лапками лесного петуха. А если кто-нибудь хочет, чтобы урожаи на огороде у его врага стали плохими, он пробирается туда, лапками лесного петуха крадет что-нибудь и пересаживает украденное на свой огород.

75. Как жители острова Ям побывали в гостях на острове Дару

В давние времена на Дару деревьев не росло, а росли только кусты, и святилище хориому было видно с моря издалека. На Дару тогда жил народ хиаму, и однажды, готовясь к церемонии гаэра, они решили начать ее состязанием маленьких лодочек, сделанных как настоящие. Мужчины стали у самой воды, каждый держал в руках свою лодочку, а когда протрубили в раковину, все опустили лодочки на воду, и те поплыли. Люди побежали по берегу, а некоторые даже поплыли вдогонку за своими лодочками на настоящих лодках.

Среди тех, чьи лодочки плыли наперегонки, были сыновья двух старейшин — Кенора, сын Вуитамо, и Эбогубу, сын Дагури. Эбогубу побежал за своей лодочкой по берегу, но та плыла слишком быстро. Он бросился в воду и поплыл за ней, но догнать не мог, и лодочка от него уплыла. Он долго стоял потом и смотрел, как восточный ветер гонит ее все дальше и дальше, пока наконец она совсем не исчезла из виду. Эбогубу вернулся домой с пустыми руками, и отец спросил его:

— Где твоя лодочка?

— Ой, отец, она плыла слишком быстро, я ее не поймал,— ответил Эбогубу.

Очень скоро Эбогубу позабыл о своей лодочке, а люди, готовясь к церемонии таэра, стали играть теперь в кокади.

Лодочка Эбогубу между тем все плыла и плыла и наконец приплыла к острову Ям. Однажды один житель Яма, которого тоже, как и жителя Дару, звали Эбогубу, пошел искупаться и увидел что-то вдалеке на воде. «Что это там плывет? — подумал он.— Ниповая пальма или какое-нибудь другое дерево? Или акула? Нет, это, наверно, сидит на стволе какого-то дерева длинноклювая цапля». Хотя был отлив, то, на что он смотрел, плыло прямо к острову, как живое существо. «Нет,— подумал Эбогубу с острова Ям,— это что-то другое. Ой, да ведь это маленькая лодочка!» Теперь он увидел даже, что на корме лодочки крутится ветряная вертушка.

Эбогубу побежал в селение и закричал:

— Бегите скорее на берег, посмотрите, что к нам плывет!

Люди прибежали и начали ловить лодочку, но она поплыла прямо к Эбогубу. Эбогубу взял ее в руки и стал поворачивать, но лодочка все время поворачивалась носом в сторону Дару, откуда она приплыла, и даже дернула в ту сторону руку Эбогубу, которая ее держала. Люди, увидев это, закричали:

— Она нас зовет куда-то, давайте мы туда поплывем!

Они взяли ствол дерева, очистили от сучьев, прикрепили к нему по сторонам балансиры, настелили посередине небольшой помост, поставили мачты с парусами из пиновок и отправились в путь. Все время, пока они плыли, Эбогубу стоял на носу с лодочкой в руках, и она показывала, куда надо плыть.

Наконец там, где море и небо сходятся, они увидели святилище хориому.

— Посмотрите, что это там поднимается из воды? — воскликнул стоявший на носу Эбогубу.

Лодочка у него в руке показывала, что плыть надо туда. Вскоре святилище стало видно лучше, и люди в лодке начали говорить:

— Так это, оказывается, стоит не в воде, а на берегу! А сколько людей вокруг!

Женщины и дети на берегу Дару увидели их лодку и стали кричать:

— К нам плывет чья-то лодка! Вуитамо, Дагури, идите скорей сюда!

Все жители Дару сбежались посмотреть, кто к ним плывет. Лодка пристала, и жители Дару увидели, что на носу стоит человек и держит в руке маленькую лодочку. «Так ведь это лодочка, которую я сделал для моего сына Эбогубу!» — подумал Дагури, тоже стоявший на берегу, а его сын Эбогубу воскликнул:

— Это моя лодочка, она от меня уплыла!

— Кто вы? — стали спрашивать приплывших жители Дару.

— Я Эбогубу, мы приплыли с острова Ям, — ответил Эбогубу.

— Я тоже Эбогубу, эта лодочка от меня уплыла, — сказал Эбогубу с острова Дару.

— Я поймал ее, когда она приплыла к нашему острову, — сказал Эбогубу, который жил на острове Ям.

Жители Дару были рады гостям, и Эбогубу, живший на Дару, позвал к себе гостить Эбогубу, приплывшего с острова Ям.

Гостей привели к святилищу хориому, и они увидели, что оно все обвешано маленькими лодочками.

— Что здесь такое? — стали спрашивать гости. — И почему тут столько маленьких лодочек? Зачем эти занавески?

Из-за того что гости не знали церемонии таэра, их попросили не заходить в святилище, а сесть снаружи. Их накормили, а потом они стали смотреть, как танцуют духи. «Они все в одежде из листьев и веток, их тел под ней совсем не видно! — удивлялись про себя гости. — И сколько на них украшений! Мы у себя такое сделаем тоже».

Когда духи кончили танцевать, Дагури спросил гостей:

— Когда вы собираетесь возвращаться? Скажите нам заранее.

— Сегодня мы не поплывем, мы хотим еще посмотреть, как у вас танцуют. Этот танец хороший, — ответили гости.

Жители Яма остались и посмотрели церемонию таэра всю до конца, стараясь все хорошо запомнить, чтобы потом, когда вернутся домой, повторить ее. Жители Дару им сказали:

— Вы приплыли в плохой лодке, мы вам дадим две хорошие.

Лодки для них стали выдалбливать по утрам, а после полудня начиналась церемония таэра, и так проходило время. Наконец лодки были готовы, церемония таэра закончилась, и гости отплыли домой, на остров Ям.

А женщины на острове Ям все ждали возвращения мужей и братьев и смотрели с высоких мест, не появится ли лодка.

В тот же день, когда лодки отплыли с Дару, они их увидели. Люди закричали:

— Вот они возвращаются, в двух лодках — кто-то им дал вторую! Летят как птицы!

Лодки приближались, и теперь жители Яма увидели, что они совсем одинаковые. Люди стали говорить:

— Значит, та, в которой они уплыли, осталась там, а возвращаются они в двух других!

Женщины и дети вопли в воду и поплы навстречу лодкам. Они остановились, только когда оказались в воде по пояс. Лодки подплыли, женщины ухватились за балансиры, но тут же отпустили — уж очень быстро плыли лодки. Женщины закричали:

— На каких же хороших лодках вы приплыли!

Когда лодки пристали, они бросились обнимать мужей и целовать их в нос и в щеки, а потом спросили:

— Как же делают такие лодки?

— Мы теперь знаем — мы видели, как их делают на острове Дару, — ответили им мужчины.

Все, что они с собой привезли, они перенесли на берег, а потом сказали мужчинам, остававшимся дома:

— Еще мы привезли очень хороший танец, мы ему вас научим. Мы будем танцевать его, когда кто-нибудь умрет.

Они построили святилище, такое же, какое видели на острове Дару, и совершили церемонию таэра, но о том, что духи, которые танцуют, не настоящие, женщинам не рассказали.

Так жители Яма научились у жителей Дару совершать эту церемонию, а уже от них этому научились жители островов Нагири, Моа, Баду и Мабуиаг.

VIII. ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ОХОТЕ

76. Адаги и дикая свинья

Однажды Адаги и еще несколько жителей Маваты поплыли на лодке в Сумаи, селение на острове Киваи, и после очень трудного плавания туда прибыли. Они остались в Сумаи погостить, и как-то раз один из них, Биама, сказал Адаги:

— Поплывем вон на тот островок, Боромомубу, там много диких свиней.

Биама, Адаги, Маубо и еще двое их односельчан взяли своих собак и переправились с ними на островок. Когда они сошли на берег, те двое остались стеречь лодку, а Биама с Адаги и Маубо взяли копыя и пошли в лес. Они пересекли островок вместе, но ни одной свиньи им не встретилось, и тогда они разделились: Биама и Маубо пошли в одну сторону, а Адаги — в другую. Вскоре Адаги вдруг очень захотелось спать, и он подумал: «Почему мне стало вдруг трудно двигаться? Может, мне лечь поспать?»

Он сел на землю и в стороне положил копые. Вдруг на тропинку выбежала дикая свинья, остановилась перед Адаги и на него уставилась. Копые оказалось около свиньи, поэтому взять его Адаги не мог. Он схватил кусок дерева, швырнул им в свинью, попал в нее, и она убежала. Адаги бросился к копыю и схватил его, но свиньи уж и след простыл. Если бы он держал копые около себя, он бы убил ее. Вскоре он увидел другую свинью, очень большую и с двумя длинными клыками, такую свирепую, что Адаги испугался. Небольших деревьев вблизи не было, а вскарабкаться на большое он не мог. Все же, когда свинья была уже близко, Адаги бросил в нее копые, но не попал, и она захрапела и бросилась на него. Адаги отбежал немного

и вспрыгнул на ниповую пальму — хотел укрыться за толстыми черенками листьев. Свинья стала бросаться на дерево, пытаясь допрыгнуть до Адаги; из пасти у нее падала пена.

— Биама, Маубо, помогите! Свинья хочет меня убить! — кричал Адаги.

Биама прибежал первый и стал науськивать на свинью собак:

— Хватайте ее!

Собаки бросились на свинью, и Биама вонзил в нее копьё, а потом добил ее топором. Люди перенесли тушу в лодку. Адаги, которому еле удалось спастись, заплакал, и его друг, Биама, стал плакать с ним вместе. Они вернулись в Сумаи й там разделали тушу и ее съели.

77. Как погиб Онеа

Однажды в Мавате во время церемонии таэра женщина, которую звали Кавеэ, увидела дух своего мужа, Онеа, хотя тот был жив. Дух вошел в дом, где она была тогда, взял лук и несколько стрел и вышел. Вскоре вошел сам Онеа и сделал все то же самое. Кавеэ удивилась. «Ой, кто же до этого приходил за луком и стрелами? — подумала она. — Тот же человек пришел снова и взял все то же самое».

Онеа пошел в лес, и в месте, которое называется Бисусури, увидел свинью. Лес был очень густой, стрелять в нем из лука было нельзя, но Онеа, когда вышел на поляну, выстрелил и полез на дерево. Свинья бросилась к Онеа и стала кусать его за ноги. Ухватиться ему было не за что, руки Онеа разжались, и он упал. Своими большими клыками свинья проткнула ему виски, а потом бок, и Онеа умер.

Собаки Онеа пришли и съели часть его тела, а потом вернулись домой. Там они срыгнули съеденное, и люди, увидев, подумали: «Ой, это не мясо кенгуру — кожа как у человека!»

Собаки вернулись, а хозяина все не было, и люди начали думать, что с Онеа что-то случилось. Они отправились искать его и наконец нашли.

— Ой, его растерзала свинья! — кричали односельчане и, плача, понесли тело домой.

Собаки, когда были в лесу, отъели у него кусок щеки и плеча, но не потому, что хотели съесть, — они хотели только дать людям знать о том, что Онеа мертв. Поэтому, вернувшись,

они всё срыгнули, словно хотели сказать: «Наш отец мертв, пойдите за ним». Онеа принесли домой и похоронили.

Другие рассказывают, что его убили в отместку, когда он охотился, жители Масингары,

78. Почему нельзя никому отказывать в перьях для украшений

Одному человеку нужны были перья, чтобы сделать из них украшения для танца, и он попросил перьев у своих друзей, но те ему не дали. Тогда он пошел сам стрелять птиц. Он пришел к высокому дереву, на котором сидело много птиц, привязал к себе лук и стрелы и полез на дерево. Когда он добрался до удобной ветки, он начал с нее стрелять, и птицы, хлопая крыльями, стали падать одна за другой на землю. Но одна большая птица, хотя он ее ранил, вцепилась в ветку и на ней повисла. Человек полез было достать птицу, но ветка сломалась, человек и птица упали на землю, и человек разбился насмерть.

Односельчане долго ждали его, но он не возвращался, и они решили, что он ушел на лодке в другое селение. Однако жена его оплакала. Со временем тело его разложилось и остались только кости. И вот однажды ночью женщине приснилось, что муж пришел и спрашивает: «Ты по мне не скучаешь?» — «Скучаю,— ответила она,— так скучаю, что не могу есть и пить. Где ты?» — «Я пошел стрелять птиц, упал с дерева и разбился насмерть. Если пойдешь искать меня, моего тела ты не найдешь, остались только кости».

Женщина проснулась и стала плакать. Она позвала мать:
— Матушка, матушка, ты спишь?

Но мать крепко спала и не слышала. Тогда женщина стала трясти ее и разбудила.

— Разбуди и отца,— сказала она матери.

Они разожгли в очаге огонь.

— Мой муж не ушел на лодке,— стала рассказывать женщина.— Он приходил ко мне во сне и сказал: он пошел в лес, упал с дерева и разбился, теперь от него остались только кости.

Тогда родители женщины вместе с ней его оплакали.

Перед рассветом мать приготовила поесть и дала дочери, но та сказала:

— Не давай мне много еды, я скучаю по мужу.

Утром все жители селения пошли искать погибшего. Они хотели пройти по всем тропинкам, но женщина им сказала:

— Идите за мной, я видела это место во сне.

И они стали искать большое высокое дерево. Женщина шла впереди, и наконец она увидела это дерево, а под ним кости. Все стали оплакивать погибшего. Потом женщина сложила кости в корзину, чтобы отнести их домой, но один из старейшин сказал:

— Не вносите кости в дом, вы все можете от этого тяжело заболеть.

Тогда родные погибшего вырыли яму в земле и похоронили там кости.

С тех пор считается, что нельзя отказывать в перьях человеку, который просит их, чтобы украсить себя для танца.

79. Почему погибли трое жителей Иасы

Однажды несколько жителей Иасы сидели на мосту через реку Оромотури. Они не знали, что внизу, в воде, крокодил — с берега им об этом кричали, но они думали, что для крокодила здесь слишком мелко и его здесь поэтому быть не может. Через некоторое время начался прилив, стал поднимать крокодила выше и выше, к мосту, на котором сидели люди, и вдруг он высунул голову из воды и стащил троих в реку. Они исчезли под водой, и люди на берегу закричали:

— Мы говорили вам, дураки, уходите с моста!

Жены троих погибших их оплакали. На другой день люди стали искать в реке тела, и одно, растерзанное, нашли и отнесли домой. На следующий день нашли еще тело, но третьего так и не нашли. После поминок две вдовы вышли замуж за мужчин, нашедших тела их мужей. На третьей женщине хотели жениться многие, но она говорила:

— Не хочу, я пока еще не нашла тела своего мужа.

Теперь ей приходилось работать на своем огороде одной, и многие жалели ее и ей говорили:

— Нам тебя очень жаль, плохо, что ты делаешь всю работу одна. Ты не мужчина, ты женщина, лучше, если ты выйдешь замуж.

Но из-за того, что тело ее мужа не нашли, выходить замуж она не хотела. Односельчане даже стали ссориться из-за нее и начали настаивать, чтобы она вышла замуж.

— Почему ты не выходишь замуж? — говорили они. — Луч-

ше бы вышла — ты красивая, молодая, плохо, что ты живешь одна.

На самом деле один мужчина ей нравился, и однажды она, раз уж односельчане хотели этого, попросила его помочь ей на огороде. Он спросил ее:

— Я и вправду тебе нравлюсь?

Они поженились, и все жители селения были очень довольны. Родители женщины сказали ее новому мужу:

— Будет лучше, если ты за нее нам заплатишь.

И он им за нее заплатил.

80. Из-за чего погиб житель Доропо

Однажды жители Доропо ловили рыбу вершами, которые называются каро. Один из них был очень робкий, все время держался позади, и ему рыбы из улова совсем не досталось. Видя, как с ним обошлись, он подумал: «Я мужчина, руки и ноги у меня есть, пойду-ка я наловлю рыбы сам». Он взял несколько каро и попросил жену добыть наживки, чтобы положить внутрь. После этого он развесил каро на палках, воткнутых в дно реки, и вскоре в них уже было много рыбы. Но одна из палок сломалась, и теперь нельзя было найти каро, который на ней висел. Человек не знал, что в воде крокодил, и тот, когда он пошел вброд искать свой каро, схватил его и утащил под воду.

Жены, долго прождав его и не дождавшись, поняли, что его утащил крокодил. Все односельчане сели в лодки и поплыли искать его, но не нашли и стали его оплакивать. Но обе женщины, его жены, сказали сверстникам своего погибшего мужа:

— Вы его не оплакивайте — вы не дали ему рыбы, вот он и пошел ловить один, и крокодил схватил его.

81. Как погиб Арус

[Гарпунщик, когда стоит ночью на мостках в море, часто видит всякие диковинные существа и явления. Иногда проплывет змея, светящаяся, как огонь, а иногда он видит какого-нибудь обоуби — они толстые, у них короткие руки и ноги, и плавают они, как лягушки. Распознав какое-нибудь из этих существ, гарпунщик сразу предупреждает своих товарищей на других мостках, и все они кладут гарпуны на мостки и не берут до тех пор, пока дух не уплывет. Обычно вслед за обоуби появляется большое стадо дюгоней.]

Однажды житель Маваты по имени Арусa поставил со своими товарищами мостки на рифе, который называется Мангровым. Арусa взобрался на мостки и сказал остальным, чтобы те смотрели зорче. Сначала он убил одного дюгоня, вскоре другого, и их туши обвязали веревками — так, как это обычно делают. Потом приплыла огромная беременная самка дюгоня, и, когда Арусa вонзил в нее гарпун, веревка обмоталась вокруг его туловища, и самка дюгоня утащила его под воду. Те, кто был в лодке, ждали. Их встревожило, что он не кричит, однако они так ничего и не услышали. Они стали плавать на лодке около мостков и искать веревку, но найти ее не смогли. Они долго плавали около этого места, а потом вышли на глубокую воду, но Арусy не видно было и следа. Начался отлив, и над водой показались рифы. Люди падали от усталости, и они стали оплакивать погибшего товарища. Когда рассвело, они снова стали плавать на лодке среди рифов и искать Арусy, но его нигде не было.

Когда солнце взошло высоко, они перестали надеяться, что найдут Арусy. Двух убитых дюгоней прочно привязали к одному боку лодки (тогда у лодок балансир был только с одной стороны), и люди поплыли назад, в селение.

В селении услышали их причитания и поняли, что кто-то погиб. Жители стали хватать оружие, а когда лодка пристала к берегу, они узнали о том, что случилось с Арусой. Все начали его оплакивать, потому что Арусa был старейшиной и его очень уважали, а четыре жены Арусy пошли к дому для мужчин и подожгли его. Они сказали:

— Вы все время оставались дома, не плавали с Арусой на рифы. Арусa каждый раз один бил дюгоней для всех, вот почему он запутался в веревке.

Дом для мужчин сгорел. Братья Арусy срубили кокосовые пальмы, принадлежавшие покойному, и сказали:

— Он больше не придет сюда, не будет есть эти кокосы, так лучше мы их срубим.

Они сожгли также его огород и убили его собак и свиней — прежде было обычаем уничтожать часть имущества умершего. Двух дюгоней разделали, и жители Маваты справили по Арусe поминки.

IX. ВОЙНА И РАСПРИ

82. Войны между жителями Маваты, Джибару, Саибан, Кунини, Гово, Туритури и других селений

Как-то в Мавате была очень сильная засуха, и людям стало трудно добывать себе пищу. Некоторым из них, тем, кто в это время был в Мабудаване, было нечего есть, кроме плодов дерева био, потому что кокосы все засохли. Дети плакали и просили еды, и одна женщина, Атая, сказала своему мужу, Диди:

— Почему ты сидишь? Что есть твоим детям? Почему ты не пойдешь к жителям леса, не добудешь у них еды?

Тогда Диди встал и решил пойти поискать пищи. Жители Маваты сделали плот и переправились на другой берег реки — они решили, что обворуют огороды жителей леса. Некоторые отправились на огороды жителей Того, другие — на огороды жителей Бутураиго и Арики. Диди решил, что сам он пойдет на огороды Джибару, и вместе с ним пошли его сын и другой односельчанин, по имени Гадуду, вместе со своим сыном Гайге.

Несколько жителей Масингары увидели Диди и тех, кто с ним шел, и сказали жителям Джибару:

— Мы видели чужих людей — наверно, они идут на огороды, воровать.

Тогда жители Джибару и Масингары пошли и спрятались недалеко от своих огородов. Диди хотел пойти на огород одного своего друга из селения Джибару, которого звали Игу, но в темноте сбился с пути и попал на огород другого. Если бы не это, не случилось бы несчастья, которое вскоре его постигло.

Когда эти жители Маваты стали собираться в обратный путь, Гайге сказал Гадуду:

— Отец, веревка к моей корзине плохо привязана.

Гадуду остановился и стал ее привязывать крепче. Диди с сыном между тем шли не останавливаясь и перешли вброд реку Дуэджи. Там-то и ждали в засаде жители леса, и, увидев мужчину и мальчика, они выстрелили из луков.

— Ой, отец, я умираю! — закричал мальчик и упал мертвый. Диди упал тоже.

Гадуду и Гайге, услышав шум, бросили корзины и присели так, что вода стала им по шею. На корточках, чтобы их не увидели, они медленно пошли вниз по течению.

Жители леса отрезали у убитых головы и пошли домой, распевая свою победную песню и радостно крича: «У-у-у! Оу-бу-бу!» Корзины Гадуду и Гайге они нашли, но они понимали, что воры, которые остались в живых, постараются, услышав шум, уйти подальше. Гадуду и Гайге прислушались к голосам и подумали: «Ну, теперь все кончилось, они уходят домой». Отец с сыном вышли из воды и пошли дальше, к морскому берегу.

По дороге они увидели тлеющую палочку для добывания огня — Диди, чтобы был готовый огонь, оставил ее у тропинки, еще когда они шли все вместе из Маваты. Гадуду и Гайге вспомнили о погибших друзьях и заплакали. Вскоре перед ними начали появляться духи обоих погибших — то пропадут на миг, то начинают пугать, протягивая к ним руки, будто хотят схватить. Гадуду сказал духам:

— Я не маленький мальчик, я вас не боюсь. Вы не живые люди, вы пришли не для того, чтобы убить меня, вы просто играете.

Наконец оба духа ушли совсем.

Когда рассвело, Гадуду и Гайге увидели следы, которые накануне оставил Диди, и снова запричитали:

— О, больше след его не пойдет обратно! Его больше нет, и у него больше не будет детей!

И они измазали себе лица грязью.

Брат Гадуду, Таэ, ждал его у Мабудаване и вдруг увидел на другом берегу Гадуду и Гайге одних. Те попросили знаками, чтобы он перевез их на лодке, и показали также, что двоих их товарищей застрелили из лука. Когда все об этом узнали, то стали плакать, и те, кто сидел на земле, стали от горя раскачиваться взад-вперед или даже кататься по земле.

Игу, друг Диди в Джибару, догадался, кто приходил воровать пищу, а когда увидел тело, сразу узнал Диди.

— О мой друг, — запричитал он, — почему ты не пришел

прямо ко мне? Ты сам виноват — пошел воровать не на мой огород, а на другой!

Он сломал стрелы, торчавшие из мертвого тела, связал в пучок и спрятал в колчан из коры.

Вскоре после этого он отправился со своими сородичами в Мабудаване встретиться с людьми из Маваты. Связку сломанных стрел он взял с собой.

— Сколько человек вернулось? — спросил он жителей Маваты.

— Двое, Гадуду и Гайге.

— Диди виноват сам, — сказал Игу, — не дошел до моего огорода, вот почему с ним случилось плохое. Я принес те стрелы.

Он передал Таэ связку сломанных стрел, но незаметно, чтобы спутники Таэ их не увидели. Игу сказал:

— Мне жалко моего хорошего друга, я унес его тело и закопал в землю.

И он вернулся назад в Джибару.

Однажды после этого в Мабудаване приплыл старейшина Саибаи, которого звали Каиаси, и Таэ дал ему связку сломанных стрел и сказал:

— Каиаси, когда ты поплывешь назад, убей жителей Джибару, сородичей Иму.

Иму был старшим в роду Джибару, люди из которого убили Диди и его сына. Игу, когда был в Мабудаване, попросил жителей Маваты, чтобы они мстили не сами, а попросили отомстить друзей из других селений, а то его односельчане могут догадаться, что он изменил.

Каиаси и другие люди с Саибаи поднялись на лодке вверх по реке и пристали к берегу у Кураэре, а оттуда пошли в Джибару. Там Каиаси встретился с Иму, и тот рассказал, как были убиты те двое.

— И правильно сделали, что убили, — сказал Каиаси. — Они сами виноваты — пришли воровать. Каждый раз, как появятся жители Маваты, стреляйте в них из луков, мы этому будем рады.

Он говорил так, чтобы Иму ни о чем не догадался. На самом деле Каиаси и его спутники были очень рассержены и думали: «Ну ничего, в следующий раз Иму уже не будет, и не будет его народа», — но вслух они этого не говорили.

Когда-то, задолго до этого, один житель Саибаи унес из Джибару во время набега маленькую девочку по имени Кава,

привез ее на Саибаи, и там она выросла. Позднее ее отдали в жены Иму в уплату за друга Иму, которого убил один человек с Саибаи.

Когда Каиаси со своими спутниками стал собираться в обратный путь, он сказал Иму:

— Мы возьмем Каву с собой на Саибаи, набьем дюгоней и черепах и опять к вам вернемся. Дюгоней и черепах вы возьмете себе, и свою жену ты возьмешь себе тоже.

И Кава пошла вместе с жителями Саибаи.

Таэ и Каиаси договорились, что они спрячутся в месте на морском берегу, которое называется Гидо, и там подстергут Иму с его односельчанами. Через шесть дней жители Саибаи вернулись и причалили около Аугаромубы, а оттуда пошли по берегу моря к Гидо. Но Кава, если бы увидела так много лодок и людей в них, могла заподозрить неладное, и, для того чтобы этого не случилось, Каиаси поплыл с ней раньше, а когда они пристали к берегу, дал ей мяса дюгоня и черепахи и послал одну в Джибару, наказав передать Иму и его односельчанам, чтобы те пришли в Гидо встретить людей с Саибаи и забрать еще мяса.

Таэ и другие жители Маваты расположились лагерем близ Гидо, но о том, как он задумал поступить с жителями Джибару, Таэ своим односельчанам не сказал ничего, потому что у некоторых в Джибару были друзья и они бы почти наверняка их предупредили. Люди из Маваты даже не знали, что совсем близко от них воины с Саибаи подстерегают в засаде жителей Джибару.

Кава принесла Иму мяса дюгоня и черепахи и сказала ему, как велел Каиаси:

— Пойдем завтра в Гидо, там для нас много мяса.

На другой день Каиаси послал двух мальчиков передать Иму и его односельчанам, чтобы те поторопились, и мальчики сказали:

— Иму, приходи скорее со своим народом! Ветер попутный, и уже пора возвращаться, Каиаси хочет скорее отплыть назад, а то будет прилив.

— Хорошо, пойдемте, — ответил Иму.

Он и его народ взяли много овощей и плодов и отправились в Гидо. Двое мальчиков вернулись раньше и сказали Каиаси:

— Они идут.

Тогда еще больше воинов с Саибаи спряталось в кустах и за деревьями.

Когда Иму и его сородичи пришли, Каиаси и еще несколько людей с Саибаи вышли их встретить. Тут же были и люди из Маваты. Каиаси попросил гостей оставить оружие в лагере жителей Маваты, и те так и сделали, а потом они все вместе пошли к лодке Каиаси. В это время воины Саибаи вышли из леса и стали хватать оружие, которое оставили у людей из Маваты жители Джибару. Люди из Маваты растерялись и от страха справили свои нужды, а потом бросились бежать кто куда — думали, что их хотят убить, хотя воины с Саибаи шептались, пытаясь остановить их:

— Шш-ш! Не убегайте, вас мы убивать не будем!

Каиаси обернулся и, увидев, что происходит, подумал: «Ой, они разбегаются, теперь люди из Джибару всё поймут!» Он приказал человеку, которого звали Байра, схватить Иму, и так же схватили двух других жителей леса. Когда остальные люди из Джибару увидели, что на них напал враг, они бросили пищу, которую несли, на землю и, как жители Маваты, от страха справили свои нужды. Спаслись они не могли, и все они, мужчины, женщины и дети, были убиты.

Таэ подбежал к Иму и сказал:

— Ты убил моего брата. Ты мужчина, я мужчина тоже, я поступаю с тобой, как ты поступил со мной.

Иму ответил:

— Это жители Масингары подговорили нас убить твоего брата.

Таэ одним ударом убил его, и голову Иму отдали Байре, который его схватил. Кава хотела убежать, но Каиаси сказал:

— Не убегай, ты больше не вернешься в Джибару. Твой муж умер, и теперь ты снова вернешься с нами на Саибаи.

Но воин, которому не досталось ни одной головы, убил Каву, хотя Каиаси пытался остановить его, и ее голову отрезали тоже. Некоторые рассердились на того, кто убил Каву, потому что она была очень красивая.

Жители Маваты, которые были в Гидо, бежали оттуда к себе домой. Один из них, Нану, опередил остальных и первым из всех пришел в Бамио, где расположились лагерем трое мужчин, Хамана, Кемесу и Кери, и жена Хаманы, Майя. Нану заночевал у них, и Майя, проснувшись в темноте, увидела, что от него исходит какой-то странный свет. Казалось, что он весь покрыт кровью, светящейся, как огонь, и такой же свет исходил от его рта и заднего прохода. Это предвещает смерть того, кто так светится. Одни говорят, что этот свет — кровь из будущей

смертельной раны, а другие — что это дух, предчувствуя близкую смерть тела, выходит из него и светится в темноте.

Ночью несколько жителей Маваты по пути домой из Гидо прошли через Бамио, и Нану, увидев их факелы, пошел вместе с ними. Утром Маяи рассказала мужу о том, что видела, но Нану уже ушел, и Хамана очень рассердился на жену за то, что она не сказала о том, что видела, Нану.

Вскоре после этого часть жителей Маваты пошла во главе с Савокари и Ауто Отой в Дирино. Жители Гово и Кунины увидели, как те идут, и решили: когда жители Маваты будут возвращаться, они перебьют их. Один житель Дирино, которого звали Мипа, услышал о том, что они задумали, и, не говоря прямо, дал понять жителям Маваты, что возвращаться им лучше другим путем. Однако они его не послушали и назад пошли той же самой дорогой, и внезапно воины Гово и Кунины, спрятавшиеся в засаде, разом выстрелили в них из луков. Меседе, шедшего впереди, пронзило несколько стрел, и он упал, следующим упал Нану, а за ним Ауто Ота. Савокари был ранен, но убежал в лес, а Инави был бы убит, если бы его не спас один из жителей Кунины, его друг. Этот житель Кунины, чтобы помешать своим товарищам стрелять, шоднял перед ними на вытянутой руке свой лук и остановил их, крикнув: «Ка-ка-ка!»

С тех пор старики всегда говорят детям, чтобы те даже в голод не ходили добывать себе пищу в других селениях. «Оставьте на месте, дома, посадите овощей, и они скоро вырастут», — говорят старики.

Савокари, со стрелою, застрявшей в теле, побрел домой через лес, потому что боялся также и жителей Туритури, но Инави пошел по берегу. Один из жителей Туритури, Саэ, увидел его, позвал односельчан, и они погнались за Инави, а тот бросился от них бежать. Одна женщина родом из Маваты, Байна, которая была замужем за жителем Туритури, увидела это и громко позвала двух старейшин Туритури, Абари и Баэнамо:

— Вставайте, вон гонятся за человеком, похожим на Инави, его хотят убить!

Те поднялись и схватили оружие, и, когда Саэ хотел уже пронзить Инави копьем, Баэнамо ударил Саэ между лопаток дубинкой, а потом сломал его копье.

— А ну-ка посмотри на меня, Саэ! — закричал он. — Ты ведь знаешь: здесь, в Туритури, я старейшина. Ты что, рехнулся? Хочешь, чтобы я убил тебя и твою семью! Хорошо, что я

все это увидел! Будь я в лесу, ты бы убил его, и тогда бы я убил тебя и твоих родных. Хорошо, что я был здесь — я спас твою жизнь!

А Инави он сказал:

— Ты не бойся! Пойдем ко мне в дом; не бойся, тебя больше никто не тронет. Все эти люди — всё равно что мои собаки и свиньи.

Так спасся Инави.

Раненый Савокари встретил в лесу своего друга, жителя Туритури — тот работал на огороде.

— Оставайся здесь, — сказал житель Туритури, — стрелы у тебя есть, а я пойду приготовлю тебе поесть и принесу воды.

Но на самом деле он задумал Савокари убить и попросил нескольких односельчан, чтобы те взяли оружие и пошли с ним вместе. Он первым выпустил в Савокари стрелу, а вслед за ним выстрелил из лука его односельчанин. Этот случай до сих пор хорошо помнят в Мавате, и даже теперь, если какой-нибудь из жителей Маваты зовет односельчан пойти драться с Туритури и о нем напоминает, жители Маваты идут с готовностью.

После того как Баэнамо и Абари спасли Инави от смерти, они пошли вместе с ним к Бинатури и переправились через нее в Мавату. Там Баэнамо рассказал о том, что случилось с Инави. Он сказал:

— Высокая вода из Кунины, из Гово, из Туритури не пустила людей Маваты домой. Все утонули, только одного нам удалось спасти.

Когда жители Маваты услышали, что из Диримо вернулся один Инави, они все заплакали.

Через некоторое время голод в Мавате кончился, и сил у людей прибавилось. Они посадили новые огороды, собрали большой урожай, и теперь они уже не были такими худыми. Но все это время они думали, как отомстить.

Однажды ночью Баэнамо пришел в Мавату и поднялся в дом для мужчин. Все, кто там был, очень испугались — они подумали, что напали враги.

— Помните? — спросил он их. — Пусть каждый натянет на лук новую тетиву — или вы забыли?

— Нет, не забыли, наша обида не прошла.

Они договорились, что Баэнамо приведет людей Туритури на условленное место в лесу и там жители Маваты нападут на них.

На другой день Баэнамо позвал жителей Туритури, Гово и Кунины пойти драться с людьми Маваты, а те уже ждали их в

засаде. Баэнамо шел впереди, и на корне одного дерева незре он увидел знак — его положили туда люди Маваты, чтобы дать знать Баэнамо, что они приготовились. Увидев этот знак, Баэнамо отступил в сторону. Первыми выстрелили из луков двое жителей Маваты, которых звали Кемаду и Кераи, и Кемаду ударил одного из людей Туритури дубинкой в затылок. Жители Туритури, и с ними Баэнамо, обратились в бегство, но многих из них убили и отрезали у них головы. Воины Маваты начали издаляека показывать отрезанные головы людям Туритури и жителям леса, которые пришли вместе с ними, и стали кричать:

— Эй вы, лес и берег! То, что вам удалось, мы теперь смыли — вы убили много, а мы еще больше!

Вскоре Баэнамо пришел ночью в Мавату, и ему заплатили за то, что он сделал.

На этом вражда не кончилась, и жители Маваты, которые снова стали сильными, начали убивать жителей Туритури одного за другим. Те, жившие когда-то с людьми Маваты в одном и том же месте, стали переселяться от Маваты все дальше и дальше. Вражда длилась до нынешнего поколения. Никто не верил, что можно жить в мире, потому что многим мало было просто отомстить за смерть друга, и они говорили:

— Ну и что, что я убил одного? Я хочу убить еще, пойду на то же самое место и убью.

[Когда прибыли миссионеры и пытались прекратить вражду, им это не удалось, но колониальные власти этого добились.]

83. Война из-за женщины, которую звали Сарамадо

Один житель Маваты, которого звали Джангана, его жена Сарамадо и несколько их односельчан как-то делали вместе саго на реке Ориому, и там же делал саго житель леса, которого звали Паивере. Сарамадо была очень красивая, и Паивере подумал: «Ой, какая красивая — высокая грудь, и какое тело! Еще очень молодая, детей у нее не было!» Он толкнул ногу Джанганы своей, и тот понял, что житель леса хочет его жену, однако не подпустил его к ней.

Паивере обиделся, ушел в свое селение и попросил односельчан, чтобы они приготовились к войне. Те взяли оружие и пошли к людям из Маваты, делавшим саго. Люди из Маваты не ждали ничего плохого, и только когда старая мать Джанганы

увидела, что у жителей леса хорошие стрелы, и тетива на луке у каждого новая, она поняла все и закричала:

— Ой, идут воевать, война!

Остальные сперва не поверили ей, но тут Паивере схватил свой лук и выпустил стрелу в Сарамадо, а потом в Джангану. Он их только ранил, убить их ему не удалось, и они бросились в воду и переплыли на другой берег, но остальные, кто делал саго вместе с ними, все были убиты.

Джангана пришел в лесное селение Дорогори, где у него были друзья. Жители этого селения сразу дали знать о случившемся в Мавату, но сам Джангана остался в Дорогори дожидаться жены, которая отстала. Наконец Сарамадо пришла, и Джангана хотел обнять ее, но она его упрекнула:

— Джангана, ты трус, ты не можешь драться — бросил меня, а сам ушел.

Стрела попала Сарамадо в поясницу, пронзила насквозь и до сих пор была в ней — Сарамадо только обломилась концы, который торчал снаружи.

Раненые муж и жена побрели вместе к берегу моря. Через некоторое время Сарамадо сказала:

— Джангана, понеси меня.

Ему стрела пронзила бедро, и он тоже отломил ту часть стрелы, которая торчала снаружи, но остальное вытаскивать из ноги не стал — если бы он сделал это, он не смог бы идти. Джангана понес жену, но вскоре она умерла. Он сделал помост из веток, такой, чтобы до него не могли достать дикие свиньи, положил на него тело и накрыл листьями и травой. После этого он пошел, ковыляя, дальше к морскому берегу и пришел наконец в Мавату. Односельчане очень удивились, когда увидели его, и он рассказал им обо всем, что случилось.

— Скоро тело жены сгниет, — сказал он, — тогда я принесу ее череп и здесь, у нас, закопаю.

Люди пустили из его ноги кровь и вытащили наконечник.

— Как только нога у меня перестанет болеть, — сказал Джангана, — я пойду драться, я отомщу за наших людей.

— Не надо, ты оставайся дома, — сказали жители Маваты, — пойдем драться мы.

Они спустили на воду много лодок, и по два воина в каждой поплыли в них вверх по реке драться с жителями леса. Пристав к берегу, они послали вперед лазутчиков. Жители леса в это время танцевали — праздновали недавнюю победу.

— Мы вас убьем, — сказали, узнав об этом, воины Маваты, —

завтра все вы будете мертвые. Вы не видите акул? Посмотрите, все акулы приплыли.

Воины Маваты окружили селение, и перед самым рассветом, с военным кличем, похожим на хрюканье и рев дикого кабана, ворвались в него. Луки и стрелы воины Маваты бросили и дрались только дубинками с привязанным к концу камнем. Не щадили никого, и только немногим из врагов удалось спастись. Когда побоище кончилось, воины Маваты вернулись с головами врагов домой и отпраздновали победу. Череп Сарамато они тоже принесли в Мавату и там похоронили.

84. Из-за чего жители Масингары напали на селение Тати

Когда я [Намаи] был еще мальчиком, к жителям селения Тати часто приходил в гости один человек из Масингары, Габеу, вместе со своим сыном Уэпой. Каждый раз они приносили с собой подарки и получали взамен другие, но всегда, когда приходили, они воровали с огородов Тати овощи. Жители Тати стали очень сердиться и заподозрили Габеу в том, что с огородов ворует он. Однажды, когда он пришел, несколько человек спрятались на своих огородах и стали ждать. Они поймали Габеу и, разъяренные, выпустили в него много стрел, а потом стали бить дубинками. Тело Габеу так и бросили в огороде, но голову отрезать не стали — жители леса не отрезают у тех, кого убили, головы. Уэпа убежал в свое селение и рассказал о том, что случилось. На другое утро люди Масингары отправились воевать с Тати, но струсил, остановились на полпути, выпустили все стрелы в дерево и вернулись домой.

Через три дня Габеу, про которого жители Тати думали, что он убит, встал. Когда-то один дух научил его залечивать любую рану, какая бывает от стрелы; поэтому Габеу поел растения, которое называется дараи, и все стрелы сами вышли из его тела. Он натерся соком этого растения, и его раны затянулись. Опираясь на палку, он вернулся к себе в Масингару. Односельчане, когда увидели его, подумали, что это его дух, и бросились бежать в разные стороны, но он им закричал:

— Не бойтесь, я не дух, я просто вытащил из себя стрелы и выздоровел!

Тогда они повели Габеу в его хижину и стали за ним ухаживать. Но жители Тати думали, что он мертвый и гниет на огоро-

де, на который они, после того что случилось, ходить перестали.

Габеу хотелось отомстить, и он, натянув тетиву своего лука, сказал:

— В следующую луну людей Тати уже не будет.

Он пошел и позвал помочь ему народ Маваты, а Майноу, предводитель воинов Маваты, отправился на Саибаи — звать воинов оттуда, а с теми вместе приплыли люди с Диване и из Аиты. Габеу сказал всем, кто собрался:

— Там свиньи на поляне, пойдемте уьем их и испечем их мясо.

Он это сказал про жителей Тати.

Все воины приготовились к бою. Жители Туритури, увидев лодки с острова Саибаи, пришли тоже. Когда все было готово, они отправились во главе с Габеу в Тати.

Недалеко от Тати воины остановились отдохнуть, а перед закатом несколько воинов, оставив других присматривать за кострами, незаметно пробрались в селение. Там каждый выбрал, на какую хижину ему напасть, и после этого воины вернулись в лагерь и сказали:

— Все будет как надо — свиньи там, на поляне.

Некоторые проговорили всю ночь, другие спали. Перед самым рассветом все воины двинулись к селению, а лазутчики пошли вперед, и каждый залег у хижины, которую себе выбрал. На рассвете воины бросились в селение, и шум их голосов был как вой ветра в бурю. Самые сильные врывались в дома первыми и били дубинками всех подряд, а за ними, добывая раненых и отрезая у них головы, шли остальные. Воины разграбили и сожгли все жилища и перебили из луков всех свиней и собак.

Когда воины вернулись домой, Габеу за удачу, которую он принес своему народу, подарили много разных вещей — так всегда делают после победы в войне. Взятые головы воины Маваты и Саибаи оставили себе, потому что люди Масингары — жители леса, и они не отрезают головы у убитых врагов.

85. Как жители Маваты напали на селение Тати

Когда я [Гамеа] был еще юношей, отец однажды послал меня на Саибаи — позвать жителей острова на войну против людей Тати. Воины Саибаи надели свои украшения и приплыли в Мавату, и народ Масингары тоже захотел драться на их стороне.

Первую ночь войны провели в Масингаре. Там, где тропинка разветвляется на две, к селению Баду и к Тати, они стали колдовать, чтобы узнать, чем кончится война, и чтобы оружие их хорошо убивало, но колдовство было такое, что от него могло быть плохо только жителям Тати, а жителям Баду никакого вреда бы не было.

Великий воин Саибай, Джапиа, так рвался в бой, что пошел вперед, не дожидаясь остальных, и когда жители Масингары попытались удержать его, он едва на них не бросился.

Маиноу посоветовал не нападать на селение днем, а подождать рассвета. Вперед послали несколько оборобури — «людей-духов», как называют лазутчиков, и те залегли у домов и стали все высматривать. Ничего плохого жители Тати не ждали. Когда на рассвете запели птицы, воины окружили дома и ворвались в них. Остальные, ждавшие неподалеку от селения, слышали, как ударяют тяжелые дубины и кричат жители Тати: «Ау-ау-ау!» — и слышали военный клич Маваты: «Оо-бо-бо!» Джапиа одной рукой схватил руки сразу двух жителей леса и дубиной убил сначала одного, потом другого, а Маиноу убил старейшину Тати Джару, его жену и четырех других людей. Никого, как и требовал обычай, не пощадили.

Когда побоище кончилось, Маиноу совершил обряд для того, чтобы у жителей леса затуманился разум и в других войнах побеждать их было так же легко. Победители совершили также и другие церемонии и применили колдовские средства для того, чтобы юноши стали непобедимыми воинами.

Когда воины вернулись из Тати, они отпраздновали победу танцем пици, а женщины танцевали танец, который называется некеде.

86. Как жители Маваты и Масингары враждовали между собой

Когда люди Маваты еще только поселились там, где они живут теперь, огородов у них не было, пици было очень мало, и потому они воровали овощи с огородов жителей леса. Хозяева огородов не знали, кто ворует, и думали, что воруют другие жители леса. Но как-то ночью один житель леса остался стеречь свой огород и поймал одного из людей Маваты, когда тот воровал овощи.

— Вот теперь я узнал! — воскликнул хозяин огорода.— Я думал, воруют жители леса, а это, оказывается, вы, люди из Маваты, у нас воруете!

И он выстрелил из лука тому в поясницу тупой стрелой, которой оглушал птиц. Житель Маваты схватил свой лук и хотел убить жителя леса, но тот стал просить:

— Не надо, не стреляй в меня, я сам выкопаю таро и тебе дам.

Он дал жителю Маваты таро и сказал:

— Возьми таро и больше не приходи воровать.

Житель Маваты вернулся с таро домой. Он не рассказал однопосельчанам о том, что случилось, и потому вскоре после этого трое других жителей Маваты тоже пошли воровать овощи. Им повстречался житель леса, и они сказали ему неправду — будто они охотятся на кенгуру. Но тот не поверил им и позвал нескольких однопосельчан пойти с ними вместе и проследить, что будет дальше. Жители Маваты быстро надергали из земли таро и убежали по другой тропинке. Жители леса увидели, что их таро украли, и поняли, кто воры.

— Все это время воровали только они, — сказали жители леса, — хорошо, что теперь мы узнали, кто воровал. Если они придут опять, надо, пожалуй, убить хоть одного.

По дороге домой одни жители леса говорили другим:

— Если увидишь жителя Маваты, стреляй в него из лука.

— Не надо, у них ничего нет, — говорили другие, — нехорошо в них стрелять. Они живут здесь недавно, огороды у них еще небольшие, не трогайте их.

Началось время северо-западного ветра, и люди Маваты стали воровать плоды с деревьев горо и абе, принадлежавших жителям леса. Обычно плоды с этих деревьев срывают женщины, но теперь, для того чтобы их украсть, на деревья взбирались мужчины — они это делали скорее. Жители леса узнали, что воры приходят из Маваты, и решили поймать кого-нибудь из них и в наказание опалить.

У одного из жителей Маваты не было никаких плодов, и сколько он ни просил у однопосельчан, те ничего ему не давали. Тогда он пошел воровать у жителей леса, и его поймали. Жители леса стали прикладывать к его телу и к голове, и даже к лицу, тлеющую головню, и он кричал от боли и изо всех сил старался вырваться. Наконец они отпустили его, и он со стоном, едва держась на ногах, заковылял прочь. Придя домой, он рассказал людям о том, как с ним поступили. Из-за ожогов он

не мог сидеть, и односельчане сделали для него постель из бананового стебля и еще насыпали на нее сверху листьев.

Воины Маваты приготовили оружие и отправились мстить. Жители леса встретили их на полпути, и противники начали стрелять друг в друга из луков. Когда один из жителей Масингары был убит, бой кончился, а когда заключили мир, народ Маваты заплатил за убитого. Некоторые из жителей Масингары отказались принять плату, и однажды, когда один человек из Маваты, Сораре, пошел, не зная об опасности, к себе на огород, житель леса, взбирающийся на дерево, увидел его издали, с несколькими односельчанами подошел к нему ближе и выстрелил в него из лука. Сораре закричал, зовя на помощь, люди Маваты прибежали и отнесли его домой. Там он умер, а людям из Масингары удалось убежать.

Когда мертвого похоронили, жители Маваты стали спорить, мстить им за убитого или же потребовать, чтобы за него заплатили. В конце концов они решили требовать платы. Двое мужчин пошли в Масингару, и им дали в уплату за Сораре девушку. Она вышла замуж за брата Сораре, Море, и их ребенок со временем должен был занять место Сораре. Кроме девушки, жители Масингары также подарили семье погибшего много луков и стрел.

Но Море по-прежнему хотелось мстить, и через некоторое время он с несколькими друзьями заманил одного жителя леса в ловушку. Они попросили его нарвать с пальмы кокосовых орехов и, когда он спускался с дерева, схватили его и убили, вывихнув ему руки и ноги и свернув шею. Тело они оставили под кокосовой пальмой, чтобы люди подумали, будто он сам упал и разбился. Вскоре жители леса пришли и стали спрашивать о пропавшем, и люди Маваты сказали, что он пошел домой в Масингару. Жители леса увидели на земле недавно сорванные кокосы, и когда подошли посмотреть на них, то услышали жужжание мух, облаком висевших над телом их односельчанина, и почувствовали зловоние. Так они нашли его. Тело отнесли домой, но правды жители Масингары так никогда и не узнали.

87. Война между Масингарой и Дару

Люди народа хиаму, который жил в давние времена на острове Дару, отправились однажды в гости в Масингару — это было еще до того, как народ Маваты переселился туда, где живет те-

перь. Недалеко от Масингары хиаму остановились в лесу и стали делить взятые с собой для подарков друзьям в Масингаре рыбу и дюгонье мясо. Придя туда, они узнали, что мужчины ушли охотиться на диких свиней и казуаров. О дне, когда они встретятся, жители Дару и Масингары договорились заранее — сорвали кокосовый лист, разрезали его вдоль на две одинаковые половины, одну половину повесили в доме для мужчин в Масингаре, другую — на Дару и каждый день стали отрывать по кусочку между жилками, чтобы вести счет дням. Мужчины Масингары один раз оторвать кусочек листа забыли и, ожидая гостей днем позже, чем те на самом деле должны были прибыть, пошли добывать пищу. Женщины оставались дома, и среди них — жена одного из старейшин, родившая накануне ночью ребенка.

Женщины Масингары закричали:

— Пришли люди Дару, пришли люди Дару!

И они радушно встретили своих друзей. Один из гостей с Дару пошел к женщине, у которой родился ребенок — он дружил с ее мужем. Но женщина сказала:

— Ой, не подходи ко мне близко, я родила ночью ребенка, мне еще плохо. Я попрошу кого-нибудь, чтобы тебя накормили.

— Не надо, — сказал он, — все равно я подойду к тебе. Не проси других женщин, чтобы они принесли мне поесть, лучше принеси мне поесть сама.

— Ой, я еще слабая, внутри все болит, я дрожу — я не могу тебе принести еды.

Так она говорила, но он просил и просил, чтобы она нарвала ему кокосов, и наконец, очень неохотно, она согласилась. На ней была короткая юбка, и гость с Дару, когда женщина полезла на кокосовую пальму, поднял голову и стал на нее смотреть. Когда она спустилась, он сказал ей:

— Открой кокосы.

Она села, и тогда он набросился на нее и совершил над ней насилие.

Гости с Дару не стали ждать, пока мужчины Масингары вернутся — за рыбу и мясо им надарили кокосов, и они отправились в обратный путь. Женщины Масингары сказали им, чтобы они поскорей приплывали в гости снова, и опять оба народа разорвали надвое по средней жилке кокосовый лист, чтобы вести счет дням. Житель Дару, совершивший насилие над женой друга, вымазал себя глиной и вплеп в волосы красные цветы, и его односельчане поняли, что он сделал в Масингаре что-то необычное.

Охотники Масингары принесли домой много дичи — все, кроме человека, над женой которого совершил насилие гость с Дару. Жена стала упрекать мужа за то, что он сразу после родов оставил ее одну, и рассказала, что случилось. Он ей на это ничего не сказал, но не пошел к остальным мужчинам, которые в это время пили гамоду, а стал делать новые тетивы для луков. Сделав их много, он вернулся с ними в селение и стал разносить и класть по одной тетиве и стреле в каждом из домов для мужчин. Не называя народ Дару, он говорил мужчинам:

— Кто самый храбрый, пусть возьмет себе это.

Люди удивились и стали спрашивать друг у друга:

— Зачем он их кладет? Наверно, нам нужно его послушаться.

Предводители воинов стали брать тетивы и стрелы. Они принесли веток кустарника пиа, у которого яркие листья и который нужен для колдовства перед началом войны, и в каждом из домов для мужчин человек, который всегда это делает, взял ветку и протачил сквозь крепко сжатый кулак, чтобы листья оторвались, упали на землю и остались там гнить — это тоже колдовство перед началом войны.

Мужчины Масингары приготовились к войне и стали ждать гостей с Дару. У некоторых на Дару были друзья, которых им хотелось спасти от смерти, а у жителей леса в таких случаях есть обычай жевать бетель и выплевывать жвачку на того, кого они хотят спасти — тогда воины знают, что этого человека надо пощадить.

В это время жители Дару набили дюгоней и черепах, чтобы взять их мясо с собой в Масингару. Человек, который совершил над женщиной насилие, предвидел, что в Масингаре им, может быть, придется плохо, и сказал одному из своих друзей:

— Я сделал кое-что с женщиной в Масингаре, давай лучше туда не пойдем — нас могут убить.

Они притворились больными и остались дома, а остальные отправились в Масингару и, когда до нее было уже совсем недалеко, сели отдохнуть и разрезали мясо, которое каждый нес в подарок своим друзьям.

В день, когда надо было ждать гостей с Дару, масингарские мальчики, которых поставили следить, когда появятся гости, закричали:

— Идут люди Дару, идут люди Дару!

Из домов для мужчин убрали циновки и вместо них, чтобы кровь не осквернила полов, на которых спят люди, разостлали

широкие пальмовые листья. Некоторые мужчины говорили женам:

— Я убью мужчину с Дару, а ты убей его жену.

Кое-кого, хороших друзей и их жен, они договорились не убивать, потому что жители леса хотели после побоища снова подружиться с народом Дару.

Гости пришли, и их стали звать в дома. Житель Масингары, которого обидели, ждал своего обидчика, но тот все не появлялся. Он стал о нем спрашивать, и ему сказали, что тот заболел и остался дома. «Ой, это плохо!» — подумал он, но драться ему все равно хотелось, потому что обида была слишком сильная. Он натянул лук и выпустил стрелу в одного из хиаму, крича:

— Война! Где человек, который обидел мою жену? Думаете, я ребенок?

Началось большое побоище, и пролилось много крови. Некоторых гостей с Дару застрелили из луков, других проткнули насквозь деревянными копьями. Некоторых спасли их друзья, и они побежали из Масингары. Некоторые из раненых падали на тропинке. Многие заплутались в лесу. Воины Масингары гнались за ними и убивали каждого, кого удавалось догнать. Две или три лодки с жителями Дару успели отплыть, и люди Масингары закричали им вслед:

— В следующий раз мы воевать не будем! В следующий раз будем друзьями, как прежде!

И они объяснили жителям Дару, из-за чего на них напали.

Жители Дару, которым удалось спастись, заплакали и запричитали в своих лодках: «Э, йвири кутайго э саради кутайго э джеджи вурая э джеджи вурая э джеджи кутайго!» — «Все мои хорошие братья, все они, бедные, уже погибли!».

И еще: «Йвири мавари моговуда каварима сабу саэба» — «Когда мы приплыли, нас было много, а теперь нас осталось совсем мало».

Те, кто заплутался в лесу, пошли по берегу моря к мысу Аберемуба. Там они сделали плоты, чтобы переплыть на них к себе на Дару, но некоторые плоты были из тяжелого дерева, и те, кто поплыл на них, утонули. Жители Дару сочинили о них такие песни: «Э, джамджангапа убугане таяне убугануа джамджангапа таяне джамджангапа!» — «Все утонули, сильный ветер погубил всех! Мы были глупые — поплыли, когда дул сильный ветер!»

И еще: «Нагатата има нагатата сара гимиа буйбуява!» —

«Некоторые смотрели с берега: „Стволы деревьев это плывут или люди? Ой, да они уже на берегу!“»

Те, кто остался в живых и добрался до Дару, рассказали своему народу о беде, которая с ними случилась. Отовсюду шли на Дару плохие вести. Люди узнали, почему обиделся народ Масингары, и решили убить человека, который не предупредил своих об опасности — ведь это из-за него все произошло. Однако никто из односельчан сам убивать его не хотел. Тогда решили убить его колдовством. Оказалось, что один знает колдовство, вызывающее язвы, другой — колдовство, от которого хudeют и слабеют, третьи — как сделать, чтобы человека съела акула, но ни один из этих способов колдовства не подходил. Наконец нашли такого человека, какой был нужен — до этого он боялся говорить односельчанам о тайной силе, которой он владеет. При помощи колдовства он как бы «отравил» виновника и его друга. Родные оплакали и похоронили их, но затеять ссору не посмели.

После этого случая старики стали всегда предупреждать людей, чтобы те, когда придут в гости к жителям леса, не трогали их женщин, а то может случиться большая беда. Женщины жителей леса не то что женщины, живущие на берегу моря, — они всё рассказывают своим мужьям.

Х. ЛЮДИ С НЕОБЫЧНЫМИ ЧАСТЯМИ ТЕЛА

88. Даги — человек с длинной рукой

Недалеко от Сасасарез, селения, где жили когда-то предки людей Масингары, в давние времена жил человек по имени Даги. Левая рука у него была обыкновенная, зато правая — такая же длинная, как расстояние от Маваты до острова Дару. Сам Даги никогда не выходил из хижины, но по ночам он высовывал в окно свою длинную руку, и она ползла по земле, как змея, и воровала для него пищу из чужих домов и огородов. Нащупав дерево, рука взбиралась по стволу вверх и находила плоды, а если на дереве плодов не было, спускалась вниз и взбиралась на другое, и так обшаривала деревья до тех пор, пока не возвращалась домой с плодами. Хижина Даги стояла не на сваях, а на земле, и спал он внутри большого барабана. Лицо и тело Даги были покрыты волосами, поэтому он был похож на зверя. Каждый вечер, перед тем как лечь спать, он кричал:

— Хаа́руби пу́ра мо Да́ги но! — Я Даги, я здесь! Есть здесь еще кто-нибудь?

Когда Даги хотел убить дикую свинью или другое животное, его длинная рука обвивала зверя и ломала тому кости, и эта же рука приносила дрова и воду. На дрова Даги ломал только сухие деревья, зеленые он не трогал.

Неподалеку от Даги жили две сестры, и он часто воровал плоды с их деревьев и овощи с их огородов. Ногти у него были острые, как крючья, и длинная рука притаскивала ему сразу кенгуру — на ногте мизинца, казуара — на ногте безымянного пальца, дикую свинью — на ногте среднего, плоды — на ногте указательного и овощи — на ногте большого.

Однажды сестры заметили, что с их огородов кто-то ворует.

Они подумали, что это проделки летучих лисиц или других зверей. Вечером Даги приготовил себе из наворованного еду, прокричал обычные свои слова и добавил:

— Скоро моя рука пойдет на охоту, и один палец принесет кенгуру, другой — казуара, третий — дикую свинью, четвертый — плоды, а пятый — овощи.

Ночью рука Даги поползла из его хижины, ощупывая все вокруг, и набрела на хижины двух сестер. Сестры спали и не слышали, как рука Даги ощупывает их хижины. Рука забралась в хижину старшей и утащила из нее гроздь бананов и горшок болтушки, которую женщина приготовила для своей свиньи из таро, рыбы и кокосового молока. Рука принесла украденное домой, Даги начал есть болтушку и подумал: «Ой, до чего вкусно! Наверно, это приготовили люди. Не буду я больше ловить кенгуру и диких свиней, а буду лучше брать только такую еду».

На следующую ночь его рука сразу нашла ту же хижину и опять украла горшок болтушки для свиньи. Когда рука внесла горшок к нему в хижину, Даги понюхал болтушку и сказал, довольный:

— В тот раз мне пришлось потрудиться, чтобы раздобыть этой еды, а сейчас я нашел ее совсем легко.

Старшая сестра заметила, что болтушка, которую она готовит для свиньи, стала пропадать, и сказала младшей:

— Это ты воруеть мою болтушку!

— Зачем мне ее воровать? — ответила младшая. — У тебя свое хозяйство, у меня свое, ты делаешь свою болтушку, я свою.

Но около места, где стоял украденный горшок с болтушкой, были видны следы чьих-то пальцев, поэтому старшая сестра не поверила младшей, и они поссорились.

Следующей ночью старшая сестра легла, но спать не стала — решила подстеречь вора. И вот среди ночи она услышала, как что-то ползет по земле и негромко по ней похлопывает. Звук приближался, и она подумала, что это прыгает лягушка. Вскоре рука нащупала хижину, пролезла внутрь, пошарила по полу и схватила горшок с болтушкой. Женщина быстро разожгла огонь и увидела, как рука вытаскивает горшок из хижины.

— Так это не человек, это рука! — воскликнула она.

Утром она позвала младшую сестру и ей сказала:

— Зря мы ссорились — я видела, как болтушку уносит

чья-то рука, не твоя рука, а кого-то другого. Ночуй сегодня у меня, и ты тоже увидишь, кто уносит болтушку.

Днем сестры приготовили две длинные лианы, а вечером младшая закрыла свою хижину и пошла ночевать к старшей. Та ей сказала:

— Сделай на конце лианы петлю, а когда появится рука, накинь на нее и затяни.

Среди ночи рука, хлопая по земле ладонью, приползла опять, и старшая сестра прошептала младшей:

— Слышишь? Это она!

Рука вошла в хижину и уже хотела схватить горшок с болтушкой, но тут младшая сестра накинула на запястье петлю и затянула. Другой конец лианы сестры привязали к столбу. Даги потянул руку к себе, но вытащить не смог и подумал: «Ой, кто-то меня держит! Кто же это меня привязал?» Женщины разожгли огонь, стали разглядывать руку и сказали:

— Какая же она волосатая!

С нижней стороны, той, которой рука терлась о землю, волос на ней было меньше. Женщинам захотелось узнать, чья это рука, и они пошли вдоль нее, но было темно, и они, решив дождаться рассвета, вернулись в хижину. Даги все время дергал руку, но высвободить ее не мог.

Утром сестры отвязали конец лианы от столба, и старшая сказала:

— Держи конец лианы, а я возьмусь за руку; мы пойдем за ней следом, а если она начнет вырываться, сразу привяжи лиану к дереву.

Но рука, когда почувствовала, что может двигаться, не стала вырываться, а мягко потянула их за собой. Младшая сестра сказала:

— Смотри, она не вырывается — наверно, тот, чья это рука, зовет нас к себе.

А Даги тянул к себе руку и думал: «Какая тяжелая! Видно, кто-то за нее держится и ко мне идет». Рука его стала, как змея, свертываться в углу хижины, а когда в этом углу места не осталось, стала дальше свертываться в другом.

— Посмотри, она заползает в хижину! — воскликнула старшая сестра.

Сначала они испугались, а потом, когда заглянули в хижину и увидели Даги, сказали:

— Что такое? Здесь полным-полно толстых свернутых веревок! Кто ты? Ты человек?

— Да, я человек, я Даги. Откуда вы пришли?

— Из леса — мы живем там одни, мужчин у нас нет. Ты брал у нас еду, вот почему мы пришли к тебе.

— У меня есть свой огород и плодовые деревья, только я их никогда не видел — моя рука все делает там сама. Пойдите туда и нарвите себе всего столько, сколько хотите.

Обрадованные сестры пошли и нарвали много плодов и овощей. Они увидели, что огород Даги засажен как попало, то часто, то редко — ведь Даги не видел, что делает его рука.

Женщины перенесли в хижину к Даги свои вещи, стали его женами и остались у него жить. Ночью, когда женщины уже спали, Даги отправил свою длинную руку охотиться. Рука поймала несколько диких свиней, кенгуру и казуаров, приволокла их в хижину и положила около женщин. Проснувшись, сестры разделали туши и приготовили еду. Даги с ними поел, а потом сестры вышли из хижины и стали шептаться:

— Бедный, как ему плохо с этой рукой, она такая длинная и тяжелая! Давай подождем, пока он заснет, иотрежем ее.

Вечером Даги закричал, как обычно:

— Эй, кто-нибудь еще здесь есть? Кто хочет свинины, мяса казуара, мяса кенгуру? Сегодня я не иду охотиться, а завтра пойду опять!

Прокричав это, он заснул, и тогда женщины сказали:

— Ну вот, он будет спать до утра.

Сестры решили проверить, крепко ли спит Даги, и стали кричать над самым его ухом:

— Проснись, дом горит!

Но Даги не проснулся, и тогда сестры отрезали ему руку повыше запястья, потом еще раз, ниже плеча, выбросили середину и склеили нижнюю часть с верхней. Получилась новая рука, точно такой длины, как другая. Мышцы они разрезали бамбуковым ножом, а кости перепилили раковинной. Даги все время, пока они это делали, спал как мертвый. Потом сестры обрили Даги, оставили только брови, усы [они украшают мужчину и в них его боевой дух, вот почему их нет у женщин], небольшую бороду, немножко волос на груди и немного — внизу живота. После этого они раскрасили Даги водой и углем в черный, а глиной — в белый цвет и надели на него много разных украшений. Рядом они поставили блюдо с водой, чтобы он, когда проснется, увидел в ней свое отражение. Вырезанную часть руки сестры зарыли в землю, а потом убрали в доме и легли спать.

Наконец Даги зашевелился и начал просыпаться. Жены, притворившись спящими, следили за ним. Даги поднял руку, среднюю часть которой они вырезали, и воскликнул:

— Здравствуй!

Он подумал, что это его короткая рука, и поднял вторую, но та оказалась точно такая же.

— Что за чудо, обе одинаковые! — воскликнул он.

Обе руки были теперь одинаково легкие. Даги провел рукой по своему телу — волос нет. Тогда он поднялся на ноги и стал кричать:

— Даги, Даги, Даги!

Жены незаметно смотрели на него и радовались. Даги увидел в воде свое отражение и воскликнул:

— Да ведь это я, Даги! Весь раскрашенный и в таких украшениях! Хорошо, что я теперь такой же человек, как все! И он заскакал и заплясал по хижине, крича:

— Как хорошо, как хорошо!

А потом Даги, думая, что жены спят, стал их будить:

— Почему вы так долго спите? Посмотрите, какой я стал! Ночью я сделал себе вместо длинной руки короткую, и до чего же мне теперь хорошо!

Но женщины знали, как все было на самом деле, и они сказали:

— Ты говоришь неправду, это не ты сделал, а мы. А теперь мы вернемся к себе домой и начнем готовить все к празднику. Ты придешь к нам помочь.

Сестры отправились домой, и по дороге они заходили в селения и звали людей к себе на праздник. Они побывали в Гуруру, Тати, Бугиа, Татируэ, Мирапо, Баду, Дарубе, Ламе, Ольме, Валеаму, Ируэ и Арипаре.

Придя домой, женщины начали готовиться к празднику, а потом, в назначенный день, пришли все, кого они звали. Вместе с другими пришел и Даги. Он натянул тетиву своего лука и прокричал:

— Но мóрой Дáги! — Это я, Даги!

Никто не знал его, и сестры для того и устроили праздник, чтобы всем его показать. Они сказали гостям:

— Смотрите все, это Даги.

Есть каждый усаживался около своих односельчан, еды было очень много, а когда стемнело, люди начали один из танцев, которые танцуют только жители леса. Они начали петь и спели много песен, среди них эту: «Кáэга кйэде, дéдебде йпа

сáпа дéдебде» — «Смотрю ночью — он красивый, на нем много разных украшений, смотрю днем — все его тело в язвах». Танцевали всю ночь, а когда взошло солнце, сестры зарезали двух свиней и роздали мясо гостям, чтобы те взяли его с собой. Все отправились по домам, а Даги со своими двумя женами тоже пошел к себе в Сасасареэ, и там они и остались жить.

Прошло некоторое время, и старшая женщина родила мальчика, а младшая девочку. Мальчика назвали Нуэ. Однажды, когда дети уже выросли, Даги сказал:

— Здесь нет людей, пусть мальчик и девочка женятся и народят побольше детей.

Те так и сделали.

89. Человек, у которого одна нога была казуарья

Как-то в селении Мао женщина родила мальчика, у которого одна нога была, как у всех людей, но другая — как у казуара. Родился он таким потому, что его мать, когда его ждала, не ела ничего, кроме казуарьего мяса.

Однажды, когда мальчик уже вырос и стал взрослым, селения Мао и Виоруби решили воевать с селением Гемеидаи. У человека с казуарьей ногой был в Виоруби друг, и этот друг очень обрадовался, узнав, что предстоит война, и сказал:

— Завтра все увидят, сколько врагов я убью!

Его друг из селения Мао стыдился своего вида и ничего не сказал, а только подумал: «У него ноги как у всех, а у меня одна не такая, поэтому не буду я лучше хвастать».

Когда лодки с воинами подплыли к чужому берегу, друг человека с казуарьей ногой выскочил из лодки первым, бросился на врагов и сразу убил троих. Его друг выпрыгнул на берег за ним следом и стал бить врагов своей казуарьей ногой. Нога, как топор, проламывала черепа, ломала руки и ноги и вспарывала животы. Друг из Виоруби, увидев это, очень удивился и подумал: «До чего же он быстрый! Зря я хвастался, до друга-то мне, оказывается, далеко! Надо мне раздобыть себе тоже казуарью ногу».

Наконец все жители Гемеидаи были убиты. Победители отрезали у них головы и понесли домой, трубя в раковины, чтобы те, кто остался дома, знали, что они возвращаются. Человек из Виоруби подошел к своему другу из Мао и спросил:

— Как ты поменял себе ногу на казуарью? Научи меня, я тоже поменяю свою.

— Я не менял ногу на казуарью,— ответил ему друг,— меня таким родила мать. Не отрезай свою ногу, ты себя искалечишь.

— Нет, друг, ты меня обманываешь,— сказал человек из Виоруби.— Мне тоже нужна такая нога, а люди с такими ногами не рождаются.

Человек из Виоруби не поверил своему другу — пошел, убил казуара и отрезал у него ногу. После этого он отрезал ногу у себя, приставил вместо нее казуарью, прибил колышком к обрубку и крепко обвязал то место, где новая нога соединялась с его телом. Сначала ходить было больно, но потом рана зажила, и у человека из Виоруби, как и у его друга из Мао, одна нога стала казуарья.

Прошло немного времени, и люди Мао и Виоруби пошли войной на жителей острова Або. Подплыв к берегу, войны выпрыгнули из лодок и бросились в селение. Друзья ворвались туда первыми и стали бить врагов своими казуарьими ногами. Люди от этих ударов падали мертвыми, и воинам, приплывшим вместе с двумя друзьями, оставалось только отрезать у убитых головы.

Через некоторое время войны с добытыми головами отправились в обратный путь, а два друга этого даже не заметили. Те жители Або, которые успели спрятаться, увидели, что друзья остались одни, и начали их окружать. Те стали медленно отступать к берегу. Когда один уставал, он ложился на землю и отдыхал, а другой в это время, загородив его своим телом, целился во врагов из лука, и те боялись подойти ближе. Немного спустя отдохнувший сменял своего защитника, и так, по очереди отдыхая, друзья дошли до широкого ручья. Каждый хотел, чтобы другой перепрыгнул первым, и наконец они решили, что первым перепрыгнет человек из селения Мао и начнет с другого берега стрелять по врагам, защищая друга, а тот в это время перепрыгнет тоже. Человек из Мао перепрыгнул ручей и закричал:

— Не бойся, друг, не бойся, прыгай скорей за мной, я их не подпущу!

Друг из Виоруби прыгнул, но упал в ручей, и, когда он попытался вытащить свою казуарью ногу из топкой грязи на дне, нога отломилась. Он закричал:

— Друг, вытащи меня и унеси!

— Я не могу этого сделать,— ответил другой,— тогда мы пропадем оба. Я же говорил тебе — прыгай первым!

Человек из Виоруби стоял, увязнув в ручье, а друг, защищая его, стрелял во врагов из лука. Жители Або, однако, подходили все ближе, и наконец человек из Мао сказал другу:

— Их слишком много, мне с ними не справиться.

— Тогда оставь меня здесь,— сказал друг из Виоруби,— а моих жену и ребенка возьми себе. Из Мао, где ты живешь, переходи в Виоруби, где жил я, и у тебя будут две жены.

Жители острова Або подступали все ближе, человек из Мао бросился от них бежать и услышал удары дубинок по телу друга. Убив человека из Виоруби, жители Або вернулись с его головой к себе в селение.

Человек из Мао, у которого одна нога была казуарья, нагнал своих и рассказал о том, что случилось, и все оплакали погибшего. На другой день люди Мао и Виоруби вернулись, чтобы драться снова. Они говорили:

— Нехорошо, что тело нашего воина гниет в ручье и никто его не похоронит. Может, его дух стал змеей или птицей и теперь смотрит на нас и думает: «Друзья, что же вы не отомстите?»

Воины снова стали драться. Человек с казуарьей ногой опять ворвался в селение первым, убивая всех, кто попадался на его пути, а воины шли за ним следом и отрезали головы. Голову друга из Виоруби нашли и приставили к туловищу, а на грудь положили несколько голов жителей Або. Человек с казуарьей ногой сказал:

— Друг, теперь тебе будет хорошо — мы не оставим тебя гнить на Або, я отвезу тебя в родное селение и там похороню.

Воины так и сделали — похоронили убитого на его родине.

90. Муж-рыболов

Как-то раз в давние времена один человек договорился со своими двумя женами, что на другой день они пойдут втроем делать саго. Когда они пришли в лес, муж срубил саговую пальму, прорезал в стволе большую дыру, и его жены принялись за работу. Муж тем временем пошел ловить рыбу. Он пришел к пруду, вынул свои глаза, положил их на берегу и нырнул. Рыба и крабы мигом окружили его и впились в его веки и пустые глазницы. Человек вылез на берег, побросал улов в кор-

зину и стал искать на ощупь глаза. Когда он их наконец нашел, он вставил их в глазницы и понес рыбу женам. Те спросили его:

— Где ты поймал эту рыбу?

— В большом болоте,— ответил муж.

Он не хотел, чтобы они узнали, как он ловит рыбу.

Вечером они отправились домой, а на другой день снова пошли за саго, и муж опять стал ловить рыбу — так же, как накануне. О том, как он это делает, не знал никто.

Но однажды, когда он, вынув глаза, прыгнул в воду, их увидела птица, которая была также и человеком,— она в это время пила из пруда. Птица вмиг проглотила оба глаза, а потом взлетела на высокое дерево.

Выйдя из воды, человек стал искать глаза, но найти их не мог. Тогда он закричал женам:

— Идите сюда, поищите мои глаза!

Жены пришли и спросили:

— Что случилось?

— Поищите мои глаза, я не могу их найти.

— Куда ты их дел?

— Я положил их где-то здесь, на берегу,— сказал он,— поищите как следует.

— Их нигде нет.

— Поищите тогда в желудках у птиц,— попросил он.

Жены сделали небольшой лук, подстрелили какую-то птицу и выпотрошили ее, но ничего не нашли. Они подстрелили еще несколько птиц, принесли мужу, и он их выпотрошил, но тоже не нашел ничего. Через некоторое время большая птица, проглотившая его глаза, слетела с высокого дерева и села на низкое, и там одна из женщин ее подстрелила. Она выпотрошила птицу и нашла внутри глаза мужа. Женщины их вымыли, вставили мужу в глазницы, и он воскликнул:

— Я снова вижу!

— Если еще раз так сделаешь,— сказали жены,— мы их искать не станем. Ты обманщик — ведь ты говорил нам, что ловишь рыбу в большом болоте.

Мужчина был очень рад, что глаза нашлись и он теперь снова видит. А когда они вернулись домой и люди услышали о том, что случилось, все стали смеяться и говорить мужу:

— Напрасно ты вынимаешь свои глаза! А что, если бы они попались дикой свинье и та бы их съела и убежала в лес — где бы тогда ты их искал? Как ты мог такое придумать?

XI. ЖИВОТНЫЕ И РАСТЕНИЯ

91. Как спаслись два брата

Однажды в Иасе несколько человек вышли ночью по нужде и увидели змею — на самом деле это был орорарора. Они закричали:

— Идите сюда, здесь большая змея, надо ее убить!

Люди проснулись и стали хватать что попадалось под руку, а потом побежали к змее и убили ее, но рубить на куски не стали, а просто сбросили в воду. Некоторые говорили:

— Это орорарора.

А другие им отвечали:

— Нет, это просто большая змея.

Следующей ночью орорарора стал лодкой, и одна женщина, ловившая крабов, ее увидела. Лодка была большая, больше змеи, и она застряла на мели у самого берега. «Хорошая лодка — наверно, ее принесло из других мест», — подумала женщина. Она пошла и рассказала о ней односельчанам, и те пришли и вытащили лодку на берег.

Через два дня жители Иасы сказали:

— Давайте на этой лодке, которую к нам занесло, пошлывем на Мибу половить рыбу и крабов.

Так они и сделали и, когда приплыли на Мибу, разошлись вдоль берега, а сторожить лодку не оставили никого. Но один из них подумал: «Никто не остался сторожить лодку, пойду-ка, пожалуй, постерегу ее я». Он вернулся к ней и увидел, что она на месте. Тогда он искупался, вымыл крабов, которых поймал, вошел в хижину, разжег огонь и стал готовить себе еду. Лодка тем временем сама опустилась на дно, и, когда человек, оставшийся ее сторожить, выглянул из хижины, он ее не увидел.

— Где же лодка? — воскликнул он. — Ой, она всплывает — значит, она была под водой! Может, на самом деле это не лодка, а змея, которую мы убили?

Вскоре стали возвращаться люди, и один из них спросил того, кто стерег лодку:

— Ничего не случилось, пока нас не было?

— Ничего, — ответил тот.

Ему не хотелось говорить всем о том, что он видел, и он только отозвал в сторону брата, подобрал с земли большой корень дерева саэ, который очень хорошо держится на воде, и сказал:

— Давай положим этот корень поперек лодки и сядем на него, подобрав под себя ноги. Брат, эта лодка не настоящая, на самом деле это змея, и она, наверно, уйдет в воду.

На следующее утро жители Иасы отплыли с Мибу, и братья сразу сели на корень дерева саэ. На полпути между Мибу и Иасой лодка сразу пошла ко дну, и все, кто в ней плыл, кроме двух братьев, сидевших на корне дерева саэ, утонули. Братья, держась за корень, с большим трудом доплыли до родного селения. Выбравшись на берег, они пошли к односельчанам и им сказали:

— Лодка не вернется, она утонула. Это была не лодка, это был орорарора — вы убили змею и бросили ее в воду, а это был орорарора, и он стал лодкой.

Все начали оплакивать погибших, но братьев никто не упрекнул, потому что они не были виноваты.

92. Как появились крокодилы

Один человек из селения Буруту сделал как-то деревянного крокодила с зубами, лапами и хвостом и положил на берегу реки. К голове крокодила он прикрепил ветку дерева тооп и ушел прочь.

На другой день человек снова пришел на берег, где лежал деревянный крокодил. Он разжевал лист кустарника ибуна, выплюнул жвачку на крокодила, и хвост задвигался. Он пожевал и плюнул на крокодила во второй раз — задвигались лапы, а когда пожевал и плюнул в третий, крокодил открыл пасть.

Человек вернулся в селение, но никому не рассказал о том, что сделал крокодила. На другое утро он снова пошел на берег и увидел, что крокодил уполз в реку — из воды высовывалась

его голова, а на ней была та же ветка дерева топо. Человек сказал:

— Я твой отец, ты мой сын, не кусай меня, когда я к тебе подойду.

Он схватил крокодила за хвост, и тот изогнулся кольцом, но кусать его не стал.

Человек пошел в селение и сказал людям:

— Не купайтесь в реке и не подходите к ней близко, а то вас схватит крокодил.

— Крокодил? — удивились люди. — А что это такое? Мы никогда его не видели.

Ночью один из них вышел по нужде, светя себе факелом, и присел на берегу. Тогда крокодил бросился на него из воды, вцепился в него зубами и поволок в реку. Человек завопил, и все бросились на берег и увидели, как крокодил его тащит.

— Я говорил вам — не подходите к реке! — крикнул человек, сделавший крокодила.

А тот, кого крокодил уволок в реку, так оттуда и не вернулся.

93. Как собаки и кускусы поссорились

Прежде собаки и кускусы жили вместе, но еды на всех не хватало, и собаки начали думать, как им сделать, чтобы кускусы ушли жить в другое место. Наконец собаки придумали, и тогда они сказали кускусам:

— Посмотрите, что это там, вон на том дереве?

Кускусы повернулись, куда им показали собаки, и стали смотреть, а собаки тем временем загнули себе уши. После этого они сказали кускусам:

— А теперь посмотрите на нас.

Кускусы повернулись, посмотрели на собак и очень удивились. Они спросили:

— Что с вашими ушами?

— А мы их обрезали, — сказали собаки. — Обрежьте и вы свои.

Кускусы обрезали, и едва они это сделали, как собаки начали над ними смеяться.

— Ха-ха-ха, посмотрите, как мы вас одурачили!

И они разогнули свои уши. Кускусы, увидев, что собаки их обманули, очень рассердились и сказали:

— Мы уйдем жить на деревья, будем там есть разные плоды, а вы оставайтесь на земле, и пусть за то, что вы так над нами посмеялись, мошкара кусает и жалит вас.

Собаки ответили:

— Вы сказали нам плохое, теперь мы вам скажем плохое. Мы будем жить у людей, и люди будут брать нас с собой на охоту, чтобы мы вас ловили. Раньше мы были друзьями, а теперь мы враги.

Но кускусы на это сказали:

— Жить около вас теперь мы не будем, мы будем жить далеко от вас, на высоких деревьях. Редко вы увидите нас на земле, и поймать кого-нибудь из нас вам будет трудно.

С той поры люди с собаками охотятся на кускусов, но только охотиться на них очень нелегко.

Уходя навсегда от собак, кускусы сказали:

— Иногда люди будут вас кормить, иногда не будут. Охотиться вы будете зря, все, что вы поймаете, человек будет брать себе. Люди будут бросать вам кости и отбросы, и вы будете их есть, будете есть все, что найдете на земле, а мы будем есть на деревьях вкусные плоды. Иногда люди совсем не будут вас кормить, и тогда вы будете еду воровать — для таких обманщиков, как вы, это самое подходящее занятие.

С тех пор собаки едят все, что дают им люди, и подбирают все отбросы, которые валяются на земле. Они попробовали было помириться с кускусами, но те мириться с ними не захотели, и тогда собаки стали звать к себе лесных крыс:

— Идите к нам, давайте жить вместе.

— Нет, не ходите к ним, лучше идите жить к нам,— сказали кускусы.

Лесные крысы пошли к ним, и с ними же вместе стали жить дикie свиньи. Тогда собаки, видя, что остались одни, сказали:

— Ну, раз вы теперь заодно, раз никто из вас не хочет с нами дружить, мы будем охотиться на вас всех.

— Мы вам тем же платить не будем,— сказали кускусы,— а вот дикie свиньи будут вас убивать, змеи и крокодилы — тоже.

Собакам одним было скучно, и они, чтобы их стало больше, завели по многу щенят, а людям сказали:

— Держите нас около себя, мы будем помогать вам охотиться.

Вот почему собаки бросаются за любым зверем, какого только увидят, и вот почему звери с ними не дружат.

94. Казуар и крокодил

В селении Сагеро один казуар посадил на берегу реки саговую пальму. Однажды из воды вылез крокодил, выполол вокруг пальмы траву и сказал:

— Теперь дерево мое!

Сказав это, он снова влез в воду.

Вскоре казуар опять пришел к дереву и, увидев, что трава вокруг него выполота, закричал:

— Кто это выполол траву вокруг дерева? Ведь это дерево мое!

Казуар сделал на стволе метку, чтобы было видно, что пальма принадлежит ему, и закричал сердито:

— Наверняка это ты, крокодил! Лучше сиди в воде и не выходи на берег!

После этого казуар ушел в заросли. На другой день крокодил вылез из воды снова и сказал:

— Почему это он пометил дерево? Оно мое, а не его!

Он улегся под деревом и стал ждать казуара, но тот не приходил, и крокодил снова вернулся в воду.

Когда саго уже дозревало, казуар опять пришел посмотреть на пальму.

— Завтра я приду и срежу верхушку,— сказал он,— еда мне нужна.

Однако крокодил приполз раньше, приставил к дереву длинный шест, вскарабкался по нему на пальму и срезал верхушку. Как раз в это время появился казуар. Увидев крокодила на дереве, он закричал:

— Ах ты, бессовестный, ты почему срезал верхушку дерева? Не ты его сажал, а я!

Казуар отшвырнул шест, приставленный к дереву, и крокодил теперь не мог спуститься на землю. Он начал упрямиться казуара:

— Поставь, пожалуйста, шест назад, я хочу слезть.

Но сколько ни уговаривал он, казуар ушел, оставив его на дереве. Крокодилу пришлось проедать себе дорогу внутри ствола. Три месяца проедал он ее и наконец спустился, прогрыз в коре дыру и вылез наружу.

— Ну и негодяй же этот казуар! — сказал он. — Так со мной поступил!

Крокодил сполз в речушку и стал плавать поверху, поглядывая, не идет ли казуар.

Через некоторое время казуар появился. Не заметив крокодила, он подошел к самому берегу, и тогда крокодил схватил его за ногу и утащил под воду. В отместку за три месяца, которые он провел в стволе саговой пальмы, крокодил столько же времени продержал казуара у себя под водой. А когда три месяца прошли, крокодил отпустил казуара, и тот вернулся к себе домой, в лес.

95. Откуда появились москиты

Когда-то у реки Флай, далеко от морского берега, выше селения Тирио, жила женщина. Свою хижину она держала всегда плотно закрытой, потому что там были все москиты в мире — ни в лесу, ни в других местах тогда не было ни одного. Они так пищали, что казалось, будто хижина полна птиц. Людям очень хотелось узнать, что же такое в этой хижине, и они спрашивали женщину:

— Почему хижина у тебя все время закрыта? Кто там внутри?

— Там никого нет,— отвечала им она.

— Лучше ты сожги ее,— говорили ей люди,— плохо, что она у тебя все время закрыта. Наверно, кто-нибудь все-таки там есть.

— Да нет же,— отвечала женщина,— просто у меня пропадает иногда одно, иногда другое, вот я ее и закрываю. А внутри, правда, ничего нет.

Но люди не верили, что это так.

Однажды женщина пошла к себе на огород и увидела, что у нее украли большую гроздь спелых бананов. Она очень рассердилась и стала обходить односельчан и спрашивать:

— Кто сорвал мои бананы?

Но все они отвечали:

— Я не знаю, я на твой огород не ходил.

— Лжете вы, все вы воры! — закричала она наконец. — Так вот же вам за это!

Она побежала домой, распахнула дверь хижины и крикнула:

— Вылетайте, москиты!

Москиты вылетели и с пронзительным писком накиннулись на людей. Женщина сказала:

— Теперь нигде не смогут спать люди, москиты будут за-

летать в дома и не дадут заснуть ни детям, ни женщинам. И работать подолгу люди тоже не смогут — пойдут на огороды, поработают немного и вернутся домой, потому что москиты все время будут их кусать.

С тех пор москиты, когда дует северо-западный ветер, не дают людям покоя. Люди из-за москитов не могут спать ночью, не могут работать днем, но виноваты в этом они сами — не надо было красть бананы у той женщины.

96. Почему осы черно-желтые

[Вот рассказ об осах-гугуарио, у которых концы тела черные, а середина желтая.]

Как-то один охотник пошел рано утром в лес и убил там трех диких свиней и трех кускусов. Подвесив туши на деревьях рядом с тропинкой, он зашагал дальше. Вскоре он увидел на земле большое осиное гнездо, но принял его за логово дикой свиньи и на него наступил. Осы вылетели, облепили охотника и стали жалить его голое тело, и от их укусов охотник умер.

Односельчане долго ждали охотника, но он все не возвращался. Наконец они увидели его собак — те прибежали в селение. Люди подумали: «Раз собаки прибежали, значит, скоро придет и он». Однако охотника все не было, и вечером люди стали говорить:

— Собаки давно вернулись, а хозяина все нет. Может, с ним что-нибудь случилось?

Они отправились его искать и рядом с тропинкой увидели подвешенные на деревьях туши трех диких свиней и трех кускусов. Двух свиней и двух кускусов люди понесли в селение, но одну свинью и одного кускуса оставили — так поступают всегда, если охотник пропал в лесу. Однако нижние челюсти у оставленных туш люди отрезали и взяли с собой. Вернувшись, они приготовили много еды, сытно поели и оплакали охотника.

Ночью охотник пришел во сне к своей жене и сказал: «Иди к кокосовой пальме, на которой много плодов и которая растет одна. Около нее ты меня и найдешь. Но близко не подходи, а то на тебя нападут осы, как напали на меня». — «Почему они на тебя напали?» — спросила она во сне. «Я принял их гнездо за логово дикой свиньи, — ответил он, — и наступил на него».

Женщина проснулась и стала плакать. Было еще темно. Когда рассвело и стало видно дорогу, она пошла туда, куда сказал муж, и там нашла его тело, но близко не подошла, потому что лежал он рядом с осиным гнездом. Женщина вернулась в селение и позвала с собой людей, а когда привела их к месту, где лежал муж, сказала им:

— Давайте подожжем здесь траву. Ему хуже от этого не станет — он умер, теперь ему все равно.

Они подожгли траву и, когда она сгорела, отнесли обуглившееся тело в селение и там похоронили. А ос-гугуарио, вылетавших из гнезда, когда горела трава, опалило огнем, и с тех пор только середина тела у них желтая, а остальное все черное.

97. Заброшенные бананы

Однажды жители Маваты бросили старые посадки бананов и сделали новые. Однако несколько старых деревьев все еще росли и продолжали давать плоды. Прошло некоторое время, и хозяин бананов пошел укрыть гроздья плодов на новых деревьях листьями. Бананы на старых деревьях, оставшиеся без ухода, запричитали:

— Отец, ты нас вырастил, а потом забыл о нас! Куда ты уходишь? Ты забросил нас и не укрываешь листьями от дождя!

Человек услышал их плач, но подумал, что это плачет и зовет отца чей-то ребенок, и продолжал работать. Кончив работать, он отправился домой, и, когда он проходил мимо своих старых деревьев, бананы опять запричитали:

— Отец, ты забросил нас, не укрываешь больше листьями, и дождь нас все время мочит!

Но человек не понял, что это плачут деревья, и ушел домой. Рано утром на другой день он опять отправился к новым банановым деревьям, и, когда он проходил мимо старых, бананы на них опять заплакали:

— Отец, ты о нас совсем забыл! Неужели ты не можешь укрыть нас листьями? Ведь дождь поливает нас все время!

Только тут человек понял, что плачет не ребенок, а его брошенные бананы. Он подошел к ним и укрыл их листьями так же заботливо, как бананы на своих новых деревьях, а потом вымазал лицо грязью и заплакал, приговаривая:

— Что же я сделал — вырастил вас, а потом оставил!

Вот почему люди теперь укрывают все гроздья бананов листьями — если не сделать этого, бананы будут плакать.

ХИ. НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА

98. Тагаи и его сыновья

Когда-то на острове Мабуиаг жил человек по имени Тагаи. У него были сыновья Кеке, Утиамо, Сенгераи, Нирирадубу, Коиджугубу, Нарамудубу и Каронго — самый младший.

Однажды Тагаи на лодке отправился с сыновьями за рыбой. Отец, стоя на корме, бил рыбу острой, а сыновья гребли, только Каронго ничего не делал. Когда Тагаи поймал несколько рыб, Каронго перешел на корму и стал их чистить. Но его братья сказали:

— Ты нам не помогал, так почему ты теперь взялся за рыбу?

Так они ссорились с ним каждый день — из-за того, что Каронго не хотел ничего делать, а только чистил рыбу. Однако на этот раз Тагаи рассердился и, подняв острогу, закричал на Каронго:

— Ты почему никого не слушаешь? Твои братья гребут, я бью рыбу, а ты не делаешь ничего! Никакой помощи от тебя нет семье!

Он проткнул Каронго острой и, размахнувшись, забросил в небо. Там его младший сын стал созвездием, которое теперь называют Каронго [Антарес].

— Ты будешь опускаться за край земли первым, перед тем как задует северо-западный ветер! — крикнул ему Тагаи.

В ярости он повернулся к сыновьям и сказал:

— Я убил из-за вас Каронго и убью вас всех!

Он проткнул острой Нарамудубу, забросил в небо и крикнул:

— Ты будешь давать людям много рыбы, и море, пока ты светишь, будет спокойное!

И Нарамудубу [Вега] тоже стал звездой.

Так же Тагаи поступил и с Нирирадубу [Альтаир]. Ему он крикнул:

— Так же, как твой старший брат, ты будешь давать людям много рыбы! Пока тебя видно, у людей будут полные животы, им будет душно спать в домах, и они станут спать под домами.

Гаибару он крикнул:

— При тебе задует северо-западный ветер, будет дуть и дуть не переставая, и будет идти дождь.

Забрасывая Кеке [Ахернар], Тагаи прокричал:

— Когда выйдешь ты, задует юго-восточный ветер!

Забрасывая Утиамо [Плеяды], он прокричал:

— При тебе тоже будет дуть юго-восточный ветер!

Забрасывая Сенгераи [Орион], он прокричал:

— При тебе юго-восточный ветер будет дуть тоже, будет дуть не переставая!

Забрасывая Коиджугубу [Капелла, Сириус и Канопус], Тагаи прокричал:

— При тебе юго-восточный ветер задует еще сильнее, начнутся дожди и холод!

Когда Тагаи убил и забросил на небо всех своих сыновей, он подумал: «Что делать мне теперь одному?» Он пристал к берегу, привязал лодку и залез на дерево купа. Тагаи стал срывать с него плоды и их есть, а потом решил, что останется там переночевать.

Утром к дереву, на котором спал Тагаи, пришла женщина и начала подбирать упавшие плоды. Ей попался надкушенный плод, который уронил Тагаи, и она подумала: «Как странно, на нем следы зубов! Кто же его надкусил?» Она посмотрела вверх и увидела на дереве Тагаи. Он тоже ее увидел и подумал: «Куда же мне спрятаться? Везде меня могут увидеть люди. Подниму-ка я бурю с дождем, тогда эта женщина не сможет уйти отсюда и не расскажет обо мне людям».

Колдовством он вызвал грозу и ливень, и женщине, чтобы укрыться от дождя, пришлось стать под дерево. Тагаи спустился на землю, и женщина спросила его:

— Ты кто?

— Я Тагаи. А кто ты?

— Я Гуги [Звезда]. Возьми меня с собой.

— Нет, я не могу взять тебя с собой, — сказал Тагаи.

— Куда ты идешь?

— Я иду вверх.

И Тагаи [Южный Крест] поднялся на небо и стал созвездием. На небе он встретился с сыновьями и им сказал:

— Я пойду впереди, буду первым поднимать ветер, а вы идите за мной.

Тагаи увидел акулу, которую в сердцах забросил вслед за сыновьями на небо [Большая Медведица], и сказал ей:

— Когда за краем земли не станет видно твоего плавника, задует сильнее ветер и вода начнет прибывать. Когда исчезнет твой хвост, воды будет прибывать все больше и больше. Когда останется видна только твоя голова, начнется брачная пора черепах. Потом, как-нибудь, люди посмотрят ночью на небо и скажут: «Ой, акулы не видно, она уплыла!» А дня через два или три глянут на небо перед рассветом и скажут: «Смотрите, акула снова высунула голову!»

Женщину Тагаи не захотел взять с собой на небо, и она сама поднялась за ним следом. Когда Тагаи увидел ее там, он сказал:

— Ты будешь Саи-гуги [Венера], утренняя звезда, и пойдешь впереди Саи, солнца — сначала ты, а вслед за тобой оно.

99. Почему на белой луне темные пятна

В Барамубе жила женщина, которую звали Виовио, и у нее был сын по имени Гануми. Когда он был еще грудным ребенком, мать его забеременела опять. От этого молоко у нее испортилось, и Гануми перестал сосать грудь. Он лежал, голодный и грязный, мать не мыла его и только иногда давала ему немножко саго.

Незадолго до родов ей занавесили в доме угол, и там она родила. Циновку с пятнами своей крови она не выбросила, и однажды, когда все ушли работать на огороды, она положила на нее Гануми и тоже ушла. Гануми срыву вскочил на ноги и закричал:

— Ой, что это здесь, такое красное?

И тут же Гануми стал из мальчика попугаем. Тело у него покрылось перьями, появился клюв, и весь он стал красный — как пятна крови на циновке. Попугай взлетел на крышу хижины, а потом полетел туда, где Виовио делала саго, и сел на соседнюю саговую пальму. Женщина подумала: «Такой птицы

я не видела никогда, какая она красивая!» А птица закричала на языке красных попугаев:

— Вйовйо, ро наудуроро? — Виовио, ты меня узнаешь?

Женщина бросила птице немного саго и сказала:

— Почему эта птица зовет меня по имени?

Попугай перелетел на другое дерево, сбросил перья, снова стал мальчиком и сказал:

— Ты меня не узнала? А ведь ты родила меня — ты, а не другая женщина. Теперь я от тебя уйду. Моим домом станут деревья, есть я буду кокосовые орехи, и звать меня теперь будут красный какаду — пиро.

— Не говори так, — сказала мать, — спустись вниз, вернись домой.

— Теперь уже поздно, я не могу спуститься, мой дом будет на деревьях. Когда я был с тобой, ты обо мне не заботилась, а теперь я буду есть бананы и кокосы и буду смеяться над людьми.

Красный попугай улетел и сел на саговую пальму, которая росла над ручьем. Вскоре за водой пришли девушки, и одна из них, которую звали Гебае, увидела отражение попугая и подумала, что птица там, в воде. Она прыгнула в ручей, чтобы ее поймать, но птицы там не оказалось.

— Зачем ты полезла в воду? — сказала ей другая девушка. — Вон птица, наверху, на дереве.

Попугай слетел к девушкам, стал над ними порхать, и они его поймали. Гебае пошутила:

— Я возьму его домой и там спрячу, это будет наш муж.

Она посадила попугая в корзину, а когда вернулась домой, повесила ее около места, где спала. Девушки легли и заснули. В середине ночи Гануми снова стал человеком и разбудил Гебае.

— Кто это? — воскликнула она.

— Это я, пиро. Ты поймала меня и посадила в корзину.

Гебае сказала себе: «Я думала, это попугай, а это, оказывается, человек!» Юноша лег с нею спать, а утром вернулся назад в корзину. На следующую ночь он снова пришел к ней спать, и Гебае забеременела. Вскоре другие девушки стали говорить: «Посмотрите на Гебае, ее соски потемнели — наверно, она беременна». Об этом узнали все, и некоторые женщины стали бранить ее, а остальные молчали. О том, что у Гебае будет ребенок, узнали также ее отец и мать. Они очень рассердились, собрали односельчан и пошли с ними убивать Гануми.

Красный какаду улетел на саговую пальму, такую, какие называются гисуо, сбросил с себя перья и положил их в ложбинку пальмового листа. Люди срубили топорами пальму, на которой он прятался, но Гануми успел перепрыгнуть на другую, такую, которая называется моа, а когда срубили ее, то на саговую пальму, которую называют сидо-упуру-иава, а с нее на водаре, арó-аро и гаувапе — это все саговые пальмы. Он увидел сверху в толпе свою мать и крикнул:

— Вйовйó, ро мо нáдорóро? — Виовио, куда мне спрятаться? Вот-вот они убьют меня. Где моя лестница, матушка?

Мать подумала, что ей надо спрятать Гануми к себе в корзину. Она развязала веревку, на которой держалась ее юбка, и бросила конец Гануми, но веревка оказалась слишком короткая, и тогда она достала его пуповину, которую сберегла. Гануми закричал:

— Меня называли пиро, матушка, а теперь меня будут звать Имаиа [свет], теперь меня будут звать Согоми, теперь меня будут звать Сагана и меня снова будут звать Гануми! Гануми меня будут звать всегда, когда я буду ярко светить. Брось мне конец пуповины, матушка!

Мать крепко зажала в руке конец пуповины и бросила ему другой — она хотела сдернуть сына с дерева и спрятать в свою корзину. Гануми схватил конец пуповины, и Виовио изо всех сил дернула ее к себе. Но Гануми крепко держался за дерево, и оно от рывка Виовио сперва согнулось в ее сторону, а потом распрямилось снова — с такой силой, что забросило мать Гануми на небо, а следом за ней и самого Гануми, державшегося за другой конец пуповины. Там Виовио поймала его и посадила к себе в корзину, и в ней она носит его на небе по сей день.

На листьях и стволах саговых пальм бывает белый налет, похожий на муку. Гануми, когда прыгал с пальмы на пальму, вымазал в нем лицо, и с тех пор оно белое. Когда Гануми чуть выглядывает из корзины матери, люди видят молодой месяц; потом он высовывает лицо больше и больше. Иногда мать прячет корзину у себя за спиной, и тогда луны не видно совсем. Мать увидеть нельзя, только пальцы ее иногда видны перед лицом Гануми — это и есть те темные пятна, которые мы все видим на луне.

О том, почему лицо у Гануми белое, рассказывают и по-другому. Говорят, что однажды, когда он был еще маленьким мальчиком, его мать жарила саго, а он плакал и просил, чтобы ему дали. Рассердившись, она швырнула ему пригоршню, саго за-

сыпало лицо Гануми, и там, куда попало подгоревшее, теперь темные пятна.

Часть саго, приставшего к его лицу, Гануми сбросил, и оно упало на пальмы и даже на землю — крошки этого саго попадают до сих пор. Их называют гануми-эре [«эре» — «крошка», «кусочек»], и если юноша съест такую крошку, его будут любить все девушки. Для этого же «крошку луны» иногда кладут юноше под мышку, или натирают ею раковину, которую юноша носит на шее, или же смазывают ею длинное перо, украшающее голову, — оно качается взад-вперед и приманивает девушек. «Крошкой луны» также иногда мажут, если хотят убить жирного дюгоня, веревку, к которой привязан гарпун, и «гануми-эре» дают также какой-нибудь из собак, если охотник хочет загнать жирную дикую свинью.

О том, как появился Гануми, знают все, и иногда влюбленные, встретившись, повторяют его разговор с Гебае. «Кто ты?» — спрашивает девушка. «Я пиро, — отвечает юноша, — я Согоми, я Сагана, я Гануми».

100. Откуда появилась луна

Недалеко от Маубо жил человек по имени Гисуа и его жена Гауапе. Хотя они были очень старые, Гауапе забеременела, и люди стали стыдить мужа и жену, что они такие старые, а завели ребенка.

Когда пришло время жене родить, Гисуа набрал душистых трав, из которых делают приворотное зелье, и положил их в большую миску. После этого он попросил девочек растереть сердцевину двух кокосов, и масло слил в ту же миску, а выжимки разбросал по селению, чтобы все девочки, проходя, на них наступали и, когда придет время, полюбили мальчика, которого ждал Гисуа.

Мальчик родился, и его назвали Гануми, а потом родители положили его в миску с душистыми травами, политыми кокосовым маслом, и пустили вниз по реке — односельчане так застыдили старых мужа и жену, что они не захотели оставить ребенка у себя.

Миска поплыла и приплыла к селению Маубо. Жители Маубо играли в это время на берегу в кокади. Девушки увидели на воде миску и поплыли в лодках ее поймать, но так и не смогли — миску унесло течением.

В Маубо жила девушка по имени Гебае. Мужа у нее не было, но она только что родила, и новорожденный был весь в язвах. Гебае пошла его мыть, и как раз в это время к берегу подплыла миска с Гануми. Гануми был красивый, здоровый мальчик, и она, увидев его, вынула ребенка из миски, а на его место положила своего ребенка, и вскоре миска затонула. Гебае стала растить Гануми, выдавая его за своего сына.

Однажды Гануми, который был еще маленьким мальчиком, увидел двух девушек с задранными юбками и начал плакать и просить:

— Мау, мо кака! — Хочу красное!

Сначала девушки не поняли, чего он просит, и стали приносить ему красные цветы и плоды, но он от всего отказывался, и наконец люди поняли, о чем он плачет.

Гануми положили с девушками спать, но он был еще мал и ничего не мог сделать. Утром девушки, которые теперь считались его женами, пошли с ним в лес — они хотели, чтобы он срубил саговую пальму и они могли сделать саго. Однако ему срубить пальму было не под силу. Наконец они решили отделаться от Гануми и забросили его на саговую пальму, а потом истоптали землю вокруг нее, сорвали с себя юбки и исцарапали себя до крови. После этого они вернулись домой и сказали, что на них напали враги и Гануми убит.

На саговой пальме Гануми весь вымазался в ее соке и стал от этого белым. Однажды над Гануми села на пальму красная птица виовио и начала ронять на него помет. От этого на теле у него стали расти перья, они покрыли Гануми, и он стал птицей виовио.

Под деревом, на которое забросили Гануми, был колодец. Однажды несколько девушек пришли за водой, и одна увидела в колодце отражение птицы. Птица ей очень понравилась, и, для того чтобы другие ее не увидели, девушка взболтала воду в колодце, и та замутилась. После этого девушка сказала:

— Эта птица на дереве — моя!

Но девушки, которые были у колодца, не согласились, и они все стали из-за Гануми драться друг с другом. Они приставили к дереву длинный шест и начали по очереди взбираться на дерево. Каждая пыталась уговорить Гануми пойти к ней и бросала ему конец пояса, на котором держалась ее юбка, но он не шел ни к одной и спустился, только когда его позвала Гебае.

Когда Гебае принесла птицу домой, Гануми снова стал человеком, теперь уже юношей. Все женщины и девушки домога-

лись его любви, и со всеми он спал. Хитростью от него добилась этого и Гебае. Гануми пришел в ужас, когда обнаружил, что спал с матерью — он, как и остальные жители селения, не знал, что на самом деле Гебае ему не мать. Кто-то за ними подглядел, и на следующую ночь ни одна женщина или девушка в селении спать с Гануми не захотела. Тогда Гануми, униженный, прыгнул в воду и прожил там целый месяц среди обоуби. Потом он снова вернулся домой, но по-прежнему женщины не хотели знать Гануми и говорили ему:

— Иди к своей матери.

Гануми и Гебае не могли больше жить в селении. Однажды ночью они убежали в лес и по пуповине Гануми, которую его настоящие родители положили вместе с ним в миску, взобрались на небо. Там они пошли в небесный лес делать саго и встретили двоих людей — Гуруру, гром, и Махеруо, молнию. Гром и молния им сказали:

— Только смотрите не подходите к солнцу, оно жаркое как огонь, оно всех сжигает!

Гануми и Гебае послушались и подходить к солнцу не стали. Саго они сделали, Гебае его приготовила, но часть саго у нее пригорела. Гебае собрала пригоревшее в горсть, бросила и попала нечаянно на белое лицо Гануми. Гебае стала стирать саго с его лица, и от ее пальцев на белом лице Гануми остались темные следы — это и есть темные пятна, которые мы видим сейчас на луне.

Гануми расстался со всеми и поднялся жить еще выше. С тех пор, когда он начинает выходить из своей хижины, сначала виден только верхний край его лба, и лишь потом, постепенно, становится видно все лицо — вот почему луна в течение месяца меняет вид и размеры. Тела Гануми не видно, оно за его головой.

101. Как человек побывал у солнца, луны и ночи

Однажды двое жителей Киваи поспорили. Один говорил: «Хиввио [солнце] и Гануми [луна] два разных человека», а другой говорил: «Нет, Хиввио и Гануми один и тот же человек». Так и не убедив друг друга, они подрались, и один избил другого до крови. Избитый решил узнать, где живет Гануми, и поплыл к нему на лодке. Он греб и греб день и ночь в открытом море и

плыл туда, откуда поднимается Гануми. Наконец он туда приплыл. Как раз начался отлив, и лодка осталась на песке, но человек не стал вылезать из лодки, а остался в ней ждать.

Вскоре вышел маленький мальчик и позвал его:

— Не бойся, вылезай на берег.

— Нет,— ответил человек,— ты маленький мальчик, а мне нужно, чтобы меня позвал Гануми.

— Я и есть Гануми,— сказал мальчик,— вылезай на берег.

— Нет,— не соглашался человек,— мне нужен взрослый, а ты маленький мальчик, ты не Гануми.

И он остался в своей лодке.

Гануми начал быстро расти и стал юношей. Он опять вышел к человеку, сидевшему в лодке, и позвал его на берег, но тот сказал:

— Я хочу, чтобы ко мне вышел Гануми, а не ты, юноша. Пусть Гануми выйдет и позовет меня на берег.

На лице у Гануми начала расти борода, и тогда он снова вышел и позвал человека, но тот опять сказал:

— Пусть выйдет Гануми.

— Я и есть Гануми.

Но человек опять не поверил.

В следующий раз Гануми вышел к нему седым стариком.

— Выходи же на берег,— снова позвал он человека в лодке.

— А ты Гануми? — опять усомнился тот. — Мне нужно, чтобы Гануми сам позвал меня на берег.

— Да я и есть Гануми!

— Нет, я тебе не верю.

Гануми ушел и снова вышел уже дряхлым стариком с палкой. Увидев его, человек, приплывший на лодке, подумал: «Вот это, сразу видно, Гануми». Он вылез из лодки на берег, и Гануми повел его и стал ему все показывать.

— Тут мои владения,— сказал Гануми человеку.— Здесь все белое: хижина — белая, огород — белый, земля — белая.

Потом он повел человека в другое место и сказал ему:

— А это владения Дуо [ночного мрака] — здесь все черное. Темнота ночи приходит отсюда.

После этого Гануми повел человека в третье место и сказал:

— А это владения Хивио. Здесь все красное: хижина — красная, огород — красный, земля — красная. Дуо уходит, и тогда, следом за ним, выходит Хивио.

Гануми и человек, приплывший на лодке, поели вместе, а потом Гануми сказал:

— Смотри, как я буду подниматься на небо. Дуо уже там, за ним поднимусь я, а за мной Хиввио.

Гануми взобрался на дерево варакара, раскачал его, и оно забросило Гануми на небо. Он опустился на край облака, и все осветилось.

Человек, когда увидел это, подумал: «Так, значит, я был прав, а мой друг ошибался — Гануми один человек, а Хиввио другой». Он не стал спать этой ночью, а обошел все владения луны. Оттого, что было очень много лунного света, там росли только маленькие деревья и кусты, а больше не росло ничего. Начало светать, но луна с неба все не спускалась. Наконец на небе появился Хиввио, и тогда Гануми вернулся домой и спросил человека:

— Ну как, ты хорошо меня видел?

— Да, и тебя, и Дуо, и Хиввио.

Все трое, Дуо, Гануми и Хиввио принесли гостю поесть. Дуо сказал:

— Вот моя еда, она вся черная — черные бананы, черное таро, черный ямс. Меня зовут Дуо.

Гануми сказал:

— Вот моя еда, она вся белая.

Хиввио сказал:

— А вот моя еда, она вся красная. Меня зовут Хиввио.

Еда у всех трех была одна и та же, только разного цвета.

Потом Гануми сказал:

— Подожди немного — когда Хиввио спустится, я поднимусь на небо опять, и тогда я привяжу к твоей лодке веревку и помогу тебе добраться домой. Когда доплывешь туда, дерни за веревку, и я сразу остановлюсь. Когда к лодке подойдут люди, покажи им веревку и скажи: «Это веревка Гануми, он за нее тянул мою лодку». А перед тем как отвязать веревку, покажи им еду, которую мы тебе дали.

Вечером Гануми сказал человеку:

— Иди садись в свою лодку, а я привяжу веревку к ее носу.

Они отправились в путь. Когда человек приплыл к своему селению, он дернул за веревку, и Гануми остановился. Люди увидели лодку и начали кричать:

— Вот человек, который уплыл посмотреть на Гануми, он вернулся!

Вернувшийся сошел на берег. Он позвал к лодке всех односельчан и не забыл позвать человека, с которым спорил.

— Посмотрите, что я привез, — сказал он. — Эту еду дал мне

Дуо, вот почему она черная. Эту дал мне Гануми, вот почему она белая. Эту дал мне Хивиио, вот почему она красная. А веревку привязал Гануми — он тянул за нее лодку, и так я приплыл домой. Вот, смотрите, сейчас я ее отвязу.

Он отвязал веревку, и она, громко щелкнув, взвилась в воздух и исчезла.

Всю еду он после этого перенес из лодки на берег, но люди боялись до нее дотронуться. Они говорили:

— А вдруг мы от нее умрем?

— Нет, — успокоил их человек, — Дуо, Гануми и Хивиио сказали: «Эта еда хорошая, не бойтесь, ешьте ее, от нее не умирают».

И тогда все стали ее есть.

ХIII. РАЗНЫЕ

102. Как появилась молния

Где теперь Иаса, жили в хижине юноша и несколько девушек. Кроме них, там не жил никто. Все тело у юноши было покрыто гноящимися язвами, ему было трудно ходить, и он все время лежал. Каждый день одни девушки шли делать саго, а другие — ловить рыбу или крабов. Только одна из девушек, самая младшая, жалела юношу, и она, хоть и не подходила к нему близко, боясь заразиться, все же часто бросала ему кусок саго или рыбы. Остальные девушки не жалели его и ничего ему не давали. Поужинав, они все ложились спать.

Однажды утром девушки встали и, как всегда, те из них, кто накануне ловил рыбу, пошли делать саго, а те, кто делал саго, пошли ловить рыбу. Вечером они вернулись, одни принесли саго, другие рыбу, и девушка, которая жалела юношу, бросила ему небольшую рыбку, но близко не подошла, потому что боялась заразиться. Девушки, которые принесли из леса саго, опять не дали ему ничего. За день на постели девушек ветром нанесло золы из очага, и они стали ругать юношу:

— Ты зачем испачкал золой наши постели?

Юноша ответил:

— Как я мог их испачкать? Ведь я весь в язвах, мне даже шевельнуться трудно.

Девушка, которая жалела юношу, сказала остальным:

— Не ругайте его, никто из вас его не кормит.

На другое утро девушки, которые накануне делали саго, пошли ловить рыбу, а те, кто ловил рыбу, пошли делать саго. Юноша поднялся: «Никого нет?» Он посмотрел направо, налево и на тропинку, которая вела в лес, но никого не увидел. Он пошел к воде, смыл грязь и золу, прикрывавшие его тело, и промыл

свои язвы, а потом вернулся в хижину, снова, чтобы не видно было, что он мылся, обсыпал себя золой и лег на свое место у очага.

Когда девушки вернулись домой, та, которая жалела юношу, бросила ему кусок саго и сказала:

— Рыбу я сегодня не ловила, пойду ловить завтра.

Юноша приподнял голову и слабым голосом сказал:

— Спасибо.

А потом прошептал:

— Стой, не подходи ко мне близко и послушай, что я тебе скажу. Сруби пальму паруу, отруби от ствола кусок, расколи его на маленькие кусочки, и эти кусочки принеси мне — так, чтобы никто не увидел. Еще сруби стебель бамбука, разруби его надвое и половину тоже незаметно принеси мне вместе с кусочками паруу.

На другой день, когда девушки стали делать саго, та, которая жалела юношу, сделала то, о чем ее просил юноша. Вечером она незаметно принесла куски паруу и бамбука домой, отдала юноше и сказала:

— Сегодня я не ловила рыбу, на тебе кусочек саго.

Остальные, как всегда, не дали юноше ничего.

Утром девушки ушли снова, и тогда юноша стал раковиной вырезать из бамбука лук, а из кусочка паруу — наконечник для стрелы. Сделав лук и наконечник, юноша их припрятал.

Он пошел на реку и увидел на берегу белую цаплю, а когда вымылся, то вернулся домой, на свое место у очага.

Девушки пришли — одни с берега, другие из леса, но ни одна, кроме той, которая его жалела, не дала ему ничего. Та сначала бросила ему рыбешку, а потом, когда другие девушки дали ей саго, отломил половину и бросила юноше. Он прошептал ей так, чтобы не услышали остальные:

— Завтра, когда пойдешь делать саго, срежь и принеси мне стебель молодого бамбука. Если кто-нибудь из подруг спросит тебя, зачем ты его несешь, скажи: «Чтобы сделать щипцы для очага». И еще принеси мне тростника.

Утром девушки, как всегда, поднялись, и одни пошли ловить рыбу, а другие делать саго. К вечеру они пришли домой и поделились друг с другом рыбой и саго, и девушка, жалевшая юношу, дала ему опять рыбы и саго и незаметно передала тростник и стебель молодого бамбука.

Все легли спать, а утром встали, и одни девушки пошли ловить рыбу, а другие делать саго. Когда они ушли, юноша встал

и огляделся вокруг: «Никого нет?» Он поглядел на берег: «Никого!» — и пошел промыть свои язвы. Вернувшись, он натянул на лук тетиву из молодого бамбука, а потом насадил на тростник наконечник из дерева паруу, и у него получилась стрела с четырьмя остриями. С этим луком и стрелой он снова заковылял к берегу реки, туда, где видел белую цаплю, сел там и стал ждать. Наконец она появилась, и юноша натянул лук, выстрелил и перебил белой цапле стрелой обе ноги. Он подошел к ней, вытащил из нее стрелу, разломал на мелкие кусочки и бросил в воду, чтобы их унесло течением, и так же он поступил с луком и тетивой. После этого он отнес убитую птицу в хижину, выдернул перья у нее из хвоста и приложил к своей спине, а другие приложил к плечам и рукам, и его руки стали крыльями. Он вынул из глазниц свои глаза и вставил туда глаза птицы, а вместо носа приставил себе ее клюв. Юноша стал тереть свое тело, и везде, где он тер, оно покрывалось перьями. Теперь он был уже не человек, а птица. Он попробовал, хорошо ли машут крылья, и подумал: «Ну, теперь я настоящая белая цапля!» Он стал ходить по хижине — внутри человек, снаружи птица, а потом снял кожу с перьями, спрятал ее и снова стал юношей, кожа у которого покрыта язвами. Он опять обсыпал себя золой, и, когда девушкам подошло время возвращаться, лег на свое место, и притворился, что спит.

Девушки пришли и опять начали ругать его:

— Ты перестанешь пачкать наши постели? Все время ты засыпаешь их золой!

Юноша ответил:

— Да ведь я даже ходить не могу, я больной, весь в язвах! Это ветер наносит золу на ваши постели.

Из его глаз потекли слезы — он плакал каждый раз, как девушки его ругали. Девушка, которая жалела юношу и кормила его, сказала:

— Все время вы его ругаете, а кусочка рыбы или саго никогда не дадите.

Она подумала: «Какие у него красивые глаза! Он мне нравится, мне не нравится только его кожа. По-моему, под этой кожей у него другая, хорошая — просто он нас дурачит».

Утром все девушки поднялись, как обычно, и одни пошли делать саго, а другие — ловить крабов. Когда юноша увидел, что в хижине он один, он снял с себя плохую кожу, свернул и спрятал около своей постели, а потом посмотрел на свое отражение в воде и увидел, что он красивый, что красивы у него и лицо, и ко-

жа, и волосы. После этого он достал кожу с перьями белой цапли, надел на себя, взмахнул крыльями и полетел на Муба Иаса — мыс, где девушки в это время ловили крабов. Девушка, которая его жалела, была тоже там. Он увидел, что она ходит по берегу, где после отлива в ямах прячутся крабы, и стал ходить за ней и смотреть, что она делает, а потом захлопал крыльями, поймал небольшую рыбку и проглотил. Девушка заметила белую цаплю, перестала ловить крабов и подумала: «Какая красивая птица, она очень мне нравится!» Птица подошла к ней близко, и девушка подумала: «Не юноша ли это, которого я кормлю?» Она бросила свою корзину и побежала за птицей. Девушки стали кричать ей:

— Что ты гоняешься за этой птицей? Тебе все равно ее не поймать, лучше бы ловила крабов!

Потом они пошли назад, а девушка, жалевшая юношу, перестала гоняться за птицей. Белая цапля поднялась высоко в небо и полетела домой. Там юноша сразу снял с себя кожу с перьями птицы, надел свою, в язвах, и опять обсыпал себя золой. После этого он сварил на очаге и съел рыбу, которую проглотил, когда был птицей, а потом он лег и притворился, что спит.

Девушки вернулись, посмотрели на свои постели и стали кричать:

— Почему ты все время валяешься на наших постелях, почему их пачкаешь?

Юноша ответил:

— Каждый день вы ругаете меня, говорите, что я встаю и пачкаю ваши постели, а ведь я не встаю, я весь в язвах.

Из-за того что девушка, которая жалела юношу, гонялась за белой птицей, она на этот раз ничего не поймала. Девушки, которые ходили с ней ловить крабов, дали ей маленькую рыбку и упрекнули ее:

— Зачем ты бегала все время за птицей?

Она отдала половину рыбки, которую ей дали, юноше и сказала ему:

— Я ловила в плохом месте, поэтому ничего не поймала. Остальные девушки ловили в хорошем месте, вот почему они наловили много рыбы и крабов.

Юноша подумал: «Ты говоришь неправду — ты гонялась за мной, а не ловила крабов, вот почему ты ничего не поймала».

Девушки, которые ходили в лес и принесли саго, ничего

юноше не дали, но та, которая его жалела, поделилась с ним своей долей.

Самая старшая из девушек сказала:

— Мы давно уже делаем саго и ловим рыбу, и того и другого у нас много. Давайте наточим завтра топоры и сделаем лодку.

Утром девушки пошли в лес и нашли большое дерево, из которого можно было сделать лодку. Старшая сняла с себя юбку, взяла топор, ударила раза два или три по стволу и бросила топор на землю. Другая подобрала его и несколько раз ударила тоже, и так они стали рубить дерево все по очереди — устанет одна, топор берет другая. Старшая больше не рубила, только показывала другим, как надо рубить. Девушки рубили дерево и пели: «Нимо бұрай ұпи бұрай негебаду» — «Мы, женщины, делаем лодку сами».

Когда очередь рубить пришла девушке, которая жалела больного юношу, белая цапля, которую она видела накануне, снова появилась и подошла к ней совсем близко. Девушка увидела ее и подумала: «Это та же самая птица, это она прилетала вчера, когда я ловила крабов, и она снова прилетела сегодня».

Девушки срубили дерево за один день, а потом начали долбить ствол каменными теслами, а когда выдолбили, обожгли его внутри, чтобы там стало гладко. После этого они украсили лодку и столкнули в реку, протекавшую неподалеку. По реке они спустились к морю и там приделали балансир.

Девушка, которая жалела юношу, все время следила за белой цаплей. Однажды, когда остальные собирались отправиться в лодке ловить крабов, она отстала и спряталась в кустах около хижины. Ей хотелось узнать тайну птицы, потому что, когда она смотрела птице в глаза, она думала: «Внутри он красивый, просто на нем такая кожа. Наверно, он нас обманывает — не показывает, какой он на самом деле». Остальные девушки не заметили, что ее нет, и уплыли.

Когда юноша увидел, что девушки ушли, он встал и сбросил с себя большую кожу. Девушка между тем уже глядела снаружи в щель и подумала: «Да он и вправду красивый! Он будет моим мужем. Столько женщин от него отворачивались, а я поняла, что он красивый. Ой, он надел белые перья! Ой, он летит!»

Белая цапля поднялась в небо и полетела туда, куда уплыли на лодке девушки. Тогда девушка, которая осталась, вошла в хижину, перенесла свою постель к постели юноши, разожгла

в очаге огонь, бросила туда кожу юноши, покрытую язвами, и села ждать. Она была очень рада, что успела занять это место раньше других, и положила палку-копалку, чтобы было чем драться, если остальные девушки захотят отнять у нее юношу.

В это время девушки хватились ее и стали спрашивать друг у друга:

— Где наша младшая сестра?

Одна из них сказала:

— Наверно, ищет птицу, которую все время ловила.

— Давайте вернемся домой и посмотрим, что она делает,— сказала другая.

Белая цапля увидела издалека, что девушки на лодке неџ, и полетела назад. Она опустилась около хижины, и там юноша сбросил с себя кожу птицы и вошел с ней в хижину — он думал, что там никого нет. Едва он вошел, девушка вырвала кожу с перьями у него из рук и сказала:

— Почему ты все время прятался в больной коже? Плохо, что у нас в доме нет мужчин, а теперь один у нас будет — ты станешь моим мужем.

Юноша подумал: «Ну вот, она узнала, какой я на самом деле! Мою больную кожу она сожгла, вон в очаге остатки, а другую, из птичьих перьев, вырвала у меня из рук — вот она какая!» Он сел на пол и уткнулся лицом в колени, а девушка закатала его кожу с перьями в небольшую циновку и спрятала себе под юбку.

Наконец вернулись домой и остальные девушки. Первой вошла старшая и, увидев юношу, закричала:

— Посмотрите, наша сестра сидит с мужчиной, и каким красивым! Он будет моим мужем.

Она тоже перенесла свою постель к постели юноши и села с ним рядом. Тут вбежали остальные и, увидев юношу, тоже начали кричать:

— Ой, какой красивый, я хочу его себе!

Они все бросились к нему со своими постелями, стараясь сесть как можно ближе, а он по-прежнему сидел и молчал, уткнувшись лицом в колени. Девушка, которая его кормила, радовалась, что завладела им первая, но она тоже молчала и ждала, что еще скажут остальные. Она думала: «Раньше вы не подходили к нему близко, не кормили его, а теперь смотрите на его тело. Я не смотрела на его тело, я смотрела на его глаза — таких глаз у больных людей не бывает, вот почему я все время его кормила, давала ему саго и рыбу».

Одна из девушек сказала:

— Пусть этого мужчину возьмет себе старшая сестра, она у нас главная.

Но младшая сказала:

— Ну, нет! Вы не заботились о нем, когда он был весь в язвах, ни одна из вас не помогала мне его кормить — тогда он для вас был некрасивый.

Она достала из-под юбки кожу с птичьими перьями, отдала ее юноше, и тот сразу надел ее и стал птицей. Девушки начали ссориться, а потом подрались и избili младшую до крови. Старшая схватила птицу, закатала в маленькую циновку, спрятала себе под юбку и бросилась вместе с другими бежать, а младшая погналась за ними. Из Кубиры они перебежали в Дуди — они были девушки-духи, это от них произошел потом народ киваи, поэтому они и могли ходить по воде. Старшая все время держала циновку с птицей у себя под юбкой, и так они добежали по берегу моря до Буджи, а оттуда перешли на Бойгу.

На острове Бойгу был в это время только один человек — жители уплыли, а его оставили сторожить. Девушки спросили его:

— Где все люди?

Он им ответил:

— Все уплыли на остров Мури — там живет красивая девушка, ее зовут Понипони. Все жители Мури старались ей понравиться, но ни один не смог, и отец Понипони, Муриваногере, сказал: «У нас будут танцы, пусть приплывают к нам все, кто хочет танцевать». Он думает, что откуда-нибудь приплывет красивый юноша, такой, который понравится Понипони.

Девушки пошли дальше, на Даване, и увидели, что на этом острове тоже всего один человек. Они спросили его:

— Где все люди?

— Все уплыли на Мури, — ответил он.

Девушки поели немного, напились воды и отправились дальше, на Мабуиаг. На Мабуиаге тоже был всего один человек, и девушки опять спросили:

— Где люди?

— Уплыли на Мури, — ответил тот, — Муриваногере позвал всех танцевать.

Девушки отправились дальше, на остров Баду, а оттуда на Моа. На том и на другом острове они спросили у тех, кого жители оставили сторожить селение:

— Где все люди?

— Все уже давно на Мури,— ответили им,— и мужчины и женщины.

На Моа они взобрались на холм и оттуда, издалека, увидели Мури. Они пошли на остров Мукаро, недалеко от Моа, и там людей тоже не оказалось — все, кроме одного, уплыли на Мури. На острове Ям сторожить селение остался калека, и его девушки спросили тоже:

— Где все люди?

— Они на Мури, я здесь один,— ответил калека.

С Яма девушки перешли на остров Ирибу, но оттуда тоже все жители уплыли на Мури, дома остался только один больной. С Ирибу они перешли на остров Ярубо, откуда Мури было уже видно хорошо, и здесь они спросили опять:

— Где все люди?

— На Мури,— ответил им сторож,— хотят увидеть там красивую девушку, все будут перед ней танцевать.

Наконец девушки добрались до Мури и увидели, что там уже расчистили большое место для танцев и собралось очень много людей. Муриваногере сказал:

— Людей слишком много, все сразу танцевать не смогут, будет тесно. Пусть сначала танцуют люди одного острова, за ними — другого — со всех островов по танцу, а Понипони будет смотреть. И пусть люди каждого острова станут отдельно.

Понипони и вправду была очень красивая. Она сидела на циновке, а мужчины смотрели на нее, и каждый хотел, чтобы Понипони, когда он будет танцевать, улыбнулась ему и сказала: «Я пойду с тобой».

Наконец Муриваногере закричал:

— Начинайте!

Первыми начали танцевать два ворона, не настоящие — внутри это были люди. Но, пока они танцевали, Понипони не сказала ни слова и ни разу не улыбнулась, и они, увидев это, танцевать перестали. После них начали танцевать другие, за ними — третьи. Жители одного острова за другим выходили и танцевали перед Понипони, но, как ни старались они ей понравиться, Понипони молчала и никому не улыбалась.

Девушки из Иасы незаметно вытащили белую цаплю и ей сказали:

— Иди бей в барабан и танцуй.

Но юноше было стыдно, что он знает только танцы своего острова, а других не знает, и он сказал:

— Я киваю, я буду танцевать только в коже с перьями белой цапли.

Он начал танцевать, поднимая и переставляя ноги так, как это делают белые цапли. Увидев, как он танцует, Понипони улыбнулась и сказала:

— Если бы ты был не белая птица, а человек, я бы пошла с тобой, ты бы мне понравился, а так у тебя слишком длинный нос и слишком длинная шея, и ноги как две тонкие палочки.

Не надо было ему прятать свое тело — ведь другие не прятали.

Тут из воды на берег выпрыгнула акула, доскакала до места, где танцевали, и поскакала назад. Понипони очень понравилось, как акула скачет, и она заулыбалась и сказала:

— Вот мой муж!

Тогда все перестали танцевать и заспорили. Одни говорили:

— Чем мы ей не понравились?

А другие:

— Почему ей понравилась акула?

Одни были за акулу, другие за белую цаплю, и они начали драться. Скот и рыба комухору, которые были на стороне акулы, ввязались тоже. Дрались все, а когда драка кончилась, те, кто был за белую цаплю, стали птицами, а те, кто был за акулу, ушли жить в море. Враждуют они по сей день — вот почему птицы ловят и едят рыб.

Многие из тех, кто дрался, были изуродованы. Одних тянули за нос — вот почему у некоторых птиц длинные клювы; другие оказались под грудой дерущихся, и кто-нибудь вытаскивал их за голову или за ноги — вот почему у некоторых птиц такие длинные ноги и шея.

Белая цапля, когда кончили драться, сказала:

— Теперь я останусь птицей навсегда. Виноват я сам — одевался в птичью кожу, своего настоящего тела стыдился, теперь уже мне его не вернуть. Буду жить около воды, а кормить буду рыбешкой.

Фрегат сказал:

— Я буду летать по всему свету, высоко-высоко, и буду все видеть.

Пеликан сказал:

— Я тоже буду жить около воды, буду ходить по берегу и ловить рыбу. Стаями мы, пеликаны, будем летать высоко, а поодиночке — низко.

Райская птица сказала:

— Я улечу жить в дремучий лес. Хотя Понипони я и не понравился, перья у меня очень красивые, красные, а клюв — красный с черным.

Ворон сказал:

— Я буду жить на высоких деревьях, оттуда я буду на все смотреть. Любую лодку я увижу очень далеко, еще до того как ее увидят люди, и буду кричать тогда: «А-а-а!»

Черный какаду сказал:

— Я буду сидеть на дереве неэре и клевать все время его плоды.

Ястреб сказал:

— Как только рыба высунется из воды, я буду хватать ее и съедать.

Маленькая, очень быстрая птичка кукупариа не дралась, а только прыгала вокруг дерущихся и притворялась, что дерется тоже. Она и поныне, когда люди дерутся, прыгает вокруг и кричит: «Уа-оу, уа-оу!» Но кричит кукупариа это по-разному — когда одна из сторон побеждает, она кричит не так, как тогда, когда силы равные.

Акула сказала:

— Слишком много ссор из-за этой девушки, пойду-ка я лучше жить в море, оно мой дом. А когда перевернется лодка с людьми, я всегда буду рядом — буду хватать вас в воде и сразу есть.

Трое из дравшихся стали рыбами комухору, пай и курсикамо.

Скат во время драки оказался в самом низу, под грудой тел, и расплющился — его голова и весь он стали совсем плоскими. Он сказал:

— У меня есть копьё, и того, кто подплывет ко мне близко, я им буду колоть — это будет мое оружие. Плавать я буду неглубоко, прилив будет приносить меня к берегу, а отлив уносить.

Вместе со скатом в драку ввязался его сородич, рыба пурукаке, и она тоже оказалась в самом низу, и ее расплющили.

Рыба гаигаи сказала:

— Я буду делать головой в море буруны.

Большая белая рыба куса, похожая на гаигаи, сказала:

— А я буду буруны делать хвостом, буду им бить по воде во время прилива.

Каменной рыбе во время драки кто-то растянул пальцами рот, и она сказала:

— Мне стыдно оставаться на берегу — теперь у меня большой рот. Пойду-ка я в воду, там его не будет видно.

Рака тот, кто с ним дрался, обхватил за плечи, и рак, вырываясь, стал пятиться и пятиться и так и ушел в воду — вот почему он плавает пятясь.

Рыбу пеко в драке повалили ничком, в рот ей набилось много травы и песка, поэтому, когда она перешла жить в воду, трава и песок так и остались у нее во рту.

Рыбы пере и тоуро сохранили на себе украшения, которые надели для танца, вот почему эти рыбы такие яркие.

Морская свинья дралась тоже, и, когда кто-то во время драки ее схватил, она начала биться и вырвалась, и она до сих пор так бьется, когда плышет.

Односельчане Понипони и некоторые из гостей только смотрели, как дерутся другие, а сами не дрались, и потому они не стали птицами или рыбами, а остались людьми. Все люди произошли от них, и с тех пор живут на свете люди, рыбы и птицы.

А Понипони сказала:

— Слишком много вы из-за меня ссоритесь. Кто нравится мне, не нравится вам, да и сама я ему не нравлюсь. Поднимусь-ка я лучше жить на небо.

Так она и сделала, и с тех пор Понипони живет на небе. Молния — ее улыбка, а гром вслед за молнией гремит потому, что такой же шум поднялся от ее улыбки на земле.

Гости все начали собираться в обратный путь. Девушки из Иасы стали спрашивать у Муриваногере:

— Где нам взять лодку?

Муриваногере их спросил:

— На какой лодке вы приплыли?

— Мы не приплыли, — ответили девушки, — мы пришли по рифам.

Тогда Муриваногере сказал:

— Я научу вас, как сделать лодку.

Он нашел на берегу ствол дерева, выброшенный морем, но долбить его не стал, а просто прикрепил к нему балансиры.

— Это лодка плохая, — сказали девушки, — почти вся она под водой. У нас дома настоящая лодка — если ты поплывешь с нами, мы ее тебе отдадим.

Муриваногере решил поплыть с ними и, чтобы заплатить за лодку, взял с собой много широких надлокотных браслетов из раковин. Он позвал юго-восточный ветер, и они подняли парус из циновки и поплыли. Девушки сказали:

— Когда ты будешь возвращаться, мы тоже дадим тебе спокойное море и хороший ветер.

С тех пор жители дальних островов покупают себе лодки на острове Киваи. В уплату они дают топоры, надлокотные браслеты из раковин, раковины, в которые трубят, и разные другие раковины, а жители Киваи дают им лодки и дают овощи со своих огородов.

Белая цапля осталась жить на острове Мури. Она ходит по берегу и ловит мелкую рыбешку, а во время прилива уходит подальше от воды — к деревьям.

Путь на Киваи для Муриваногере и девушек оказался не легким — море было бурное, ветер и вода холодные, и они очень замерзли. Поэтому, когда приплыли и вышли на берег, они, чтобы согреться, стали ходить вокруг стебля гамоды и петь: «Нимо негедю думу гараи мабу вато негедю думу нимо дараи ўби бусере» — «Мы ходим вокруг гамоды, чтобы наши тела согрелись, чтобы мы снова стали сильными».

Потом девушки дали Муриваногере хорошие лодки, которые, как того требует обычай, они для него добыли, а Муриваногер дал им надлокотных браслетов из раковин и вернулся к себе на Мури.

103. Как Тубо нашел себе жену

Когда-то давно близ Масингары жили вдвоем юноша по имени Тубо и его мать, которую звали Биби. Кормились они только овощами со своих огородов. Однажды Биби захотелось рыбы, и она сказала сыну:

— Хоть бы рыбы поесть, так надоели эти овощи!

Тубо пошел в лес, к большому дереву каухаро, и сказал ему:

— Стань меньше.

Дерево стало совсем маленьким, и тогда Тубо сел на него и сказал:

— Стань высокое-высокое.

Дерево тут же выросло, и Тубо очутился у самого неба. Отсюда он видел очень далеко. Впереди он увидел море и в нем рифы, а повернувшись, увидел землю с огородами, на которых работало много людей. «Я-то думал, что людей там нет, а вон сколько их работает на огородах!» — сказал себе Тубо.

Он оглядел все вокруг, а потом снова сказал дереву каухаро:

— Стань меньше.

Дерево опять стало совсем маленьким, Тубо встал с него и вернулся в хижину. Когда мать пришла с огородов домой, она спросила:

— Тубо, что ты без меня делал?

— Я все время был дома, — сказал он ей, — никуда не выходил.

На другое утро, когда Биби снова ушла на огород, Тубо взял острогу и веревку, опять пошел к дереву каухаро и снова сказал ему:

— Стань меньше.

Дерево стало совсем маленьким, Тубо на него сел, и оно подняло его до самого неба.

— Наклонись вон к тому рифу, — сказал Тубо дереву.

Дерево послушалось, и верхушка его, на которой сидел Тубо, опустилась к самому рифу. Тубо прыгнул на риф и стал бить острой рыбу и черепах. Когда он решил, что хватит, он нанизал все на веревку, повесил ее на дерево, сел на него опять и сказал:

— Теперь отнеси меня назад, домой.

Дерево подняло его, и он зашел: «Тубо валеамо алиакакло биджакакоме!» — «Мать не знает, где я был, а я был на рифе, ловил рыбу!»

Сверху Тубо увидел нескольких девушек. Одна очень ему понравилась, и он услышал, что остальные девушки называют ее Биби — так же, как зовут его мать. Тубо зашел: «О, Биби джамабле э э джамабле э э Биби джамабле!» — «Мне нравится Биби, о, как мне нравится Биби!»

Мать услышала песню и очень удивилась: «Что за странная песня? Какая же это птица сидит на дереве и поет ее? Откуда она прилетела?»

Тубо спустился с дерева, как накануне, пришел к матери, отдал ей улов и сказал:

— Вот тебе рыба, приготовь ее.

— Где ты ее взял? — удивилась мать.

— Далеко отсюда, — ответил Тубо.

Мать приготовила рыбу, и они поели.

Утром мать снова пошла на огород, а Тубо опять велел дереву перенести его на риф и снова набил острой много рыбы. На обратном пути он увидел внизу девушку по имени Биби и опять зашел. Девушка посмотрела вверх.

— Кто это там поет? — сказала она.

— Это я, Тубо!

Дерево опустило его туда, где стояла девушка, и он дал ей рыбы.

— Тебя зовут Биби? — спросил он ее.

— Да, Биби. Ты живешь вместе с родителями?

— Мы живем вдвоем с матерью, а больше у нас родных нет.

После этого Тубо вернулся домой и остальную рыбу отдал матери.

На другой день Тубо опять отправился за рыбой на риф и на обратном пути снова спустился к девушке и дал ей рыбы.

— Завтра я за тобой приду, я хочу на тебе жениться, — сказал он Биби.

Он вернулся к матери и отдал ей рыбу.

— Завтра я не пойду за рыбой, останусь дома, — сказал он ей. — Ты иди на огород, а я отдохну.

Утром, когда мать ушла на огород, Тубо отправился за девушкой. Она его уже ждала, и дерево перенесло их обоих к нему домой. Он ввел девушку в хижину, а потом пошел за матерью. Он ей сказал:

— Матушка, зачем ты столько работаешь? Пойдем лучше домой.

Они пошли домой, и Тубо сказал матери:

— Входи ты первая.

Мать вошла и очень удивилась.

— Ой, что это за девушка у нас в хижине? — воскликнула она. — Тубо, откуда она взялась?

Тубо рассказал матери, как нашел эту девушку. Мать сказала:

— А что, если придут ее родные и убьют нас за то, что ты увел ее без разрешения?

Тубо на это ей ответил:

— У нее нет родных, она жила одна, и нам некого бояться.

На другой день Тубо с женой отправились туда, где она жила до этого, и забрали с собой ее вещи и свинью, которая у нее была. Дома они свинью зарезали и до отвала наелись мяса, а потом мать сказала сыну:

— Я состарилась, огород теперь будет твой. Работайте на нем вместе с женой, а мне пора отдохнуть.

104. Как житель Маваты вернулся с женой и детьми на родину

Как-то в пору дождей человек, которого звали Овани, и его жена Дагаму поплыли на лодке из Маваты за кокосами. Когда они возвращались назад, поднялась буря и унесла их в открытое море. Ветром лодку относило все дальше и дальше от берега. Муж и жена увидели, что ничего не могут сделать, и бросили весла. Они подумали: «Ветер погнал нас в другую сторону, так должен же он куда-нибудь нас пригнать». И правда, их лодку прибило к острову Ярубо.

Неподалеку от места, где они пристали, работал на своем огороде местный житель. Он увидел вдруг, что к берегу плывет что-то темное, и сперва не мог понять, что это: ствол дерева или лодка, но потом разглядел, что лодка и что в ней двое людей. Когда Овани и Дагаму пристали и вышли на берег, он их спросил:

— Откуда вы?

Но они не понимали языка острова Ярубо и потому повторяли только: «Мавата, Мавата» — и показывали знаками, что их лодку прибило к этому берегу бурей. Овани и Дагаму были тогда совсем молодые, и местный житель ласково им сказал:

— Вы будете мне детьми, идемте в мою хижину.

Молодым мужу и жене дали землю под огород, и они остались жить на острове Ярубо.

Прошло некоторое время, и Дагаму родила двух мальчиков. Одного из них называли Ки — «чайка», а другого Аваиа — «пеликан». Позднее она родила третьего сына, и его называли Кисаро — «маленькая белая цапля».

И вот однажды, когда Ки и Аваиа уже подросли, мальчики и девочки Ярубо им сказали:

— Давайте посмотрим, кто больше поймает рыбы, вы или мы.

Они стали ловить, и Ки с Аваиа наловили рыбы больше, чем остальные дети острова. Тем стало завидно, они рассердились и сказали:

— Давайте завтра ловить снова.

Ки и Аваиа согласились, но и на другой день они наловили рыбы больше всех. Тогда один мальчик сказал Ки:

— Твой отец и мать родились не здесь, они к нам приплыли.

Ки не знал, что его родители приплыли на Ярубо из Маваты, и бросился на мальчика с кулаками, крича:

— Не смей так говорить, ниоткуда мы не приплыли, мы здешние!

Ки и Аваиа пошли к родителям и спросили их:

— Правду говорит мальчик, что мы не здешние, а сюда приплыли?

Овани и Дагаму не хотели говорить правду и сказали детям:

— Да разве может кто-нибудь сюда доплыть?

Однако как-то раз, глядя на вечернее небо, Овани загрустил и сказал:

— До чего же красивые облака там, над моим селением! Это за ним заходит солнце, оно их и освещает. Как истосковался я по родным местам!

Ки услышал эти его слова и подумал: «Что это отец говорит?» Он подошел к нему и увидел, что тот плачет.

— Ты плачешь, отец? — удивился Ки.

— Да, сынок, — ответил Овани. — Ведь мы и на самом деле не здешние, а из далеких мест, из Маваты.

Ки стало жаль отца, и он начал плакать вместе с ним.

На другое утро Ки сказал отцу с матерью.

— Сходите на огород и принесите оттуда побольше овощей и плодов.

Овани и Дагаму отправились на огород, а Ки с братом стали собирать перья чайки и пеликана. Потом они вырезали из дерева двух птиц, сделали из перьев, которые собрали, им оперение, полили их ключевой водой, и птицы ожили. Ки влез через задний проход в чайку, Аваиа — в пеликана, и они вспорхнули и стали летать. Ки сказал:

— Пожалуй, мы сможем донести отца, мать и маленького брата до родного селения.

— Я теперь крупнее тебя, — сказал Аваиа, — поэтому я возьму отца и мать, а ты возьми младшего брата и еды на дорогу.

После этого Ки и Аваиа вылезли из сделанных ими птиц, и, когда родители пришли с огорода, Ки и Аваиа им сказали:

— Мы придумали, как нам вернуться в Мавату, откуда вы родом.

Все легли спать, а утром двое мальчиков разбудили родителей и младшего брата. Кисаро и всю еду, которую приготовили на дорогу, Ки и Аваиа спрятали в чайку, и после этого Овани сказал жене:

— Ты полезай в пеликана, а я стану ему на спину и буду показывать дорогу.

Ки влез в чайку, Аваиа — в пеликана, и птицы полетели в

Мавату. Овани стоял на спине у пеликана и показывал дорогу. Наконец чайка и пеликан долетели до Маваты, сели на берегу, и все вылезли из птиц наружу. Овани отвел жену в дом и оставил там со своими родственниками, а сам пошел в дом для мужчин.

На другой день мужчины отправились бить дюгоней и черепах — жителям Маваты хотелось отпраздновать возвращение Овани и его семьи. Некоторые убили двух дюгоней, кое-кто — трех, а Аваиа — целых шесть. Охотники принесли добычу домой, и женщины изжарили мясо.

Начался пир, и тогда Овани встал и сказал:

— Когда захотите пойти на рифы охотиться, не ходите сами — за вас сходим мы и набьем столько дюгоней и черепах, что хватит на всех.

И односельчане ему ответили:

— Так мы и будем делать, ведь теперь ты у нас в селении самый уважаемый человек — твой сын один убил шестерых дюгоней.

105. Как двух девушек, Сидари и Амакаду, перевезли на Мабуиаг

На острове Буру, между Даване и Мабуиагом, жил человек по имени Джаваги и две его дочери, Сидари и Амакаду. У него была еще и третья дочь, Паталаи, но та жила на Мабуиаге — ее муж был с этого острова.

Люди Мабуиага часто охотились на дюгоней и, когда раздвигали их туши, выбрасывали кишки в море. Кишки приносило на остров Буру, и тогда Джаваги находил их на берегу. Промыв их, он отдавал кишки дочерям, те варили их, и потом они все трое их ели.

Однажды Джаваги подумал: «Что-то много дюгоньих кишок приносит море — наверно, очень много дюгоней набили жители Мабуиага. Отправлюсь-ка я к ним и наворую мяса». Он сказал дочерям:

— Спите подольше, рано не вставайте.

Когда дочери заснули, Джаваги взял бамбуковый нож и раковину, чтобы на ней его точить, привязал их к ноге, прыгнул со скалы в море и поплыл под водой к острову Мабуиаг.

Все жители Мабуиага, когда он туда приплыл, охотились на дюгоней, и в селении никого не было. Джаваги зашел в одну

из хижин и взял большой кусок дюгоньего мяса, а потом наточил бамбуковый нож о раковину, разрезал мясо на куски и съел. Наевшись, Джаваги взял много мяса и привязал к себе, а потом снова вошел в море и поплыл домой, на Буру. Приплыв, он положил мясо возле спящих дочерей и лег сам. Когда дочери проснулись, они закричали:

— Ой, откуда столько дюгоньего мяса?

Джаваги притворился спящим, и дочери, думая, что он спит, стали будить его и спрашивать:

— Отец, откуда столько дюгоньего мяса?

Джаваги притворился, будто они и в самом деле его разбудили, и ответил им:

— Ночью приплывала ваша сестра, Паталаи, она и привезла это мясо. Вы тогда спали и ее не видели. Она, наверно, уже дома, на Мабуиаге.

— Почему ты нас не разбудил, отец? Мы бы так рады были увидеть нашу сестру!

— Ваша сестра мне сказала: «Не буди их, пусть спят» — поэтому я вас и не разбудил, — ответил Джаваги.

После этого дочери сели есть мясо и наелись его досыта.

Жители Мабуиага тем временем вернулись с охоты домой, увидели, что мясо пропало, и стали спрашивать друг у друга:

— Кто взял мясо?

В хижине, откуда оно пропало, спал завернутый в циновку ребенок, и люди его спросили.

— Кто взял мясо? Собак здесь не оставалось.

— Я не знаю, — ответил мальчик, — я маленький, еще не умею ходить. Я не видел, кто взял мясо.

Когда жители Мабуиага собрались в следующий раз бить дюгоней, двое юношей решили остаться и подстеречь вора. Односельчанам они сказали, что заболели, и каждый, как это делают больные, лег и туго перевязал себе веревкой одно бедро. Но как только из селения все ушли, они поднялись, и каждый сделал для своего лука новую тетиву. День кончился, наступила ночь, и среди ночи снова приплыл Джаваги и вылез на берег. Двое, оставшиеся в селении, сразу его заметили, и один сказал другому:

— Посмотри, из воды вылез человек.

Джаваги вошел в хижину и взял мясо, и тогда один из двоих сказал:

— Он взял мясо.

Джаваги разрезал мясо, как в прошлый раз, и начал его есть,

и тогда те двое натянули луки, выстрелили, и обе стрелы разом вонзились Джаваги под мышки. Потом они добились его дубинками и отрезали у него голову.

Дочери Джаваги на Буру не знали, что их отец крал мясо. Проснувшись утром, они стали ждать его, а не дождавшись, начали звать, но никто им не отвечал. Они дошли по следам Джаваги до камня, с которого он прыгнул в воду, но тут его следы обрывались.

— Он стал на камень и с него прыгнул в воду, — сказала Сидари. — Может, его убили люди Мабуиага, а может, его съела акула.

И обе дочери начали его оплакивать.

Когда жители Мабуиага вернулись с охоты, те двое, кто убил Джаваги, показали всем его голову и сказали:

— Это он украл мясо.

Люди посмотрели на нее, и тогда муж Паталаи им всем сказал:

— Это голова моего тестя, это его вы убили. Отдайте ее мне.

Тем, кто убил Джаваги, хотелось оставить голову себе, но муж Паталаи был старейшиной, и им пришлось отдать голову ему.

Паталаи и ее муж похоронили голову вместе с телом Джаваги и его оплакали. А потом Паталаи, думая о сестрах, сказала:

— На Буру остались две мои сестры, Сидари и Амакаду. Они теперь одни, и о них некому позаботиться.

— Пожалуй, завтра мы поплывем за ними и привезем их сюда, — сказали жители Мабуиага.

Утром они подняли паруса на лодках и поплыли к острову Буру. Еще издалека они увидели на берегу двух девушек, которые были очень хороши собой, и лодки еще не подошли к острову, а многие уже попрыгали с них в воду и поплыли напекоронки к берегу, потому что каждый хотел схватить девушек первым. Но те убежали и завернулись в циновки, и, сколько люди Мабуиага их ни искали, найти девушек они так и не смогли. Некоторые, видя, что в хижине никого нет, хотели оттуда унести вещи, но другие не позволили им этого сделать. Паталаи среди приплывших не было, она осталась на Мабуиаге.

Так и не найдя девушек, жители Мабуиага отправились в обратный путь. Когда они немного отплыли от острова, девушки снова вышли на берег, и кое-кто, увидев их, хотел сразу вернуться, но остальные сказали:

— Нет, возвращаться сейчас не будем, а то они испугаются. Лучше мы вернемся завтра.

Те, кто убил Джаваги, пошли, когда вернулись со всеми домой, к могилам родителей, выкопали их черепа, вычистили их и натерли кокосовым маслом. Они хотели, чтобы родители пришли к ним во сне и сказали, как им найти девушек, и поэтому, ложась спать, каждый положил черепа родителей с собою рядом.

В середине ночи они проснулись, так ничего и не увидев. Тогда они сказали духам родителей:

— Когда же вы придете? Приходите скорее!

А потом каждый из них взял палку и сказал:

— Если не придете, я разобью ваши головы.

Вскоре родители к ним пришли и сказали: «Мы старики, поэтому ходим медленно; будь мы молодые, мы бы пришли скорее. Девушки вчера завернулись в циновки, потому вы их и не нашли. Отправляйтесь завтра на Буру, там вы увидите два молодых банановых дерева; девушки будут внутри них. Вырвите оба дерева из земли, закатайте в циновки, обвяжите хорошенько и положите в лодку. Никому об этом не рассказывайте, а когда вернетесь, ложитесь спать отдельно от всех».

Проснувшись, юноши положили черепа обратно в могилы, а потом разбудили всех и сказали:

— Собирайтесь скорей на Буру, давайте ставить паруса!

Жители Мабуиага снова поплыли на остров Буру и опять увидели издали двух девушек на берегу. Некоторые, не утерпев, прыгнули из лодок в воду и поплыли к берегу сами, но юноша, который говорил во сне с умершими родителями, делать этого не стал. Он подумал: «Зачем мне торопиться? Ведь я знаю, где эти девушки». Он сошел вместе с остальными на берег, нашел два банановых дерева, вырвал их из земли, закатал каждое в циновку и, крепко прижимая к груди, отнес в лодку. Там он положил их на самое дно лодки, под помост. Тем временем другие мужчины бежали по острову и искали двух девушек, а потом, когда увидели, что тех нигде нет, взяли все вещи, которые были в хижине, положили к себе в лодки и отплыли домой, на Мабуиаг. Юноша, который положил в лодку два банановых дерева, никому о них не сказал и вынес их на берег, только когда все остальные уже ушли. Он отнес деревья в хижину и положил, не разворачивая циновок, к себе на постель. Когда стемнело, он развернул циновки и, обняв одно дерево правой рукой, а другое левой, лег спать. Ночью девушки вылезли из

банановых деревьев, и юноша, проснувшись среди ночи, увидел, что обнимает каждой рукой по девушке, и очень обрадовался.

Утром, когда обе они сидели у него на коленях, друг, вместе с которым он выследил и убил отца девушек, подошел к его хижине и закричал:

— Вставай, друг, солнце уже высоко!

— Входи! — крикнул юноша, который был в хижине.

Друг вошел, увидел девушек и воскликнул:

— Откуда они у тебя?

Он обнял всех троих и стал просить друга:

— Отдай мне одну, скоро придут люди, пусть они завидуют нам обоим!

Девушки молчали, но юноша, у которого они сидели на коленях, сказал:

— Бери вот эту, старшую.

Друг снял девушку с его колена, обнял ее и позвал односельчан:

— Эй, идите сюда, смотрите!

В хижину сразу набилось много людей, и они стали спрашивать:

— Что случилось?

А потом сказали:

— Так, оказывается, тех двух красивых девушек поймали они! Как же это им удалось? Где прятались эти девушки?

Тогда юноша, который привез девушек с Буру, всем рассказал:

— В первый раз, когда мы приплыли на Буру, они завернулись в циновки, а во второй спрятались в два банановых дерева. Я вырвал оба дерева из земли и привез сюда.

Люди устроили большой праздник, а через четыре дня обе девушки забеременели.

С тех пор как Джаваги умер, а его дочерей перевезли на Мабуиаг, на острове Буру никто больше не живет.

106. Бадабада и Серема

В Иасе две женщины родили в один и тот же день. Односельчанки пришли к одной из них и спросили:

— Кто у тебя?

— Мальчик, — ответила она. — А кого родила соседка?

— Девочку, — сказали женщины.

Мальчика называли Бадабада, девочку — Серема. Когда дети немного подросли, они, как и другие дети, стали играть на берегу моря, но девочка боялась мальчика и, когда он пытался подойти к ней поближе, от него убегала. Она говорила:

— Бадабада, не подходи ко мне близко, ты не мальчик, а оборот, злой дух.

Играть они не перестали, но, когда Бадабада подходил близко к Сереме, она пугалась.

Однажды жители Иасы собрались воевать, сели в лодки и поплыли вверх по реке Ориому. Когда они пристали к берегу, один из предводителей сказал Бадабаде, приплывшему, как и Серема, вместе с ними:

— Ты оставайся стеречь лодки.

Серему тоже оставили у лодок, а воины пошли через лес к селению — еще не рассвело, и все жители спали.

Но Бадабада, вместо того чтобы остаться у лодок, пошел крадучись за воинами. Он нес с собой топор, небольшой нож для отрезания головы и веревочную плетенку, в которой носят отрезанную голову.

Все сели отдохнуть, но Бадабада пошел вперед и пришел в селение первым.

В одной из хижин, возле самой двери, спал старик. Увидев старика, Бадабада к нему подкрался и ударом топора размозжил ему голову. Потом он вытащил тело наружу, отрезал голову и положил ее в свою веревочную плетенку. Никто Бадабады не увидел, и он вернулся на берег. Там он сказал Сереме:

— Давай я заплачу за тебя выкуп, и мы поженимся.

— Ой, Бадабада, мой отец рассердится! — сказала Серема.

— Не рассердится. Возьми эту голову и отдай отцу; скажи ему, что это мой выкуп за тебя.

Он положил голову старика около Серемы, и Серема, чтобы головы не было видно, положила на нее ногу. Бадабада дал ей табака и сказал:

— Раскури трубку.

Серема набила бамбуковую трубку, раскурила ее, и они стали курить вместе. Они были одни, больше никого не было. Когда рассвело, Бадабада взял корзину Серемы, положил в нее голову старика и спрятал корзину в лодке.

Воины Иасы, когда вошли в селение, убили очень много людей, но отцу Серемы не удалось убить никого. Головы убитых люди принесли с собой, сели в лодки и поплыли назад. Один раз, чтобы отдохнуть, они пристали к берегу. Там предводители

положили добытые головы в ряд, пересчитали их и увидели, что одной не хватает. Они стали говорить:

— Нет головы старика! Кто его убил?

Бадабада в это время играл на берегу недалеко от них, а Серема сидела в лодке и молчала. Предводители всё спрашивали:

— Где голова старика? Кто ее взял?

Все начали искать голову, но найти не могли. Бадабада не говорил ничего. Тогда отец позвал его и сказал:

— Раскури трубку.

Они закурили, и отец спросил:

— Бадабада, не ты убил старика?

Бадабада сказал:

— Старика убил я, и я отрезал его голову. Пойди в лодку, где сидит Серема, и найди ее корзину — там лежит голова, можешь ее взять.

Отец пошел, отыскал голову и всем ее показал:

— Это мой сын, Бадабада, убил старика!

Предводители посмотрели на Бадабаду, посмотрели на отрезанную голову и спросили:

— Это правда, Бадабада? Ты еще маленький, а уже убил старика?

Отец Серемы спросил:

— Откуда эта кровь, Серема, кто тебя ранил?

— О, это Бадабада дал мне голову, и я закрыла ее ногами, — ответила Серема. — Он сказал мне: «Давай поженимся, я убил старика, я отдам его голову за тебя твоему отцу».

Отец Серемы взял голову и сказал:

— Хорошо, женитесь.

На другой день люди Иасы поплыли дальше и вернулись на Киваи. Там они приготовили много еды, и все, довольные, говорили Бадабаде:

— Хорошо, что ты женишься на Сереме — устроим сегодня праздник!

107. Мальчик, который родился после смерти матери

Как-то раз далеко в лесу, в селении Тугиба, люди ловили в реке Тугиба-оромо крабов и собирали моллюсков. Один из мужчин, у которого жена была беременна, принес ей оттуда не-

сколько моллюсков, но они были очень маленькие, и она пошла на реку поискать для себя моллюсков сама. Она вошла в воду, которая была ей по колено, и начала их искать. Наконец она набрела на огромного моллюска в двухстворчатой раковине с острыми, как ножи, краями. Женщина сунула в раковину обе руки, чтобы вырвать моллюска, но тут створки сомкнулись и крепко зажали ее руки. Вырваться было нельзя, и, когда вода в реке поднялась, женщина захлебнулась.

Через некоторое время руки острыми краями створок совсем отрезало, и тогда тело уплыло. Течение унесло его и выбросило на остров в море, и там, разлагаясь, оно открылось, и из него вышел живой ребенок.

На острове жили старик и старуха. У них было три сына, и как-то ночью одному из сыновей приснилось, что на берегу появился маленький мальчик. Они пошли посмотреть, увидели мальчика и отнесли его к себе домой.

Мальчик начал у них расти, но о том, как он родился, они ему не рассказывали.

Однажды мальчик увидел в воде свое отражение и подумал: «У моих братьев лица похожи на лица родителей, а у меня лицо совсем другое. Может быть, у меня другие родители?»

Однажды ночью дух матери пришел к нему и сказал: «Те, у кого ты живешь, не настоящие твои мать и отец. Твоя мать я. Раковина моллюска отрезала мне руки, и я умерла. Мое тело течением принесло сюда, а ты в это время был у меня в животе. Селение, где я жила, далеко отсюда, в других местах».

Утром мальчик встал и подумал: «Я родом из других мест! Мать сказала мне правду». И он попросил у старика:

— Дай мне лодку, я поплыву за рыбой.

Но он поплыл не за рыбой, а к родным местам. Приемные родители ждали его очень долго, а потом, так и не дождавшись, стали спрашивать сыновей:

— Вы не рассказывали ему о том, как он родился?

Но те ответили:

— Нет, не рассказывали.

Дух матери показывал мальчику дорогу, и наконец он приплыл домой. Он встретился с отцом, и тот, уже старый, наполнил водой кокосовую скорлупу, посмотрел на свое отражение, а потом на лицо мальчика, и сказал:

— И правда, твое лицо такое же, как у меня.

Отец очень обрадовался, что у него есть сын, и они стали жить вместе.

108. Как Саи и Утшаэ стали кабанами

Как-то жители селения Гирибуру, недалеко от реки Ориому, охотились на диких свиней и кенгуру, и каждый убил какую-нибудь дичь. Только два брата, Саи и Утшаэ, ничего не убили. Вечером, возвратившись в селение, охотники стали делить добычу, но двум братьям односельчане не дали ничего. Тогда старший брат, Саи, сказал младшему:

— Раз нам ничего не дали, я пойду ночью на охоту один.

Наступила ночь, Утшаэ уснул, и тогда Саи пошел в лес. Но подстрелить ему ничего не удалось, и он, вернувшись с пустыми руками, сказал брату:

— Я ничего не добыл, а ведь ходил всю ночь.

Следующей ночью на охоту пошел Утшаэ, младший брат, и увидел, что на одном из деревьев дани сидит этерари. До этого Утшаэ никогда не видел этерари, и он подумал: «Кто это сидит там, такой похожий на крокодила?» Утшаэ воткнул в землю стрелу, чтобы заметить это место, а потом вернулся домой и сказал брату:

— Кто-то, не знаю кто, сидит на дереве дани.

— Не говори об этом никому, — сказал старший брат, — мы пойдем туда вдвоем.

Но младший сказал:

— Если нас будет только двое, оно может нас убить. Давай лучше позовем туда всех.

Они позвали односельчан, и все пошли в лес. Младший нашел стрелу, которую вонзил ночью в землю, и сказал людям:

— Посмотрите, что это такое там наверху?

Люди посмотрели и закричали:

— И правда, что это? Как бы оно нас не убило!

Все начали стрелять в этерари из луков, и наконец он упал с дерева мертвый. Старший взял себе голову, младший отрезал хвост, а остальное они отдали односельчанам.

Люди вернулись домой, сварили мясо и начали есть. Братья тоже приготовили части, которые взяли себе, но едва старший проглотил последний кусок головы этерари, как эта голова появилась на месте его собственной, и едва младший доел последний кусок хвоста этерари, как такой же хвост вырос и у него. Братья пошли к односельчанам и хотели около них сесть, но те сказали:

— Нет, лучше вы около нас не садитесь.

— Почему? — спросили братья.

И люди им сказали:

— У тебя голова этерари, а у тебя хвост, вот почему мы не хотим, чтобы вы около нас садились.

Братьям стало стыдно, и они вернулись к себе домой. Потом старший сказал:

— Где нам жить? Люди не хотят нас видеть.

Он стал думать об этом, а потом сказал младшему:

— Давай уйдем жить под большой камень.

Братья нашли такой камень, вырыли под ним яму и сделали в ней две постели. Старший притащил в яму кусок ствола пальмы эа, и братья начали есть ее мягкую сердцевину. Тут же кожа у них покрылась щетиной, и они стали кабаном. Саи спросил младшего брата:

— Посмотри, не похож я на кабана?

— Да,— воскликнул Утшаэ,— ты стал кабаном! А я им не стал?

— Стал. Ты совсем как настоящий кабан.

Братья убежали в лес и устроили себе в траве логово. Старший сказал младшему:

— Когда люди придут с собаками охотиться на кабанов, мы их всех растерзаем.

Однажды их односельчане выпили гамоды, совершили кареа и сказали:

— Завтра мы пойдем охотиться на кабанов.

Рано утром они отправились в лес, но попадались им только кенгуру, а кабанов не было. Наконец они увидели двух кабанов, но они не знали, что это Саи и Утшаэ. Они осыпали кабанов стрелами, но те от всех стрел ловко увертывались, а потом бросились на людей. Кое-кто успел влезть на деревья, а остальных кабаны убили. Те, кто вернулся в селение, сказали женщинам и детям:

— Кабаны растерзали многих наших односельчан.

Тогда люди решили:

— Лучше мы не пойдем на огороды, а пойдем уьем этих кабанов — уж очень много людей они погубили.

Мужчины взяли луки и стрелы, пошли в лес, отыскивали кабанов и начали в них стрелять. Однако кабаны увернулись от их стрел и бросились на охотников. Некоторые залезли на деревья и так спаслись, а другие были убиты. Те, кто спасся, вернулись домой и сказали тем, кто был в селении:

— Теперь нас осталось совсем мало, и скоро кабаны растерзают нас всех.

Мужчины стали пить гамоту, совершили кареа и сказали:

— Завтра мы пойдем и убьем кабанов!

На другой день люди отправились в лес, нашли кабанов и осыпали их стрелами, но те ловко увертывались. Они растерзали всех, только одному человеку удалось от них спастись, и он, вернувшись, сказал тем, кто оставался в селении:

— Больше не вернется никто, эти кабаны убили всех, только я один уцелел.

Оставшиеся в живых ушли из Гирибуру и поселились в Джибу, а в Гирибуру с тех пор никто не живет.

109. Муж-обжора

Как-то один человек из Кубиры, у которого было две жены, отправился с одной в лес, и они сделали там ловушку для диких свиней, положили в нее приманку и вернулись домой. Ночью человеку приснилось, что в ловушку попала дикая свинья, и он подумал, проснувшись: «Наверно, и вправду свинья попала!»

Он сел в лодку, поднялся вверх по реке до места, где они поставили ловушку, вылез на берег и увидел, что и вправду в ловушке большая дикая свинья. Тогда он вернулся домой и сказал своим женам:

— Дайте мне с собой саго, я поплыву на огород.

— Нам поплыть с тобой тоже? — спросили они.

— Нет, оставайтесь дома, я поработаю один, — ответил им муж.

Взяв саго и палочку для разжигания огня, он снова отправился к ловушке. Приплыв туда, он убил свинью и перенес тушу в небольшую хижину, которая была у них на огороде. Там он разделал тушу, нажарил себе мяса и начал есть. До этого он сделал в полу дыру и теперь, пока ел, все время справлял в нее большую нужду. Так он съел всю дикую свинью и весь саго.

После этого, чтобы обмануть своих жен, он исцарапал и исколол себя стрелой, вонзил несколько стрел в свою лодку и поплыл назад. Когда до дома было уже недалеко, он бросил весла, и лодку понесло течением. Он закричал женам:

— Ой, помогите мне, меня поранили люди из леса!

Жены заплакали и сказали:

— Мы же говорили — не надо тебе ходить туда одному!

Они понесли его на руках в дом, а он все время вскрикивал и причитал:

— Не дотрагивайтесь до меня, мне очень больно!

Его положили около очага, и некоторые из мужчин Кубиры сказали:

— Ему надо спустить немного крови.

Но он стал просить:

— Не надо пускать кровь, лучше дайте лекарство.

И ему дали лекарство.

Он провел дома три дня, а потом, опять один, поплыл к ловушке, снова положил приманку и вернулся домой. Ночью ему приснилось, что в ловушку попала другая свинья, и утром он сказал женам:

— Я поплыву посмотреть на бананы — они уже созревают, надо прикрыть гроздья листьями.

Он поплыл вверх по течению, снова нашел в ловушке дикую свинью, снова вернулся домой, взял у жен саго, поплыл назад и съел свинью — так же, как в первый раз. Потом, как и в первый раз, он исцарапал себя стрелой и, когда вернулся, опять дал женам перенести себя в хижину.

Через четыре дня все повторилось, и он опять съел целиком дикую свинью. Наконец жены заподозрили, что он их обманывает и что-то от них скрывает, и одна спросила другую:

— Что вы с ним делали, когда в последний раз были вдвоем на огородах?

— Ой, мы с ним сделали тогда ловушку для диких свиней! — ответила другая. — Наверно, в нее попадают свињи и он съедает их один.

Женщины сели в лодку и отправились посмотреть, что делает муж. Они неслышно подкрались к их маленькой хижине на огородах и увидели его в ней.

— Какой бессовестный, — сказала одна из них другой, — сам ест мясо, а нам не дает! Ну подожди же!

Так же тихо, чтобы он их не заметил, женщины пошли к реке и отправились домой. Дома они надели новые юбки и стали ждать мужа. Вскоре он пришлыл тоже и закричал, как до этого:

— Мои жены, вы здесь? Возьмите меня из лодки, на меня опять напали жители леса!

— Ну уж нет, мы его больше носить не будем, — сказали женщины.

Они схватили каждая по палке-копалке и стали ждать. Муж

позвал их снова, но они не отвечали. Наконец, опираясь на весло, он выбрался на берег и спросил:

— Жены, почему вы не перенесли меня на руках?

Женщины по-прежнему не отвечали, и тогда муж сказал:

— Возьмите в лодке и принесите мои вещи.

Первая жена вскочила на ноги, ударила его палкой-копалкой по голове и закричала:

— Это за то, что ты нас дурачил, ел мясо один!

Другая тоже его ударила, женщины начали его избивать и наконец убили. Односельчане стали их упрекать и сказали:

— Нельзя было его так бить.

— Он сам виноват,— ответили женщины.— Говорил, что идет работать на огород, а сам ел мясо и ни с кем не делился — обманул всех, и нас тоже. Вот за что мы его били.

И люди сказали:

— Раз так, больше об этом говорить не будем.

Умершего похоронили, а жены стали его оплакивать, причитая:

— Зачем мы убили нашего мужа? Кто теперь на нас жегится?

И так они причитали очень долго.

110. Кто украл саго

Когда-то в Старой Мавате женщина ждала ребенка, и ее муж в это время, как требует обычай, жил в другом конце дома. На полке недалеко от ее постели лежал большой узел саго, принадлежавший другим мужу и жене.

Ребенок родился ночью. Другая женщина, та, которой принадлежал саго, все это время вместо саго давала мужу другую пищу — саго она берегла для себя. Каждый вечер она подходила к полке, отламывала кусок, готовила и ела. Муж ее ночевал в доме для мужчин и ничего об этом не знал. Делала она все, когда роженица выходила искупаться, и тогда же, чтобы подушили на ту, она сыпала крошки саго на ее постель. Роженица даже не знала о том, что в узле на полке саго, и, когда возвращалась с ручья и находила у себя на постели крошки, очень удивлялась этому и думала: «Откуда на постели саго? Ведь у меня его нет».

Однажды муж, которому жена не давала саго, сказал жене:

— Пойди принеси саго, хочется его поесть.

— Почему это ты меня за ним посылаешь? Узел тяжелый, у меня не хватит силы его нести. Сходи сам, это мужское дело. Муж пошел и, когда увидел узел, очень удивился и сказал вслух:

— Я завязывал веревку туго, почему же она болтается?

Он сунул руку в узел и воскликнул:

— Ой, да там почти пусто! Куда делся саго, кто его съел?

Он спросил жену, которая пришла вместе с ним:

— Почему ты ела саго одна, а мне не давала?

Жена на это ответила:

— Я не ела саго, я не знала даже, куда ты его положил.

Спрашивай тех, кто здесь живет.

Муж огляделся вокруг, увидел крошки саго у постели роженицы и сказал:

— Значит, саго брала она.

— Почему это я? — обиделась роженица. — Я еще слабая, я почти ничего не ем, мне даже сидеть трудно — как же я могла брать и готовить саго? Каждое утро и вечер я, как приду с купанья, вижу на постели у себя крошки саго, и я не знаю, кто мне их сюда бросает.

Мужчина не поверил ей и сказал:

— Около саго спала ты, кроме тебя, здесь никого не было.

— Да, я сплю тут, но я даже не знала, что здесь саго, — ответила родившая. — Крошки мне в постель сыпал кто-то другой, я сама хотела бы узнать, кто это делал.

Но сколько женщина ни убеждала его, что не брала саго, все равно он ей не поверил. Она горько разрыдалась, а ее собственный муж, который был в это время там, подумал: «Наверно, и вправду она брала саго». Все поверили, что саго съела эта женщина. Ее родные принесли бамбуковый нож и вспороли ей живот, чтобы посмотреть, нет ли там саго, но саго там не было, а были только кровь и вода. Тогда они посмотрели вокруг, увидели женщину, укравшую саго, вспороли живот ей тоже и закричали:

— Вот саго, она его ела совсем недавно! Мы ей поверили, а, оказывается, саго ела она сама!

Родные похоронили женщину. Никто ни на кого не обижался, за убитых никто никому не платил, но всем было стыдно. Друг отца принял новорожденного к себе в семью и отдал его жене.

Вот почему теперь мужчины, когда приносят домой узел саго, не кладут его около мест, где спят женщины, особенно ро-

женицы — все помнят о том, что случилось давно в Старой Мавате. И жена теперь не начинает без мужа есть саго, а ждет, чтобы он вернулся домой.

111. Как свиньи начали разорять огороды

В давние времена, как и теперь, в лесу жили дикие свиньи, но тогда они не разрывали огородов и не нужно было делать никаких изгородей. Разорять огороды они начали из-за человека по имени Ауо Ота, одного из старейшин Маваты. Вот как это случилось.

Однажды жена Ауо Оты, Баме, сидела в хижине и делала себе юбку, а ее маленький сын, Ороногу, играл в это время на земле, под полом хижины. Хижина стояла на берегу, был прилив, и мальчик вдруг поскользнулся и упал в воду. Он был совсем маленький, не мог даже стоять на ногах, и сразу утонул. Волны стали бросать его тело из стороны в сторону, как кусок дерева. Мать не видела, как он упал в воду, но мимо, как раз когда это случилось, проходили мужчина и женщина. Они увидели в воде тело мальчика и закричали:

— Уэи, кто это, чей это мальчик? Он уже мертвый, море его уносит! Ой, да ведь это Ороногу, сын Ауо Оты!

Услышав эти крики, мать прыгнула в воду и бросилась искать утонувшего ребенка. Люди позвали Ауо Оту и его родственников, те прибежали и, когда узнали о беде, очень рассердились — им было обидно, что односельчане не спасли ребенка. Они взяли хвостик свиньи и разное другое, из чего делают колдовское снадобье, от которого приходят свиньи и разоряют огороды, приготовили его и опрыскали этим снадобьем из рта огороды односельчан. Потом они взяли тело мальчика, пошли с ним к загонам, где жители Маваты держали домашних свиней, и там стали раскачивать тело из стороны в сторону, хрюкая, как свиней, и трубя в раковины — так они вызывали из леса диких свиней. Дикие свиньи прибежали на этот зов, и домашние свиньи подговорили диких пойти с ними разрывать огороды. Они пошли парами, дикая свинья с домашней, и напрасно пытались люди уберечь от них посадки — свиньи ломали все изгороди. Когда пришли свиньи, кое-кто из жителей селения спал у себя на огородах, и эти люди стали зажигать факелы, но и огонь не остановил свиней.

У жителей Маваты после этого почти не осталось пищи, и им приходилось теперь добывать себе еду в других местах, далеко от дома. Прошло много времени, прежде чем людям удалось снять со своих огородов заклятие Ауо Оты, но потом такая же беда постигла их снова. Случилось это, когда собака, принадлежавшая Онеа, украла с очага Море пищу и сын Море застрелил ее из лука. Онеа очень рассердился и тоже, как Ауо Ота, позвал свиней, чтобы те разорили огороды односельчан. Повторилось то же, что было в первый раз, и тогда несколько односельчан решили отомстить Онеа. Однажды, когда он отправился на охоту, они приманили к нему колдовством диких свиней, и те его растерзали. Сделали они себе же хуже: через некоторое время Онеа расколдовал бы их огороды, но теперь, когда он умер, никто не знал, как это сделать. Его сын, Дабу, пробовал, но ему удалось снять только часть заклятия, и потому до сих пор одни огороды свиньи разоряют, а другие нет.

ИСТОЧНИКИ *

1. 1, с. 64—65. Рассказал Каку из Иписиа.
2. 2, с. 65—67. Рассказал Намаи из Маваты.
3. 3А, с. 68—69. Рассказал Каку из Иписиа.
4. 6, с. 72—74. Рассказал он же.
5. 10, с. 81. Рассказали несколько жителей Масингары.
6. 14, 15; с. 82—87. Рассказал Намаи из Маваты.
7. 17, с. 88—89. Рассказал Гамае из Маваты.
8. 18, с. 89—90. Рассказал Намаи из Маваты.
9. 19, 20; с. 90—94. Рассказали Гамае и Амура из Маваты.
10. 21, с. 95—96. Рассказал Намаи из Маваты.
11. 22, с. 96—99. Рассказал он же.
12. 23, 24, с. 100—103. Рассказал он же.
13. 25, с. 104—105. Рассказал он же.
14. 27, 28, 32—41, 43; с. 106—115. Рассказали Намаи из Маваты (27, 28, 34, 35), Каку из Иписиа (33, 37, 38, 41), Ику из Иписиа (36), Ику из Маваты (39), Гибума из Маваты (40) и Гамае из Маваты (43).
15. 46, с. 126—127. Рассказал Сакума из Иписиа.
16. 50, с. 132—133. Рассказал Гамае из Иасы.
17. 52, с. 134—135. Рассказал Гамае из Маваты.
18. 53, с. 135—136. Рассказал он же.
19. 55, с. 137—139. Рассказал он же.
20. 57, с. 142—145. Рассказал Менеги из Маваты.
21. 58, с. 147—148. Рассказал Гамае из Маваты.
22. 59, с. 148—151. Рассказал Намаи из Маваты.
23. 61, с. 159—163. Рассказал он же.
24. 62, с. 165—167. Рассказал он же.
25. 63, с. 167—168. Рассказал Гамае из Маваты.
26. 69, с. 171—172. Рассказал он же.
27. 71, с. 173. Рассказал Амура из Маваты.
28. 72, с. 173—174. Рассказал Намаи из Маваты.
29. 76, с. 176—177. Рассказал Адаги из Маваты.
30. 84, с. 180. Рассказал Каку из Иписиа.

* Ссылки на источник (собрание Г. Ландтмана) построены следующим образом: сначала указывается номер текста по нумерации, принятой в настоящем издании, за ним следует номер, под которым текст опубликован в оригинале, затем — номера соответствующих страниц в издании оригинала и, наконец, имя и место жительства рассказчика.— *Прим. сост.*

31. 86, с. 181—182. Рассказал Намаи из Маваты.
32. 90, с. 185—187. Рассказал Саре из Маваты.
33. 102, с. 192—195. Рассказал Гамеа из Маваты.
34. 105, с. 197. Рассказал Сайбу из Маваты.
35. 112, с. 201. Рассказал Намаи из Маваты.
36. 115, с. 202—203. Рассказал он же.
37. 120, с. 204—206. Рассказал он же.
38. 121, с. 207—208. Рассказал Гамеа из Маваты.
39. 123, с. 209—210. Рассказал Намаи из Маваты.
40. 129, с. 211—212. Рассказал Гагу из Маваты.
41. 130, с. 212—213. Рассказал Таниба из Джибу.
42. 134, с. 215—216. Рассказал Намаи из Маваты.
43. 135, с. 216—218. Рассказал он же.
44. 139, с. 220—221. Рассказал Ману из Иписиа.
45. 147, с. 223—225. Рассказал Дуане из Маваты.
46. 148, с. 225—228. Рассказал Гамеа из Маваты.
47. 149, с. 228—230. Рассказал Адаги из Маваты.
48. 150, с. 230—233. Рассказал Амура из Маваты.
49. 151, с. 233—235. Рассказал он же.
50. 152, с. 235—236. Рассказал Гамеа из Маваты.
51. 168, с. 251—252. Рассказал Намаи из Маваты.
52. 169, с. 253—254. Рассказал Менеги из Маваты.
53. 171, с. 254—255. Рассказал Амура из Маваты.
54. 187, с. 265. Рассказал Ману из Иписиа.
55. 194, с. 268. Рассказал он же.
56. 196, с. 269—270. Рассказал Герова из Маваты.
57. 201, с. 274. Рассказал Менеги из Маваты.
58. 209, с. 278—279. Рассказал Амура из Маваты.
59. 212, с. 280—281. Рассказал Гамеа из Маваты.
60. 256, с. 308—309. Рассказал Каку из Иписиа.
61. 257, с. 310—311. Рассказал Гибума из Маваты.
62. 260, с. 312—314. Рассказал Адаги из Маваты.
63. 261, с. 316—317. Рассказал Намаи из Маваты.
64. 263, с. 320—323. Рассказали несколько мужчин из Масингары.
65. 265, с. 324. Рассказал Гамеа из Маваты.
66. 266, с. 325—326. Рассказал Гамаи из Маваты.
67. 268, с. 327—328. Рассказал он же.
68. 274, с. 333—334. Рассказал Гибума из Маваты.
69. 275, с. 334—335. Рассказал Сеггиум из Диримо.
70. 278, с. 338. Рассказал Намаи из Маваты.
71. 283, с. 349. Рассказал он же.
72. 287, с. 352—354. Рассказал он же.
73. 288, с. 354—356. Рассказал он же.
74. 290, с. 356—358. Рассказал он же.
75. 294, с. 361—363. Рассказал он же.
76. 312, с. 379. Рассказал Адаги из Маваты.
77. 313, с. 379—380. Рассказал Намаи из Маваты.
78. 318, с. 381. Рассказал Натаи из Иписиа.
79. 322, с. 382—383. Рассказал Бери из Иписиа.
80. 323, с. 383. Рассказал он же.
81. 328, с. 385. Рассказал Гамеа из Маваты.
82. 337—338, с. 395—398 и 398—400 соответственно. Рассказал Намаи из Маваты.

83. 340, с. 402—403. Рассказал Менеги из Маваты.
84. 341, с. 403—404. Рассказал Намаи из Маваты.
85. 342, с. 404—405. Рассказал Гамеа из Маваты.
86. 343, с. 405—406. Рассказал Сайбу из Маваты.
87. 349, с. 408—410. Рассказал Намаи из Маваты.
88. 365, с. 419—422. Рассказал он же.
89. 369, с. 430—431. Рассказчик не назван.
90. 374, с. 434—435. Рассказал Бири из Иписиа.
91. 419, с. 461. Рассказал Каку из Иписиа.
92. 432, с. 469. Рассказал Натаи из Иписиа.
93. 435, с. 471—472. Рассказал Сайбу из Маваты.
94. 440, с. 475. Рассказал Ибиа из Иписиа.
95. 446, с. 478—479. Рассказал Натаи из Иписиа.
96. 447, с. 479—480. Рассказал Ганапе из Иписиа.
97. 449, с. 480—481. Рассказал Амура из Маваты.
98. 451, с. 482—483. Рассказал Сале из Маваты.
99. 453, с. 484—486. Рассказал Намаи из Маваты.
100. 454, с. 486—487. Рассказал Менеги из Маваты.
101. 455, с. 489—491. Рассказал Ику из Маваты.
102. 456, 457; с. 492—499. Рассказал Намаи из Маваты.
103. 462, с. 505—506. Рассказал Гибума из Маваты.
104. 463, с. 507—508. Рассказал Вайба из Маваты.
105. 464, с. 508—510. Рассказал Гамеа из Маваты.
106. 466, с. 512—513. Рассказал Каку из Иписиа.
107. 469, с. 518. Рассказал Ику из Маваты.
108. 472, с. 520—521. Рассказал Гибума из Маваты.
109. 478, с. 525—526. Рассказал Бири из Иписиа.
110. 482, с. 528—529. Рассказал Намаи из Маваты.
111. 486, с. 531. Рассказал он же.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВОДИМЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ

Адири (Войбу) — мифическая страна мертвых, куда уходит жить душа умершего. Находится, как считают киваи, там, где за горизонт заходят луна и солнце.

Балансир — бревно, которое закрепляют поперечными перекладинами параллельно лодке на некотором расстоянии от нее для придания ей устойчивости. В папуасской лодке может быть один балансир или два, справа и слева от нее.

Бауда — место на пути к Адири (см.).

Войбу — см. Адири.

Гамода — растение, из сока которого киваи изготавливают наркотический напиток. Гамода играет важную роль в различных церемониях, напитокку придается магическое значение, употреблять его могут только мужчины.

Гаэра — церемониальное празднество плодородия у киваи. Празднуется нерегулярно, но когда жители какого-нибудь селения решат, что пришло время его устроить, они начинают работать на огородах больше обычного, чтобы урожай был очень хороший. Подобно другим празднествам, гаэра включает множество ритуалов, танцев, игр. Главную часть праздника составляет церемония дерева плодородия. Для этого срубают какое-нибудь дерево, обрубают на нем ветки так, чтобы из ствола торчали коротенькие сучки, ставят в деревне и обвешивают плодами, овощами и яркими украшениями. При этом совершают многочисленные магические обряды, исполняют танцы, сопровождаемые песнями, содержание которых связано с культом умерших. Особое значение придается тому, как на дерево (тоже именуемое гаэра) будут повешены самые первые овощи или плоды.

Гопе — резная, похожая на щит, доска, которую киваи вешают на коньках крыш, чтобы оградить себя от болезней.

Гуделки — деревянные пластинки, напоминающие по форме ножи, различного размера, с резьбой и раскраской, широко применявшиеся среди папуасов в магических целях. Главная функция гуделок — передавать во время ритуалов и церемоний голоса «духов», предков и других мифологических персонажей. Гуделку привязывали длинным шнуром к бамбуковому шесту, его вертели, и она, разрезая воздух, издавала мощный гул. Женщинам и детям видеть гуделки запрещалось под страхом смерти.

Дори — головное украшение из длинных белых перьев.

Дюгонь, или морская корова — крупное морское млекопитающее отряда сиреновых. Гарпунная охота на дюгоней составляла, по свидетельству Г. Ландтмана, важную часть хозяйственной жизни папуасов киваи. С ней были связаны специальные ритуалы, представления и магические действия.

Игуана — крупная древесная ящерица, живет в ряде стран экваториального пояса. Некоторые папуасские племена используют мясо игуаны в пищу.

Ини — распространенное у киваи украшение, палочка, вставляемая в проткнутую носовую перегородку.

Кареа — один из самых важных ритуалов киваи, совершаемый по разным поводам и имеющий целью обеспечить успех намечаемого дела. Во время кареа мужчины пьют напиток гамода (см.) и совершают магическое его разбрызгивание.

Кокати — коллективная игра киваи, составляющая часть церемонии таэра (см.). Участники ее гоняют на берегу с помощью веток и палок деревянный шар. Разделение на партии соответствует группировке кланов в святилище хориому (см.).

Коне — съедобные личинки, которые киваи достают из стволов деревьев.

Кротон (*Croton variegatum*) — куст с желтыми, красными и зелеными листьями, встречающийся на Новой Гвинее во многих разновидностях. Ветки кротона папуасы втыкают в браслеты как украшения; кроме того, кротону приписывается способность изгонять злых духов.

Кускус — сумчатое животное, самый крупный из опоссумов. Питается в основном растительной пищей, но иногда также насекомыми и мелкими птицами.

Накаре — мифическая гора в Дибيري (см. Словарь географических названий).

Нигори-гамо — ритуальная церемония, цель которой — способствовать размножению морских черепах и успешной на них охоте. Включала обрядовое посещение могил предков, ритуальное вылавливание черепах и специальные танцы вокруг них.

Нурумара — тотем у киваи. Нурумара может быть как животным, так и растением.

Обоуби — мифические существа, живущие под водой. Внешне обоуби, по представлениям киваи, ничем не отличаются от людей, только женщины у них не носят юбок, и говорят они, как считают киваи, на том же языке, что и люди. Считается, что крокодилы, черепахи и другие обитатели вод им подвластны.

Ориогорухо — злое мифическое существо. По представлениям киваи, внешне ориогорухо похож на человека, но часто отличается от него очень большими, свисающими до земли ушами, которыми он укрывается ночью. Ноги у ориогорухо кончаются свиными копытцами, изо рта у него торчат две пары клыков, на голове вместо волос растут кусты и ползучие растения, но, если ориогорухо захочет, он может принять облик обыкновенного человека, и тогда узнать его сразу бывает невозможно. Ориогорухо живут в лесу и нападают на людей.

Орорара — общее название мифических существ на острове Киваи (см. также этенгена).

Оборо — слово, которым киваи обозначают духов умерших.

Панданус (*Pandanus*) — тропический кустарник с длинными узкими листьями.

Саго — название пальмы и продукта, получаемого в результате обработки ее сердцевины. Мужчины срубают пальму и вскрывают по всей длине ее ствол; после этого женщины разрыхляют сердцевину, колотят по ней специальными теслами; из образовавшейся массы вымывают саговую муку, которую затем прессуют в тесто и хранят в виде колбасок в пальмовых листьях. Саго принадлежит к числу самых распространенных продуктов питания у киваи.

С в я т и л и щ е — не вполне точное обозначение специального помещения, которое сооружается на ритуальной площадке во время многодневных церемоний. Оно предназначено для «духов» умерших, которые, как считается, приходят на церемонию; внутри святилища хранятся священные родовые предметы, необходимый для церемониальных танцев реквиант, музыкальные инструменты, маски и т. д. Отсюда выходят и сюда возвращаются участники танцев и ритуальных пантомим.

С и в а р е — мифическая гора в Дибире (см. Список географических названий).

Т а р о (*Colocasia esculenta*) — растение с крупными крахмалистыми съедобными корневыми клубнями, распространенное в тропических странах. С разведением таро, так же как и других огородных культур, у папуасов связана целая система магических действий и мифологических верований; некоторые обряды имеют целью обеспечить хороший урожай таро.

Т а э р а, или хориому — одна из самых крупных тайных церемоний киваи, состоит из ряда пантомимических танцев и ритуалов, связана с культом умерших. Мужчины в костюмах из травы и листьев, в масках изображают «духов» умерших и сверхъестественные существа. Женщины думают, что танцующие и на самом деле духи их умерших близких, дают им пищу и их оплакивают. Церемония таэра, как считается, способствует удаче в охоте на дюгоней.

У т у м у — «дух» человека, у которого после смерти отрезали голову.

Х и в а и - а б е р е — злое мифическое существо женского пола. По представлениям киваи, хиваи-абере очень толстые, у них большая голова, огромный живот и короткие ноги. Ногти на руках у них твердые и острые, как копыта, — такие острые, что они убивают ими диких свиней.

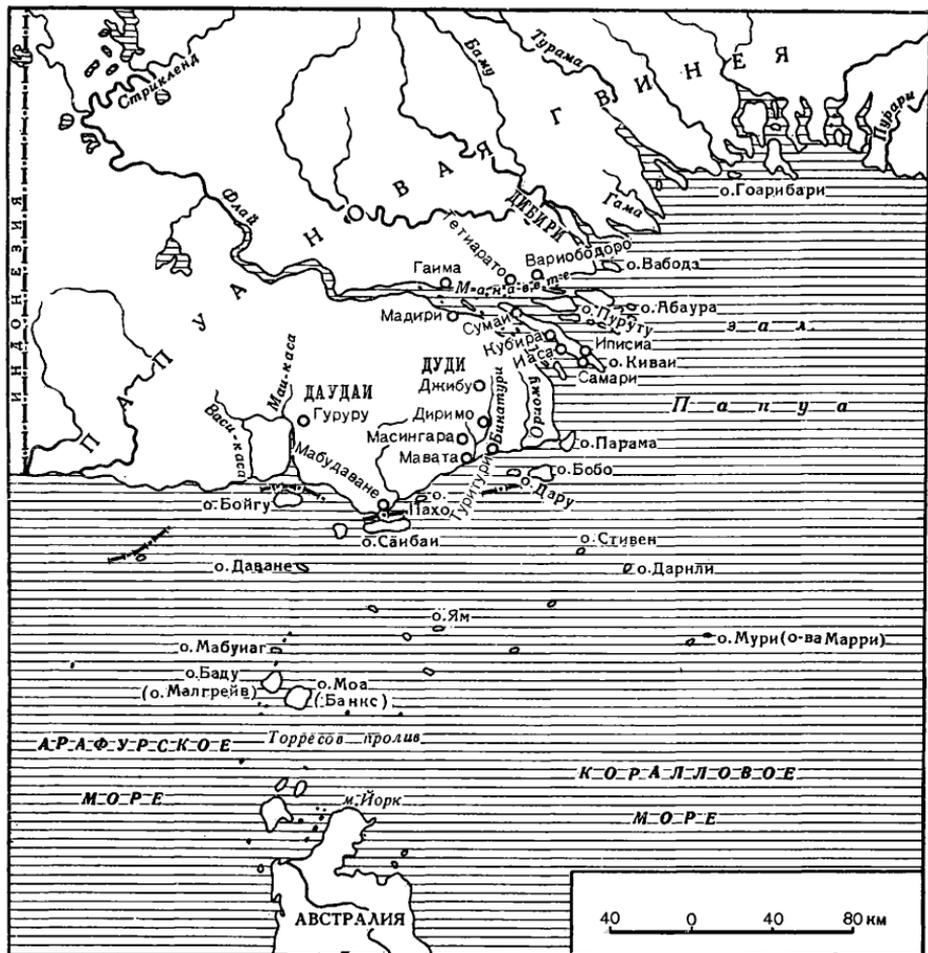
Х о р и о м у — см. таэра.

Э б и х а р е — общее название всех мифических существ, живущих в море.

Э т е н г е н а — мифические существа, живущие в больших деревьях, в источниках и л. п. Некоторые из них, как верят киваи, охраняют огороды. Иногда этенгена принимают человеческое обличье, а иногда являются людям в образе змей, птиц и т. д. (см. также о р о р а р о р а).

Э т е р а р и — мифическое существо, огромная ящерица. Иногда этерари, по представлениям киваи, вступают в общение с людьми, а некоторые селепия считают этерари своим покровителем.

Я м с (*Dioscorea alata*) — вьющееся растение, имеющее большие съедобные клубни; растет в тропических странах. Один из основных продуктов питания у папуасов. Посадка ямса и уход за ним сопровождались множеством магических действий, с применением гуделок (см.) и колдовских средств. В мифологии папуасов известно большое число рассказов о чудесном происхождении разных сортов ямса.

Территория расселения пауасов киваи
 (использована карта Г. Лавдмана)

СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Некоторые из мест, упоминаемых в текстах, носят характер более или менее мифический. Со времени, к которому относится действие в известной части рассказов, не раз случалось, что жители той или другой деревни оставляли ее и селились на новом месте. Названия приведены так, как они произносятся местными жителями; сведения о местоположении различных пунктов тоже основаны в ряде случаев лишь на полученной от них информации.

- Аба му — место между рекой Ориому и мысом Аберемуба.
Аба ура — остров в дельте реки Флай, к востоку от острова Киван.
Аберемуба — мыс к западу от устья реки Ориому.
Абере-оромо — один из протоков, прорезающих остров Киван.
Або — остров в низовьях реки Флай.
Адрепу — селение в лесах к западу от реки Бинатури.
Аита — место на острове Сабаи.
Аракара — селение в Даудаи (см.).
Арки — селение в Даудаи.
Арипара (Алипле) — селение в Даудаи.
Аугаромуба — мыс к востоку от устья реки Пахотури.
Ауо Моуро — место на острове Парама.
Баду — 1) селение в Даудаи; 2) остров в Торресовом проливе.
Баму — река, находится к востоку от реки Флай.
Биге — место в Даудаи на берегу моря.
Бинаменеа — место недалеко от реки Бинатури.
Бинатури — река к югу от реки Флай.
Бобо — остров к югу от устья реки Флай.
Бодуго (Бодиго) — место неподалеку от реки Бинатури.
Бойгу — остров в Торресовом проливе.
Боромуба — остров в дельте реки Флай.
Бугамо — место недалеко от реки Бинатури.
Бугиа — место в лесах к западу от реки Бинатури.
Буджи — селение близ устья реки Май-каса.

* В настоящем сборнике список географических названий по сравнению с английским оригиналом несколько изменен: названия, не встречающиеся в текстах, вошедших в сборник, исключены, некоторые пояснения расширены или уточнены. — *Прим. ред.*

- Буру — остров в Торресовом проливе.
 Буту — мыс на острове Саибаи.
 Вабода — остров в дельте реки Флай.
 Вавои — место на пути к Адири, стране мертвых (см. Словарь непеводимых слов и терминов).
 Валеаму — селение в Даудаи.
 Вапа — проход между двумя рифами в Торресовом проливе.
 Вапи — западная оконечность острова Пурутуту в дельте реки Флай.
 Варабере — остров в Торресовом проливе.
 Васи — место в Даудаи.
 Васп-каса — река в Даудаи.
 Ваума — место на острове Саибаи.
 Виоруби — селение на юго-восточной стороне острова Киваи.
 Вираро — место в Дуди.
 Вододо — место к востоку от реки Флай.
 Воруупи (Ворупи) — место близ реки Бинатури.
 Вуйбу — селение в Даудаи.
 Гама — место близ реки Бинатури.
 Ганалаи (Ганарани) — речка, протекающая у селения Мавата.
 Геави — место на южном берегу реки Флай.
 Гебаро—1) остров в дельте реки Флай; 2) место неподалеку от селения Иаса на острове Киваи; 3) мыс на острове Саибаи; 4) остров в Торресовом проливе.
 Гемеидаи (Гемеде) — место, расположенное или на западной оконечности острова Пурутуту или на северо-западной оконечности острова Киваи.
 Гесовамуба — мыс на морском берегу неподалеку от селения Мавата.
 Гибу — селение на юго-западной стороне острова Киваи.
 Гидо — место на побережье Даудаи.
 Гимини — песчаная отмель в Торресовом проливе.
 Гово — место неподалеку от реки Бинатури.
 Говобуро — место в дельте реки Флай.
 Гому — место на острове Мабуиаг.
 Гуиа (Гуие) — селение в Даудаи.
 Гурахи (Кататаи) — селение на морском берегу к югу от дельты реки Флай.
 Гуруру (Гллулу) — селение к западу от реки Бинатури.
 Дабангани (Дабангаи) — место на острове Мабуиаг.
 Дабо (Дабу) — селение в Даудаи.
 Даване (Дауан) — остров в Торресовом проливе.
 Даваре (Давари) — селение на побережье Дуди.
 Дамера-коромо — место к востоку от реки Флай.
 Дарагори — селение на реке Ориому.
 Дару (Яру) — остров в Торресовом проливе, к югу от устья реки Ориому.
 Дарубе — селение в Даудаи.
 Даудаи — местное название района Новой Гвинеи, берег которого является северным берегом Торрессова пролива.
 Джибару — селение в лесах к западу от реки Бинатури.
 Джибу — селение недалеко от истоков Бинатури.
 Дибири — местное название территории между дельтами рек Баму и Флай.

Диримо — селение на реке Бинатури.
Дорогори — селение в лесах неподалеку от реки Ориому.
Доропо (Дороподаи) — селение на северо-восточном берегу острова Киваи.
Дугу — место близ реки Бинатури.
Дуди — местное название района к югу от дельты реки Флай, напротив острова Киваи.
Емуса — место на реке Бинатури.
Иаса (Иасамуба) — самое большое селение на Киваи, находится на юго-западном берегу острова.
Иасатури — речка, протекающая около Иасы.
Идже — место неподалеку от истоков Бинатури.
Ипидаримо — селение на южном берегу реки Флай.
Иписиа — селение на северо-восточном берегу острова Киваи.
Ираго — селение в Дуди.
Ирибу (Сугару) — остров в Торресовом проливе.
Ируппи (Ирууппи) — см. Ируэ.
Ируэ — селение в лесах к западу от реки Бинатури.
Ита — остров в Торресовом проливе.
Ихо — место на острове Дару.
Кадава — см. Мавата.
Кататаи — см. Гурахи.
Кауаро — речка в Дуди.
Кемусу (Кимусу) — риф в Торресовом проливе.
Киваи — самый большой из островов в дельте реки Флай.
Коабу — селение в Дуди.
Кобуара-гово — река в Даудаи.
Кубира — селение на западном берегу острова Киваи.
Куди-каса — река в Даудаи.
Кумадари — риф в Торресовом проливе.
Кунини — селение на морском берегу к югу от дельты реки Флай; первоначально находилось в лесах в некотором отдалении от моря.
Кура — речка к западу от Бинатури.
Куру — место у истоков реки Бинатури.
Кусаро — остров в Торресовом проливе близ острова Бойгу.
Мабудаване — селение в устье реки Пахотури.
Мабунаг — остров в Торресовом проливе.
Мавата — селение в устье Бинатури.
Магаи — река в Даудаи.
Маги — место близ реки Бинатури.
Маджа Папауро — риф в Торресовом проливе.
Маджайе — риф в Торресовом проливе.
Маи-каса — река в Даудаи.
Маипани — селение неподалеку от устья реки Баму.
Манавете — местное название северного берега устья реки Флай.
Мао — селение на северо-западной оконечности острова Киваи.
Мару-кава — остров к востоку от устья Пахотури.
Масингара (Масингле) — селение в лесах к западу от реки Бинатури.
Маубо — место на северном берегу реки Флай.
Мибу — остров в дельте реки Флай, к западу от Киваи.
Мирапо — место в лесах к западу от реки Бинатури.
Моа — остров в Торресовом проливе.

- Море — см. Мури.
 Муба — место на пути к Адири (см. Словарь непереводимых слов и терминов).
 Муджи — место на реке Бинатури.
 Мукаро (Мукара, Мукури) — остров в Торресовом проливе.
 Мури — остров в Торресовом проливе.
 Мурилаго — остров в Торресовом проливе.
 Нагир (Нагири) — остров в Торресовом проливе.
 Нгамуара — место неподалеку от истоков Бинатури.
 Нугу-габо — место на морском берегу к западу от устья реки Бинатури.
 Оимуба — место на северо-восточной стороне острова Киваи, у одного из концов протока Абере-оромо.
 Ориому — река, впадающая в Торресов пролив.
 Оромотури — речка, протекающая около селения Иаса, на юго-западной стороне острова Киваи.
 Пабо — селение в Даудаи.
 Пагара — селение в Даудаи.
 Парам — остров к югу от устья реки Флай.
 Пасо — см. Пахо.
 Патури — речка на северном берегу дельты реки Флай.
 Пахо — остров в дельте реки Пахотури.
 Пахотури — река, впадающая в Торресов пролив.
 Пева — селение на реке Ориому.
 Певода — см. Пева.
 Педса — см. Иаса.
 Помогри — селение на реке Ориому.
 Помогурп — другое название селения Купини.
 Поромуба — место неподалеку от селения Иаса на острове Киваи.
 Поснос — река в Даудаи.
 Пурума (Кокосовый остров) — остров в Торресовом проливе.
 Пуруту — остров в дельте реки Флай.
 Ригимуба — место на пути в Адири, страну мертвых.
 Сава — селение в лесах близ реки Бинатури.
 Сагеро — селение на северном берегу устья реки Флай.
 Саибан — остров в Торресовом проливе.
 Самари — селение на юго-восточном конце острова Киваи.
 Санани — селение в Даудаи.
 Сарезве — место в лесах к западу от реки Бинатури.
 Сасасареэ — см. Сарезве.
 Себе — место в лесах к западу от реки Бинатури.
 Сепе — северо-западное окончание острова Киваи.
 Соморосе — место в лесах к западу от реки Бинатури.
 Старая Мавата — селение, где жили предки жителей Маваты (называемой иногда в текстах Новой Маватой); находилась на берегу Торресова пролива, напротив острова Дару.
 Сугару — см. Ирибу.
 Сумай — селение на северо-западной стороне острова Киваи,
 Табатага — селение в Даудаи.
 Табио — селение на южном берегу устья реки Флай.
 Тамани — река в Даудаи.
 Тати — селение в лесах к западу от реки Бинатури.
 Татируз — селение в лесах к западу от реки Бинатури.

Т е р е м у б а — риф в Торресовом проливе.
Т и р и о — селение на южном берегу устья реки Флай.
Т о г и т у р и — река в Даудаи.
Т о г о — селение в Даудаи.
Т о д ж и — селение близ устья реки Май-Каса.
Т у д о (Т у д у, Т у т у) — остров в Торресовом проливе.
Т у р и т у р и — селение на морском берегу между устьями Бинатури
и Ориому.
У б и р и — место в Дуди.
У р а х а ц у о — место между Маватой и Туритури.
У у о — место на северо-западном берегу острова Киваи.
Ф л а й — большая река на Новой Гвинее, впадает в Торресов пролив.
Х а з м у б а — мыс на морском берегу в Даудаи.
Э д а м и (Э д а м е) — место к западу от реки Бинатури.
Я м — остров в Торресовом проливе.
Я р у б о (Я р у б) — остров в Торресовом проливе.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РАНЕЕ В СЕРИИ
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

1. Медноволосая девушка (калмыцкие народные сказки), 1964.
2. Сказки Мадагаскара, 1965.
3. Сказки народов Дагестана, 1965.
4. Сказки мамприси, 1966.
5. Турецкие народные сказки, 1967.
6. Продажный сон (туркменские народные сказки), 1969
7. Курдские народные сказки, 1970.
8. Сказки и мифы Океании, 1970.
9. Сказки народов Вьетнама, 1970.
10. Сказки Центральной Индии, 1971.
11. Аварские народные сказки, 1972.
12. Афганские сказки и легенды, 1972.
13. Тувинские народные сказки, 1972.
14. Грузинские народные предания и легенды, 1973.
15. Осетинские народные сказки, 1973.
16. Прodelки хитрецов, 1973.
17. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки, 1974.
18. Абхазские народные сказки, 1975.
19. Книга о судах и судьях, 1975.
20. Сказки и мифы народов Филиппин, 1975.
21. Мифологические сказки и исторические предания иганасап, 1976.
22. Сказки народов Бирмы, 1976.
23. Сказки народов Памира, 1976.
24. Сказки народов Африки, 1976.
25. Прodelки хитрецов. Изд 2-е, 1977.

Готовятся к изданию в серии

1. Амхарские народные сказки.
2. Душганские народные сказки и предания.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Б. Н. Путилов.</i> Предисловие	5
<i>Р. Л. Рыбкин.</i> От переводчика	31
<i>Г. Ландтман.</i> Введение	34
<i>Г. Ландтман.</i> О папуасах киваи	37

СКАЗКИ И МИФЫ ПАПУАСОВ КИВАИ

I. МИФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИВАИ

1. Откуда появился остров Киваи	45
2. Как на острове Киваи появилось селение Кубира	46
3. Как народ киваи переселился из леса к морю	48
4. Как воины Иасы начали отрезать головы убитых врагов	50
5. Почему расселились по лесу жители Масингары	53
6. Откуда в Бугамо, Кунини и Мавате появились люди	54
7. Как появился остров Парама	62
8. Как впервые встретились жители Старой Маваты и Гурахи	63
9. Как жители Старой Маваты переселились в Новую	65

II. МИФИЧЕСКИЕ ГЕРОИ

Сидо — первый человек, который умер

10. Как Сидо появился на свет	70
11. Сидо и Сагару	72
12. Как Сидо и Сагару поссорились	76
13. Смерть Сидо	78
14. Дух Сидо отправляется странствовать	80

Другие мифические герои

15. Абере	88
16. Меседе и Нугу	90
17. Как Нага и Ваиати отняли у Ику огонь	91
18. Два друга	93

19. Как Нага стал крокодилом	94
20. Сиваре и Набеамуро	99
21. Паспаз	104
22. Как на остров Саибай приплыла первая лодка	106
23. Сесере	111

III. ДУХИ МЕРТВЫХ

24. Как Виобаря побывал в стране мертвых	118
25. Как Асаи побывал в стране мертвых	121
26. Как Анаи гостил у мертвого брата	123
27. Две подруги	124
28. Гобои и дух	125
29. Как дух убитого испугал много людей	126
30. Как дух убитого вернулся в селение на лодке белых людей	127
31. Почему черепахи прежде ловились лучше	128
32. Как духи убитых помогают своим новым хозяевам	130

IV. МИФИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

33. Вава, который живет около Мабудаване	133
34. Тубе, который живет на мысе Хаэмуба	137
35. Почему исчез остров Гимини	138
36. Эрумиа, которая живет около Маваты	139
37. Как юноша погиб из-за своей жадности	140
38. Как Керема побывал в чреве этерари	143
39. Как духи учили Намаи колдовству	145
40. Как жители Старой Маваты начали есть рыбу	147
41. Эмобалл	148
42. Из-за чего погибли юноша и две девушки	150
43. Ориогорухо и житель Масингары	153
44. Как человек спасся от ориогорухо	155
45. Ориогорухо и Нарато	157
46. Как появился большой ястреб	160
47. Сине и хиваи-абере	164
48. Как мать нашла жену сыну	168
49. Джавана и Джанудо	173
50. Коидабо и хиваи-абере	176
51. Как девушка ходила с хиваи-абере ловить рыбу	178
52. Как человеку пришлось носить на себе злое существо	180
53. Как был наказан за обман ориогорухо	182
54. Змея с двумя хвостами	184

V. УХАЖИВАНЬЕ, БРАК И СЕМЬЯ

55. Как юноши с острова Киваи женились на девушках, живущих в Дуди	185
56. Как девушки из Буджи попали на остров Бойгу	186
57. Амурабари и бухере-бухере	187
58. Как девушка не захотела выйти замуж за юношу, который ей не нравился	189
59. Гуруме	191

60. Два брата — Мумарева и Сабарева	193
61. Как поссорились и помирились два брата	195
62. Сонаре и его шесть слепых братьев	197

VI. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

63. Как была сделана первая гуделка	201
64. Откуда появились кокосы	203
65. Как появился ямс	207
66. Как появился таро	208
67. Как появился первый банан	209

VII. КУЛЬТУРНЫЕ МИФЫ

68. Откуда у жителей островов Баду, Мабуаг и Буджи появился огонь	212
69. Как дух научил человека добывать огонь.	213
70. Первый барабан на острове Саибаи	214
71. Как появилась церемония нигори-гамо	215
72. Как люди начали совершать церемонию хориому, или гаэра	216
73. Как Гамига вернулся со дна моря на остров Тудо	219
74. Дерево гаэра	221
75. Как жители острова Ям побывали в гостях на острове Дару	224

VIII. ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ОХОТЕ

76. Адаги и дикая свинья	228
77. Как погиб Онеа	229
78. Почему нельзя никому отказывать в церьях для украшений	230
79. Почему погибли трое жителей Иасы	231
80. Из-за чего погиб житель Доропо	232
81. Как погиб Аруса	232

IX. ВОЙНА И РАСПРИ

82. Войны между жителями Маваты, Джибару, Саибаи, Куинии, Гово, Туритури и других селений	234
83. Война из-за женщины, которую звали Сарамадо	241
84. Из-за чего жителя Масингары напали на селение Тати	243
85. Как жители Маваты напали на селение Тати	244
86. Как жители Маваты и Масингары враждовали между собой	245
87. Война между Масингарой и Дару	247

X. ЛЮДИ С НЕОБЫЧНЫМИ ЧАСТЯМИ ТЕЛА

88. Даги — человек с длинной рукой	252
89. Человек, у которого одна нога была казуарья	257
90. Муж-рыболов	259

XI. ЖИВОТНЫЕ И РАСТЕНИЯ

91. Как спаслись два брата	261
92. Как появились крокодилы	262

93. Как собаки и кускусы поссорились	263
94. Казуар и крокодил	265
95. Откуда появились москиты	266
96. Почему осы черно-желтые	267
97. Заброшенные бананы	268

XII. НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА

98. Тагап и его сыновья	269
99. Почему на белой луне темные пятна	271
100. Откуда появилась луна	274
101. Как человек побывал у солнца, луны и ночи	276

XIII. РАЗНЫЕ

102. Как появилась молния	280
103. Как Тубо нашел себе жену	291
104. Как житель Маваты вернулся с женой и детьми на родину	294
105. Как двух девушек, Сидари и Амакаду, перевезли на Мабуиаг	296
106. Бадабада и Серема	300
107. Мальчик, который родился после смерти матери	302
108. Как Саи и Утшаэ стали кабанями	304
109. Муж-обжора	306
110. Кто украл саго	308
111. Как свиньи начали разорять огороды	310
Источники	312
Словарь непереводимых слов и терминов	315
Список географических названий	319

СКАЗКИ И МИФЫ ПАПУАСОВ КИВАИ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Сказки и мифы народов Востока»*

Редактор *И. Л. Елевич*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художник *Л. С. Эрман*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *К. Н. Драгунова*

Сдано в набор 18/II 1977 г. Подписано к печати 30/VI 1977 г. Формат 60×84^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 20,5. Усл. п. л. 19,06. Уч.-изд. л. 18,82. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4041. Зак. № 1530. Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

